

УОЛТЕР ТЕВИС

ХОД КОРОЛЕВЫ

СМОТРИ СЕРИАЛ — ЧИТАЙ КНИГУ

NETFLIX

A NETFLIX
ORIGINAL SERIES

Тевис Уолтер
Ход королевы

© Walter Tevis, 1983, 2014

© Павловская О., перевод, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Элеоноре

Пусть память вернёт мне любимой лицо
И жар, обжигающий башни дворцов.
Шаги твои слышу издалека,
Ты словно прохладный ручей с ледника.
Подковки жестяно стучат по камням,
Вернуться хочу я к тем славным денькам.
Была ты пуглива и двигалась нежно,
Мятежно, и тайно и сладостно-грешно.
Ты моя женщина, ты мой ребёнок,
В тебе оживает смешливый чертёнок.
*Ты водомерка над гладью воды –
Живёшь и не чувствуешь близость беды.*

У. Б. Йейтс. «Водомерка»

Предисловие автора

Великолепные партии гроссмейстеров Роберта Фишера, Бориса Спасского и Анатолия Карпова много лет внушают восхищение шахматистам, таким, как я. Однако, учитывая, что «Ферзевый гамбит» – произведение художественное, разумнее будет не упоминать эти имена в числе действующих лиц, чтобы избежать противоречий с реальными биографиями.

Я хотел бы выразить признательность Джо Энкрайлу, Фэрфилду Хобану и Стюарту Мордену – троим блистательным шахматистам, снабжавшим меня книгами, журналами и знаниями о правилах проведения турниров. Мне также повезло с душевной и деятельной поддержкой со стороны национального мастера по шахматам Брюса Пандольфини – он вычитывал текст и помогал мне избавляться от ошибок в описаниях игры, в которой сам демонстрирует столь завидные результаты.

Глава 1

О смерти матери Бет узнала от женщины с блокнотом. А на следующий день в «Геральд-лидер» появилась фотография: девочка в простом холщовом платье стоит на крыльце серого дома по Мейплвуд-драйв. Уже тогда она выглядела совсем заурядно. В заметке под фотографией говорилось: «Осиротевшая из-за вчерашней крупной аварии на Нью-Сёркл-роуд^[1] Элизабет Хармон с тревогой смотрит в будущее. Восемилетняя Элизабет лишилась семьи из-за дорожного происшествия, в результате которого два человека погибли и несколько получили травмы. Сама девочка в тот момент находилась дома и услышала о трагедии незадолго до того, как был сделан снимок. Власти обещают о ней позаботиться».

* * *

В «Метуэн-Хоум», сиротском приюте городка Маунт-Стерлинг штата Кентукки, Бет стала дважды в день получать транквилизатор. Его выдавали всем детям «для усмирения нравов». Нрав Бет в усмирении не нуждался, насколько могли заметить окружающие, но таблетку она каждый раз брала охотно: от этой крошечной пилюльки где-то в самой глубине живота отпускало напряжение, и можно было проводить тягостное время в состоянии полудремы.

Мистер Фергюссен раздавал таблетки в маленьких бумажных стаканчиках. Помимо зеленой, той, что для «усмирения», там лежали еще оранжевая и коричневая – для укрепления организма. Чтобы получить свою порцию, дети должны были выстраиваться в очередь.

Самой высокой в очереди была чернокожая Джолин; ей уже исполнилось двенадцать. На второй день в приюте Бет оказалась в витаминной веренице прямо за ней, тогда Джолин вдруг обернулась и хмуро взглянула сверху вниз:

– А ты настоящая сирота или так, ублюдочная?

Бет не знала, что ответить. Ей сделалось страшно. Они стояли в самом хвосте очереди, и нужно было ждать, пока им не позволят подойти к окошку в двери аптеки, за которым расположился мистер Фергюссен. Бет слышала, как мать называла «ублюдочной тварью» отца, но понятия не имела, что это означает.

– Тебя как зовут, девочка? – спросила Джолин.

– Бет.

– Твоя мама умерла? А с папой что?

Бет молча смотрела на нее. Слова «мама» и «умерла» звучали невыносимо. Ей хотелось убежать, но бежать было некуда.

– Твои родки умерли? – В голосе Джолин даже проскользнуло сочувствие. – Да?

Но Бет так и не нашла что сказать или сделать. Просто стояла в очереди, перепуганная, и ждала таблетку.

* * *

– Вы все ужратые херососы! – заорал Ральф на мальчишечьем дворе.

Бет его услышала, потому что сидела в библиотеке, а окно там как раз выходило на мальчишечий двор. Никаких образов, связанных со словом «херососы», у нее в голове не возникло. Слово было странное, но звучало так, что не оставалось сомнений: воспитатели за это вымоют Ральфу рот с мылом. С Бет уже такое проделывали за слово «гадство», хотя мать повторяла его постоянно.

* * *

Парикмахер велел ей сидеть в кресле ровно и не шевелиться. «Если шевельнешься, – сказал он, – можешь остаться без уха». При

этом в его голосе не было и намека на шутку. Бет изо всех сил старалась сидеть ровно, но совсем не шевелиться никак не получалось. Парикмахеру понадобилось очень много времени, чтобы соорудить ей прическу с длинной прямой челкой, как у остальных детей в приюте. Бет пыталась занять себя мыслями о слове «херососы», но в голову лезли только всякие «псы-барбосы», а она догадывалась, что собаки тут ни при чем.

* * *

Уборщик был толстый и с одной стороны казался толще, чем с другой. Звали его Шейбел. Мистер Шейбел. Однажды Бет наткнулась на него в подвале, куда ее отправили почистить губку для классной доски. Уборщик сидел на железной табуретке возле угольной печи и хмуро таращился на разложенную перед ним доску для игры в шашки с зелеными и белыми клетками. Только вместо шашек на ней были пластмассовые фигурки затейливой формы. Одни – покрупнее, другие – помельче; маленьких было больше других. Уборщик поднял взгляд на Бет. Она ушла, ничего не сказав.

По пятницам всем приходилось есть рыбу – и католикам, и прочим.^[2] Квадратные куски, обваленные в сухарях, были покрыты темно-коричневой сухой коркой и политы тонким слоем апельсинового соуса, похожего на французскую заправку для салатов, что продавалась в бутылках. Соус был сладкий и мерзкий, а рыба под ним – и того хуже. От ее вкуса Бет тошнило и однажды чуть не вырвало, но съесть нужно было все до последнего кусочка – иначе о тебе доложат миссис Дирдорфф, директрисе, и прощай приемная семья.

Некоторые дети почти сразу отправлялись в приемные семьи. Шестилетняя девочка по имени Элис попала в приют на месяц позже Бет, а через три недели ее уже удочерили какие-то симпатичные люди с акцентом. Они прогуливались по двору в тот день, когда

приехали за Элис, и Бет захотелось их обнять, потому что незнакомцы показались ей счастливыми, но она отвернулась, едва они взглянули в ее сторону. Другие дети прожили в приюте очень долго и знали, что никто их отсюда не заберет. Они говорили о себе, что им «дали пожизненное». Бет задавалась вопросом, какой срок отмерен ей.

* * *

Физкультура была в тягость, и ужаснее всего – волейбол. Бет никак не удавалось правильно отбить мяч – она либо яростно шлепала по нему ладонью, либо тыкала с размаху негнувшимися пальцами. Как-то раз она так сильно ушибла один палец, что потом он распух. Все девочки смеялись и радостно кричали во время игры, но Бет никогда не присоединялась к веселью.

Самой лучшей волейболисткой по праву считалась Джолин, и не только из-за того, что была старше и выше остальных, – она всегда точно знала, что делать, а если мяч пролетал высоко над сеткой, шагала вперед – ей даже не надо было орать, чтобы все расступились, освободив дорогу, – подпрыгивала и вколачивала его на половину противника широким гибким движением руки. Та команда, за которую играла Джолин, неизменно побеждала.

Через неделю после того, как Бет ушибла палец, Джолин заступила ей путь, едва урок физкультуры закончился и все побежали в душевые.

– Дай-ка я тебе кое-что покажу, – сказала Джолин. Она подняла руки, растопырив и слегка согнув длинные пальцы. – Вот так надо. – Распрямила локти, плавно качнув предплечьями, как будто принимала воображаемый мяч в чашу из ладоней, и предложила: – Попробуй ты.

Бет попробовала – сначала с опаской. Джолин, засмеявшись, показала снова. Бет повторила за ней несколько раз – теперь уже

получалось лучше. Тогда Джолин взяла мяч и кинула его Бет, чтобы та отбила пальцами. Через несколько попыток оказалось, что отбить мяч легко.

– А теперь сама потренируйся, – велела Джолин и побежала к душевым.

Бет тренировалась всю следующую неделю, и в конце концов волейбол перестал быть для нее проблемой. Хорошей волейболисткой она не сделалась, но по крайней мере эта игра ее больше не пугала.

* * *

По вторникам мисс Грэм отправляла Бет в подвал чистить губку для доски после арифметики. Это считалось почетным поручением, а Бет была лучшей ученицей в классе, хоть и самой младшей. В подвале ей не нравилось – там воняло плесенью, к тому же она боялась мистера Шейбела, но ее заинтересовала игра, которую он вел сам с собой на доске для шашек, и хотелось разузнать об этом побольше.

Однажды Бет пришла в подвал, встала рядом с уборщиком и принялась ждать, когда он сделает ход. Уборщик протянул руку к фигурке, представлявшей собой лошадиную голову на маленьком пьедестале, а в следующую секунду зыркнул на Бет и сердито нахмурился:

– Чего тебе, девочка?

Обычно Бет избегала любого общения с людьми, особенно со взрослыми, но сейчас отступить не собиралась.

– Как называется эта игра? – спросила она.

Мистер Шейбел пристально уставился на нее:

– Ты должна быть наверху с остальными детьми.

Она спокойно выдержала его взгляд. Что-то в этом человеке и в самоотдаче, с которой он продолжал таинственную игру, заставило

ее стоять на своем и добиться ответа.

– Не хочу быть с остальными, – сказала Бет. – Хочу знать, во что вы играете.

Взгляд уборщика сделался еще пристальнее. А потом он пожал плечами:

– Это называется «шахматы».

* * *

Голая лампочка болталась на черном проводе между мистером Шейбелом и угольной печью. Бет старалась стоять так, чтобы тень от ее головы не падала на игральную доску. Было воскресное утро. Когда детей собрали в часовне на хор и духовные беседы, Бет подняла руку и попросила разрешения выйти в туалет. Вместо этого она спустилась сюда, в подвал, и уже минут десять наблюдала, как уборщик играет в шахматы. Они не обменялись ни словом, но мистер Шейбел, похоже, смирился с ее присутствием.

Порой он по несколько минут неподвижно разглядывал фигуры, смотрел на них с ненавистью, затем наклонялся вперед, насколько позволяло огромное брюхо, протягивал ладонь, брал одну фигурку кончиками пальцев за макушку, на мгновение замирал, будто обнаружив, что держит за хвост дохлую мышь, и ставил ее на другой квадрат. На Бет он не обращал внимания.

Черная тень от головы девочки лежала у ее ног на бетонном полу, а девочка стояла, смотрела на доску, не отрывая глаз, и ловила каждое движение игрока.

* * *

Она придумала прятать транквилизатор, чтобы сберечь его до вечера. Таблетки помогли ей заснуть. Получив от мистера

Фергюссена продолговатую пилюлю, Бет клала ее в рот, заталкивала под язык, делала глоток апельсинового сока из жестяной банки, которую выдавали вместе с витаминами, а когда мистер Фергюссен обращал взор на другого ребенка, доставала пилюлю изо рта и незаметно перекадывала ее в карман «матроски». Оболочка у пилюли была твердая и не успевала раствориться за то время, что находилась под языком.

В первые два месяца Бет спала мало. Она очень старалась заснуть – лежала неподвижно, крепко зажмурившись, но было слышно, как девочки на соседних кроватях кашляют, ворочаются и бормочут во сне и как ночной дежурный ходит по коридору, а его тень, падавшую на кровать, Бет видела даже с закрытыми глазами. Где-то вдалеке вдруг начинал звонить телефон или кто-то спускал воду в туалете, но хуже всего были голоса – дежурный болтал с няней у стола в конце коридора, и пусть они говорили тихо, а беседа казалась веселой и приятной, Бет все равно начинала нервничать: дремы как не бывало, в животе все сжималось, во рту появлялся привкус уксуса, и становилось ясно, что о сне этой ночью можно забыть.

Теперь же она уютно сворачивалась калачиком в кровати и позволяла нервной дрожи, зарождавшейся в животе, овладеть всем телом, потому что знала – это скоро пройдет. Прислушиваясь к себе в темноте, ждала, когда напряжение внутри достигнет пика, затем глотала две пилюли и вытягивалась на спине, чувствуя, как наступает облегчение, прокатываясь по телу, словно волны теплого моря.

* * *

– Вы меня научите?

Мистер Шейбел не ответил на вопрос, даже не кивнул и не помотал головой в знак того, что услышал. Вдалеке, наверху, пели хором «Мы понесем снопы свои»^[3].

Бет прождала несколько минут. Ее голос дрогнул и чуть не сломался под напором слов, но она все-таки вытолкнула их наружу:

– Я хочу научиться играть в шахматы.

Мистер Шейбел протянул жирную ладонь к черной фигуре – одной из тех, что побольше, – ловко схватил ее за макушку и переставил на другую сторону доски. Отпустил фигуру и скрестил руки на груди. На Бет он по-прежнему не смотрел.

– Я с чужими не играю.

Это прозвучало бесстрастно, но Бет показалось, будто ей вlepили пощечину. Она развернулась и пошла прочь, вверх, ступенька за ступенькой, чувствуя горький привкус во рту.

– Я не чужая, – сказала она уборщику два дня спустя. – Я здесь живу.

У нее над головой вокруг голой лампочки летал мотылек, и его бледная тень проносилась по шахматной доске с равномерными интервалами.

– Научите меня. Я уже кое-что умею – поняла, пока смотрела.

– Девочки не играют в шахматы, – все тем же бесстрастным тоном произнес мистер Шейбел.

Бет ожесточенно шагнула вперед и указала пальцем на цилиндрическую фигуру, которой уже успела придумать в своем воображении название «пушка», но коснуться ее себе не позволила:

– Вот эта ходит вперед и назад, вправо и влево. На любое количество квадратов, если они не заняты.

Мистер Шейбел некоторое время молчал, потом указал на фигуру с головкой, похожей на половинку лимона:

– А эта?

У Бет ёкнуло сердце.

– По диагонали.

* * *

Таблетки можно было накопить, если на ночь проглотить всего одну, а вторую спрятать. Бет складывала их в футляр для зубной щетки, куда никому не пришло бы в голову заглянуть. Только надо было следить, чтобы щетка была сухой, и Бет тщательно вытирала ее каждый раз бумажным полотенцем или вовсе ею не пользовалась, а зубы чистила пальцем.

Той ночью она впервые съела сразу три таблетки, одну за другой. И открыла для себя нечто важное. По волосам на затылке словно проскочили искры – она ощутила легкое покалывание; сверкающие искры постепенно разбежались по всему телу, и Бет, лежа в уютной бледно-голубой пижаме на кровати в самом незавидном углу девчачьей спальни – возле двери в коридор и напротив уборной, – поняла, что в ее жизни случился перелом: теперь она знала о шахматных фигурах, о том, как они передвигаются и попадают в плен. И еще она знала, как избавиться от тяжести в животе и от напряжения в мышцах рук и ног с помощью таблеток, которые принесло ей сиротство.

* * *

– Ладно, девочка, – сказал мистер Шейбел. – Можем с тобой сейчас сыграть в шахматы. Я хожу белыми.

У нее в руках была губка для классной доски. Шла перемена после арифметики, через десять минут должна была начаться география.

– У меня времени мало, – сказала Бет.

В прошлое воскресенье, пока все пели, она за час, проведенный в подвале, выучила, как ходят разные фигуры. Бет успела отметить на переключке, а ее дальнейшего отсутствия в часовне никто не заметил, потому что к ним на занятия приходила группа девочек из детского хора с другого конца города. Но с географией все обстояло

иначе: Бет страшно боялась мистера Шелла, хотя была одной из лучших учениц в классе.

Голос уборщика прозвучал все так же бесстрастно:

– Сейчас или никогда.

– У меня география...

– Сейчас или никогда.

На то, чтобы принять решение, Бет хватило одной секунды. Она давно заметила за печью деревянный ящик из-под бутылок с молоком и теперь поставила его, перевернув вверх дном, с другой стороны доски, села и сказала:

– Ходите.

Мистер Шейбел обыграл ее в четыре хода. Как она узнала впоследствии, эта комбинация называлась «детский мат». Все произошло очень быстро, но на географию она все же опоздала – на целых пятнадцать минут, – и сказала, что была в туалете.

Мистер Шелл стоял у доски, оперев руки в бока.

– Кто-нибудь из юных леди видел данную юную леди в уборной для юных леди? – обвел он взглядом класс.

Раздались задуманные смешки, но никто не поднял руку, даже Джолин, хотя Бет уже дважды солгала ради нее.

– А сколько из вас, юные леди, посетили уборную для юных леди перед уроком?

Снова зашелестело хихиканье, и вскинулись три руки.

– Кто-нибудь из вас заметил там Бет? Может, кто-то имел счастье наблюдать, как она моет свои очаровательные ладошки?

Ответа не последовало. Мистер Шелл повернулся к доске, на которой успел написать список товаров, экспортируемых Аргентиной, и добавил слово «серебро». На мгновение Бет поверила, что все обошлось, но тут он, по-прежнему стоя спиной к классу, бросил через плечо:

– Пять штрафных.

Десять штрафных баллов означали порку кожаным ремнем. Удар ремнем она пока что могла почувствовать только в своем

воображении, но на миг оно разыгралось до такой степени, что Бет представила себе боль в виде языков пламени, охвативших самые нежные части ее тела. Она поднесла ладонь к груди, нащупала на дне кармана «матроски» спрятанную утром таблетку, и страх начал утихать сам собой. Бет вызвала в памяти футляр для зубной щетки – длинную прямоугольную пластмассовую коробочку; сейчас в этом футляре, который покоился в ящике маленькой железной тумбочки у кровати, было еще четыре пилюли.

Той ночью Бет вытянулась в постели на спине. Таблетку в руку она еще не взяла. Лежала и прислушивалась к ночным звукам, замечая, как они становятся все громче по мере того, как глаза привыкают к темноте. В конце коридора, у стола, мистер Бирн завел беседу с миссис Холланд, и тело Бет мгновенно напряглось, едва она их услышала. Прищурившись, девочка уставилась в темный потолок прямо над собой и попыталась мысленно нарисовать на нем игральную доску с белыми и зелеными квадратами. Затем расставила на доске шахматные фигуры в начальной позиции: ладьи, кони, слоны, ферзи, короли и ряды пешек перед ними. Перенесла пешку белого короля на четвертую линию, сделала ответный ход черными... Получилось! Это было легко. Она продолжила воображаемую игру, воспроизводя партию, которую проиграла уборщику. Опустила коня мистера Шейбела на поле в третьем ряду и теперь отчетливо видела эту фигуру на бело-зеленой доске, словно проступившей на потолке приютской спальни.

Ночные звуки становились все тише, превращаясь в гармоничный фон, в белый шум. Бет лежала в кровати счастливая и играла в шахматы.

* * *

В следующее воскресенье она предотвратила «детский мат» с помощью коня на королевском фланге. Ей пришлось сотни раз

прокрутить в голове проигранную партию, прежде чем восприятие очистилось от злости и унижения – они схлынули, оставив на доске в ночном видении чистые, омытые фигуры. Когда Бет в воскресенье села играть с мистером Шейбелом, решение у нее уже созрело, и ход конем она сделала, как во сне. Приятно было коснуться настоящей фигуры, ощутить в руке миниатюрную лошадиную голову. А как только Бет опустила коня на поле, уборщик мрачно воззрился на него, затем взял за голову своего ферзя и поставил шах королю Бет. Она уже была готова к этому – видела такой ход на потолке ночью, лежа в кровати.

Уборщику понадобилось четырнадцать ходов, чтобы загнать в ловушку ее ферзя. Бет попыталась играть дальше, лишившись этой фигуры и проигнорировав смертельную потерю, но мистер Шейбел перехватил ее руку, когда она потянулась к пешке.

– Признай поражение, – хрипло потребовал он.

– Поражение?

– Оно самое, девочка. Когда вот так теряешь ферзя, надо сдаваться.

Бет посмотрела на него с недоумением. Он отпустил ее руку, взял черного короля и положил его плашмя на доску. Фигура покатилась вперед, назад и замерла.

– Нет, – сказала Бет.

– Да. Ты проиграла.

Ей захотелось чем-нибудь его ударить.

– Вы не говорили мне о таком правиле.

– Это не правило, а требование спортивной этики.

Теперь она поняла, что мистер Шейбел имеет в виду, но ей это не понравилось.

– Я хочу доиграть до конца, – заявила Бет, взяла своего поверженного короля и поставила его обратно на поле.

– Нет.

– Вы обязаны закончить партию.

Уборщик вскинул бровь и поднялся со стула. Бет еще никогда не видела его стоящим во весь рост в подвале – только в коридорах, когда он подметал полы, или в классах, где он мыл доски. Сейчас ему пришлось слегка сгорбиться, чтобы не упереться головой в потолочную балку.

– Нет, – повторил он. – Ты проиграла.

Это было нечестно. Бет плевать хотела на спортивную этику – она жаждала играть дальше и победить. Сейчас победа нужна была ей больше всего на свете, никогда и ни о чем она так в жизни не мечтала, поэтому произнесла слово, которого еще ни разу не говорила после смерти матери:

– Пожалуйста.

– Партия окончена, – отрезал уборщик.

Бет в бешенстве уставилась на него:

– Ах ты ужратый...

Она не договорила – мистер Шейбел засунул руки в карманы и медленно процедил:

– Больше никаких шахмат. Выметайся.

Будь она выше ростом... Но этого преимущества у нее не было, так что Бет встала и побрела к лестнице. Уборщик молча проводил ее взглядом.

* * *

Во вторник, подойдя с губками для доски к двери в подвал в конце коридора, она обнаружила, что дверь заперта. Бет дважды толкнула ее бедром, но створка не поддавалась. Тогда она постучала – сначала тихо, потом громко. Из подвала не донеслось ни звука. И это было ужасно: Бет знала, что мистер Шейбел – там, сидит перед игровой доской, что он просто злится на нее с прошлой партии, но поделать ничего не могла. Когда она принесла губки обратно в

класс, мисс Грэм даже не заметила, что они остались грязными и что ученица отсутствовала меньше обычного.

Бет ожидала, что в четверг произойдет то же самое, но ошиблась: дверь оказалась открыта, а когда девочка спустилась по ступенькам, мистер Шейбел вел себя так, будто ничего не случилось. Фигуры уже были расставлены. Она торопливо почистила губки и уселась напротив уборщика за доской. Мистер Шейбел сделал ход пешкой, стоявшей перед королем, в тот самый момент, когда Бет вошла. Она тоже подвинула королевскую пешку на два квадрата вперед и в этот раз была намерена не допустить ни единой ошибки.

Уборщик быстро ответил на ее ход, Бет отреагировала незамедлительно. Игроки не обменялись ни словом – молча продолжали игру. Девочка ощущала, как нарастает напряжение, и ей это нравилось.

На двенадцатом ходу мистер Шейбел пошел конем куда не следовало, и Бет удалось продвинуть свою пешку в шестой ряд. Уборщик вернул коня назад – этот ход был для него бесполезным, и Бет, увидев, что происходит, почувствовала лихорадочную дрожь. Она обменяла своего слона на коня. А потом снова продвинула пешку вперед. На следующем ходу эта пешка должна была стать ферзем.

Мистер Шейбел некоторое время смотрел на доску, затем сердито протянул руку и опрокинул своего короля. Оба по-прежнему молчали. Это была первая победа Бет. Напряжение куда-то исчезло, и его место заняло восхитительное чувство, которого она не испытывала еще ни разу в жизни.

* * *

Бет обнаружила, что если в воскресенье пропустить ланч, ее никто не хватится. В итоге по этим дням у нее образовывалось три часа свободного времени, которые можно было провести с мистером

Шейбелом – до половины третьего, когда он уходил домой. Они не разговаривали, ни тот, ни другая. Он всегда играл белыми и делал первый ход; ей доставались черные. Бет хотела было обсудить этот вопрос, но потом решила не спорить.

Однажды в воскресенье, после партии, которую ему удалось выиграть с большим трудом, мистер Шейбел сказал:

– Тебе надо разучить сицилианскую защиту.

– Это что? – с раздражением спросила Бет. Она еще страдала от поражения, которое было особенно болезненным сейчас, после того как на прошлой неделе ей удалось разгромить соперника в двух партиях.

– Когда белые идут пешкой на четвертое поле ферзя^[4], черные делают вот что. – Уборщик наклонился и переставил белую пешку на два квадрата вперед – именно с этого хода он почти всегда начинал новую партию, – затем взял пешку, стоявшую перед слоном на стороне черного ферзя, и тоже переместил ее на два квадрата ближе к центру. Ничего подобного раньше он ей не показывал.

– А дальше что? – уточнила Бет.

Он взял королевского коня и поставил его ниже и правее пешки:

– Конь на KB3.

– Что такое KB3?

– Третье поле королевского слона. То, куда я только что поставил коня.

– Значит, у квадратов есть свои названия?

Уборщик равнодушно кивнул, но Бет чувствовала, что даже этими скудными сведениями он поделился с ней без особой охоты.

– Названия есть для тех, кто хорошо играет, – добавил он.

Бет подалась вперед:

– Расскажите мне.

Он взглянул на нее сверху вниз:

– Нет. Пока рано.

Бет это взбесило. Она вполне понимала, что у каждого человека могут быть секреты, которыми тот не желает делиться. По крайней

мере свои она хранила надежно. И все же в тот момент ей хотелось дотянуться до него поверх доски, вклеить пощечину и заставить все рассказать.

Она с шумом втянула воздух в легкие.

– Это и есть сицилианская защита?

Мистер Шейбел, казалось, испытал облегчение от того, что она сменила тему про названия квадратов.

– Я еще не закончил. – Он продолжил – показал ей базовые ходы и несколько вариантов, но обозначения квадратов больше не называл. Затем воспроизвел на доске вариант Левенфиша и вариант Найдорфа и велел повторить. Она все сделала без единой ошибки.

Но когда после этого они перешли к игре, начали настоящую партию и уборщик выдвинул вперед пешку белого ферзя, Бет очень быстро догадалась, что все, чему он ее только что научил, бесполезно. Она взглянула на мистера Шейбела поверх доски, чувствуя, что, будь у нее сейчас нож, вонзила бы в него лезвие по рукоятку, потом перевела взгляд обратно на доску и выдвинула вперед свою ферзевую пешку с твердой решимостью разбить противника.

Уборщик сделал ход пешкой, стоявшей рядом с ферзевой, перед слоном. Он часто так поступал.

– Это одна из ваших штук, вроде сицилианской защиты? – спросила Бет.

– Один из дебютов. – Уборщик на нее не смотрел – только на доску.

– У него есть название?

Он пожал плечами:

– Ферзевый гамбит.

У Бет улучшилось настроение: все-таки ей удалось научиться у него чему-то еще. Нарочно подставленную под удар белую пешку она решила не брать, оставив положение на доске напряженным. Ей нравилось, как накалялась атмосфера, нравилось ощущать силу, распространявшуюся от фигур по рядам и диагоналям. В середине

игры, когда фигуры были уже повсюду, ее охватывала дрожь от бушевавшей на доске мощи. Она пошла королевским конем, чувствуя пальцами исходящую от него силу.

За двадцать ходов Бет побила обе белые ладьи, и мистер Шейбел объявил себя побежденным.

Ночью она свернулась в постели калачиком, зарылась головой под подушку, чтобы не видно было света из-под двери в коридор, и задумалась о том, как использовать в паре слона и ладью с целью поставить внезапный шах. После хода слонем король окажется под боем, а у самого слона на следующем ходу будет полная свобода действий – он даже сможет побить ферзя. Бет довольно долго лежала, в лихорадочном возбуждении обдумывая эту мощную атаку, потом вынырнула из-под подушки, перевернулась на спину, представила на потолке шахматную доску и воспроизвела на ней все партии, сыгранные с мистером Шейбелом, одну за другой. Она обнаружила два момента, в которых могла бы пригодиться только что придуманная ею совместная атака слона и ладьи. В первом случае эта атака создавала открытую двойную угрозу, а во втором ее можно было подготовить и применить коварно, исподтишка. Бет сыграла в своем воображении две партии от начала до конца с новыми ходами – и победила в обеих. Блаженно улыбаясь самой себе, она заснула.

* * *

Учительница арифметики поручила чистить губки для доски другому ученику, сказав, что Бет заслужила отдых. Это было нечестно, потому что Бет по-прежнему демонстрировала блестящие результаты в арифметике, но поделаться тут она ничего не могла и каждый день оставалась в классе – дрожащей рукой делала бессмысленные сложения и вычитания, пока худенький

рыжеволосый мальчик бегал с губками в подвал. И с каждым днем ей все отчаяннее хотелось играть в шахматы.

Во вторник и в среду она съела на ночь всего по одной таблетке, сэкономив остальные. В четверг ей удалось самостоятельно заснуть после целого часа воображаемой игры в шахматы, и таким образом уцелели обе полученные днем пилюли. То же самое было в пятницу. В субботу весь день напролет – дежуря на кухне в столовой, и когда в библиотеке показывали документальный фильм на тему христианства, и во время тренинга по самосовершенствованию перед обедом – Бет ощущала покалывание сверкающих искр, думая о шести таблетках в футляре для зубной щетки.

Ночью, как только в приюте погасили свет, она проглотила все таблетки, одну за другой, и принялась ждать. Ощущения были восхитительные – в животе разлилась блаженная нега, приятная сладость, и натянутые мышцы расслабились. Она старалась подольше не засыпать, гнала от себя сон, чтобы насладиться теплом внутри – чистым химическим счастьем.

В воскресенье мистер Шейбел спросил, где она пропадала, и Бет удивилась, что его это заботит.

– Меня не отпускали с уроков, – ответила она.

Уборщик кивнул. Шахматная доска уже была разложена, и Бет с изумлением увидела, что она повернута к ней стороной с белыми фигурами, а ящик из-под бутылок с молоком уже стоит рядом.

– Я хожу первой? – с недоверием уточнила она.

– Да. Теперь будем играть белыми по очереди. Так принято.

Она тоже села и сделала ход королевской пешкой. Мистер Шейбел молча передвинул пешку ферзевого слона. Бет не забыла ни одного хода. Она никогда не забывала шахматные ходы и теперь разыграла вариант Левенфиша, не выпуская из поля зрения черного слона, господствовавшего на длинной диагонали, по которой он мог внезапно ринуться в атаку. Ей удалось найти способ обезвредить его на семнадцатом ходу – разменяла на него собственного слона,

более слабого. Затем пошла конем, отвела в тыл ладью и еще за десять ходов поставила сопернику мат.

Это оказалось просто – всего лишь нужно было смотреть в оба и мысленно представлять себе все пути развития партии.

Мат застал мистера Шейбела врасплох. Бет загнала его короля в ловушку на последней горизонтали, протянула руку над доской и решительно опустила ладью на матовое поле.

– Мат, – спокойно произнесла она.

Мистер Шейбел сегодня вел себя необычно – даже не насупился, как делал всякий раз, если она его обыгрывала. Он подался вперед и сказал:

– Я научу тебя шахматной нотации.

Бет подняла на него глаза.

– Названия полей, – пояснил он. – Расскажу тебе о них прямо сейчас.

– То есть я уже хорошо играю? – прищурилась Бет.

Уборщик хотел что-то сказать, но передумал, помолчал и спросил:

– Сколько тебе лет, девочка?

– Восемь.

– Восемь лет... – Он наклонился еще ближе, насколько позволило огромное брюхо. – Сказать по правде, девочка, ты играешь феноменально.

Бет не поняла, что он имеет в виду – не знала этого слова.

– Прошу прощения. – Мистер Шейбел подхватил с пола полупустую пинтовую бутылку и сделал из нее глоток, запрокинув голову.

– Это виски? – спросила Бет.

– Да, девочка. Никому не говори.

– Не буду. Научите меня шахматной нотации.

Он поставил бутылку на пол. Бет проводила ее глазами, на секунду задумавшись, какой вкус может быть у виски и что чувствуешь, когда его пьешь. А затем ее взгляд вернулся на доску и все внимание

сосредоточилось на тридцати двух фигурах и пешках, в каждой из которых была заключена особая скрытая сила.

* * *

Однажды она проснулась посреди ночи – кто-то сидел на краю ее кровати. Бет съежилась.

– Не бойся, – шепнула Джолин. – Это я.

Бет молчала. Просто лежала и ждала.

– Решила тебя слегка развлечь, – продолжала Джолин. Она скользнула рукой под одеяло и положила ладонь на живот Бет.

Бет лежала на спине, ладонь Джолин замерла у нее на животе, и все тело словно окаменело.

– Не напрягайся, – шепнула Джолин. – Больно не будет. – И чуть слышно хихикнула. – Я озабоченная. Знаешь, что такое «озабоченная»?

Бет не знала.

– Расслабься. Я всего лишь немножко поглажу кое-где. Будет приятно, если не станешь ерепениться.

Бет повернула голову к двери в коридор – та была закрыта, а из-под створки, как всегда, пробивался свет. Из коридора доносились приглушенные голоса – у стола опять шла беседа.

Ладонь Джолин поползла вниз. Бет качнула головой:

– Не надо...

– Тихо, – шепнула Джолин. Ладонь сползла еще ниже, один палец задвигался.

Больно не было, но что-то в глубине души Бет противилось происходящему. Все ее тело покрылось испариной.

– Гадство, – сказала Джолин, – хорошо тебе небось, а? – Она наклонилась ближе, взяла запястье Бет свободной рукой и потянула к себе. – Ты меня тоже погладь.

Она просунула безвольную ладонь Бет себе под ночную рубашку – пальцы коснулись теплого и влажного.

– Давай, нажми слегка, – потребовала Джолин.

Настойчивость в ее шепоте испугала Бет. Она послушалась и сильнее прижала руку.

– Да, детка, – прошептала Джолин. – Теперь подвигай туда-сюда. Вот так.

Она снова задвигала пальцем. Это было ужасно. Бет несколько раз потерла Джолин между ног, очень стараясь сосредоточиться на том, что делает. У нее на лбу выступил пот, свободная рука вцепилась в простыню, скомкав ткань изо всех сил.

Лицо Джолин приблизилось к ее лицу, ладонь легла ей на грудь.

– Быстрее, – выдохнула Джолин. – *Быстрее.*

– Нет! – выпалила перепуганная Бет. – *Нет, я не хочу.* – И отдернула руку.

– Сука! – так же громко сказала Джолин.

В коридоре прозвучали шаги, дверь открылась, и в спальню хлынул свет. На пороге возникла незнакомая Бет ночная няня. Она простояла там целую минуту – все было тихо, Джолин исчезла. Бет не осмелилась пошевелиться, чтобы посмотреть, вернулась ли та в свою кровать. Наконец женщина ушла. Бет повернула голову и увидела очертания тела Джолин, которая лежала на своей постели. В футляре для зубной щетки остались три пилюли – Бет проглотила их все сразу, откинулась на спину и стала ждать, когда изо рта исчезнет горький привкус.

На следующее утро в столовой она чувствовала себя разбитой из-за бессонницы.

– Ты самая уродливая белая девчонка в мире, – сообщила ей Джолин театральным шепотом в очереди за миской с кашей. – У тебя уродливый нос, уродливое лицо, а кожа как наждачная бумага. Ты нищевродский гадский сучий крекер^[5]. – С этими словами Джолин, гордо вскинув голову, устремилась к очереди за омлетом.

Бет ничего не сказала. Она знала, что Джолин права.

* * *

Конь, слон, пешка. На доске бушевали такие могучие стихии, что она трещала по швам. И тут – бац! – в дело вступил ферзь. Ладьи в низу доски поначалу попали под удар, но были к этому готовы – организовали натиск и с одного хода разрядили обстановку. Шел урок естествознания. Мисс Хэдли говорила о магнитах, о «силовых линиях», и Бет, почти задремавшая от скуки, вдруг встрепенулась. Силовые линии! Слоны – на диагоналях, ладьи – на горизонталях.

Парты в классе могут стать полями шахматной доски. Если рыжего мальчишку по имени Ральф превратить в коня, можно подхватить его и перенести на две парты вперед, на одну вбок и посадить на пустой стул рядом с Дениз. Тогда Бертран окажется под шахом – он сидит в первом ряду и будет королем. Бет заулыбалась, обдумывая эту идею. Они с Джолин уже неделю не разговаривали, но Бет не позволяла себе расстраиваться из-за этого. Ей почти девять лет, ни в какой Джолин она не нуждается. И не важно, какие чувства возникают у нее по этому поводу. Ей не нужна Джолин.

* * *

– Вот, – сказал мистер Шейбел и протянул коричневый пакет.

Был воскресный полдень. Бет заглянула в пакет – там лежала тяжелая книга в переплете с названием «Современные шахматные дебюты».

Девочка недоверчиво пролистала страницы – на них были длинные вертикальные колонки с шахматными нотациями, изредка встречались диаграммы с фигурами на досках и заголовки вроде «Дебют ферзевых пешек» или «Индийская защита». Она подняла взгляд.

Уборщик хмуро смотрел на нее.

– Для тебя это то, что надо, – сказал он. – Книга расскажет, что ты хочешь узнать.

Бет промолчала. Она села на ящик из-под бутылок с молоком перед шахматной доской, аккуратно положила книгу на колени и ждала начала партии.

* * *

Уроки английского были самыми скучными – вялый голос мистера Эсперо и поэты с именами вроде Джон Гринлиф Уиттьер или Уильям Каллен Брайант навевали тоску. «Пока небес гряда озарена закатом, уйдешь ты в даль по холодеющей росе...» Эту замшелую чепуху мистер Эсперо декламировал, тщательно выговаривая каждое слово.

Когда он читал вслух, Бет открывала под партой «Современные шахматные дебюты». Каждый из дебютных вариантов она усваивала полностью и сразу, разыгрывая их в голове. На третий день обозначения в записях шахматных ходов – P-K4, N-KB3 и так далее – уже мгновенно превращались в ее проворном уме в реальные фигуры на реальных полях, и она без труда воспроизводила эти ходы в своем воображении, не нуждаясь в том, чтобы смотреть на доску. Сидела в синей шерстяной плиссированной юбке приюта «Метуэн-Хоум», положив на колени «Современные шахматные дебюты», и пока мистер Эсперо бубнил о духовном подъеме, который дарит нам великая поэзия, или заунывно читал во весь голос что-нибудь вроде «С тем, кто понять умел язык природы, / И в чьей груди таится к ней любовь, / Ведет она всегда живые речи...» – перед ее полуприкрытыми глазами шахматные фигуры со стуком становились на позиции. В конце книги некоторые классические партии были приведены целиком – до сдачи одного из игроков на двадцать седьмом ходу, а иные продолжались и до сорокового, – и она научилась, как провести фигуры через все акты этого балета. Порой у нее перехватывало дыхание от изящной схемы атаки, от

смелой жертвы или от сдержанного баланса сил в каком-нибудь положении на доске. И всегда ее мозг работал на победу или на возможность победы.

«Коль весел он – на радости его / Найдется в ней сочувственная радость...»^[6] – читал мистер Эсперо, а Бет благоговейно любовалась геометрическим рококо, следила за танцем шахматных фигур, который развивался в ее сознании, захваченная, восхищенная, поглощенная великими композициями, мало-помалу открывавшимися ее душе, и душа ее открывалась перед ними.

* * *

– *Крекер!* – прошипела Джолин, когда они выходили из класса после урока истории.

– *Ниггер,* – прошипела Бет в ответ.

Джолин обернулась и вытаращилась на нее во все глаза.

* * *

В следующую субботу Бет проглотила сразу шесть таблеток и отдалась сладостной химической реакции, положив одну ладонь себе на живот, другую – на влагалище. Слово «влагалище» она знала от матери – в числе того немногого, чему мать успела ее научить, перед тем как врезалась во что-то на своем «Шевроле». «Хорошенько подмывайся, – говорила мать в ванной. – Влагалище должно быть чистым». Бет потерла пальцем между ног, как делала Джолин. Ничего приятного в этом не было, по крайней мере для нее. Она убрала руку и сосредоточилась на состоянии умственной и душевной легкости, которое принесли таблетки. Возможно, она слишком юная – Джолин все-таки старше на четыре года, и у нее там курчавые волосы. Бет успела их нащупать.

* * *

– Привет, крекер, – беззлобно сказала Джолин. Вид у нее был непринужденный.

– Джолин... – начала Бет.

Та подошла ближе. Вокруг никого не было, они оказались наедине у шкафчиков с одеждой после физкультуры.

– Чего тебе? – спросила Джолин.

– Хочу узнать, кто такие «херососы».

Джолин на секунду воззрилась на нее – и прыснула.

– Бляха-муха, – сказала она. – А ты знаешь, что такое «хер»?

– Вроде бы нет.

– Это у парней такая штука. Может, видела в учебнике по здоровому образу жизни? Похоже на большой палец.

Бет кивнула. Она видела картинку.

– Ну так вот, детка, – продолжала Джолин, – некоторым девчонкам нравится эту штуку сосать.

Бет задумалась.

– А разве не из этой штуки парни писают? – уточнила она.

– Надеюсь, они ее хорошо вытирают, – пожала плечами Джолин.

Бет зашагала прочь в некотором потрясении. Новые сведения ее сильно озадачили. Она слышала о смертоубийствах и пытках, видела однажды, как соседский мальчишка безжалостно лупил собаку здоровенной палкой, но у нее в голове не укладывалось, как люди могут делать то, о чем сказала Джолин.

* * *

В воскресенье Бет выиграла пять партий подряд. Они с мистером Шейбелом к тому моменту играли уже три месяца, и Бет знала, что теперь он уже не сможет ее победить. Никогда. Она предвидела

каждую уловку, каждую опасную ситуацию, которую он мог создать на доске. У него больше не было шансов запугать ее своими конями, или долго держать какого-нибудь слона в угрожающей позиции, или поставить Бет в трудное положение, сбив важную для нее фигуру. Она предвидела все его ходы и могла предотвратить любые угрозы, исподволь продолжая выстраивать атаку.

Когда они закончили последнюю партию, уборщик сказал:

– Тебе ведь восемь лет?

– В ноябре девять.

Он кивнул.

– Будешь здесь в следующее воскресенье?

– Да.

– Хорошо. Приходи обязательно.

Когда она пришла в следующее воскресенье, в подвале с мистером Шейбелом был еще один человек – худой, в костюме с полосатой рубашкой и галстуком.

– Это мистер Ганц из шахматного клуба, – сказал мистер Шейбел.

– Из шахматного клуба? – повторила Бет, разглядывая незнакомца. Он был немножко похож на мистера Шелла, но в отличие от учителя географии улыбался.

– В клубе мы играем в шахматы, – пояснил мистер Шейбел.

– Я тренер команды старшей школы, – сказал мистер Ганц. – Дунканской старшей школы.

Бет о такой никогда не слышала.

– Не откажешься сыграть со мной? – спросил он.

Вместо ответа Бет уселась на ящик из-под бутылок с молоком. Сбоку от доски стоял складной стул – на нем кое-как умастился мистер Шейбел со своими габаритами, а мистер Ганц устроился на табуретке. Он наклонился к доске быстрым нервным движением и подхватил две пешки – черную и белую. Обе зажал в кулаках, свел их вместе и вытянул руки по направлению к Бет.

– Выбирай, в какой руке, – подсказал мистер Шейбел.

– Зачем? – спросила Бет.

- Будешь играть фигурами того цвета, какой тебе попадется.
- А. – Она наклонилась и почти коснулась руки мистера Ганца. –

Тогда в этой.

Он разжал кулак – на ладони лежала черная пешка.

– Ну извини, – улыбнулся мистер Ганц, и от этой улыбки ей стало неуютно.

Доска уже была развернута к Бет стороной с черными фигурами. Мистер Ганц вернул обе пешки на места, сделал ход другой пешкой на четвертое поле короля, и Бет расслабилась. По книжке она выучила все ходы сицилианской защиты. Сделала ответный ход пешкой ферзевого слона на четвертое поле, а когда противник пошел конем, решила использовать вариант Найдорфа.

Мистер Ганц оказался не так уж прост – он играл лучше мистера Шейбела. Однако через дюжину ходов Бет уже не сомневалась, что сумеет его победить, и приступила к делу спокойно и беспощадно. Загнала его в угол и вынудила сдаться на двадцать третьем ходу.

Мистер Ганц положил своего короля набок.

– Вы действительно неплохо играете, юная леди. У вас тут есть кружок?

Бет взглянула на него с недоумением.

– Другие девочки тоже играют в шахматы? Вы занимаетесь в шахматном кружке?

– Нет.

– А где ты тренируешься?

– Здесь.

– Мистер Шейбел сказал, вы с ним играете несколько партий по воскресеньям. Что ты делаешь в остальные дни?

– Ничего.

– Как же ты научилась так играть?

Бет не хотела говорить о том, что она играет в шахматы в голове – на уроках и в постели по ночам, – и, чтобы отвлечь мистера Ганца, предложила:

– Может, еще партию?

Он рассмеялся:

– Хорошо. Твоя очередь играть белыми.

Теперь Бет разгромила его еще быстрее, применив дебют Рети. В книге этот дебют был назван «гиперсовременной системой», и ей нравилось, как ловко в нем задействован королевский слон. Через двадцать ходов она обратила внимание мистера Ганца на то, что ему грозит мат в три хода, и ему понадобилось полминуты, чтобы сообразить, как это произойдет. В итоге он недоверчиво покачал головой и опрокинул своего короля на доску.

– Ты и правда феноменально играешь. Никогда не видел ничего подобного. – Он встал и отошел к печи, возле которой Бет заметила маленький пакет из магазина. – Сейчас мне пора идти, но напоследок я приберегу для тебя подарок. – Мистер Ганц протянул ей пакет.

Бет заглянула туда в надежде увидеть еще одну книгу о шахматах. В пакете лежало что-то упакованное в розовую оберточную бумагу.

– Разверни, – улыбнулся мистер Ганц.

Бет достала сверток и сняла бумагу, которая оказалась свободно обернутой вокруг розовой куклы в платье с голубеньким узором, с белобрысыми волосами и ротиком-сердечком. Бет несколько секунд ее рассматривала.

– Ну как? – спросил мистер Ганц.

– Может, еще партию? – сказала Бет, держа куклу за руку.

– Мне пора, – вздохнул мистер Ганц. – Наверное, я вернусь на следующей неделе.

Бет кивнула.

В дальнем углу холла стояла большая жестяная банка из-под оливкового масла – ее использовали вместо мусорной корзины. Бет бросила туда куклу по дороге в библиотеку на воскресный киносеанс.

* * *

Во время урока здорового образа жизни она открыла учебник на картинке в самом конце. На одной странице была нарисована женщина, на другой – мужчина. Рисунок был схематичный, без теней и объема. Мужчина и женщина стояли, опустив руки и развернув их ладонями вперед. В самом низу плоского живота женщины была вертикальная черточка. У мужчины такой не наблюдалось, а если она все-таки имелась, то ее было не видно, потому что на этом месте у него висело что-то похожее на крохотную сумочку, поверх которой было нарисовано нечто продолговатое. Джолин сказала, хер похож на большой палец. Это и был хер.

Учитель, мистер Хьюм, сообщил, что надо есть «зеленые листовые овощи» как минимум один раз в день, и начал писать их названия на доске. За окном слева от Бет зацвела розовая камелия. Бет изучала на рисунке голого мужчину, тщетно пытаясь разглядеть в нем какую-то тайну.

* * *

В следующее воскресенье мистер Ганц вернулся и принес с собой шахматную доску с набором фигур. Доска была черно-белая, а фигуры лежали в деревянной шкатулке на алой фетровой подкладке. Они были сделаны из полированного дерева – на белых Бет разглядела прожилки. Пока мистер Ганц их расставлял, она протянула руку и взяла одного коня. Он оказался тяжелее тех, которыми она играла раньше, а к его основанию был приклеен кружок зеленого фетра. Бет никогда не стремилась к обладанию вещами, но этот набор ей отчаянно хотелось заполучить.

Свою бело-зеленую доску мистер Шейбел тоже разложил на привычном месте и подтащил еще один ящик из-под бутылок с молоком к доске мистера Ганца. Стоял солнечный день, и в подвал сверху вниз, сквозь кусты, росшие на задворках приюта, лился яркий свет. До тех пор, пока фигуры не оказались на начальных позициях,

никто не произнес ни слова. Мистер Ганц аккуратно взял коня с ладони Бет и поставил его на место.

– Мы подумали, что ты можешь сыграть с нами обоими, – наконец произнес он.

– Одновременно? – уточнила Бет.

Он кивнул.

Ее перевернутый ящик стоял между двумя досками. Обе доски были развернуты к ней белыми фигурами, и на каждой она передвинула пешку на четвертое поле короля.

Мистер Шейбел ответил сицилианской защитой, мистер Ганц тоже пошел пешкой на четвертое поле короля. У Бет даже не возникло необходимости помедлить и прикинуть в уме продолжение игры – девочка мгновенно ответила на оба хода и обратила взгляд в окно.

Она разгромила обоих без особых усилий. Мистер Ганц заново расставил фигуры, и они начали вторую партию. Теперь Бет на двух досках пошла пешкой на четвертое поле ферзя, а затем пешкой на четвертое поле ферзевого слона – это был ферзевый гамбит. Она чувствовала легкость во всем теле, как будто во сне; семь таблеток, проглоченные около полуночи, еще действовали, погружая разум в апатию и негу.

В миттельшпиле Бет смотрела в окно на куст с розовыми бутонами, когда до нее донесся голос мистера Ганца: «Бет, я сделал ход слонем на пятое поле слона», – и она сонно отозвалась:

– Конь на К-5.

Ей казалось, что куст искрится, переливаясь сиянием в весеннем солнечном свете.

– Слон на четвертое поле коня, – сказал мистер Ганц.

– Ферзь на четвертое поле ферзя, – ответила Бет, не глядя на доску.

– Конь на третье поле ферзевого слона, – угрюмо произнес мистер Шейбел.

– Слон на пятое поле коня. – Бет не сводила глаз с розовых бутонов.

– Пешка на третье поле коня. – Голос мистера Ганца прозвучал как-то снисходительно.

– Ферзь на четвертое поле ладьи, шах, – сказала Бет.

И услышала, как мистер Ганц резко втянул воздух. Мгновение спустя он произнес:

– Король на первое поле слона.

– Мат в три хода. – Бет так и не повернула головы. – Сначала шах конем. У короля два черных поля, и слон берет их под бой. Затем конь ставит мат.

Мистер Ганц медленно выдохнул.

– Господи боже! – пробормотал он.

Глава 2

В приюте шел субботний послеобеденный киносеанс, когда за Бет явился мистер Фергюссен, которому было поручено отвести ее в кабинет миссис Дирдорфф. Фильм был учебный, о хороших манерах, он назывался «Как вести себя за обеденным столом», так что Бет не расстроилась. Зато испугалась – может, воспитатели заметили, что она не ходит в часовню? Или что копит таблетки? Ноги у нее дрожали, а в коленках образовалась странная пустота, пока мистер Фергюссен в белых штанах и белой футболке вел ее по просторному коридору, выстеленному зеленым линолеумом с белыми трещинками. Тяжелые коричневые башмаки Бет скрипели на линолеуме, а сама она щурилась от яркого света флюоресцентных ламп. Вчера был день ее рождения, но никто не поздравил. Мистер Фергюссен, как всегда, молчал, энергично шагая по коридору впереди нее. У двери с панелью из матового стекла и табличкой «ХЕЛЕН ДИРДОРФФ – ДИРЕКТОР» он остановился. Бет открыла дверь и вошла.

Секретарша в белой блузке, дежурившая в приемной, сказала, что ей можно сразу пройти в кабинет, миссис Дирдорфф ждет. Бет, толкнув большую деревянную створку, переступила порог. Директриса сидела за столом, а рядом, в красном кресле, расположился мистер Ганц в коричневом костюме. Он смущенно заулыбался и приподнялся из кресла, когда Бет вошла, а директриса вперила в нее взгляд поверх очков в черепаховой оправе.

– Элизабет... – начала миссис Дирдорфф.

Бет закрыла за собой дверь и встала в нескольких футах от входа, глядя на директрису.

– Элизабет, мистер Ганц сообщил мне, что ты... э-э... – она поправила на носу очки, – одаренный ребенок. – Пару секунд миссис Дирдорфф смотрела на Бет, будто ждала, что та опровергнет это утверждение, но Бет молчала. Тогда директриса продолжила: –

Он обратился к нам с необычной просьбой – отпустить тебя в Дунканскую старшую школу по... – Она покосилась на мистера Ганца.

– По четвергам, – подсказал тот.

– По четвергам. Во второй половине дня. Мистер Ганц утверждает, что ты феноменально играешь в шахматы. Он хочет познакомить тебя с членами шахматного клуба.

Бет молчала – страх ее еще не отпустил.

Мистер Ганц откашлялся:

– В клубе состоит дюжина человек, и я хочу, чтобы ты сыграла со всеми.

– Что скажешь? – осведомилась миссис Дирдорфф. – Ты согласна? Мы можем оформить это как экскурсию. – Она улыбнулась мистеру Ганцу, но глаза смотрели сурово. – Мы всегда предоставляем нашим воспитанникам возможность получить полезный опыт вне этих стен.

Бет впервые услышала о такой милости – насколько ей было известно, никто из детей никогда не покидал приют.

– Да, – сказала она. – Согласна.

– Хорошо, – кивнула миссис Дирдорфф. – Стало быть, договорились. Мистер Ганц и кто-нибудь из девочек Дунканской школы будут приходить за тобой по четвергам после обеда.

Мистер Ганц поднялся и направился к выходу. Бет последовала было за ним, но миссис Дирдорфф ее окликнула, велев задержаться.

– Элизабет, – начала она, оставшись с девочкой наедине, – мистер Ганц сообщил мне, что ты играешь в шахматы с нашим зрителем.

Бет колебалась, не зная, что сказать.

– Я имею в виду уборщика, мистера Шейбела.

– Да, мэм.

– Это нарушение правил, Элизабет. Ты что, ходишь к нему в подвал?

Бет собиралась солгать, но передумала – ведь миссис Дирдорфф будет легко выяснить правду.

– Да, мэм, – повторила она.

Бет ожидала гневной отповеди, но когда миссис Дирдорфф заговорила, ее голос звучал на удивление мягко:

– Так дело не пойдет, Элизабет. «Метуэн-Хоум» гордится своими высокими стандартами, а потому мы не можем позволить тебе играть в шахматы в подвале.

У Бет мгновенно скрутило живот.

– Кажется, у нас в игровой комнате была шахматная доска, – продолжала миссис Дирдорфф. – Я скажу Фергюссону, чтобы поискал ее.

В приемной за дверью зазвонил телефон, и на аппарате, стоявшем на директорском столе, замигала лампочка.

– Это все, Элизабет. Когда будешь в Дунканской школе, не забывай о хороших манерах и следи, чтобы ногти у тебя были чистыми.

* * *

В комиксе «Майор Хупл» главный герой был членом Совиного клуба. Это было такое место, где мужчины усаживались в большие старинные кресла, пили пиво и беседовали о президенте Эйзенхауэре и о том, сколько денег их жены тратят на шляпки. У майора Хупла было огромное брюхо, как у мистера Шейбела, а когда он в Совином клубе что-то говорил с бутылкой темного пива в руках, слова вылетали у него изо рта вместе с маленькими пузырьками. Говорил он всегда что-то вроде «Гм-м...» и «Ей-богу!» – так было написано на больших пузырях в самом верху. И вот это всё называлось «клуб». Помещение на рисунках в комиксе было похоже на читальный зал библиотеки «Метуэна». Наверное, ей придется играть с двенадцатью соперниками именно в такой комнате.

Новостью Бет ни с кем не поделилась, даже с Джолин. Вечером она лежала на боку в постели, размышляя о шахматном клубе, и живот сводило от вполне ожидаемого волнения. Сыграть

одновременно столько партий – вдруг не получится? Бет перекадилась на спину и нервно оцупала карман пижамы. Там было две таблетки. До четверга оставалось шесть дней. Может, мистер Ганц имел в виду, что она сыграет партию целиком сначала с одним человеком, потом с другим, если уж ей надо себя показать?

Ее игру несколько раз назвали «феноменальной». В словаре толкование было такое: «необыкновенный, исключительный, экстраординарный», и теперь Бет мысленно повторяла себе три слова: «необыкновенно, исключительно, экстраординарно», – пока они не превратились в рефрен.

Она попыталась вообразить на потолке сразу двенадцать шахматных досок, выставленных в ряд, но сумела отчетливо разглядеть только пять. Развернула их к себе черными фигурами, предоставив играть белыми старшекласникам, и когда те пошли пешкой на четвертое поле короля, она ответила каждому сицилианской защитой. Оказалось, ей вполне под силу играть пять партий сразу – пока она сосредоточена на одной доске, остальные спокойно ждут ее внимания.

От стола дежурных в конце коридора опять доносились голоса. Бет услышала вопрос: «Который час?» И ответ: «Два двадцать». Мать в таких случаях говорила: «Время детское», – и Бет продолжила игру, удерживая в воображении сразу пять шахматных досок. О таблетках в кармане она забыла.

На следующее утро мистер Фергюссен, как обычно, протянул ей бумажный стаканчик, но когда Бет в него заглянула, на доньшке оказались только две пилюли – оранжевые витаминки, и больше ничего. Она посмотрела вверх на мистера Фергюссена через окошко в двери аптеки.

– Всё, – отрезал он. – Следующий.

Бет не сдвинулась с места, хотя девочка, стоявшая за ней в очереди, толкнула ее в спину.

– А где зеленая? – спросила Бет.

– Зеленых больше не будет, – сказал мистер Фергюссен.

Бет поднялась на цыпочки и заглянула в окошко. Позади мистера Фергюссена стояла огромная стеклянная банка, на треть заполненная зелеными таблетками, похожими на маленькие конфеты-драже. Их там, наверное, было несколько сотен.

– Вот же они, – показала пальцем Бет.

– Мы от них отказались в соответствии с новым законом, – пояснил мистер Фергюссен. – Теперь запрещено давать детям транквилизаторы.

– Эй, моя очередь, – буркнула Глэдис у нее за спиной.

Бет не шелохнулась. Открыла рот, но не сумела выговорить ни слова.

– Моя очередь получать витамины, – громче сказала Глэдис.

* * *

Иногда по ночам шахматные партии настолько ее захватывали, что потом удавалось заснуть без таблеток. Но в эту ночь ничего не вышло, Бет уже не могла думать о шахматах. У нее остались три зеленые пилюли в футляре для зубной щетки – последние. Несколько раз она решалась взять одну, но потом отказывалась от этого намерения.

* * *

– Я слыхала, ты готовишься *выйти в люди*, – сказала Джолин и хихикнула – не над Бет, а в ответ на какие-то свои мысли. – Будешь играть в шахматы при всем честном народе?

– Откуда ты знаешь? – спросила Бет.

Они опять оказались одни в раздевалке после волейбола. Во время игры грудь Джолин, почти незаметная в прошлом году, теперь ходила ходуном под спортивной майкой.

– Детка, я много чего знаю. Шахматы – это все равно что шашки, только фигуры скачут по доске как очумелые, да? Мой дядя Хуберт ими увлекается.

– Тебе про меня сказала миссис Дирдорфф?

– Я к этой чувырле и близко не подхожу. – Джолин доверительно улыбнулась: – От Фергюссена знаю. Он сказал, ты поедешь в старшую школу, в ту, что в самом центре города. Послезавтра.

Бет взглянула на нее с недоверием – у работников приюта не было принято откровенничать с воспитанниками.

– От Фергюссена?..

Джолин пододвинулась на скамье ближе и с серьезным видом сообщила:

– Мы с ним водим дружбу. Только не болтай здесь об этом, ага?

Бет кивнула.

Джолин отстранилась и принялась вытирать мокрую гриву белым спортивным полотенцем. После волейбола всегда можно было потянуть время, не спеша принять душ и переодеться перед уроками в классах.

Бет задумалась на секунду и хрипло проговорила:

– Джолин...

– А?

– Фергюссен дает тебе зеленые таблетки? Ну, лишние?

Джолин обратила к ней тяжелый взгляд, затем ее лицо смягчилось:

– Нет, детка. Я бы, конечно, не отказалась, но у них строгий учет, всё на контроле – что, кому да сколько. А теперь колеса вообще под запретом.

– Таблетки еще здесь. В большой банке.

– Да ну? Я не заметила. – Джолин пристально смотрела на Бет. – Мне показалось, ты в последнее время какая-то нервная. У тебя что, ломка?

Прошлой ночью Бет проглотила последнюю пилюлю.

– Не знаю, – сказала она.

– Вот увидишь – в ближайшие несколько дней тут будет полно неврастеников. – Джолин закончила вытирать волосы и выпрямилась.

Свет падал из окна у нее за спиной, и сейчас Джолин с буйной курчавой гривой и огромными глазами казалась прекрасной. А Бет, сидевшая рядом с ней на скамье, чувствовала себя уродиной. Бледной мелкой уродиной. Еще она испытывала страх – оттого что сегодня вечером придется лечь в постель без единой пилюли. За две прошедшие ночи ей удалось поспать от силы пару часов, и теперь глаза жгло, будто в них насыпали песок, а шея была мокрой от пота, хотя Бет только что приняла душ. Она не могла отделаться от мыслей о стеклянной банке у Фергюссена за плечом, на треть заполненной зелеными таблетками – футляр для зубной щетки можно было бы засыпать ими доверху сотни раз.

* * *

С того дня, как Бет привезли в «Метуэн», это была ее первая поездка на автомобиле. Она провела в приюте четырнадцать месяцев. Почти пятнадцать. Мать погибла в автомобиле – в таком же черном, как этот, потому что ей в глаз воткнулся острый обломок рулевого колеса. Об этом Бет рассказывала женщина с блокнотом, а Бет разглядывала родинку на ее щеке и молчала. Она тогда ничего не почувствовала. Женщина сообщила ей, что мамы «не стало» и что похороны состоятся через три дня в закрытом гробу. Бет знала, что такое «гроб» – в гробах спал Дракула. Папы «не стало» за год до аварии, потому что он вел «раздолбайскую жизнь», как объяснила мать.

Сейчас Бет сидела в машине рядом с большой, сильно робевшей девочкой по имени Ширли. Ширли занималась в шахматном клубе. Вел машину мистер Ганц. В животе Бет скрутился тугой ком и застрял где-то внутри мотком колючей проволоки. Она сидела стиснув

коленки и смотрела прямо перед собой – в затылок мистеру Ганцу, на его полосатый воротничок, на машины и автобусы, едущие впереди и навстречу за лобовым стеклом.

Ширли попыталась завязать беседу:

– Ты умеешь разыгрывать королевский гамбит?

Бет кивнула – говорить боялась. Несколько ночей подряд она спала совсем мало, а этой ночью ей и вовсе не удалось заснуть. Она слышала, как Фергюссен болтал с дежурной, сидевшей за столиком в конце коридора, как они вместе смеялись. Смех Фергюссена – низкий, раскатистый – метался по коридору и лез под дверь в спальню, где Бет лежала, напряженная, одеревеневшая, на узкой кровати.

А днем случилось кое-что неожиданное. Когда они уже садились в машину, прибежала Джолин, окинула мистера Ганца лукавым взглядом и спросила: «Можно Бет на минутку?» Мистер Ганц разрешил. Джолин отвела ее в сторонку и протянула на ладони три зеленые таблетки. «Вот, детка, – сказала Джолин. – Мне кажется, это то, что тебе нужно», – и, поблагодарив мистера Ганца, поспешила в класс с учебником географии под мышкой.

Но проглотить таблетки не представлялось возможным. Они были здесь, под рукой, лежали прямо у нее в кармане, а Бет парализовал страх, в горле пересохло. Она знала, что может закинуть таблетки в рот и никто этого не заметит, но боялась. Скоро они приедут на место назначения. Голова шла кругом.

Машина остановилась у светофора – на другой стороне перекрестка стояла бензозаправка «Пьюар Ойл» с большой синей вывеской.

Бет откашлялась.

– Мне надо в туалет.

– Мы через десять минут уже приедем, – сказал мистер Ганц.

Она решительно помотала головой:

– Я не дотерплю.

Мистер Ганц пожал плечами и, когда загорелся зеленый свет, свернул к бензозаправке. Бет шмыгнула за дверь с табличкой «Ж» и заперлась. Помещение было грязное, с темными разводами на белом кафеле и расколотой раковиной. Открыв кран с холодной водой, Бет закинула в рот пилюли, набрала в горсть воды, хлебнула и проглотила. Почти сразу стало легче.

* * *

Классная комната оказалась просторной, с тремя черными досками на дальней стене. На той доске, что висела в центре, белым мелом было написано: «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ, БЕТ ХАРМОН!» – большими буквами. Над доской висели цветные фотографии президента Эйзенхауэра и вице-президента Никсона. Почти все парты из класса вынесли и поставили рядком в коридоре вдоль стены; оставшиеся сдвинули в дальний конец помещения. В центре стояли буквой «U» раскладные столы, на каждом уместилось по четыре картонные шахматные доски с зелеными и бежевыми квадратами и пластмассовыми фигурами. Железные стулья разместились внутри буквы «U» напротив черных фигур, при этом на стороне белых ни одного стула не было.

С остановки на бензозаправке прошло уже минут двадцать, нервная дрожь отпустила, но глаза все еще щипало, а суставы болели. Бет была в белой блузке с красными буквами «Метуэн», вышитыми на кармане, и в темно-синей плиссированной юбке.

Когда они втроем вошли, в классе никого не было – мистер Ганц отпер дверь ключом, который до этого лежал у него в кармане. Через минуту зазвенел школьный звонок – коридор наполнился топотом и голосами, в класс начали заглядывать ученики, в основном мальчишки. Очень большие мальчишки, почти как мужчины, – это была старшая школа. Они ходили засунув руки в карманы и оттого сутулились. Бет на секунду растерялась, не зная,

куда ей сесть, но потом сообразила, что не сможет сидеть, если будет играть со всеми сразу – ей придется расхаживать от доски к доске, чтобы сделать очередной ход.

– Эй, Аллан, глянь! – крикнул один мальчик другому, махнув большим пальцем в сторону Бет, и она внезапно увидела себя словно со стороны: мелкий никчемный человечек, некрасивая девочка с каштановыми волосами и в унылой уютской школьной форме. Она была в два раза меньше этих шумных, громогласных, нахальных, беспечных учеников в ярких свитерах и чувствовала себя беспомощной и нелепой. Но при очередном взгляде на шахматные доски с расставленными в знакомом порядке фигурами неприятное чувство стало слабеть и испаряться. Возможно, для нее нет места в обычной старшей школе, но оно точно есть здесь, рядом с этими двенадцатью досками.

– Сядьте и замолчите, пожалуйста, – заговорил мистер Ганц необычно властным тоном. – Чарльз Леви будет играть за доской номер один как наш лучший шахматист, остальные рассаживайтесь как пожелаете. Во время игры никаких разговоров.

Все как один вдруг замолчали и посмотрели на Бет. Она в ответ тоже обвела всех взглядом, не моргая, и ощутила, как в душе закипает ненависть, черная, как ночь.

Бет обернулась к мистру Ганцу и спросила:

– Откуда мне начать?

– С доски номер один.

– А потом перейти к следующей?

– Да, – кивнул он.

Бет только сейчас поняла, что он даже не представил ее мальчикам. Она подошла к первой доске, за которой на стороне черных фигур уже сидел Чарльз Леви, протянула руку, взяла королевскую пешку и переставила ее на четвертое поле.

Удивительно, насколько плохо они играли. Все без исключения. В самых первых партиях, сыгранных в ее жизни, она и то ориентировалась лучше и понимала больше, чем эти большие

мальчишки. Они не замечали отсталые пешки^[7] по всей доске, а их фигуры сами подставлялись под «вилки»^[8]. Некоторые игроки бросались в жестокие матовые атаки – Бет легко их отбивала, будто отмахивалась от мух. Она быстро переходила от одной доски к другой, не чувствуя нервной дрожи ни в животе, ни в руках. Возле каждой доски ей требовалась одна секунда, чтобы оценить позицию и решить, что делать дальше. Ее ходы были стремительными, уверенными и смертоносными. Чарльза Леви назвали лучшим игроком – она лишила все его фигуры защиты за двенадцать ходов и еще за шесть поставила мат королю на последней горизонтали связкой слон-ладья.

Ее ум был ясен и остр, а душа пела в лад с изысканными движениями шахматных фигур. В классе пахло меловой пылью, приютские ботинки поскрипывали с каждым шагом, когда она шла вдоль ряда соперников. Вокруг все молчали; Бет чувствовала себя центром внимания – крошечной, но незыблемой точкой, откуда все контролируется. За окном чирикали птицы – она их не слышала. Несколько человек изумленно смотрели на нее – какие-то ребята пришли из коридора и встали у стены поглазеть на простую девчонку из приюта с окраины города, на девчонку, которая переходила от игрока к игроку с энергией и целеустремленностью Цезаря на поле битвы, с изяществом Павловой под светом софитов. Зрителей набралось около дюжины; одни ухмылялись, другие зевали, но большинство из них чувствовали, что в комнате образовался сгусток энергии, ощущали присутствие того, чего эти старые усталые школьные стены никогда раньше не видели за всю свою долгую историю.

По сути, то, что она сейчас делала, было до ужаса банально, но энергия ее удивительного ума искрила в классе, и те, кто понимал в шахматах, могли эти искры разглядеть. Каждый ход был выплеском той энергии. Часа за полтора Бет разгромила всех противников, и притом без единого неверного или бесполезного хода.

Наконец она остановилась и огляделась. Взятые в плен фигуры сбились в кучки у края шахматных досок. Несколько старшеклассников таращились на нее, остальные отводили глаза. Раздались разрозненные аплодисменты, и у Бет вспыхнули щеки. Ее душа тянулась обратно к доскам, к опасным положениям на них и смертоносным позициям фигур. Но там уже ничего не осталось, а она снова превратилась в маленькую девочку, лишенную силы и власти.

Мистер Ганц вручил ей коробку уитманских^[9] шоколадных конфет за два фунта и отвел обратно к машине. Ширли молча устроилась на заднем сиденье, стараясь не касаться севшей рядом Бет. Всё так же молча они доехали до «Метуэн-Хоум».

В пять часов, как обычно, настал час домашнего задания, Бет сидела в читальном зале – и это было невыносимо. Она попыталась мысленно играть в шахматы, но теперь, после ее триумфа в старшей школе, воображаемые доски и фигуры казались какими-то жалкими, тусклыми, незначительными. Тогда она взялась за учебник географии, поскольку завтра предстояла контрольная, однако в толстой книге были в основном картинки, а особого смысла в картинках она не находила. Джолин в читальном зале не было, и Бет отчаянно хотелось ее увидеть, спросить, нет ли еще зеленых таблеток. Она то и дело прижимала ладонь к карману блузки, словно в какой-то сверхъестественной надежде нащупать там твердую круглую пилюлю. Но в кармане было пусто.

Джолин нашлась за ужином – как ни в чем не бывало уплетала спагетти в столовой. Бет вошла, подхватила поднос и, даже не взяв еды, зашагала к ее столику. Напротив Джолин сидела еще одна чернокожая девочка – новенькая по имени Саманта; они с Джолин что-то обсуждали.

Бет подступила напрямик к ним и спросила:

– У тебя есть еще?

Джолин, нахмурившись, помотала головой.

– Как твой выход в люди? – поинтересовалась она. – Не облажалась?

– Нет, – сказала Бет. – У тебя есть хоть одна?

– Детка, я больше не хочу об этом слышать, – буркнула Джолин и отвернулась.

* * *

В субботу на дневном киносеансе показывали «Багряницу». Фильм был высокодуховный, с Виктором Мэтьюром^[10]. Собрались все воспитатели – сидели, ушки на макушке, в последнем ряду, составленном из кресел, около подрагивавшего проектора. Бет первые полчаса смотрела сквозь полузакрытые веки – красные от бессонницы глаза щипало. В ночь четверга она совсем не спала, а в пятничную подремала не больше часа. Желудок скрутило узлом, во рту стоял уксусный привкус. Она сгорбилась на складном стуле, засунув руки в карманы юбки и сжимая в кулаке отвертку, которую припрятала утром. Отвертку она стянула со скамейки в столярной мастерской на мальчишеской половине, сбегав туда после завтрака. Никто ее не заметил.

Бет стиснула отвертку до боли в пальцах и сделала глубокий вдох. Затем встала и направилась к двери, где сидел на страже мистер Фергюссен.

– Я в туалет, – шепнула Бет.

Мистер Фергюссен кивнул, не отрывая глаз от Виктора Мэтьюра с обнаженным торсом на гладиаторской арене.

Бет целеустремленно миновала узкий коридор, шагая по выцветшему, вздувшемуся волнами линолеуму, прошла мимо девчачьей спальни, через комнату отдыха с выпусками журнала «Христианские устремления» и подборкой книг от «Ридерз дайджест» напрямик к дальней стене, в которой было окошко с вывеской «АПТЕКА» и запертым висячим замком.

В комнате стояло несколько маленьких деревянных табуреток, Бет подхватила одну из них. Поблизости никого не было, она слышала только крики гладиаторов с экрана в библиотеке и собственные шаги. Шаги казались ей очень громкими.

Бет поставила табуретку у окошка и забралась на нее – проушины с висячим замком оказались точно на уровне глаз. Само окошко из матового стекла с проволочной сеткой внутри было вставлено в деревянную раму, покрытую толстым слоем белой эмали. Бет внимательно изучила шурупы в металлических пластинах-проушинах. Они тоже были залиты эмалью. Бет нахмурилась, сердце заколотилось быстрее.

В те редкие дни, когда папа бывал дома и при этом трезвый, он любил заниматься всяким мелким ремонтом по хозяйству. Дом был старый, в бедном районе города, и все деревянные части там тоже были густо замазаны эмалевой краской. Бет в возрасте пяти-шести лет помогала папе откручивать от стен рамки выключателей и розеток большой отверткой. У нее это хорошо получалось, и папа ее хвалил. «Ты быстро схватываешь, золотко», – говорил он, и Бет с тех пор никогда не чувствовала себя такой счастливой. А если бороздки-пазы на шурупах были забиты краской, он говорил: «Дай-ка папочка тебе поможет», – и делал со шляпками шурупов что-то такое, после чего ей оставалось только вставить кончик отвертки в паз и повернуть. Но что именно он делал, чтобы счистить краску? И в какую сторону нужно крутить отвертку? На секунду Бет ощутила удушье от полного бессилия и растерянности. Крики на гладиаторской арене переросли в рев, музыка стала громче и неистовее. Придется слезть с табуретки, вернуться в библиотеку и сесть на свое место перед экраном.

Но если она так поступит, ей уже не избавиться от этого состояния – вечером она ляжет в постель, свет из-под двери будет бить ей в глаза, звуки из коридора ползут в уши, во рту появится уксусный привкус, а облегчение не наступит, тело не расслабится. Бет сжала в кулаке рукоятку отвертки и ткнула по очереди в два больших

шурупа. Ничего не произошло. Она стиснула зубы и крепко задумалась, затем сурово кивнула в ответ на собственные мысли, снова сжала отвертку и принялась выколупывать краску уголком наконечника. Именно это и делал папа. Она давила на рукоятку обеими руками, приставив острый краешек к пазу шурупа и твердо упираясь ногами в сиденье табуретки. Несколько кусочков краски поддалось легко, и под ними показалась латунная шляпка. Бет нажимала еще и еще. Наконец отвалился большой пласт белой эмали, освободив бороздку.

Она переложила отвертку в правую руку, аккуратно вставила наконечник отвертки в паз шурупа и повернула – влево, как учил папа. Теперь она это вспомнила – все-таки память у нее была хорошая. Бет крутила изо всех сил, но опять ничего не произошло. Она вытащила отвертку из паза, взялась за нее обеими руками и вставила обратно. Повернула отчаянно, перекручивая кисти и предплечья, и давила до тех пор, пока боль в руках не стала невыносимой. И тогда что-то хрустнуло в пластине замка – шуруп начал поддаваться. Бет крутила отвертку, пока ножка шурупа не вылезла настолько, что его уже можно было ухватить пальцами, довертела, вытащила шуруп и положила в карман блузки. То же самое проделала еще раз. В той пластине, над которой трудилась Бет, было четыре отверстия – по одному в каждом углу, – но держалась она только на двух шурупах – Бет внимательно изучила навесной замок в последние несколько дней, когда подходила к окошку за порцией витаминов. Заодно каждый раз она заглядывала внутрь аптеки – удостовериться, что зеленые таблетки по-прежнему на месте, в большой стеклянной банке.

Второй шуруп она тоже положила в карман, а проушина сама собой повисла на замке, который теперь держался на второй пластине, привинченной к внешней раме окошка. Много ума для того, чтобы понять, что достаточно открутить лишь одну проушину, а не обе, не требовалось, хотя поначалу Бет казалось, что придется поработать и над второй. Она потянула на себя окошко,

отклонившись назад, чтобы отвести раму в сторону, и нырнула головой в проем. Лампочка под потолком не горела, но Бет разглядела в темноте очертания стеклянной банки. Просунула руки в проем, затем, встав на цыпочки, навалилась животом на подоконник и подалась вперед. Она извивалась, протискиваясь в узкое окошко; ноги оторвались от табуретки, острый край подоконника давил так, будто ее резали ножом. Бет не обращала на боль внимания и продолжала методично, рывками, ввинчиваться в проем. Она одновременно почувствовала и услышала, как рвется ткань блузки на животе, и тоже проигнорировала – в шкафчике у нее есть еще одна, можно будет переодеться.

Наконец ее ладони коснулись холодной гладкой поверхности железного стола ниже подоконника. За этот узкий белый стол вставал мистер Фергюссен, когда раздавал им витамины. Бет снова рванулась и оперлась на руки. Там стояли какие-то пустые коробки – она смахнула их, расчищая для себя пространство. Теперь уже двигаться было легче. Бет перенесла вес вперед – подоконник скользнул под бедра, под колени, под ступни, и она повалилась на стол, успев в последнюю секунду сгруппироваться, чтобы не упасть на пол. Она внутри! Сделав пару глубоких вдохов и выдохов, Бет слезла со стола. Света, проникавшего через окошко, хватало, чтобы различать очертания предметов. Она шагнула к дальней стене тесной каморки и остановилась, глядя на смутно протупающую в темноте банку, заткнутую стеклянной крышкой. Бет сняла крышку и бесшумно положила ее на стол. Затем медленно запустила обе руки в широкое горлышко. Пальцы коснулись скользкой поверхности десятков таблеток. Сотен таблеток. Она просунула руки глубже, зарывшись в таблетки по запястья, набрала воздуха в грудь и надолго задержала дыхание. Наконец выдохнула и вытащила из банки правую руку, зачерпнув целую горсть пилюль. Считать их не стала – сразу закинула в рот и глотала, пока все они не оказались в желудке.

После этого Бет насыпала еще три горсти таблеток в карманы юбки. Справа от окна на стене висел диспенсер для бумажных стаканчиков. Бет сумела дотянуться до него, встав на цыпочки, и отсчитала четыре стакана. Прошлой ночью она все обдумала и остановилась именно на этом количестве. Стопку из четырех стаканов Бет поставила на стол рядом со стеклянной банкой, отделила стаканы друг от друга и по одному наполнила таблетками. Отступила на шаг и осмотрела банку. Таблеток в ней осталось примерно в половину меньше, чем было, – это оказалось очень заметно. Проблема вроде бы неразрешимая – придется подождать и посмотреть, что будет, когда пропажа обнаружится, решила Бет.

Оставив стаканчики на столе, она подошла к двери, через которую в аптеку на раздачу витаминов попадал мистер Фергюссен. Можно выбраться этим путем – открыть дверь изнутри и в два захода перенести таблетки в железную тумбочку возле кровати. У нее там стоит почти пустая коробка с бумажными платками. Если положить таблетки туда, сверху прикрыть их парой «клинексов», а саму коробку поставить в самый низ, под чистое белье и носки, никто не найдет.

Но дверь не хотела открываться – она была заперта каким-то надежным способом. Бет тщательно ощупала шарообразную ручку и щеколду. Горло перехватило, а руки вдруг окоченели, как у мертвеца. Подозрения, что с дверью не совладать, оправдались: нужен ключ, даже для того чтобы открыть ее изнутри. А вылезти отсюда через то же окошко с четырьмя полными стаканами транквилизаторов не получится.

Бет затрясло. Ее хватятся на киносеансе – Фергюссен заметит, что она всё не возвращается. Проектор остановят, детей загонят в комнату отдыха, Фергюссен их пересчитает, а она будет в аптеке. Но хуже нервной дрожи было чувство безысходности – то самое кошмарное чувство, от которого леденело сердце, когда ее увезли из дома, заперли в приюте, заставили спать в комнате с двадцатью незнакомыми девочками и ночами напролет слушать звуки из

коридора. Это было почти так же ужасно, как крики в доме, когда там жили папа и мама – они громко ругались в ярко освещенной кухне, а Бет лежала на раскладушке в гостиной, и ее тоже охватывала безысходность, появлялось ощущение, будто она загнана в ловушку, и от этого ощущения коченели руки и ноги. Под дверью, отделявшей гостиную от кухни, была большая щель – оттуда прорывался свет вместе со словами, которые родители выкрикивали друг другу.

Бет вцепилась в дверную ручку аптеки и надолго замерла, отрывисто дыша. Наконец сердце почти вернулось к нормальному ритму, а конечности снова обрели чувствительность. Выбраться можно в любой момент – через окошко. Карманы у нее набиты таблетками. Бумажные стаканы надо поставить на белый стол под окошком, а когда она вылезет оттуда и встанет на табуретку, дотянуться до них и вытащить по одному. Бет четко себе это представила, как позицию фигур на шахматной доске.

Она перенесла стаканы с таблетками на стол, начиная ощущать то самое безмерное спокойствие, которое возникло в тот день, в старшей школе, когда она поняла, что непобедима. Опустив на стол четвертый стакан, Бет обернулась и посмотрела на стеклянную банку. Фергюссен поймет, что таблетки украдены – это невозможно скрыть. Тут вспомнилась поговорка, которую любил повторять папа: «Семь бед – один ответ».

Бет взяла стеклянную банку, поставила ее на стол и высыпала обратно содержимое бумажных стаканов. Отступила на шаг и окинула банку взглядом. Вылезти наружу, просунуть в окошко руки и вытащить банку – это будет легко. И Бет уже придумала, где ее спрятать – в девчачьей спальне, на полке в подсобке, которой никто не пользуется. Там стоит оцинкованное ведро, не пригодившееся уборщицу. Банка в ведро как раз уместится. Еще в подсобке есть стремянка, с помощью которой можно будет достать до верхней полки, и не бояться, что кто-то увидит, поскольку девчачья спальня запирается на ключ изнутри. Если из-за пропавших пилюль

воспитатели устроят обыск, и даже если они найдут банку, никто не отыщет доказательств, что Бет Хармон с этим как-то связана. Она будет брать понемножку, всего по несколько пилюль каждый раз, и никому не скажет, где они, даже Джолин.

Действие целой горсти таблеток, проглоченных несколько минут назад, потихоньку достигло центральной нервной системы. Нервозности как не бывало. Бет целеустремленно взобралась на белый стол мистера Фергюссена, высунула голову в окошко и оглядела комнату отдыха, по-прежнему пустую. Стеклянная банка стояла в паре дюймов от ее левого колена. Бет протиснулась в проем и твердо встала на табуретку. Еще раз осмотрелась с этой высоты, чувствуя полное спокойствие, всесилие, власть над собственной жизнью.

Она, как во сне, повернулась, наклонилась через окошко, потянувшись к банке на столе, и взяла ее обеими руками за широкое горлышко. Во всем теле образовалась восхитительная легкость. Бет поддалась ей, расслабившись, замедлив движения, и долго смотрела в банку, в зеленые глубины таблеточного моря. Из библиотеки неслась бравурная музыка. Ступни Бет еще касались табуретки, а сама она как складной нож скользнула вперед по раме окна, уже не чувствуя острого ребра подоконника. Она превратилась в мягкую тряпичную куклу. Взгляд расфокусировался, и зеленый цвет в банке вспыхнул яркой люминесцентной кляксой.

«*Элизабет!*» Голос шел из какой-то точки в ее голове. «*Элизабет!*» Бет поморщилась: голос был женский, резкий и неприятный, как у матери. Она не обернулась. Пальцы, прижатые к банке, ослабели. Бет сжала их и потянула банку к себе. Ей чудилось, она движется, словно в замедленной съемке, как в кино – когда показывают родео, все замедляется, если кто-то падает с лошади, и всадник плавно опускается на землю, так, что кажется, будто он не может удариться. Бет подняла банку обеими руками, одновременно развернувшись, – стеклянное горлышко задело раму окошка с глухим звоном, запястья изогнулись, банка выскользнула из рук и взорвалась осколками на

краю табуретки у ее ног. Осколки вперемешку с сотнями зеленых таблеток волной хлынули на линолеум. Стекляшки ловили гранями свет, как хрусталь, и сверкая замирали на полу, а зеленые пилюли катились дальше сияющим водопадом, прямо к миссис Дирдорфф. Миссис Дирдорфф стояла в нескольких футах от нее и говорила: «Элизабет!» – снова и снова. Как показалось Бет, прошло очень много времени, прежде чем таблетки остановились.

За спиной миссис Дирдорфф стоял мистер Фергюссен в неизменных белых штанах и такой же белой футболке, рядом с ним – мистер Шелл, а позади них толпились дети, которым было любопытно поглазеть, что происходит. Некоторые щурились и часто моргали от яркого света после темной библиотеки, где только что закончилось кино. Все, кто был в комнате отдыха, смотрели на Бет – она высилась на своем миниатюрном табуреточном пьедестале, подняв и разведя на расстояние фута руки, будто все еще держала в ладонях стеклянную банку.

Фергюссен отвез ее на коричневой служебной машине в больницу. Там, в маленькой, ярко освещенной комнате, ее заставили проглотить серую резиновую трубку. Это оказалось просто. Ничто не имело значения – перед ее глазами колыхалось зеленое море пилюль в стеклянной банке. Бет заснула, а проснулась лишь на секунду, когда кто-то ввел ей в руку иглу. Сколько времени провела в больнице, она не знала, но на ночь не осталась точно – Фергюссен повез ее обратно в приют тем же вечером. Теперь Бет сидела на переднем пассажирском кресле, проснувшись и безмятежная. Больница находилась на территории университета, где Фергюссен учился на последнем курсе. Из окна машины он указал на здание Психологического факультета, когда они проезжали мимо:

– Вон там я учусь.

Бет ограничилась кивком. Она представила Фергюссена учеником за партой, как он пишет контрольные и тянет руку, когда ему нужно выйти в туалет. Раньше она никогда не думала об этом человеке с симпатией – считала его таким же, как остальные воспитатели.

– Боже, девочка, я думал, Дирдорфф *лопнет от злости*, – сказал он.

Бет смотрела, как деревья уезжают назад за окном машины.

– Сколько таблеток ты съела? Двадцать? – спросил Фергюссен.

– Я не считала.

Он усмехнулся:

– Ну, тогда наслаждайся. Завтра начнется ломка.

* * *

В «Метуэне» Бет направилась напрямик в постель и крепко проспала двенадцать часов. На следующее утро, после завтрака, Фергюссен, снова молчаливый и отстраненный, пришел за ней, чтобы отвести в кабинет миссис Дирдорфф. Как ни удивительно, страха она не испытывала. Банка разбилась, с таблетками вроде бы было покончено, но Бет чувствовала себя отдохнувшей и спокойной. Потому что, одеваясь, сделала неожиданное открытие: в глубоком кармане шерстяной юбки лежали пережившие ее пленение, поездку в больницу, раздевание и одевание двадцать три зеленые пилюли. Бет пришлось достать зубную щетку из футляра, чтобы они все там уместились.

Миссис Дирдорфф заставила ее ждать почти целый час. На Бет это не произвело впечатления – она сидела в коридоре и читала в географическом журнале статью об индейском племени, жившем в скальных пещерах на побережье. О коричневых людях с черными волосами и плохими зубами. На фотографии было много детей; большинство из них держали на руках или обнимали взрослые, и это было странно: к ней взрослые никогда не прикасались, разве что для того, чтобы наказать. Бет не позволила себе думать о кожаном ремне миссис Дирдорфф. Если директриса собирается пустить его в ход, наверняка удастся отвертеться. Бет почему-то чувствовала, что деяние, за которым ее вчера поймали, превосходит по масштабам

любое обычное наказание. Кроме того, она догадывалась, что руководство приюта осознаёт свою вину в том, что кормило ее и других детей транквилизаторами, чтобы они были поспокойнее, а значит, легче будет замять дело.

* * *

Миссис Дирдорфф не предложила ей сесть. На диванчике в директорском кабинете расположился мистер Шелл, а красное кресло занимала мисс Лонсдейл. Мисс Лонсдейл вела духовные беседы в часовне. Бет успела ее послушаться до того, как по воскресеньям начала убегать в подвал, чтобы поиграть в шахматы с уборщиком. Беседы были о христианском служении и о том, что дансинги и коммунизм – это очень плохо, и еще в мире много всего плохого – тут мисс Лонсдейл не вдавалась в подробности.

– Мы обсуждали твоё поведение целый час, Элизабет, – сказала миссис Дирдорфф, устремив на Бет ледяной угрожающий взгляд.

Бет смотрела на нее и молчала. Она чувствовала – происходит что-то похожее на игру в шахматы, а в шахматах нельзя позволить противнику угадать твой следующий ход.

– Твоё поведение всех нас повергло в шок, Элизабет. Никогда... – На секунду у миссис Дирдорфф на челюстях с обеих сторон надулись желваки – мышцы натянулись, как стальные кабели. – *Никогда* в истории «Метуэн-Хоум» не было столь позорных происшествий. И это не должно повториться.

– Мы все чудовищно разочарованы... – начал мистер Шелл.

– Я не могу заснуть без таблеток, – сказала Бет.

Настала гробовая тишина – все потрясенно молчали некоторое время. Никто не ожидал, что она заговорит. Наконец миссис Дирдорфф обрела дар речи:

– Это одна из причин, по которым тебе больше нельзя их принимать. – В ее голосе было что-то странное – она как будто

испугалась.

– Вы вообще не должны были давать их нам, – сказала Бет.

– *Я не потерплю возражений от ребенка,* – процедила миссис Дирдорфф. Она встала и подалась вперед, по направлению к Бет, упершись руками в стол. – Если еще раз позволишь себе так говорить со мной, ты пожалеешь.

У Бет перехватило дыхание. Тело миссис Дирдорфф вдруг показалось ей огромным, и она попятилась, будто прикоснувшись к чему-то обжигающе горячему.

Миссис Дирдорфф села и поправила очки.

– Отныне тебе запрещается посещение библиотеки и игровой площадки во дворе. Отменяется также кино по субботам, и ты должна быть в кровати ровно в восемь по вечерам. Ты поняла меня?

Бет кивнула.

– *Отвечай.*

– Да.

– В часовню будешь приходить на полчаса раньше остальных и расставлять стулья. Если отнесешься к своей обязанности недобросовестно, мисс Лонсдейл тотчас доложит мне, мы с ней уже договорились. Если в часовне или на уроках в классе кто-то из учителей заметит, что ты шепчешься с другими учениками, автоматически получишь десять штрафных баллов. Тебе известно, что означают десять штрафных баллов, Элизабет?

Бет опять кивнула.

– *Отвечай.*

– Да.

– Элизабет, мисс Лонсдейл сообщила мне, что ты часто надолго отлучаешься из часовни. Это нужно прекратить. Каждое воскресенье ты будешь проводить в часовне все девяносто минут, а также составлять краткое изложение воскресных бесед. Изложения должны быть на моем столе в понедельник утром. – Директриса откинулась на спинку деревянного кресла и сложила руки на коленях. – И вот еще что, Элизабет...

Бет с некоторым опасением взглянула на нее:

– Да, мэм?

Миссис Дирдорфф зловеще улыбнулась:

– Никаких шахмат.

* * *

На следующее утро после завтрака Бет, как всегда, стояла в витаминной очереди. Она заметила, что навесной замóк на окошке заменили и теперь в обеих пластинах с проушинами по четыре винта.

Когда она подошла к окошку, Фергюссен, увидев ее, усмехнулся:

– Предпочитаешь самообслуживание?

Она покачала головой и протянула руку за витаминами. Он отдал ей стаканчик и сказал:

– Береги себя, Хармон. – Это прозвучало настолько ласково, что Бет удивилась. Раньше она никогда не слышала, чтобы Фергюссен так говорил во время раздачи таблеток.

* * *

Мисс Лонсдейл оказалась незлой. Когда Бет явилась к ней в девять тридцать, наставница явно чувствовала себя неловко и сразу принялась нервно показывать, как снимать чехлы со стульев и расставлять их – даже помогла с первыми двумя рядами. Бет легко бы смирилась с еженедельным посещением часовни, но терпеть бубнеж мисс Лонсдейл о безбожном коммунизме и о том, как он распространяется по Соединенным Штатам, было тяжело. Бет не высыпалась и не успевала доесть завтрак, однако ей приходилось внимательно слушать, чтобы потом написать изложение. И она слушала мисс Лонсдейл, которая с чертовски серьезным видом

рассуждала о том, что им всем нужно быть настороже, поскольку коммунизм – это как заразная болезнь, которую можно подцепить в любой момент. Бет не вполне понимала, что такое коммунизм. Что-то, во что верят злые люди в разных странах, вроде нацизма, из-за которого другие злые люди замучили миллионы евреев.

Если бы миссис Дирдорфф не предупредила мистера Шейбела, он бы сейчас ждал ее в подвале. Бет страшно хотелось быть там, сыграть партию в шахматы, чтобы отработать на нем королевский гамбит. Может, мистер Ганц приведет сюда кого-нибудь из шахматного клуба сразиться с ней... Она позволила себе задуматься об этом всего на секунду, а сердце чуть не вырвалось наружу. Ей захотелось сбежать. И защипало глаза.

Она быстро поморгала, тряхнула головой и продолжила слушать мисс Лонсдейл, которая теперь говорила об ужасной стране СССР.

* * *

– Ты бы себя видела! – сказала Джолин. – Во весь рост на табуретке! Стояла там в полной отключке, пока Дирдорфф на тебя орала.

– Ощущения были забавные.

– Бляха-муха, а то! Наверняка забавные, чтоб я сдохла! – Джолин шагнула ближе. – Тебе же удалось притырить хоть немного колес? Сколько?

– Тридцать.

Джолин уставилась на нее во все глаза и выдохнула:

– Бли-ин!

* * *

Засыпать без таблеток было трудно, но вполне возможно. Те несколько зеленых пилюль, что у нее остались, Бет припасла на чрезвычайные случаи, решив, что, если ей предстоят долгие часы без сна каждую ночь, она будет убивать время, изучая сицилианскую защиту. В «Современных шахматных дебютах» сицилианской защите было посвящено пятьдесят семь страниц с разбором ста семидесяти вариантов, начинающихся с ответного хода черных P-QB4^[11]. Она выучит наизусть их все и по ночам станет мысленно проигрывать в голове от и до. А когда варианты закончатся, можно будет перейти к защитах Пирца, Нимцовича и Руи Лопеса^[12]. «Современные шахматные дебюты» – толстый томище с мелким шрифтом. У нее все будет в порядке.

Однажды после географии она увидела в конце длинного коридора мистера Шейбела. Он мыл пол; рядом стояла металлическая бадья на колесиках. Все ученики пошли в другую сторону, к двери во двор, где можно было провести перемену между уроками, а Бет направилась к уборщику и остановилась там, где начинался мокрый линолеум. Она простояла целую минуту, прежде чем уборщик соизволил наконец обратить на нее внимание.

– Извините, – сказала Бет. – Мне больше не разрешают играть в шахматы.

Он нахмурился и кивнул, но ничего не ответил.

– Меня наказали. Я... – Она взглянула ему в лицо, которое ничего не выражало. – Я бы хотела еще с вами поиграть.

Мистер Шейбел мгновение смотрел на нее так, будто собирался что-то сказать, но вместо этого вперил взгляд в пол и, слегка наклонив жирный торс, продолжил орудовать шваброй. А Бет вдруг почувствовала противный уксусный привкус во рту, развернулась и зашагала прочь по коридору.

* * *

Джолин говорила, что ближе к Рождеству всегда кого-нибудь удочеряют. На следующий год после того, как Бет запретили играть в шахматы, в самом начале декабря, приемные родители взяли из приюта двух девочек. «Обе хорошенькие», – сказала тогда Бет про себя. «Обе белые», – вслух заявила Джолин.

Какое-то время в девчачьей спальне пустовали две кровати. А потом однажды утром, перед завтраком, в девчачью спальню пришел Фергюссен. Некоторые девчонки захихикали, увидев его в своих владениях – мужчину с тяжелой связкой ключей на ремне. Он направился напрямик к Бет, которая в это время натягивала носки. Приближался ее десятый день рождения. Она поправила второй носок и взглянула вверх, на Фергюссена.

Он нахмурился:

– У нас для тебя есть новое местечко, Хармон. Иди за мной.

Бет последовала за ним к дальней стене спальни – там, под окном, стояла одна из двух опустевших кроватей. Она была шире других, а вокруг оставалось больше свободного пространства.

– Можешь перенести свои вещи в тумбочку, – сказал Фергюссен. Помолчал немного, глядя на нее, и добавил: – Тебе здесь будет удобнее.

Она замерла в изумлении – это была лучшая кровать во всей девчачьей спальне. Фергюссен сделал отметку в журнале. Пока он смотрел на страницу, Бет протянула руку и коснулась кончиками пальцев его запястья рядом с часами, там, где росли темные волоски.

– Спасибо, – сказала она.

Глава 3

– Насколько мне известно, тебе через два месяца исполнится тринадцать, Элизабет, – начала миссис Дирдорфф.

– Да, мэм. – Бет сидела на стуле с жесткой прямой спинкой напротив директорского стола. Фергюссен забрал ее с урока и привел сюда. Было одиннадцать утра. В этот кабинет Бет не заглядывала больше трех лет.

Внезапно подала голос сидевшая на диванчике незнакомая леди.

– Двенадцать – такой чудесный возраст! – с наигранной веселостью сообщила она.

Леди была в бледно-голубом вязаном кардигане поверх шелкового платья. Ее можно было бы назвать красивой, если бы не избыток алой помады и не странная манера нервозно дергать ртом во время разговора. Рядом на диванчике сидел мужчина в темно-сером крапчатом костюме с жилетом.

– У Элизабет высокая успеваемость по всем предметам, – продолжила миссис Дирдорфф. – Она первая в классе по чтению и арифметике.

– Как чудесно! А я в арифметике ничего не смыслила. – Леди лучезарно улыбнулась Бет и доверительным тоном представилась: – Меня зовут миссис Уитли.

Мужчина откашлялся, прочистив горло, но ничего не сказал. Выглядел он так, будто ему хотелось немедленно очутиться где-нибудь в другом месте.

Бет кивнула леди, поскольку не придумала, что ответить; она не понимала, зачем ее сюда привели.

Миссис Дирдорфф продолжила рассказ о школьных успехах Бет под восхищенные возгласы леди, которая всячески демонстрировала внимание. О зеленых таблетках и об интересе Бет к шахматам директриса не упомянула; в ее тоне звучало сдержанное одобрение в адрес воспитанницы. Когда она закончила, на

некоторое время воцарилось неловкое молчание. Затем мужчина снова прочистил горло, беспокойно поерзал на диване и посмотрел в сторону Бет – куда-то поверх ее головы.

– Тебя все называют Элизабет? – спросил он. Голос звучал так, будто у него в горле застрял воздушный пузырь. – Или Бетти?

Она взглянула на него:

– Бет. Меня называют Бет.

Через несколько недель она уже забыла об этой встрече в кабинете миссис Дирдорфф, погрузившись в учебу и чтение. Бет нашла в библиотеке серию книг для девочек и читала повсюду, едва появлялась возможность, – в классе на уроке, ночью в постели, в свободное время по воскресеньям. В книгах рассказывалось о приключениях старшей дочери в большой суматошной семье Форбс. Полгода назад в «Метуэне» появился телевизор – его включали на час каждый вечер, но Бет обнаружила, что приключения Эллен Форбс гораздо увлекательнее, чем «Я люблю Люси» или «Дымок из ствола»^[13]. Она сидела на кровати в пустой спальне и читала, пока в приюте не выключали свет. Никто ее не тревожил.

Однажды вечером в середине сентября она все так же сидела одна с книжкой, когда явился Фергюссен.

– Ты еще не собрала вещи? – спросил он.

Бет закрыла книгу, заложив палец между страницами.

– Зачем?

– Тебе что, не сказали?

– Что не сказали?

– Тебя удочерили. Приемные родители приедут за тобой завтра утром.

Она так и осталась сидеть на краешке кровати, глядя на просторную белую футболку Фергюссена.

* * *

– Джолин, – сказала Бет, – я не могу найти книгу.

– Какую книгу? – сонно отозвалась Джолин.

Это происходило незадолго до того, как в приюте должен был погаснуть свет.

– «Современные шахматные дебюты», в красном переплете. Она была в тумбочке.

Джолин покачала головой:

– Не видела. Отстань уже.

Бет несколько недель не доставала книгу, но точно знала, что положила ее во второй ящик, сверху. Сейчас перед ней на кровати валялась коричневая нейлоновая сумка, заполненная тремя платьями, четырьмя комплектами белья, зубной щеткой, расческой, куском мыла, двумя заколками и несколькими хлопчатобумажными носовыми платками. Тумбочка была совершенно пуста. Бет уже поискала «Современные шахматные дебюты» в библиотеке, но их там не оказалось. Больше искать было негде. Целых три года игра в шахматы шла только в ее воображении, но эта книга была единственной вещью, которой она дорожила.

Бет покосилась на Джолин:

– Ты точно ее не видела?

Джолин сердито зыркнула на нее:

– Сама-то поняла, на кого бочку катишь? Мне такие книжки без надобности. – Затем ее голос смягчился: – Я слышала, за тобой завтра приедут.

– Точно.

– А что не так? – хмыкнула чернокожая. – Не хочешь уезжать?

– Не знаю.

Джолин улеглась и натянула одеяло до подбородка.

– Просто почаще говори им «Да, сэр» или «Да, мэм», и все будет пучком. Еще скажи, ты страшно благодарна за то, что судьба привела тебя в дом к добрым христианам. Тогда они, может, даже поставят в твоей комнате телевизор.

В том, как она это сказала, было что-то странное.

– Джолин, – проговорила Бет, – мне очень жаль.

– Чего это тебе жаль?

– Что тебя не удочерили.

Джолин фыркнула:

– Бляха-муха, мне и здесь неплохо. – Она перекатилась на другой бок, спиной к Бет, и свернулась калачиком.

Бет потянулась было к ней, но тут на пороге спальни возникла мисс Ферт и оповестила: «Девочки, гашу свет!» Пришлось вернуться к своей кровати – успела в последнюю секунду.

На следующее утро миссис Дирдорфф проводила Бет до парковки и стояла возле машины, пока мистер Уитли садился за руль, а миссис Уитли и Бет устраивались позади на пассажирских креслах.

– Будь хорошей девочкой, – сказала миссис Дирдорфф.

Бет кивнула и одновременно увидела поперх плеча директрисы, что кто-то вышел на крыльцо административного здания приюта. Это был мистер Шейбел. Он стоял, засунув руки в карманы рабочего комбинезона, и смотрел в сторону машины. Ей захотелось побежать к нему, но на пути была миссис Дирдорфф, поэтому Бет откинулась на спинку сиденья. Миссис Уитли начала болтать, а мистер Уитли завел мотор.

Когда они отъезжали, Бет извернулась на сиденье и помахала мистеру Шейбелу в заднее окно, но он не ответил. Впрочем, сказать с уверенностью, разглядел он ее или нет, Бет не могла.

* * *

– Видела бы ты их лица! – воскликнула миссис Уитли. На ней был тот же бледно-голубой вязаный кардиган, но под кардиганом на этот раз оказалось линялое серое платье, а нейлоновые чулки были скатаны вниз, до лодыжек. – Они заглянули у меня во все шкафы и даже сунули нос в холодильник. Я сразу поняла, что они в восторге

от моих запасов! Положи себе еще тунца. Обожаю смотреть, как детишки едят.

Бет положила на тарелку еще один маленький кусочек. Тунец был пересолен, но она об этом ничего не сказала. Это был ее первый обед в доме Уитли. Мистер Уитли уехал по делам в Денвер, и предполагалось, что он будет отсутствовать несколько недель. Его фотография стояла на пианино у задернутого тяжелыми шторами окна столовой. В гостиной, несмотря на отсутствие зрителей, работал телевизор; низкий мужской голос рассказывал про анацин^[14].

Мистер Уитли привез их в Лексингтон в полном молчании и сразу поднялся на второй этаж. Спустился он через несколько минут с чемоданом, рассеянно поцеловал миссис Уитли в щеку, кивнул в знак прощания Бет и удалился.

– Они хотели знать про нас всё: сколько Олстон зарабатывает в месяц, почему у нас нет своих детей. Даже навели справки... – миссис Уитли подалась вперед, наклонившись над блюдом из жаростойкого стекла поближе к Бет, и перешла на театральный шепот, – не состояла ли я на учете в психдиспансере. – Она отстранилась и перевела дыхание. – Ну можешь ты себе такое представить? Можешь?

– Нет, мэм, – сказала Бет, когда поняла, что в непрерывной болтовне внезапно настала пауза. Она наколола на вилку очередной кусок тунца и проглотила его, обильно запив водой.

– Эти люди ужасно *дотошные*, – заметила миссис Уитли. – Но, знаешь ли, я полагаю, быть дотошными – их прямая обязанность.

К еде на своей тарелке она не притронулась. За те два часа, что Бет провела в ее доме, миссис Уитли то и дело вскакивала со стула и бежала проверять духовку, поправлять какую-нибудь покосившуюся репродукцию Розы Бонёр^[15] на стене или опорожнять пепельницу. Болтала она почти без умолку, а Бет время от времени вставляла «Да, мэм» или «Нет, мэм», не особенно вслушиваясь. Отведенную ей комнату миссис Уитли еще не показала, коричневая нейлоновая сумка так и стояла на полу у входной двери, рядом с перегруженной

журналами этажеркой, там, где Бет эту сумку и оставила в десять тридцать утра.

– Видит бог, – говорила миссис Уитли, – им просто необходимо быть дотошными, вникать во все детали жизни тех, кому они собираются перепоручить свою ответственность. Нельзя же доверить заботу о ребенке каким-нибудь негодьям!

Бет аккуратно положила вилку на стол:

– Простите, можно мне в туалет?

– О, конечно! – Миссис Уитли указала своей вилкой в сторону гостиной. Она не выпускала вилку из рук в течение всего обеда, но при этом не съела ни кусочка. – Белая дверь слева от дивана.

Бет встала из-за стола, протиснулась мимо пианино, которое заполняло собой всю крошечную обеденную комнатку, вошла в гостиную и принялась лавировать в нагромождении кофейных и журнальных столиков. Главное место здесь занимал огромный телевизор из палисандрового дерева; сейчас шел дневной киносеанс – показывали какую-то драму. Бет осторожно прошла по ковру с грубым ворсом к двери в туалет. Помещение оказалось крошечным и было полностью оформлено в голубом цвете того же оттенка, что и вязаный кардиган миссис Уитли. Там были бледно-голубой ковер, бледно-голубые полотенца и бледно-голубое сиденье для унитаза. Даже туалетная бумага оказалась бледно-голубой. Бет подняла сиденье и, после того как ее вырвало тунцом в унитаз, спустила воду.

* * *

Когда они поднялись по лестнице на второй этаж, миссис Уитли ненадолго остановилась, опершись бедром на перила и тяжело дыша, затем сделала несколько шагов по выстеленному ковром коридору и театральным жестом распахнула дверь.

– Вот, – сказала она, – это будет твоя комната.

Поскольку дом был маленький, Бет ожидала, что ее поселят в какой-нибудь каморке, но едва она шагнула через порог, у нее захватило дух – комната показалась ей огромной. На голом дощатом полу, выкрашенном серой краской, у большой кровати лежал розовый овальный коврик. Раньше у нее никогда не было собственной спальни. Она замерла с сумкой в руках и обвела взглядом все помещение. Здесь были комод с зеркалом, и столик из древесины оранжевого цвета в тон комоду с розовой стеклянной лампой, и розовое жаккардовое покрывало на кровати.

– Ты даже не представляешь, как трудно найти хорошую кленовую мебель, – пожаловалась миссис Уитли. – Но я уж постаралась, могу сказать без ложной скромности.

Бет слушала вполуха. Теперь эта комната принадлежала *ей одной*. Она обернулась и посмотрела на густо покрашенную эмалью дверь. Под шарообразной ручкой торчал ключ. Значит, можно запереть дверь изнутри, и никто не войдет.

Миссис Уитли показала ей туалет и ванную дальше по коридору и оставила ее в одиночестве раскладывать вещи и обустраиваться, закрыв за собой дверь. Бет поставила на пол сумку и прошла по комнате, ненадолго задержавшись у каждого окна, чтобы бросить взгляд на улицу с двумя рядами деревьев у тротуаров. Обнаружила встроенный шкаф для одежды – больше, чем у матери, – и тумбочку у кровати с маленькой лампой для чтения. Комната была чудесная. Вот бы Джолин ее увидеть... На мгновение она до слез затосковала по Джолин, ей захотелось, чтобы Джолин оказалась здесь и можно было вместе обойти комнату, рассмотреть обстановку, а потом развесить одежду в шкафу.

В машине, по дороге сюда, миссис Уитли сказала, как они счастливы взять к себе «такого взрослого ребенка». «Почему бы вам тогда не удочерить еще и Джолин?» – подумала Бет, но ничего не сказала. Она посмотрела на мистера Уитли – на его угрюмо сжатые челюсти и бледные руки на рулевом колесе, – затем на миссис Уитли и поняла, что они никогда не удочерят Джолин.

Бет села на кровать и выбросила из головы эти воспоминания. Кровать была восхитительно мягкая, пахла чистотой и свежестью. Бет, наклонившись, сняла туфли, а потом завалилась на спину и вытянулась во весь рост на этом просторном уютном ложе; счастливая, повернула голову к надежно запертой двери, которая превращала всю спальню в ее единовластное владение.

Той ночью она много часов пролежала без сна, не желая засыпать. Под окнами стояли уличные фонари, но тяжелые плотные шторы перекрывали путь свету. Перед тем как пожелать спокойной ночи, миссис Уитли показала Бет собственную спальню в другом конце коридора. Ее комната оказалась такого же размера, но там были телевизор, кресла в чехлах и голубое покрывало на кровати. «Это перестроенная мансарда», – сказала миссис Уитли.

Бет, лежа в постели, слышала, как миссис Уитли покашливает, а позже – как она прошлепала босыми ногами по коридору в туалет. Но ночные звуки ее больше не тревожили – дверь спальни была закрыта и заперта. Никто не откроет эту дверь, и свет не ударит ей в лицо. Миссис Уитли в своей комнате спала одна, так что можно было не бояться ругани и разговоров – до Бет доносились лишь приглушенная музыка и ненатуральные голоса из телевизора. Было бы здорово, окажись здесь Джолин, но тогда бы эта спальня уже не принадлежала ей одной, она не смогла бы растянуться во весь рост прямо посередине этой здоровенной кровати на прохладной простыне и одиночно наслаждаться тишиной.

* * *

В понедельник она пошла в школу. Миссис Уитли отвезла ее на такси, хотя до школы было не больше мили. Бет записали в седьмой класс. Здесь все было как в той старшей школе в другом городе, где она давала сеанс одновременной игры в шахматы. Бет понимала, что неправильно одета, но никто не обращал на нее особого

внимания. Несколько учеников какое-то время рассматривали Бет, когда учительница представляла ее классу, но тем все и ограничилось. Ей выдали учебники и внесли фамилию в классный журнал. Пролистав учебники и послушав учителей на уроках, она поняла, что все будет легко. Правда, ее немного пугали громкие голоса в коридорах на переменах, и когда другие ученики смотрели на нее, она порой робела, но это было не так уж невыносимо. Бет чувствовала, что сумеет пережить все, что может случиться с ней в этой залитой солнцем, шумной городской школе.

В столовой она взяла сэндвич, картонный стакан с молоком и попыталась уединиться за столиком, но напротив тут же села другая девочка. Обе поначалу молчали. Другая девочка была такой же невзрачной, как Бет.

Расправившись с половиной сэндвича, Бет подняла глаза на соседку и спросила:

– В этой школе есть шахматный клуб?

Девочка взглянула на нее с удивлением:

– Чего?

– Здесь есть кружок, в котором играют в шахматы? Я хочу туда записаться.

– А, – сказала девочка. – Вроде нет ничего такого. Можешь попробовать записаться в младшую команду черлидерш.

Бет доела сэндвич.

* * *

– Ты слишком много времени проводишь за учебой, – сказала миссис Уитли. – У тебя есть какие-нибудь увлечения?

Вообще-то в тот момент Бет и не думала учиться – она сидела в своей комнате в кресле у окна и читала роман, который взяла в школьной библиотеке. Перед тем как войти, миссис Уитли постучала. Она была в розовом пушистом банном халате и розовых атласных

тапочках. Вошла и присела на краешек кровати, рассеянно улыбаясь Бет, как будто думала о чем-то совсем другом. Бет прожила в этом доме уже неделю и успела заметить, что у миссис Уитли часто бывает такой отсутствующий вид.

– Мне нравится играть в шахматы, – ответила Бет.

Миссис Уитли недоуменно заморгала:

– В шахматы?

– Это мое любимое занятие.

Миссис Уитли дернула головой так, словно хотела стряхнуть что-то застрявшее в волосах.

– О, шахматы! – воскликнула она. – Королевская игра. Как мило!

– Вы умеете играть? – спросила Бет.

– О боже, нет, конечно! – отозвалась миссис Уитли и хмыкнула, будто в осуждение самой себе: – Мне на это мозгов не хватает. А вот мой отец умел играть. Он был хирургом и очень интеллигентным человеком. Думаю, в свое время он считался первоклассным шахматистом.

– Можно мне поиграть с ним?

– К сожалению, нет. Мой отец умер много лет назад.

– А у вас есть знакомые, с которыми я могу поиграть?

– В шахматы? Вряд ли. – Миссис Уитли несколько секунд пристально изучала ее взглядом. – По-моему, это все-таки игра для мальчиков.

– Девочки тоже играют.

– Как мило, – пробормотала миссис Уитли – ее мысли опять уже были далеко.

* * *

Миссис Уитли два дня надраивала дом к приходу мисс Фарли и три раза заставила Бет причесаться утром перед ее визитом.

Мисс Фарли явилась не одна – за ней следовал высокий мужчина в спортивной куртке. Когда они вошли, Бет с удивлением узнала Фергюссена. Он казался слегка смущенным.

– Привет, Хармон. – Фергюссен остановился в гостиной миссис Уитли, засунув руки в карманы. – Я без приглашения.

Мисс Фарли принесла с собой целую стопку бланков и контрольный лист. Она желала знать о режиме и рационе питания Бет, о ее успеваемости в школе и о том, какие у нее планы на лето. В основном в разговоре участвовала миссис Уитли, и Бет видела, что с каждым новым вопросом она становится всё эмоциональнее.

– Вы даже не представляете, – говорила она, – как чудесно Бет вписалась в школьное окружение. Учителя в восторге от ее познаний...

Бет не помнила, чтобы миссис Уитли хоть раз беседовала с ее учителями, но промолчала.

– Я бы хотела пообщаться и с мистером Уитли, – сказала мисс Фарли. – Он скоро придет?

Миссис Уитли ей широко улыбнулась:

– Олстон звонил сегодня утром и дико извинялся, что не сможет прийти. Он так много работает! – Она покосилась на Бет, не переставая улыбаться. – Олстон – наш кормилец.

– Надеюсь, у него найдется возможность проводить побольше времени с Бет, – сказала мисс Фарли.

– О, разумеется! – воскликнула миссис Уитли. – Олстон для нее прекрасный отец!

Бет ошеломленно уставилась на собственные руки, сложенные на коленях. Даже Джолин не умела так нагло врать. На секунду Бет и сама поверила миссис Уитли, представив себе доброго и заботливого Олстона, любящего отца и мужа, – Олстона Уитли, который существовал только на словах его жены, – но тут же вспомнила его настоящего: угрюмого, отстраненного, молчаливого. И вовсе он не звонил сегодня утром.

За тот час, что представители приюта провели в доме, Фергюссен почти ничего не говорил. А когда они с мисс Фарли уходили, он протянул руку Бет, и у нее затрепетало сердце.

– Рад был повидаться, Хармон, – сказал он.

Бет пожалала его ладонь. Ей вдруг очень захотелось, чтобы он остался.

* * *

Через несколько дней, в субботу, миссис Уитли повезла ее в центр города закупаться одеждой. Когда автобус остановился на углу рядом с домом, Бет без колебаний ступила на подножку, хотя раньше на автобусах никогда в жизни не ездила. Стояла теплая осень, и девочка чувствовала себя некомфортно в шерстяной юбке, поэтому с нетерпением ждала, когда ей купят новую. По дороге она считала кварталы до центра города.

Они сошли на семнадцатой остановке. Миссис Уитли взяла ее за руку, хотя в этом не было никакой необходимости, и повела по заполненному суетливой деловой толпой тротуару к вертящейся двери под вывеской «Универмаг Бена Снайдера». Было десять утра, и переходы внутри кишмя кишели женщинами с хозяйственными сумками всех форм и размеров. Миссис Уитли прокладывала путь с уверенностью профессионала; Бет следовала за ней.

Вместо того чтобы сразу направиться в отдел одежды, миссис Уитли потащила ее по широкой лестнице на подземный этаж и двадцать минут провела у прилавка с табличкой «Обеденные салфетки. Брак». Перебрала целый ворох разноцветных тряпок, несколько десятков отвергла, отложила шесть голубых. Бет наблюдала, как миссис Уитли замороженно и сосредоточенно, методом проб и ошибок, складывает стопочку, предназначенную к покупке. А потом та решила, что салфетки ей вообще не нужны. Они перешли к прилавку с табличкой «Уцененные книги». Миссис Уитли

прочитала все названия в нагромождении книг по тридцать девять центов, некоторые повытаскивала, перелистала, но ни одной не купила.

В конце концов они добрались до эскалатора на первый этаж, остановились там у парфюмерного прилавка, и миссис Уитли побрызгала одно запястье «Ночью в Париже», другое – «Изумрудом».

– Ну вот, милая, теперь можно подняться на четвертый, – сказала она наконец и улыбнулась Бет: – В отдел «Готовое платье для юных леди»!

Между третьим и четвертым этажами Бет, обернувшись, увидела вывеску «КНИГИ И ИГРЫ», а прямо под ней, в застекленной витрине, лежали три шахматных набора.

– Шахматы! – сказала она и подергала миссис Уитли за рукав.

– Что? – недовольно взглянула та на нее.

– Там продаются шахматные доски с фигурами, – пояснила Бет. – Давайте вернемся.

– Не кричи так, – поморщилась миссис Уитли. – Зайдем туда на обратном пути.

Но они не зашли. До самого полудня миссис Уитли заставляла Бет примерять разные пальто с надписью «Уцененный товар» на бирках и вертеться перед ней во все стороны, чтобы она могла «рассмотреть край», и подходить поближе к окну, чтобы «увидеть, как выглядит ткань при естественном освещении». В конце концов она сама выбрала и купила одно, а затем настояла на том, чтобы спуститься к выходу на лифте.

– А за шахматным набором мы не зайдем? – спросила Бет, но миссис Уитли не ответила.

Бет запарилась, вспотела, и у нее уже болели ноги. Пальто, которое она сейчас несла в картонной коробке, ей не понравилось. Оно было такого же блекло-голубого цвета, как вездесущий кардиган миссис Уитли, и плохо на ней сидело. Бет мало что

понимала в одежде, но даже ей было ясно, что в этом универмаге продается дешевый ширпотреб.

Когда лифт остановился на третьем этаже, Бет собралась было напомнить еще раз про шахматы, но дверцы сразу закрылись, и лифт пошел на первый. На улице миссис Уитли снова взяла Бет за руку и повела ее к автобусной остановке, по дороге жалуясь на то, что сейчас, дескать, трудно найти в продаже что-нибудь приличное.

– Но мы же все-таки купили то, за чем приехали, – глубокомысленно подытожила она, когда из-за угла показался автобус.

На следующей неделе учитель английского запаздывал на урок, и Бет слушала, как за партой позади нее болтают две девочки.

– Ты купила эти туфли в «Бене Снайдере»? – спросила одна.

– В «Бене Снайдере»? Да я туда ни ногой! – засмеялась вторая.

* * *

Бет каждое утро ходила в школу по тенистым улочкам с сонными домами и деревьями на лужайках. Той же дорогой ходили и другие ученики – некоторых из них Бет знала, но всегда шла в одиночестве. В школу ее записали через две недели после начала осеннего семестра, и через месяц уже начались промежуточные экзамены. Во вторник утром у нее никаких тестов не было, и предполагалось, что она проведет это время в классе, но Бет села в автобус и поехала в центр города, прихватив с собой блокнот и сорок центов, сэкономленные из карманных денег. Она держала мелочь наготове, садясь в автобус.

Шахматные наборы были на том же месте, лежали в витрине, но подойдя поближе, Бет обнаружила, что они очень низкого качества. Белый ферзь оказался на удивление легким. Бет перевернула фигуру – она была полая и сделана из пластмассы. Бет как раз ставила фигуру назад, когда к ней подошла продавщица и спросила:

– Могу я тебе чем-нибудь помочь?

– У вас есть «Современные шахматные дебюты»?

– У нас есть шахматы, шашки и нарды, – сказала женщина, – и большой ассортимент детских настольных игр.

– Я про книгу говорю, – пояснила Бет. – Это книга о шахматах.

– Книжный отдел напротив.

Бет вошла в лавку с книжными полками и принялась изучать названия – ничего о шахматах там не было, и продавца, у которого можно было бы спросить, тоже не наблюдалось. Она вернулась к женщине за прилавком с играми и долго ждала, пока та не соизволила обратить на нее внимание.

– Я ищу книгу о шахматах, – сказала Бет.

– Мы тут книги не продаем, – отрезала женщина и уже хотела отвернуться, но Бет поспешно спросила:

– А книжный магазин тут поблизости есть?

– Сходи в «Моррис». – Продавщица отошла к целому штабелю коробок и начала их подравнивать.

– А где это?

Женщина молчала.

– Где находится книжный магазин «Моррис», мэм? – громко спросила Бет.

Женщина обернулась и сердито уставилась на нее, но все-таки ответила:

– На Аппер-стрит.

– А где эта Аппер-стрит?

На секунду Бет показалось, что женщина сейчас взвывает от ярости, но затем ее лицо расслабилось, и она сказала:

– В двух кварталах от Мейн-стрит.

Бет на эскалаторе спустилась к выходу.

* * *

«Моррис» стоял на углу, рядом с аптекой. Бет толкнула дверь и оказалась в большом помещении, набитом книгами – такого их количества она никогда в жизни не видела. На табурете за конторкой сидел лысый человек, курил сигарету и читал. Бет направилась прямо к нему и спросила:

– У вас есть «Современные шахматные дебюты»?

Человек, оторвавшись от томика в руках, устремил на нее взгляд поверх очков.

– Вот это вопрос, – произнес он приятным голосом.

– Есть или нет?

– Кажется, есть. – Он встал с табуретки, зашагал в глубь магазина, а минуту спустя вернулся к Бет и принес книгу – точно такую же, как у нее была, в таком же красном переплете. Бет на секунду задержала дыхание, увидев ее.

– Вот, прошу, – сказал продавец, протягивая книгу.

Бет взяла ее и открыла на сицилианской защите. Чудесно было снова прочитать знакомые названия – вариант Дракона, вариант Левенфиша, вариант Найдорфа... Они звучали в голове, как заклинания, как имена святых.

Прошло какое-то время, прежде чем она услышала, что продавец о чем-то ей говорит.

– Ты всерьез увлекаешься шахматами? – донесся до нее вопрос.

– Да, – сказала Бет.

Он улыбнулся:

– Я думал, эта книга написана для гроссмейстеров.

Бет помедлила, но все-таки спросила:

– Кто такие гроссмейстеры?

– Гениальные игроки, – сказал лысый человек. – Такие, как Капабланка, но его времена давно прошли. В наши дни блистают другие шахматисты, я не знаю их имен.

Она никогда не встречала никого похожего на этого мужчину – он держался непринужденно и говорил с ней, как со взрослой. Ближе

всего к нему был, наверное, Фергюссен, но тот все-таки вел себя более официально.

– Сколько стоит эта книга? – спросила она.

– Довольно дорого. Пять долларов девяносто пять центов.

Бет ожидала и боялась услышать нечто подобное. После сегодняшней второй поездки на автобусе у нее останется десять центов. Она протянула книгу продавцу:

– Спасибо. Я не могу себе это позволить.

– Очень жаль, – сказал он. – Положи ее на прилавок.

Бет положила.

– У вас есть другие книги о шахматах?

– Конечно. Там указатель «Игры и спорт». Иди посмотри.

В глубине магазина оказалась целая полка с названиями «Пол Морфи и золотой век шахмат», «Выигрышные шахматные ловушки», «Как улучшить свои навыки игры в шахматы», «Усовершенствованная шахматная стратегия». Бет взяла книгу «Атака и контратака в шахматах», начала читать партии и представлять их в голове, не глядя на диаграммы. Она долго стояла у стеллажа – приходили и уходили покупатели, но ее никто не тревожил. Бет читала одну запись партии за другой, порой удивляясь головокружительным ходам – жертве ферзя или «спёртому мату». В книге было шестьдесят партий, и все с заголовками вверху страницы, например: «В. Смыслов – И. Рудаковский. Москва, 1945» или «А. Рубинштейн – О. Дурас. Вена, 1908». В этой, венской, партии белые провели пешку в ферзи на тридцать шестом ходу, угрожая черным вскрытым шахом.

Бет осмотрела переплет. Книга была меньше «Современных шахматных дебютов», а на стикере, прилепленном к задней крышке, стояла цена: \$2.95. Она принялась читать с самого начала. Стрелки часов на стене книжного магазина показывали половину одиннадцатого – через час ей нужно будет уйти, чтобы успеть добраться до школы к началу экзамена по истории. Продавец, снова усевшийся на табуретку, не обращал на Бет внимания – он был

поглощен той книжкой, которую сам читал. Бет сосредоточилась и к одиннадцати тридцати выучила наизусть двенадцать партий.

В автобусе по пути в школу она мысленно разыгрывала эти партии. В отдельных ходах – не в таких захватывающих, как жертва ферзя, а в каком-нибудь простом продвижении пешки на одно поле, – ей открывались бездны коварства, от которых тоненькие волоски на шее вставали дыбом.

Бет опоздала на пять минут, но никого, похоже, это не волновало, к тому же экзаменационную работу она сдала раньше всех. Оставалось еще двадцать минут, и до конца экзамена она мысленно воспроизводила партию «П. Керес – А. Тарновский. Хельсинки, 1952». Это был дебют Руи Лопеса, и белые делали ход слоном, который, как она поняла, означал косвенное нападение на черную королевскую пешку. На тридцать пятом ходу белые вывели ладью на седьмое поле коня самым неожиданным и поразительным образом, так что Бет чуть не завопила от восторга, сидя за партой.

* * *

В Фэрфилдской средней школе были разные клубы по интересам; встречам их участников уделялся час после уроков, а по пятницам школьники иногда устраивали клубные посиделки вместо общих собраний с классным руководителем. Клубы «Яблочный пирог», «Мы почти выпускницы», «Городские девчонки» ходили на «сестринства» – женские объединения в колледжах, – и чтобы вступить в них, нужно было поручительство кого-то из участниц. Девочки из «Яблочного пирога» учились в восьмом и девятом классах; почти все они ходили в ярких кашемировых пуловерах, в гольфах с ромбами и двухцветных кожаных полуботинках-«оксфордах» с потертостями по тогдашней моде. Некоторые из них жили за городом, на фермах, и их родители владели лошадьми. Чистокровными. Когда таких девочек

встречаешь в школьных коридорах, они на тебя и не смотрят. Они всегда улыбаются кому-то другому. Пуловеры у них были ярко-желтых, аквамариновых и пастельно-зеленых оттенков. Гольфы доходили до колен и связаны были из стопроцентно натуральной английской шерсти.

Порой, глядя на себя в зеркало в девчачьем туалете во время переменок, Бет видела свои прямые каштановые волосы, узкие плечи, круглое лицо с тусклыми карими глазами, веснушки на носу – и у нее во рту появлялся знакомый уксусный привкус. Девочки, состоявшие в клубах, пользовались помадой и тенями для век; Бет никогда не делала макияж и по-прежнему носила традиционную приютскую челку. Ни самой Бет, ни кому бы то ни было другому и в голову не приходило, что ей можно дать поручительство для вступления в клуб.

* * *

– На этой неделе, – начала миссис Макартур, – мы начнем изучать двучленные уравнения. Кто-нибудь знает, что такое двучлен?

Бет, сидевшая в последнем ряду, подняла руку. Она сделала это впервые.

– Да? – кивнула миссис Макартур.

Бет встала, внезапно оробев.

– Двучлен, или бином, – это алгебраическое выражение, содержащее два слагаемых. – Они это проходили в «Метуэне» в прошлом году. – «Икс плюс игрек» – это двучлен.

– *Очень* хорошо, – сказала миссис Макартур.

За партой перед Бет сидела девочка по имени Маргарет; у нее были блестящие светлые волосы и роскошный бледно-лавандовый кашемировый свитер. Когда Бет села на место, блондинка слегка повернула голову в ее сторону и прошептала:

– *Ну ты мудрила! Фу!*

* * *

По школьным коридорам Бет бродила в одиночестве, и едва ли ей приходило на ум, что может быть по-другому. Большинство девочек держались парочками или тройцами, но Бет всегда оставалась одна.

Однажды после уроков на обратном пути из библиотеки она услышала долетевший издали смех и обернулась – в конце вестибюля, залитая солнечным светом из окна, стояла к ней спиной высокая чернокожая девочка. Рядом, у фонтанчика, были еще две девочки, пониже, – смотрели, как она хохочет. Лиц было не разглядеть, а свет прямо за ними слепил Бет. Высокая девочка повернулась в профиль, и у Бет чуть не остановилось сердце – до того знакомым ей показался наклон головы. Бет сделала десяток торопливых шагов по направлению к ней.

Но это была не Джолин. Бет резко остановилась и развернулась в другую сторону. Три девочки отошли от фонтанчика и громко хлопнули входной дверью, а Бет долго еще стояла там, глядя им вслед.

* * *

– Не могла бы ты сбегать к Брэдли за сигаретами? – спросила миссис Уитли. – Я, кажется, простудилась.

– Да, мэм, – сказала Бет.

Был субботний вечер, она сидела, открыв на коленях новый роман, но не читала – в ее воображении шла шахматная партия между П. Морфии^[16] и кем-то обозначенным попросту «гроссмейстер». Восемнадцатый ход Морфи – конь на пятое поле слона – показался Бет странным. Это была неплохая атака, но она подумала, что Морфи мог бы действовать более эффективно – ферзевой ладьей.

– Я напишу записку, а то Брэдли не продаст тебе сигареты по малолетству.

– Да, мэм, – отозвалась Бет.

– Три пачки «Честерфилда».

– Да, мэм.

До этого в лавке мистера Брэдли она была всего один раз, вместе с миссис Уитли. Та вручила ей листочек с обращением к владельцу, набросанным карандашом, и один доллар двадцать центов. Записку Бет сразу выложила на прилавок. У нее за спиной стоял длинный стеллаж с журналами; заплатив за сигареты, она обернулась и принялась рассматривать обложки. На выпусках «Времени» и «Новостей недели» были портреты сенатора Кеннеди – он баллотировался в президенты, но вряд ли имел шансы победить на выборах, поскольку был католиком. Еще там оказалась целая полка женских журналов, и на их обложках красовались лица, как у Маргарет, и у Сью-Энн, и у других девочек из «Яблочного пирога»; волосы у всех блестели, полные губы алели помадой.

Бет уже собралась уходить, но краем глаза заметила кое-что интересное – в правом углу на самой нижней полке с журналами, посвященными искусству фотографии, летнему отдыху и хобби, лежал один с шахматной доской на обложке. Она подошла поближе и взяла журнал с полки. На обложке было название «Шахматное обозрение» и ценник. Бет открыла журнал. Там было множество шахматных партий и фотографий людей, играющих в шахматы. Одна статья называлась «Королевский гамбит: новый взгляд», другая – «Блистательные победы Морфи». Партию Морфи она только что разыгрывала в голове! У Бет сильнее заколотилось сердце. Она перелистала страницы дальше, нашла статью о шахматах в СССР, но главное, что бросилось ей в глаза, – это слово «турнир». Целый раздел назывался «Турнирная жизнь». Бет даже не подозревала, что проводятся соревнования по шахматам. Она думала, это просто увлечение: одни играют в шахматы, другие, как миссис Уитли, вяжут коврики, третьи складывают пазлы.

– Эй, юная леди, – окликнул ее мистер Брэдли. – Либо покупай журнал, либо положи его на место.

Бет с удивлением обернулась:

– А нельзя просто...

– Прочитай объявление.

Оказалось, к стеллажу с журналами прямо перед ней прикреплен лист бумаги, и на нем написано от руки: «ХОЧЕШЬ ЧИТАТЬ – ПОКУПАЙ». У Бет было всего пятнадцать центов. Несколько дней назад миссис Уитли сказала, что какое-то время ей надо будет обходиться без карманных денег – у них проблемы с финансами, а мистер Уитли задерживается в командировке на западе страны. Бет положила журнал на полку и вышла из лавки.

Пройдя полквартала, она остановилась, поразмыслила минутку и вернулась обратно. На прилавке, у локтя мистера Брэдли, висел стопка газет. Бет протянула ему дайм^[17], взяв одну газету. Мистер Брэдли переключился на даму, которая пришла покупать лекарства по рецептам, а Бет отошла к дальнему концу стеллажа с журналами, держа газету под мышкой, и принялась ждать.

Через пару минут мистер Брэдли сказал даме: «У нас они трех видов», – и зашагал в дальний конец лавки, позвав покупательницу за собой. Бет тотчас схватила экземпляр «Шахматного обозрения» и сунула его в сложенную пополам газету.

На улице, под ярким солнцем, она прошла целый квартал с газетой под мышкой. За первым поворотом остановилась, вытащила журнал, примостила его за поясом юбки и сверху натянула бледно-голубой пуловер из переработанной шерсти, купленный в «Бене Снайдере». Расправила пуловер и бросила газету в урну на углу.

По дороге домой, с невидимым журналом, надежно прижатым к плоскому животу, она опять задумалась о том ходе ладьей, который мог сделать, но не сделал Морфи. В статье о нем говорилось, что Морфи был «возможно, самым блистательным игроком в истории шахмат». Ладья могла бы занять седьмое поле слона, и черные не стали бы сбивать ее конем, иначе... Бет замерла посреди квартала.

Где-то лаяла собака; на другой стороне улицы два маленьких мальчика шумно играли в салки на аккуратно подстриженной лужайке. После хода второй пешкой на пятое поле королевского коня уцелевшая ладья может отступить, и если черные возьмут белую пешку, слон останется без прикрытия, а если не возьмут...

Бет закрыла глаза. Если черные не возьмут пешку, Морфи поставит мат в два хода, на первом пожертвовав слона и объявив шах. Если же черные *возьмут* пешку, вперед двинется еще одна белая пешка, а слон пойдет в другую сторону, и черные уже ничего не сумеют сделать. *Вот оно.* Один из двух мальчиков на лужайке разревелся. *Черные ничего не смогли бы сделать.* Игра бы закончилась максимум на двадцать девятом ходу. Согласно записи этой партии в книге, Полу Морфи понадобилось тридцать шесть, чтобы одержать победу. Он не заметил возможностей ладьи. *А она заметила.*

В чистейшем синем небе над головой сияло солнце. Собака лаяла не умолкая. Мальчики ревели уже вдвоем. Бет медленно шла домой, воспроизводя в голове ту же шахматную партию. Ее ум был ясен и прозрачен, как ослепительный, совершенный бриллиант.

* * *

– Олстон должен был вернуться неделю назад, – сказала миссис Уитли. Она полулежала в кровати с журналом кроссвордов и головоломок в руках; перед ней на комодe работал маленький телевизор с выключенным звуком. Бет только что принесла ей чашку растворимого кофе с кухни. На миссис Уитли был розовый халатик, а лицо она густо напудрила.

– Его долго еще не будет? – спросила Бет, хотя завязывать беседу у нее не было никакого желания – не терпелось вернуться к «Шахматному обозрению».

– Олстона безбожно задерживают, – вздохнула миссис Уитли.

Бет кивнула и сказала:

– Я хочу найти работу. После уроков.

Миссис Уитли растерянно заморгала:

– Работу?

– Ну, я могу подрабатывать в магазине или мыть где-нибудь посуду.

Миссис Уитли долго молча смотрела на нее.

– В тринадцать лет? – наконец выговорила она. Затем осторожно поднесла к носу платок и высморкалась. – Мне казалось, тебя тут неплохо кормят.

– Я хочу зарабатывать деньги.

– На одежду, я так понимаю?

Бет ничего не ответила.

– В твоём возрасте работают только цветные девочки.

То, как миссис Уитли произнесла слово «цветные», лишило Бет стремления разговаривать с ней на эту тему.

Вступительный взнос в Шахматную федерацию Соединенных Штатов составлял шесть долларов. Еще четыре доллара стоила подписка на журнал «Шахматное обозрение». Деньги требовались и на кое-что поинтереснее: в разделе «Турнирная жизнь» было перечислено несколько городов – по одному в Огайо, Иллинойсе, Теннесси и Кентуки, а в рамке под ними говорилось следующее: «Чемпионат штата Кентуки, уик-энд после Дня благодарения (пт., сб., вс.), актовый зал Старшей школы имени Генри Клея, Лексингтон», а еще ниже: «Призовой фонд – \$185. Вступительный взнос – \$5.00. Только для членов ШФСШ».

Получалось, нужно заплатить шесть долларов за членство в федерации и еще пять за участие в турнире. Мимо Старшей школы имени Генри Клея Бет проезжала на автобусе, который ходил по Мейн-стрит. Школа была в одиннадцати кварталах от Джанвелл-драйв. А до Дня благодарения оставалось шесть недель.

* * *

– Кто-нибудь может точно сформулировать теорему? – спросила миссис Макатур.

Бет подняла руку.

– Бет?

Она встала из-за парты:

– В прямоугольном треугольнике квадрат гипотенузы равен сумме квадратов катетов. – И села на место.

Маргарет, хихикнув, наклонилась к Гордону, который сидел впереди и периодически брал ее за руку под партой.

– Видал мудрилу? – прошептала Маргарет нежным девичьим голоском, полным презрения.

Гордон засмеялся. Бет посмотрела в окно на осенние листья.

* * *

– Не понимаю, куда деваются деньги! – сказала миссис Уитли. – В этом месяце я потратила ничтожную малость, а мои запасы уменьшились в десять раз. В десять! – Она плюхнулась в обитое английским ситцем кресло и уставилась в потолок широко раскрытыми глазами, будто ждала, что на нее сейчас упадет лезвие гильотины. – Я оплатила счет за электричество, счет за телефон, выбирала самые простые продукты, отказала себе в сливках к утреннему кофе, вообще ничего не покупала для себя, не ходила в кино, не была на благотворительном базаре в Первой методистской церкви – и у меня осталось семь долларов, хотя должно быть по меньшей мере двадцать! – Она бросила на столик перед собой скомканные долларовые бумажки, которые несколько минут назад выудила из кошелька. – Вот это все, что у нас есть до конца октября. Едва хватит на куриные шейки и овсянку.

– Разве «Метуэн-Хоум» не прислал вам чек? – спросила Бет.

Миссис Уитли оторвала взгляд от потолка и воззрилась на нее. А затем произнесла ровным голосом:

– За первый год. Можно подумать, от той суммы что-то осталось после расходов на твое содержание.

Бет знала, что это неправда. Чек был на семьдесят долларов – так много миссис Уитли на нее точно не потратила.

– Чтобы более или менее сносно дожить до первого числа, нам нужно двадцать долларов, – сказала миссис Уитли. – А у меня на тринадцать меньше. – Она перевела было взгляд на потолок, но тут же снова вперила его в Бет. – Надо было тщательно записывать все траты.

– Может, дело в инфляции? – не без оснований сказала Бет. Она позаимствовала всего шесть долларов – на членство в Шахматной федерации.

– Может быть, – протянула миссис Уитли, слегка смягчившись.

Бет не хватало пяти долларов на взнос за участие в турнире. В классе на продленке, за день до выступления миссис Уитли на тему финансов, она вырвала из тетради лист и написала мистеру Шейбелу, уборщику, на адрес «Метуэн-Хоум», Маунт-Стерлинг, Кентукки. Вот что в нем было:

Дорогой мистер Шейбел.

Здесь будет шахматный турнир с первым призом 100 долларов и вторым – 50. Другие призы тоже предусмотрены. Регистрационный взнос – 5 долларов, а у меня их нет.

Если вы пришлете мне эти деньги, я верну вам 10 долларов при условии, что выиграю какой-нибудь приз.

Искренне ваша,

Элизабет Хармон.

На следующее утро она нашла конверт и марку в набитом всякой всячиной письменном столе в гостиной, пока миссис Уитли еще не встала с постели, а потом бросила послание в почтовый ящик по дороге в школу.

В ноябре Бет взяла из кошелька миссис Уитли еще один доллар. Со дня отправки письма мистеру Шейбелу прошла неделя, а ответа всё не было. На часть позаимствованных денег Бет купила свежий выпуск «Шахматного обозрения». Там оказалось множество партий, позволивших ей усовершенствовать навыки в игре. В одной из этих партий победу одержал молодой гроссмейстер по имени Бенни Уоттс. Бенни Уоттс был чемпионом Соединенных Штатов.

* * *

Миссис Уитли простужалась как-то слишком уж часто.

– У меня предрасположенность к вирусам, – сказала она в очередной раз. – Или у них ко мне. – И протянула Бет рецепт, по которому нужно было получить лекарства в лавке Брэдли, а заодно один дайм ей на лимонад.

Мистер Брэдли странно посмотрел на Бет, когда та вошла, но ничего не сказал. Получив рецепт, он отправился в глубь магазина, а Бет тем временем старалась держаться подальше от стеллажа с журналами – месяц назад она взяла здесь еще один выпуск «Шахматного обозрения», хотя тот был в единственном экземпляре, так что мистер Брэдли вполне мог это заметить.

Он вернулся с пластмассовым пузырьком – на этикетке был напечатан какой-то текст, – и поставил его на прилавок. Пока мистер Брэдли расправлял белый бумажный пакет, Бет во все глаза смотрела на пузырек. В нем лежали продолговатые ярко-зеленые пилюли.

* * *

– Это мое успокоительное, – пояснила миссис Уитли. – Макэндрюс решил, что мне нельзя нервничать.

– Кто такой Макэндрюс? – спросила Бет.

– Доктор Макэндрюс, – сказала миссис Уитли, откручивая у пузырька крышку. – Мой врач. – Она достала две таблетки. – Принесешь мне стакан воды, дорогая?

– Да, мэм.

Когда Бет пошла за водой в ванную, миссис Уитли вздохнула и пробормотала:

– И почему они заполняют эти пузырьки всего лишь наполовину?

* * *

В ноябрьском выпуске были двадцать две партии, сыгранные на шахматном турнире в Москве. Фамилии участников – Ботвинник, Петросян, Лаев – звучали, как имена сказочных персонажей. Двое из них на фотографии склонились над доской; у обоих были темные волосы, сурово сжатые губы и черные костюмы. На дальнем плане за шахматистами, не в фокусе, были запечатлены зрители – огромная аудитория.

В полуфинальной партии между Петросяном и неким Бенковичем Бет заметила неверное решение, принятое Петросяном, – он начал пешечную атаку, а этого делать не следовало. В описании партии был приведен комментарий какого-то американского гроссмейстера, который считал, что ходы пешками хорошо продуманы шахматистом, но Бет смотрела глубже. Как мог Петросян так ошибиться? И почему американец не разглядел, в чем была слабость его позиции? У шахматистов хватало времени, чтобы поразмыслить

над положением на доске – в журнале написали, что партия продолжалась целых пять часов.

* * *

В раздевалке спортзала Маргарет повесила на дверцу своего шкафчика кодовый замок, но не покрутила колесико с цифрами. Сейчас девочки стояли рядом под душем, так что Бет видела грудь Маргарет – приличного размера, похожую на два внушительных конуса. У самой Бет грудь все еще была как у мальчишки, а волосы на лобке только-только начали расти. Маргарет на нее не обращала внимания – что-то мурлыкала себе под нос, старательно намазываясь. Бет вышла из своей кабинки и закуталась в полотенце. Мокрая, вернулась в комнату, где стояли школьные шкафчики для вещей. Кроме нее, никого там не оказалось.

Бет наскоро вытерла руки, осторожно вытащила замок из зашин на шкафчике Маргарет и положила его на полотенце. С волос на руки капала вода, но это не имело значения – из мальчишеской раздевалки уже натекло столько воды, что повсюду были лужи. Бет осторожно открыла дверцу шкафчика – медленно, чтобы не заскрипела. Сердце колотилось так, будто у нее в груди была клетка, а в клетке метался маленький зверек и не мог вырваться.

В шкафчике лежала красивая дамская сумочка из натуральной кожи. Бет еще раз вытерла руки и достала его с полки, чутко прислушиваясь к звукам из девчачьей душевой – пока до нее доносились только смешки и визг, ничего больше. Ей удалось первой добраться до душевой из спортзала и занять кабинку рядом с дверью, а потом раньше всех незаметно выскользнуть оттуда. Остальные еще и не думали возвращаться в раздевалку. Она открыла сумочку.

Внутри обнаружили красочные почтовые открытки, совсем новая помада, черепаховый гребень для волос и льняной носовой

платок, очень изящный. Бет запустила внутрь правую руку, порылась под этими вещами, нащупала на самом дне зажим для банкнот и достала его. В зажиме были две пятидолларовые бумажки. Бет поколебалась мгновение и взяла обе, вместе с зажимом. Сумку положила назад и повесила замок на дверцу шкафчика.

Свой шкафчик она тоже не запирала, только прикрыла дверцу, так что теперь быстро распахнула ее и засунула зажим с пятидолларовыми купюрами между страниц учебника алгебры. Затем заперла дверцу на замок, вернулась в душевую и мылась до тех пор, пока оттуда не ушли все девочки.

Когда никого не осталось и в раздевалке, Бет еще не закончила одеваться. Маргарет так и не открыла свою сумочку, и Бет наконец перевела дух, вздохнув глубоко, как миссис Уитли. Сердце по-прежнему тяжело бухало. Она сняла зажим с банкнот и подбросила его под ящичек Маргарет – как будто он просто выпал из ее сумочки и деньги мог забрать кто угодно. Банкноты она сложила и засунула себе в ботинок. После этого достала с полки собственную сумку – обычную, из голубого пластика, – открыла ее и запустила пальцы в кармашек для зеркальца. Достала оттуда две зеленые таблетки, закинула их в рот, подошла к раковине и проглотила таблетки, запив их водой из бумажного стаканчика.

На ужин в тот вечер были спагетти с фрикадельками из консервной банки и фруктовое желе на десерт. После ужина Бет взялась мыть посуду, а миссис Уитли удалилась в гостиную, включила там телевизор и вдруг воскликнула:

– Ох, совсем забыла!

На пороге кухни она появилась через минуту с конвертом в руке; Бет как раз отскребала кастрюлю от спагетти.

– Это тебе прислали, – сказала миссис Уитли и пошла смотреть «Репортаж Хантли и Бринкли»^[18].

Адрес на грязном конверте был написан карандашом. Бет вытерла руки и вскрыла конверт. Внутри лежали пять однодолларовых купюр; никакого письма не было.

Девочка долго еще стояла возле раковины с купюрами в руках.

* * *

Зеленые таблетки продавались в пузырьках по пятьдесят штук за четыре доллара. Этикетка гласила: «До трех повторных наполнений». Бет заплатила четырьмя однодолларовыми бумажками, поспешно прибежала домой и положила рецепт на место, в ящик стола миссис Уитли.

Глава 4

У входа в спорзал стоял стол, а за ним сидели два человека в белых рубашках. Позади них виднелись длинные ряды других столов с бело-зелеными шахматными досками. В помещении было много людей – они разговаривали, некоторые уже играли в шахматы. Бет заметила всего одну женщину; большинство среди мужчин составляли мальчики или молодые мужчины, и все были белыми. Рядом с администратором в белой рубашке, с тем, что слева, на столе стояла табличка со словами «РЕГИСТРАЦИОННЫЙ ВЗНОС». Бет подошла к нему и протянула пять долларов.

– У тебя есть шахматные часы? – спросил он.

– Нет.

– Мы выдаем их напрокат. Если у твоего противника тоже не окажется часов, возвращайся ко мне. Турнир начнется через двадцать минут. Какой у тебя рейтинг?

– Нет никакого.

– А ты уже когда-нибудь участвовала в турнирах?

– Нет.

Человек кивнул на деньги в руке Бет:

– Уверена, что хочешь попробовать?

– Уверена.

– У нас нет женской группы.

Бет молча смотрела на него.

– Запишу тебя в группу для новичков, – вздохнул он.

– Нет, – сказала Бет. – Я не новичок.

Второй молодой человек в белой рубашке все это время слушал их разговор.

– Если у тебя нет рейтинга, ты автоматически попадаешь в группу новичков и тех, у кого коэффициент меньше тысячи шестисот, – сказал он.

О рейтингах писали в «Шахматном обозрении», но Бет читала не слишком внимательно, запомнила только, что у мастеров индивидуальный коэффициент силы 2200 и выше.

– Какой приз в группе новичков?

– Двадцатка.

– А в других группах?

– Первый приз в открытой группе – сто долларов.

– Правила запрещают мне играть в открытой группе?

Администратор покачал головой:

– Не то чтобы запрещают, но...

– Тогда запишите меня туда. – Бет снова протянула пять долларов.

Человек пожал плечами и дал ей бланк, который нужно было заполнить.

– Там три парня с рейтингами выше тысячи восьмисот, и может появиться сам Белтик – он чемпион штата. Эти ребята сожрут тебя живьем.

Бет взяла ручку и принялась заполнять бланк. Вписала имя, фамилию, адрес, в графе «Рейтинг» нарисовала жирный ноль и вернула бланк администратору.

Турнир начался с опозданием на двадцать минут – организаторам понадобилось время на то, чтобы подготовить список участников, разбитых на пары. Когда они начали вывешивать карточки игроков на доске, Бет поинтересовалась у стоявшего рядом мужчины, определяются ли пары игроков случайным образом.

– Вовсе нет, – отозвался тот. – В первом туре пары составляют в соответствии с рейтингами. Дальше победители играют с победителями, проигравшие – с проигравшими.

Наконец появилась и карточка Бет, там было написано: «Хармон – б/р^[19] – черные», и висела она рядом с другой: «Пекер – б/р – белые». Обе карточки находились под номером «27». Оказалось, они последние.

Бет направилась к шахматной доске номер двадцать семь и села со стороны черных фигур. Доска тоже была последней, на самом

дальнем столе. За соседним ждала начала партии женщина лет тридцати. Через минуту вошли еще две: двадцатилетняя девушка и высокая неуклюжая старшеклассница, соперница Бет.

Бет окинула взглядом многочисленные столы – шахматисты устраивались за ними, а некоторые уже начали партии; все были мужчинами, и почти все – молодыми. В турнире участвовали только четыре особы женского пола – их посадили в дальнем конце спортзала, заставив играть друг против друга.

Соперница Бет неловко протиснулась за стол, поставила сбоку от доски часы с двумя циферблатами и протянула руку:

– Я Аннетт Пекер.

Ладонь у нее была широкая и влажная.

– Я Бет Хармон. А зачем в шахматах нужны часы?

Аннетт, похоже, испытала некоторое облегчение от того, что ей нужно поделиться знаниями.

– На циферблате, который ближе к тебе, отмеряется твое игровое время. У всех участников турнира есть девяносто минут. После каждого хода тебе нужно нажимать на кнопку наверху, тогда твои часы остановятся, а мои запустятся. На циферблатах над числом «двенадцать», вот здесь, маленькие красные флажки. Они упадут, когда истекут девяносто минут. Если это случится, тебе засчитают поражение.

Бет кивнула. Девяносто минут, как ей казалось, – уйма времени, она еще никогда не тратила на шахматную партию больше двадцати. Рядом с каждым игроком лежал разлинованный лист бумаги для записи ходов.

– Теперь можешь запустить мои часы, – сказала Аннетт.

– Почему они всех девушек согнали в один угол? – спросила Бет.

Аннетт удивленно вскинула брови:

– Не думаю, что нарочно. В любом случае, если ты выиграешь, тебя пересадят за другую доску.

Бет нажала на кнопку над своим циферблатом, и часы Аннетт затикали. Старшеклассница нервно взяла королевскую пешку,

поставила ее на четвертое поле короля и вздохнула:

– Ох, тронул – ходи...

– Что это значит?

– Такое правило. Не трогай фигуру, пока не решила окончательно, сделать ход или нет. Если прикоснешься к какой-то фигуре, нужно ходить именно ей.

– Окей, – кивнула Бет. – Может, уже нажмешь на свою кнопку?

– Извини. – Аннетт нажала, запустив ее часы.

Бет недрогнувшей рукой взяла пешку ферзевого слона и поставила ее на четвертое поле. Это была сицилианская защита. Бет нажала на кнопку часов и поставила локти на стол, по углам доски, как русские шахматисты на фотографиях.

Атаку она начала на восьмом ходу, на десятом взяла у соперницы слона, на семнадцатом – ферзя. Аннетт еще даже не сделала рокировку. Глядя, как Бет забирает ее ферзя, она положила своего короля набок и сказала:

– Как быстро, – и в ее голосе звучало облегчение от того, что она проиграла.

Бет посмотрела на циферблаты: старшеклассница потратила тридцать минут, а ей самой хватило семи. Ждать, пока Аннетт решиться сделать ход, было труднее всего.

Следующий тур должен был начаться после одиннадцати. Бет записала партию с Аннетт на разлинованном листе, обвела в кружок свою фамилию, обозначив победу, направилась к столу администраторов и положила листок в корзину с наклейкой «ПОБЕДИТЕЛИ». Этот листок оказался там первым. Вслед за Бет к корзине подошел молодой человек, по виду студент колледжа, и тоже положил свой бланк. Бет уже заметила, что большинство людей здесь выглядят крайне непривлекательно: у многих засаленные волосы и плохая кожа, некоторые толстые и кажутся неврастениками. Но этот парень был высокий и стройный, с красивым открытым лицом. Он дружелюбно кивнул Бет – мол, мы с тобой справились быстрее всех, – и она кивнула в ответ.

От нечего делать Бет прошлась по спортзалу, стараясь никому не мешать и глядя, как играют другие шахматисты. Еще одна пара завершила партию, победитель поспешил к столу отмечаться. Ничего интересного в позициях на досках она не увидела. На доске номер семь, возле входа в спортзал, у черных был шанс взять белую ладью в результате двухходовой комбинации, и Бет задержалась рядом, ожидая, что игрок сделает нужный ход слоном. Но когда подошла его очередь, он почему-то разменял пешку в центре – просто не заметил своего шанса.

Нумерация досок начиналась с третьей, а не с первой. Бет окинула взглядом склоненные головы в группе новичков; остальные шахматисты один за другим вставали из-за столов, заканчивая партии. В дальнем конце спортзала была дверь, которую раньше она не замечала. На двери висела табличка «СИЛЬНЕЙШИЕ». Бет вошла.

За дверью оказалось скромное по размерам помещение, не больше гостиной миссис Уитли. Здесь стояли всего два стола, в самом центре, и за обоими шла игра. Ограждение – черные бархатные канаты на деревянных столбиках – не позволяло зрителям подойти слишком близко к игрокам. Несколько человек молча наблюдали за развитием партий; большинство зрителей собрались у стола с табличкой «1», слева от Бет, и среди них был тот самый высокий красивый шахматист.

За доской номер один сидели двое мужчин, по виду – в состоянии предельной концентрации. Шахматные часы сбоку от доски у них отличались от тех, что Бет видела в спортзале: были больше и качественнее сделаны. Один из шахматистов был толстый и плешивый, с мрачным выражением лица, как у русских на снимках в журнале, и в таком же черном костюме, как у них. Второй – моложе, в сером пуловере и белой рубашке. Манжеты рубашки он расстегнул по очереди и закатал до локтей, не отрывая глаз от доски. У Бет свело живот нервной дрожью – здесь происходило что-то по-настоящему важное. Задержав дыхание, она изучила положение фигур на доске. Хватило нескольких секунд, чтобы понять: позиция

сложная и силы соперников уравновешены, как в чемпионских партиях, опубликованных в «Шахматном обозрении». Бет видела, что сейчас должны делать ход черные – стрелка двигалась на циферблате толстяка, – и едва лишь она подумала, что ему следует пойти конем на пятое поле слона, толстяк протянул руку и воплотил ее мысль.

Красивый шахматист отошел от ограждения и прислонился плечом к стене. Бет последовала за ним.

– Кто они? – шепотом спросила она.

– Белтик и Каллен. Белтик – чемпион штата.

– Кто из них кто?

Парень приложил палец к губам, затем едва слышно ответил:

– Белтик – тот, что моложе.

Бет удивилась – чемпион штата Кентукки, судя по всему, был ровесником Фергюссена.

– Он гроссмейстер?

– Пока нет, но работает над этим. Звание мастера у него уже несколько лет.

– О-о, – протянула Бет.

– Тут требуется время. Надо играть с гроссмейстерами.

– Сколько времени играть? – спросила Бет.

Мужчина, стоявший впереди у ограждения, обернулся и сердито уставился на нее через плечо. Высокий парень покачал головой, крепко сжав губы, – призывал к молчанию. Она вернулась к ограждению и продолжила наблюдать за игрой. В комнату стали входить еще люди, сразу стало тесно, но Бет старательно удерживала позицию в первом ряду.

В центре доски нарастало напряжение. Бет несколько минут внимательно изучала расположение фигур, размышляя, что бы она сделала, если бы сейчас был ее черед делать ход, и никак не могла принять решение. Ходить должен был толстяк Каллен. Бет ждала, и ей казалось, что ожидание длится вечность. Толстяк неподвижно сидел, подпирая лоб сжатыми кулаками и сомкнув колени под

столом. Белтик, откинувшись на спинку стула, зевал и насмешливо поглядывал на плешь Каллена, выставленную прямо перед ним. Бет заметила, что у Белтика плохие зубы – с темными пятнами, некоторых не хватает, – и плохо выбрита шея.

Наконец Каллен сделал ход – разменял коней в центре доски. Последовало несколько быстрых ходов, и напряжение слегка разрядилось после того, как игроки по очереди принесли в жертву еще по одному коню и слону. После своего очередного хода Каллен взглянул на соперника и предложил:

– Ничья?

– Ни за что, черт побери, – отрезал Белтик. Он принялся нетерпеливо изучать фигуры на доске, смешно скривив лицо, затем ударил кулаком в ладонь, взял ладью и переставил ее на седьмую горизонталь.

Бет этот ход мысленно одобрила. Ей нравилось, как уверенно Белтик подхватывает фигуры и опускает их на поле, выписав изящную завитушку в воздухе.

Еще через пять ходов Каллен сдался: он потерял две пешки, уцелевший слон был заперт на последней горизонтали, а игровое время на его часах почти истекло. В итоге он с каким-то элегантным пренебрежением опрокинул набок своего короля, наклонился вперед и коротко пожал руку Белтику, затем поднялся из-за стола, переступил через канат ограждения, протиснулся сквозь толпу мимо Бет, слегка задев ее, и покинул помещение. Белтик тоже вскочил со стула и потянулся. Бет смотрела, как он стоит возле доски с поверженным королем, и чувствовала, что внутри разливается нервное возбуждение, а по рукам и ногам бегут мурашки.

Ее соперником в следующей партии оказался низенький, заросший щетиной человек по фамилии Кук с рейтингом 1520. Она узнала об этом из турнирной таблицы на доске. Там, напротив доски номер тринадцать, было написано: «Хармон – б/р. Кук – 1520». Теперь была ее очередь играть белыми. Она пошла пешкой на четвертое поле ферзя и нажала на кнопку часов, запустив время

для Кука. Он мгновенно ответил пешкой на четвертое поле ферзя со своей стороны, при этом казался сильно обиженным, зыркал взглядом по комнате и ерзал на стуле, будто ему трудно было усидеть на месте.

Бет тоже ускорила, словно ей передалось нетерпение соперника. Через пять минут оба уже развили все фигуры, а Кук предпринял наступление на ее ферзевый фланг. Бет решила пока не обращать на это внимания и пошла конем. Кук поспешно двинул вперед пешку, и Бет с удивлением обнаружила, что не может ее взять без риска подставиться под гнусный двойной удар. Она медлила с ответным ходом. Кук оказался хорош – похоже, рейтинг выше 1500 что-нибудь да значит. Он играл куда лучше мистера Шейбела и мистера Ганца, а его нетерпение несколько пугало. Бет поставила ладью на начальное поле слона, под надвигавшуюся пешку соперника.

И Кук снова ее удивил. Он пустил в дело ферзевого слона – взял одну из ее пешек рядом с королем, тем самым объявив ей шах и одновременно подставив под удар свою фигуру. Бет уставилась на доску, испытав мимолетную неуверенность: что он задумал? А потом сообразила: если она возьмет его слона, он поставит второй шах – конем, и заберет слона, тогда под боем окажется ее пешка и белый король останется без защиты. У Бет на секунду скрутило живот – ей не понравились такие сюрпризы. Потребовалась целая минута на то, чтобы обдумать стратегию. Она сделала ход королем, но не стала брать черного слона.

Кук все равно пошел конем. Бет разменяла пешки на другом фланге, расчистив путь для ладьи. Кук продолжил, не без затруднений, досаждал ее королю. Но теперь уже Бет видела, что никакой реальной опасности в этом не будет, если она не позволит взять себя на испуг. Поэтому двинула вперед ладью и усилила атаку ферзем. Это сочетание фигур ее порадовало – Бет представила их себе в образе двух пушек, выведенных на позиции и готовых открыть огонь.

Залпы зазвучали через три хода. Кук был слишком увлечен маневрами вокруг ее короля и не заметил, что Бет собирается сделать. Его ходы вызывали некоторый интерес, но Бет видела, что они бесполезны, поскольку он не задействовал в нападении все фигуры на доске. Если бы она сосредоточилась только на том, чтобы увести своего короля из-под боя, Кук загнал бы ее в западню на четвертом ходу после первого шаха слонем. Но она сама прижала его в три хода. Увидев, что для пушки-ладьи открыта линия огня, Бет почувствовала, как кровь бросилась ей в лицо. Она взяла ферзя, перенесла его через всю доску на последнюю горизонталь, под бой черной ладьи, которая все еще стояла в начальной позиции. Кук даже перестал на пару секунд ерзать на стуле и посмотрел Бет в лицо. Она спокойно встретила его взгляд. Тогда он принялся изучать позицию. Изучал-изучал и в конце концов забрал ее ферзя своей ладьей.

Бет захотелось запрыгать и заорать от восторга, но она сдержалась, протянула руку, передвинула слона на одно поле и невозмутимо произнесла:

– Шах.

Кук собрался было отвести короля, но остановился. До него вдруг дошло, что будет дальше: он потеряет своего ферзя и ладью, которая только что побила ферзя Бет. Кук перевел взгляд на соперницу – та безмятежно сидела напротив и ждала. Он снова сосредоточился на доске, изучал позицию несколько минут, ерзая на стуле и хмурясь, затем снова посмотрел на Бет и предложил:

– Ничья?

Бет покачала головой.

Кук опять нахмурился.

– Ладно, ты победила. Сдаюсь. – Он встал, протянув ей руку. – Я даже не заметил, как это случилось. – И неожиданно тепло улыбнулся.

– Спасибо, – сказала Бет, крепко пожав его ладонь.

Организаторы объявили перерыв на ланч. Бет купила сэндвич и стакан молока в драгсторе, находившемся в квартале от школы, поела в одиночестве за стойкой и вернулась в спортзал.

Третью партию ей выпало играть против взрослого мужчины в вязаном жилете. Фамилия – Каплан, рейтинг – 1694. Бет достались черные, она применила защиту Нимцовича и разгромила соперника за тридцать четыре хода. Могла бы сделать это быстрее, но Каплан оказался опытным шахматистом и умело оборонялся, хотя, играя белыми, должен был прежде всего нападать. К тому времени, когда он все-таки сдался, Бет полностью лишила его короля защиты, собиралась побить слона и имела в своем распоряжении две проходные пешки. Соперник выглядел ошеломленным. Вокруг их столика собралось много зрителей, наблюдавших за игрой.

Партия закончилась аж в половине четвертого – Каплан соображал до одурения медленно, и Бет постоянно выскакивала из-за стола, чтобы пройтись и дать выход бушевавшей в ней энергии. Когда она наконец отнесла свой бланк с записью ходов и обведенной в кружок фамилией на стол администраторов, большинство участников уже завершили партии и в турнире был сделан перерыв на ужин. Еще один тур должен был состояться тем же вечером в восемь часов, три тура – в субботу, а финал назначили на одиннадцать утра в воскресенье.

Бет пошла в женский туалет, сполоснула водой лицо и руки, удивляясь, насколько грязной ей кажется кожа после трех партий. Посмотрела на себя в зеркало под холодным резким светом и увидела то же, что и обычно: круглое заурядное лицо и тусклые волосы. Но появилось и нечто новое – щеки слегка порозовели, а глаза выглядели более живыми, чего раньше она не замечала. Впервые в жизни ей понравилось собственное отражение.

У входа в спортзал администраторы в белых рубашках, те, у которых она регистрировалась, вносили изменения в турнирную таблицу на доске; вокруг собрались шахматисты, и среди них был тот, красивый. Бет подошла ближе. Вверху доски маркером было

написано БЕЗ ПОРАЖЕНИЙ. Ниже приводился список из четырех фамилий. В самом низу Бет прочитала: ХАРМОН – и на мгновение задержала дыхание. В первой строке списка была фамилия БЕЛТИК.

– Ты ведь Хармон, да? – спросил красивый шахматист.

– Да.

– Так держать, девочка! – улыбнулся он.

Тут Бет окликнул молодой человек, который в самом начале пытался записать ее в группу новичков:

– Хармон!

Она обернулась.

– Похоже, ты была права, Хармон, – сказал молодой человек.

* * *

Когда Бет вернулась домой, миссис Уитли ела тушенку и пюре из упаковки с обедом быстрого приготовления; телевизор, запущенный на всю катушку, показывал «Бэта Мастерсона»^[20].

– Твой ужин в духовке, – сообщила миссис Уитли. Она сидела в кресле с хлопчатобумажной узорчатой обивкой, держа на коленях жестяной поднос; чулки у нее были скатаны вниз до черных тапочек.

Во время рекламы, пока Бет жевала морковный салат из такой же упаковки, миссис Уитли поинтересовалась:

– Как у тебя дела, милая?

– Я выиграла три партии, – сказала Бет.

– Это чудесно, – пробормотала миссис Уитли, не отрывая взгляда от пожилого джентльмена, который с экрана рассказывал, какое облегчение он испытывает, принимая слабительное фирмы «Хейлис М.О.»

* * *

Тем же вечером Бет играла за доской номер шесть против невзрачного молодого человека по фамилии Кляйн. Его рейтинг составлял 1794. Среди партий, опубликованных в «Шахматном обозрении», она видела и такие, что были сыграны шахматистами с рейтингом ниже.

Бет играла белыми и пошла пешкой на четвертое поле короля в надежде на сицилианскую защиту – она знала этот дебют лучше, чем другие. Однако Кляйн, тоже сделавший ход пешкой на четвертое поле короля, неожиданно fianкеттировал^[21] королевского слона, переместив его в угол над своим рокированным королем. Бет не помнила точно, но вроде бы это называлось «неправильное начало»^[22].

В миттельшпиле все стало еще сложнее. Бет не знала, что делать, и решила отвести назад своего слона, а, едва коснувшись фигуры пальцем, вдруг увидела другую возможность – лучше пойти пешкой на четвертое поле ферзя. Она протянула руку к ферзевой пешке.

– Прошу прощения, – вскинулся Кляйн. – Тронула – ходи.

Бет взглянула на него.

– Ты должна пойти слоном, – пояснил Кляйн, и по его лицу было ясно, что он этому рад – вероятно, уже догадался, что будет, если соперница пойдет пешкой.

Бет пожала плечами и постаралась напустить на себя беспечный вид, но внутри похолодела от внезапно возникшего чувства, которого она еще не испытывала за игрой в шахматы. Это был страх. Бет переставила слона на четвертое поле слона, откинулась на спинку стула и сложила руки на коленях. В животе закручивался тугий узел. Надо было сразу пойти пешкой.

Она рассматривала Кляйна, пока тот обдумывал положение на доске, и заметила появившуюся на миг коварную ухмылку. Он сделал ход ферзевой пешкой на пятое поле, нажал на кнопку над своим циферблатом и скрестил руки на груди.

Кляйн собирался побить одного из ее слонов. И страх мгновенно сменился яростью. Бет склонилась над доской и, подперев щеки

ладонями, принялась внимательно изучать позицию.

Ей понадобилось почти десять минут, но в итоге она нашла то, что искала, сделала ход и снова откинулась на спинку стула.

Кляйн, похоже, не увидел того, что видела Бет, – и забрал ее слона, как она и рассчитывала. Бет выдвинула вперед пешку ферзевой ладьи, наметившись на дальнюю горизонталь. Кляйн хмыкнул, но отреагировал очень быстро – пошел ферзевой пешкой еще на одно поле. Бет сделала ход конем, чтобы обеспечить защиту следующему полю для пешки и, что более важно, поставить под бой ладью Кляйна. Он отвел ладью. Тугой узел в животе Бет стал потихоньку ослабевать и раскручиваться, зрение как будто обострилось до предела – ей казалось, она может сейчас прочесть мельчайший шрифт на листке в другом конце спортзала.

Бет опять пошла конем, преследуя черную ладью. Кляйн досадливо зыркнул на нее, подумал и снова переместил ладью – еще два хода назад Бет знала, что его ладья окажется именно на этом поле. Она в ответ поставила ферзя на пятое поле слона, прямо перед рокированным королем соперника.

Кляйн все с той же досадой, но вполне самоуверенно отправил на помощь ладье коня. Бет взяла своего ферзя, чувствуя, как начинают пылать щеки, и «съела» пешку перед черным королем, тем самым отдавая в жертву сильную фигуру.

Кляйн покосился на нее, но забрал белого ферзя – иначе уйти от шаха было невозможно.

Следующий шах Бет поставила слоном. Кляйн прикрыл короля пешкой, как она и ожидала.

– Мат в два хода, – спокойно произнесла Бет.

Соперник бешено уставился на нее:

– С какой стати?

– Ладья ставит очередной шах, затем конь объявляет мат, – ровным голосом пояснила Бет.

Кляйн нахмурился:

– Но мой ферзь...

– Ваш ферзь будет связан после хода королем.

Кляйн перевел взгляд на фигуры, еще раз внимательно изучил позицию и процедил сквозь зубы:

– Вот дерьмо!

Он не опрокинул своего короля на доску, не подал Бет руки – просто встал из-за стола и зашагал прочь, засунув кулаки в карманы.

Бет взяла карандаш и обвела в кружочек свою фамилию на бланке с записанной партией.

Когда она уходила из спортзала в десять часов вечера, на доске с турнирной таблицей под заголовком БЕЗ ПОРАЖЕНИЙ были уже только три фамилии: ХАРМОН по-прежнему занимала последнюю строчку, БЕЛТИК – первую.

Той ночью в своей постели Бет никак не могла заснуть, потому что сыгранные за день партии продолжали прокручиваться в ее голове сами собой, без остановки, даже после того, как схлынула радость победы.

Промучившись несколько часов, она встала и прошлепала в голубой пижаме к окну спальни, отодвинула штору и долго смотрела на недавно растерявшие листву деревья в свете уличных фонарей и на темные дома за ними. Улица дремала, тихая и пустынная. Между облаками проглядывал кусочек луны. Воздух был ледяной.

За время, проведенное в часовне приюта «Метуэн-Хоум» на духовных беседах, Бет научилась не верить в Бога и никогда не молилась, но сейчас она выдохнула едва слышно: «Господи, пожалуйста, дай мне сыграть с Белтиком и поставить ему мат».

В ящике ее письменного стола лежал футляр для зубной щетки, а в нем – семнадцать зеленых таблеток. Еще больше таблеток было в коробочке на полке шкафа. Чуть раньше она раздумывала о том, не выпить ли сразу две, чтобы все-таки заснуть, но не сделала этого. Вернулась в постель, обессиленная, умиротворенная, с пустотой в голове, и крепко заснула.

* * *

В субботу утром Бет надеялась, что ей дадут сыграть с шахматистом, у которого рейтинг будет выше 1800 – администратор за столиком у входа сказал ей, что таких на турнире трое. Но в списке пар участников значилось, что она играет черными с каким-то Таунсом, чей рейтинг всего 1724, то есть даже ниже, чем у ее предыдущего соперника, побежденного прошлым вечером. Бет вернулась к администратору и спросила, в чем дело.

– Передышка, Хармон, – улыбнулся молодой человек в белой рубашке. – Считай, что тебе повезло.

– Я хочу играть с лучшими, – сказала Бет.

– Сначала тебе самой нужно получить рейтинг.

– Как его получить?

– Сыграть тридцать партий на турнирах Шахматной Федерации Соединенных Штатов и подождать четыре месяца. Вот только так.

– Это слишком долго.

Молодой человек наклонился к ней:

– Тебе сколько лет, Хармон?

– Тринадцать.

– Ты в этом зале самая юная. У тебя полно времени.

– Я хочу сыграть с Белтиком, – процедила Бет, свирепея.

– Если победишь в следующих трех партиях, непременно сыграешь, милая, – подал голос второй администратор. – Ну и если Белтик сделает то же самое, конечно.

– Я точно сделаю, – сказала Бет.

– Нет, Хармон, у тебя не выйдет, – покачал головой первый. – Твоими соперниками будут Сайзмор и Голдман. Ни того, ни другого ты не победишь.

– Да что там Сайзмор и Голдман! – хмыкнул второй. – Парня, с которым тебе предстоит играть сейчас, нельзя недооценивать. Он

шахматист номер один в университетской команде и в прошлом месяце стал пятым в Лас-Вегасе. Ты на рейтинг-то не смотри.

– А что было в Лас-Вегасе? – спросила Бет.

– Открытый турнир Соединенных Штатов.

* * *

Когда она подошла к доске номер четыре, на стороне белых фигур уже сидел молодой человек, сразу заулыбавшийся при виде ее. Тот самый – высокий и красивый. Бет даже смутилась немного в его присутствии – он выглядел как кинозвезда.

– Привет, Хармон, – сказал молодой человек и протянул ей руку. – Мы как будто хвостом друг за другом ходим.

Она неуклюже пожала его широкую ладонь и села на стороне черных. Образовалась неловкая пауза, потом Таунс спросил:

– Может, запустишь мои часы?

– Извини, – пробормотала Бет и, резко вытянув руку, промахнулась мимо кнопки, чуть не столкнула часы со стола, но успела их поймать. – Прости, – чуть слышно выдохнула она, нажала все-таки на кнопку, и его часы затикали.

Бет уставилась на доску, щеки у нее пылали.

Таунс пошел пешкой на четвертое поле короля, и она ответила сицилианской защитой. Он делал ходы как по учебнику; Бет разыграла вариант Дракона. Они разменяли пешки в центре. Бет потихоньку обретала утерянное хладнокровие и, механически совершая знакомые ходы, поглядывала на Таунса поверх доски. Он был сосредоточен на фигурах, хмурился, изучая позицию. Но даже хмурый и слегка взъерошенный он был красивым. Бет смотрела на него – на широкие плечи, чистую кожу лица, заломленную в состоянии предельной концентрации бровь, – и в животе набирало силу странное чувство.

Таунс удивил ее – вывел ферзя. Ход был смелый, и Бет на время задумалась, но никакой слабости в его позиции не увидела. Тогда она тоже вывела ферзя. Таунс пошел конем на пятую горизонталь – и Бет пошла конем на пятую горизонталь. Таунс поставил ей шах слоном – она закрылась пешкой, и он отвел слона. Теперь Бет чувствовала легкость во всем теле, а ее пальцы ловко управлялись с фигурами. Оба игрока начали действовать стремительно и свободно – она поставила ему ничем не угрожавший шах, он деликатно отвел короля и стал продвигать вперед пешки. Она проворно остановила пешечную атаку связкой, а затем провела обманный маневр ладьей на ферзевом фланге. Таунс это заметил и с мимолетной улыбкой разбил связку, а следующим ходом продолжил продвижение пешки. Бет отступила, провела рокировку, укрыв короля на ферзевом фланге. Ее переполняло чувство свободы и веселья, но лицо оставалось серьезным. Их танец длился и длился.

Увидев возможность объявить мат его королю, Бет даже немного расстроилась. Это было после девятнадцатого хода, и все в ней вдруг воспротивилось комбинации ходов, четко нарисовавшихся в воображении, – ужасно не хотелось прерывать волшебный балет, который они исполняли в паре. Но положение дел на доске было предельно ясным, а цепочка действий – до невозможности четкой: через четыре хода он потеряет ладью, а то и фигуру посильнее. Бет помедлила и все же сделала первый ход, ведущий к финалу.

Таунс заметил, что происходит, лишь два хода спустя. Он внезапно нахмурился и воскликнул:

– Боже мой, Хармон, я проворонил ладью!

Бет нравился его голос и пришлось по душе, как он это сказал. Таунс тряхнул головой – мол, какой же я растяпа, – и это ей тоже понравилось.

Участники турнира, уже завершившие партии, собрались около их стола; двое перешептывались, обсуждая маневр, который применила девочка.

Таунс продержался еще пять ходов, и Бет было искренне жаль его, когда он сдался, положил набок своего короля и пробормотал: «Ох черт!» Тем не менее он широко улыбнулся, поднявшись и протянув ей руку:

– Ты чертовски здорово играешь, Хармон! Сколько тебе лет?

– Тринадцать.

Таунс присвистнул.

– Где учишься?

– В Фэрфилдской средней школе.

– Ага, – сказал Таунс. – Я знаю, где это.

Он выглядел лучше кинозвезд.

Через час она познакомилась с Голдманом за доской номер три. Вошла в спортзал ровно в одиннадцать, и люди там вдруг прекратили разговоры – все стали смотреть на нее. Бет услышала чей-то шепот: «Тринадцать лет, охренеть!» – и вместе с ликованием, внезапно охватившим ее от этого шепота, в голову пришла мысль: *«Я так могла бы и в восемь»*.

Голдман оказался суров, молчалив и неспешен. Этот невысокий коренастый человек был так же тяжеловесен и в шахматах: он командовал черными фигурами, как угрюмый генерал, поднаторевший в обороне. В течение первого часа все попытки Бет провести атаку натыкались на жесткий отпор. Каждая его фигура была надежно защищена – возникало впечатление, что в его распоряжении для этого в два раза больше пешек, чем полагается.

Всякий раз, когда приходилось долго ждать очередного хода Голдмана, Бет чувствовала, как нарастает беспокойство. В конце концов она не выдержала и, сделав ход слоном, вскочила и пошла в туалет. В низу живота появилась незнакомая резкая боль, голова кружилась от слабости. Бет ополоснула лицо холодной водой, вытерлась бумажным полотенцем, а когда уже собиралась уходить, вошла девушка, с которой она сыграла первую партию в этом турнире, – Аннетт Пекер.

Пекер, похоже, обрадовалась встрече.

– Ты вроде бы делаешь успехи, – сказала она.

– Пока да, – выдавила Бет, замерев от очередного приступа боли в животе.

– Я слышала, ты сейчас играешь с Голдманом.

– Да, – кивнула Бет. – Мне пора возвращаться.

– Конечно, иди. Надери ему задницу, ладно?

Бет неожиданно для себя улыбнулась:

– Окей.

Вернувшись к шахматной доске, она обнаружила, что Голдман уже сделал ход и ее часы тикают. Он сидел, сгорбившись, в черном костюме, и выглядел усталым, а Бет чувствовала себя посвежевшей и готовой к продолжению игры. Она тоже села и выкинула из головы все, кроме шестидесяти четырех квадратов, которые видела прямо перед собой. Через минуту она поняла, что, если начать атаку с двух флангов одновременно, как иногда делал Морфи, у Голдмана возникнут трудности с обороной, – и пошла пешкой на четвертое поле ферзевой ладьи.

Это сработало. Через пять ходов она почти расчистила дорогу к черному королю, а еще через три взяла его за горло. Бет не обращала внимания ни на самого Голдмана, ни на толпу любопытствующих, ни на резь в низу живота, ни на покрывшую лоб испарину. Было только игровое поле с силовыми линиями, почти зримо проступавшими для нее на поверхности: маленькие упрямые квадратики для пешек, длинная магистраль для ферзя и поля между ними. Когда время на ее циферблате почти истекло, она объявила сопернику мат. Обводя в кружок свою фамилию на бланке с записью партии, еще раз посмотрела на рейтинг Голдмана – 1997. Люди вокруг аплодировали.

Бет сразу поспешила в туалет и обнаружила, что у нее началась первая менструация. Поначалу, глядя, как вода в унитазе окрашивается в красный, она подумала, что случилась какая-то катастрофа – может, поранилась о гвоздь в стуле у доски номер три и люди в спортзале сейчас смотрят на лужу ее крови? Но потом она

с облегчением заметила, что на хлопчатобумажных трусах совсем небольшое пятнышко. И тотчас вспомнила о Джолин. Если бы не Джолин, она сейчас понятия не имела бы, что происходит. Никто не позаботился рассказать ей про это заранее – уж точно не миссис Уитли. А Джолин, помимо прочего, объяснила, что делать в «экстренных случаях». Подумав о подруге с внезапной нежностью, Бет выполнила указания: отмотала длинную ленту туалетной бумаги и свернула ее так, что получился плотный прямоугольник. Боль в низу живота слегка отпустила. У нее менархе, и она только что разгромила Голдмана, шахматиста с рейтингом 1997.

Бет положила прямоугольник из туалетной бумаги в трусы, натянула их потуже, расправила юбку и уверенно вернулась в спортзал.

* * *

Сайзмора она уже видела раньше; кто-то говорил, что этот невысокий, некрасивый, узколицый человек, безостановочно куривший сигареты, был чемпионом штата до Белтика. Бет предстояло сыграть с ним за доской номер два в комнате с табличкой «Сильнейшие».

Сайзмор еще не явился, но рядом, за доской номер один, уже сидел Белтик и смотрел в ее сторону. Бет взглянула на него и сразу отвернулась. Было без нескольких минут три. Здесь, в этой маленькой комнате, свет голых лампочек в защитных металлических колпаках казался ярче, чем в спортзале, и ярче, чем был утром, – он отражался от лакированного пола в красную полосу и слепил глаза.

Наконец пришел Сайзмор, нервно причесываясь на ходу; в тонких губах торчала неизменная сигарета. Едва он отодвинул стул, чтобы сесть, Бет сковало напряжение.

– Готова? – неприятливо спросил Сайзмор, засовывая расческу в карман рубашки.

– Да, – и Бет нажала на кнопку шахматных часов.

Он пошел пешкой на четвертое поле короля, снова достал расческу и принялся грызть ее, как грызут ластик на кончике карандаша. Бет пошла пешкой на четвертое поле ферзевого слона.

В миттельшпиле Сайзмор стал причесываться после каждого хода. На Бет он не смотрел – сконцентрировался на доске и порой ерзал на стуле, когда орудовал расческой, разделяя волосы на пробор, снова заглаживая их назад и начиная все заново. Игра шла на равных, слабых позиций не было ни у одного соперника. Бет ничего не оставалось, как подыскивать удачные поля для своих коней, слонов – и выжидать. Она делала ход, записывала его на турнирном бланке и откидывалась на спинку стула. Мало-помалу у ограждения вокруг их стола собралась толпа зрителей, и Бет время от времени на них посматривала. За ней наблюдало больше людей, чем за самим Белтиком. Основное внимание она сосредоточила на доске, высматривая, не появится ли возможность для нападения; однажды, вскинув взгляд, вдруг заметила Аннетт Пекер в задних рядах. Пекер заулыбалась, и Бет кивнула ей в ответ.

Сайзмор тем временем пошел конем на пятое поле ферзя, заняв самую выгодную позицию для этой фигуры. Бет нахмурилась – скинуть оттуда коня ей не удастся. Фигуры тесно сгрудились в самом центре доски, и она перестала чувствовать силовые линии. Низ живота то и дело обжигало болью; она ощущала между ног толстую скрутку из туалетной бумаги. Устроившись на стуле поудобнее, снова покосилась на доску. Ничего хорошего там не произошло – фигуры Сайзмора подползали все ближе к ее королю. Она посмотрела на соперника – тот убрал расческу и разглядывал свой лагерь с явным удовлетворением. Бет облокотилась на стол, подперев щеки кулаками, и попробовала разобраться в положении на доске. Зрители в толпе перешептывались. Ей пришлось сделать усилие, чтобы сосредоточиться. Пора было отбиваться. Если она пойдет конем влево... Нет. А если открыть длинную диагональ для своего белопольного слона?.. *Вот оно.* Бет выдвинула вперед пешку, и сила

слона утроилась. Общая картина начала проясняться. Бет откинулась на спинку стула и перевела дыхание.

Следующие пять ходов Сайзмор продолжал продвигаться вперед, но Бет, оценив пределы его возможностей, сосредоточилась на дальнем левом углу доски, на ферзевом фланге Сайзмора. Когда настал момент, она поставила своего слона в скопление сгруппированных для обороны фигур, на второе поле его коня. Здесь слона могли сбить две фигуры Сайзмора, но и в том, и в другом случае это грозило ему большими проблемами.

Бет посмотрела на соперника – тот опять достал расческу и начал водить ею по волосам. Его часы тикали.

Сайзмору понадобилось пятнадцать минут, чтобы принять решение, а когда он наконец сделал ход, Бет поразились: он взял ее слона ладьей. Неужели не понял, что нельзя было выводить ладью с последней горизонтали? Она еще раз окинула взглядом доску, дважды проверив позицию, и сделала ход ферзем.

Сайзмор не замечал угрозы до следующего хода, а потом его стратегия начала разваливаться. Спустя еще шесть ходов он по-прежнему вертел в руках расческу, когда Бет переносила свою ферзевую пешку – проходную – на шестую горизонталь. Он поставил под пешкой ладью. Бет атаковала ее слоном. Сайзмор встал, сунул расческу в карман, наклонился к доске и положил своего короля набок.

– Ты выиграла, – мрачно сказал он.

Публика оглушительно зааплодировала.

Бет отнесла бланк с записью партии администратору и стояла у его стола, пока он проверял нотацию и делал отметку у себя в списке. Затем он встал и подошел к доске с турнирной таблицей. Выдернул кнопки, державшие карточку с фамилией САЙЗМОР, и бросил ее в зеленую корзину для мусора. Потом снял карточку, висевшую ниже, и приколол ее на место карточки Сайзмора. Теперь список под заголовком БЕЗ ПОРАЖЕНИЙ стал таким: БЕЛТИК, ХАРМОН.

Когда Бет направилась в туалет, из комнаты с табличкой «Сильнейшие» вышел Белтик – он шагал широким шагом и вид имел весьма самодовольный. В руках у него был бланк с записью партии, и направлялся он к лотку с бланками победителей. Проходя мимо Бет, он ее будто и не заметил.

Бет заглянула в комнату с двумя топовыми досками – там стоял Таунс с утомленным, осунувшимся лицом. Сейчас он был похож на Рока Хадсона^[23], только на очень усталого.

– Молодец, Хармон, – сказал Таунс.

– Мне жаль, что ты проиграл, – призналась Бет.

– Да уж, теперь мне все опять начинать заново. – Кивнув в сторону группы шахматистов, которые столпились у стола администраторов вокруг Белтика, он покачал головой: – Это зверюга, Хармон. Убийца. Гениальный убийца.

Она посмотрела Таунсу в лицо:

– Тебе нужно отдохнуть.

Он улыбнулся:

– Нужно мне, Хармон, только одно: капелька твоего таланта.

Когда Бет проходила мимо стола администраторов, Белтик шагнул к ней и сказал:

– До завтра.

* * *

Домой Бет вернулась незадолго до ужина. Миссис Уитли показалась ей необычно бледной и странной – она с опухшим лицом сидела в любимом кресле в гостиной; на коленях у нее лежала аляповатая почтовая открытка.

– У меня месячные начались, – сказала Бет.

Миссис Уитли растерянно моргнула и пробормотала:

– Как хорошо, – словно находилась в этот момент где-то очень далеко.

– Мне нужны прокладки или что-то вроде того, – добавила Бет.

Миссис Уитли опять пришла в некоторое замешательство, потом просияла:

– Для тебя это важное событие, начало нового этапа жизни! Возьми то, что тебе нужно, в верхнем ящике шифоньера в моей спальне.

– Спасибо, – сказала Бет и направилась к лестнице.

– И еще, дорогая, – остановила ее миссис Уитли, – принеси мой пузырек с зелеными таблетками, он у меня на тумбочке у кровати.

Вернувшись, Бет отдала ей пузырек. Миссис Уитли взяла две пилюли и запила их пивом из полупустого бокала, стоявшего перед ней.

– Спокойствие просто так не приходит, его нужно приманивать, – пояснила она.

– Что-то случилось? – спросила Бет.

– Я, конечно, не Аристотель, но да, случилось, и, сдается мне, нечто ужасное. Пришло письмо от мистера Уитли.

– Что он пишет?

– Мистер Уитли остается на неопределенный срок на юго-западе. На американском Юго-Западе.

– А, – сказала Бет.

– Где-то между Денвером и Баттом.

Бет присела на диван.

– Аристотель был философом и много чего понимал в вопросах нравственности, а я всего лишь мужняя жена и домохозяйка. То есть домохозяйка, но уже не жена.

– Меня отправят обратно в приют, если у вас не будет мужа? – спросила Бет.

– А ты, однако, прямолинейна. – Миссис Уитли отпила еще пива. – Не отправят, если мы их обманем.

– Это будет просто.

– Ты хорошая девочка, Бет. – Миссис Уитли прикончила пиво. – Может, разогреешь нам двух цыплят на ужин? Они в морозилке.

Поставь духовку на четыреста.

Бет посмотрела на две гигиенические прокладки, которые все это время держала в правой руке:

– Я не знаю, как этим пользоваться.

Миссис Уитли, сидевшая, сгорбившись в продавленном кресле, вдруг распрямила плечи.

– Я больше не жена, – сказала она, – вернее, жена только по паспорту. Что ж, надеюсь, у меня получится стать матерью. Я покажу тебе, как этим пользоваться, если пообещаешь никогда не приближаться к Денверу.

* * *

Ночью Бет проснулась от шума дождя – он колотил по крыше и без устали постукивал в окна спальни. Ей снилась вода – как она легко плавает в целом океане воды, тихом и безмятежном. Бет свернулась на боку и накрыла голову подушкой, чтобы снова вернуться в этот сон. Но не вышло. Дождь шумел все громче, и чудесные видения в полудреме постепенно вытесняла шахматная доска с фигурами, которые требовали от нее внимания и ясности ума.

Было два часа ночи; заснуть ей так и не удалось до самого утра. Когда в семь часов Бет спустилась на первый этаж, дождь еще не перестал. Сад за кухонным окном превратился в болото с кочками из полумертвой травы, торчавшими кое-где, словно островки. Она не умела жарить яичницу, но подумала, что яйца можно просто сварить. Взяла две штуки из холодильника, побрызгала водой на сковородку и поставила ее на плиту. В партии с Белтиком она пойдет пешкой на четвертое поле короля и будет надеяться на сицилианскую защиту. Через пять минут Бет решила, что яйца сварились и положила их в холодную воду. Перед глазами стояло лицо Белтика – молодое, надменное и очень умное. Глаза у него были маленькие, черные.

Когда вчера вечером он подошел к ней у выхода из спортзала, у Бет на окраине сознания мелькнула мысль, что он ее разгромит.

Завтрак получился хоть куда: Бет разбила скорлупу ножом, положила яйца в миску и съела их с солью и с маслом. Глаза щипало под веками, будто туда попал песок. Финал турнира начнется в одиннадцать; было всего половина восьмого. Очень хотелось заглянуть в «Современные шахматные дебюты», которых у нее теперь не было, освежить в голове варианты сицилианской защиты. Некоторые участники турнира приходили в спортзал с потрепанными книгами под мышкой.

В десять, когда она спускалась с крыльца, уже едва моросило. Миссис Уитли еще спала. Перед выходом Бет зашла в ванную и проверила на себе гигиенический пояс, который дала ей миссис Уитли, – он удерживал на месте толстую белую прокладку. Все было в порядке. Бет надела галоши и голубое пальто, взяла из шкафа зонтик миссис Уитли и вышла из дома.

* * *

Она еще раньше заметила, что фигуры на доске номер один отличаются от других. Это были солидные деревянные фигуры, как у мистера Ганца, а не полые пластмассовые поделки, стоявшие на остальных турнирных досках. Бет пришла первой, в половине одиннадцатого, – комната с табличкой «Сильнейшие» была пуста. Она взяла в руку белого короля – тот оказался приятно тяжелым, будто свинцовым, с кружочком зеленого фетра под основанием. Бет вернула фигуру на ее начальное поле, переступила через бархатный канат ограждения и направилась в туалет. В третий раз за день ополоснула лицо, поправила гигиенический пояс, расчесала челку и вернулась в спортзал. Участники турнира начали потихоньку собираться. Бет засунула руки в карманы юбки, чтобы не было видно, как они дрожат.

В одиннадцать она была готова и сидела на стороне белых фигур у доски номер один. За второй и третьей уже началась игра. Сайзмор сидел за второй, остальных шахматистов Бет не знала.

Прошло десять минут – Белтика не было. Администратор турнира в белой рубашке минутку постоял рядом.

– Ну что, так и не появился? – тихо спросил он.

Бет покачала головой.

– Сделай ход и запусти его время, – шепнул администратор. – Ты имела право начать без него ровно в одиннадцать.

Бет почувствовала досаду – раньше ей никто об этом правиле не говорил. Она поставила пешку на четвертое поле короля и нажала на кнопку часов.

Минуло еще минут десять, и Белтик наконец вошел в комнату. У Бет побаливал живот и щипало глаза. Белтик выглядел обыденно и непринужденно в ярко-красной рубашке и желто-коричневых вельветовых брюках.

– Прошу прощения, – сказал он ровным тоном. – Позволил себе лишнюю чашку кофе.

Другие шахматисты взглянули на него с раздражением. Бет промолчала.

Белтик, все еще стоя рядом со стулом, расстегнул пуговицу рубашки около воротника и протянул руку:

– Гарри Белтик. А вас как зовут?

Он, конечно же, знал ее имя.

– Я Бет Хармон. – Она пожала руку соперника, но старалась не смотреть ему в глаза.

Белтик уселся на стороне черных фигур, энергично потер руки, пошел королевской пешкой на третье поле и резко хлопнул по кнопке часов.

Это была французская защита – Бет никогда не использовала ее в игре, и ей не понравилось, как выглядит позиция. Напрашивался ход пешкой на четвертое поле ферзя. Но что будет, если Белтик сделает то же самое? Ей придется разменять пешки, постараться продвинуть

одну из пешек вперед или развить коня? Она окинула взглядом доску и качнула головой – трудно было представить себе, как будет выглядеть игровое поле после нескольких ходов. Она еще раз оглядела доску, потерла глаза и пошла пешкой на червертое поле ферзя, а протянув руку к часам, почувствовала неуверенность – вдруг она ошиблась? Так или иначе, было уже поздно. Она торопливо нажала на кнопку, и едва часы Белтика затикали, он быстро подхватил ферзевую пешку, поставил ее на четвертое поле ферзя и хлопнул по кнопке над своим циферблатом.

Настроить привычную резкость и ясность видения Бет никак не удавалось, однако чутье, подсказывавшее главные цели в дебютах, никуда не исчезло. Она ввела в игру двух коней и на время позволила себя увлечь в борьбу за центральные поля. Белтик действовал все так же стремительно – побил ее пешку своей, и Бет обнаружила, что у нее нет возможности взять его пешку взамен. Она постаралась не обращать внимания на обретенное им преимущество и продолжила игру. Вывела фигуры с первой диагонали и сделала рокировку. Покосилась на Белтика – он, похоже, чувствовал себя вполне комфортно, на свои фигуры не смотрел, наблюдая за игрой на соседней доске. У Бет в животе начал закручиваться узел, сиденье стула вдруг показалось очень неудобным. Нагромождение фигур и пешек в центре доски выглядело хаотичным, в их расположении не было никакого смысла.

Часы на ее стороне тикали. Бет наклонила голову и взглянула на циферблаты – для нее прошло двадцать пять минут, а она уже потеряла пешку, Белтик же потратил всего двадцать две минуты, учитывая время, на которое он опоздал. В ушах появился звон; яркий свет, заливавший комнату, резал глаза. Белтик откинулся на спинку стула, потянулся, разведя руки, и широко зевнул, продемонстрировав дырки в зубах.

Бет вроде бы высмотрела подходящее поле для своего коня, протянула руку – и замерла. Это будет ужасный ход. Необходимо что-то сделать с ферзем Белтика, пока он не прыгнул на вертикаль

ладьи и не приготовился к нападению. То есть ей сейчас надо было одновременно атаковать и защищаться, но Бет не понимала, как это сделать. Зря она не выпила ночью зеленую таблетку, чтобы поспать.

Потом она все-таки придумала ход, показавшийся ей разумным, и быстро поставила коня рядом с королем, обороняясь от черного ферзя.

Белтик едва заметно приподнял брови и немедленно сбил пешку на другой стороне доски, в результате чего вдруг открылась диагональ для его слона. Слон нацелился прямо на белого коня – получается, предыдущий ход она сделала впустую, лишь потратила время. Кроме того, теперь она лишилась пешки. В углу рта Белтика заиграла легкая улыбка, и Бет быстро отвела взгляд от его лица, похолодев от страха.

Необходимо было что-то предпринять. Через несколько ходов он подберется к ее королю. Нужно сконцентрироваться, чтобы отчетливо увидеть развитие событий. Но когда Бет смотрела на доску, нагромождение фигур казалось непроницаемым, запутанным, сложным и опасным. Тогда она встала – часы, отмерявшие ее игровое время, продолжали тикать, – перешагнула канат ограждения и, пройдя сквозь невеликое собрание молчаливых зрителей, вышла в спортзал, пересекла его и направилась в дамскую уборную. Там никого не было. Она подошла к раковине, ополоснула лицо холодной водой, вытерлась охапкой бумажных полотенец и приложила их на минутку к шее под затылком. Выбросила полотенца в корзину и закрылась в кабинке. Проверила гигиенический пояс – все было в порядке, – села на крышку унитаза, постаралась расслабиться, очистить сознание от посторонних мыслей. Уперлась локтями в колени, свесила голову и усилием воли представила на кафельном полу шахматную доску номер один с позицией своей партии. Получилось. И сразу стало ясно, что положение сложное, но не настолько, как во многих играх, записи которых она запомнила, когда листала книги в магазине «Моррис». Фигуры, нарисованные

воображением, были прямо перед ней, отчетливые, плотные, в фокусе.

Бет оставалась на месте, не заботясь о времени, сидела до тех пор, пока вся картина не представилась ей с предельной ясностью. Затем она встала, еще раз ополоснула лицо и вернулась в спортзал, точно зная, какой ход должен быть следующим.

Зрителей в комнате с табличкой «Сильнейшие» прибавилось – шахматисты, закончившие партии, пришли посмотреть финал. Бет протиснулась сквозь толпу, переступила через канат и села на стул. Руки не дрожали, живот не болел, рези в глазах как не бывало. Она сделала ход и уверенно нажала на кнопку часов.

Белтик пару минут изучал доску, после чего побил ее коня своим слоном – Бет знала, что все именно так и будет. Она не стала брать его фигуру, пошла слоном в атаку на одну из черных ладей. Он отвел ладью, вдавил кнопку на часах, откинулся на спинку стула и перевел дыхание.

– Это не сработает, – сказала Бет. – Мне даже не надо брать вашего ферзя.

– Ходите, – произнес Белтик.

– Я сначала поставлю вам шах слоном...

– *Ходите!*

Бет кивнула и поставила шах слоном. Белтик быстро отвел короля и запустил ее игровое время. Тогда Бет сделала то, что запланировала: она принесла в жертву своего ферзя, поставив его рядом с черным королем. Белтик озадаченно уставился на нее. Бет выдержала этот взгляд. Он пожал плечами, подхватил ее ферзя и остановил свои часы, хлопнув по кнопке основанием фигуры.

Бет вывела второго слона с начальной горизонтали на середину доски и сказала:

– Шах. Мат на следующем ходу.

Белтик пару секунд рассматривал доску, потом выпалил:

– Да чтоб тебя! – и вскочил.

– Мат поставит ладья, – уточнила Бет.

– Чтоб тебя, – повторил он.

Зрители, которых в комнату уже набилось столько, что стало тесно, зааплодировали. Белтик, насупив брови, протянул руку, и Бет ее пожала.

Глава 5

Банк уже закрывался, когда Бет добралась до окошка кассира. После уроков она долго ждала один автобус, после пересадки на Мейн-стрит – другой, и это был уже второй банк.

Весь день она проносила сложенный чек в кармане блузки под свитером, теперь же держала его в руке, пока мужчина в очереди перед ней брал с полки под окошком башенки из пятицентовиков, опускал их в карманы пальто и уступал ей место перед кассой. Бет взялась одной рукой за холодный мрамор полки, второй протянула в окошко чек и привстала на цыпочки, чтобы увидеть лицо кассира.

– Я хочу открыть счет, – сказала она.

Мужчина по ту сторону окошка взглянул на чек.

– Сколько вам лет, мисс?

– Тринадцать.

– Прошу прощения. Вы должны прийти с кем-то из родителей или с попечителем.

Бет засунула чек обратно в карман блузки и ушла.

Дома миссис Уитли сидела в кресле, а на столике рядом с ней стояли четыре пустые бутылки пива «Пабст Блю Риббон». Телевизор был выключен. На крыльце Бет подобрала свежую вечернюю газету и развернула ее, входя в гостиную.

– Как дела в школе, дорогая? – вялым, отсутствующим тоном обронила миссис Уитли.

– Хорошо.

Бет разложила газету на зеленом пуфике возле дивана и с изумлением увидела собственную фотографию, напечатанную в «подвале» первой полосы. Вверху было лицо Никиты Хрущева, а внизу – она, сумрачная, между широкой колонкой текста и заголовком «МЕСТНАЯ ЧУДО-ДЕВОЧКА ПОБЕДИЛА В ШАХМАТНОМ ТУРНИРЕ». Был еще подзаголовок, жирным шрифтом помельче: «ДВЕНАДЦАТИЛЕТНЯЯ ШКОЛЬНИЦА ПОРАЗИЛА ЗНАТОКОВ». Бет

вспомнила, что перед вручением приза и чека какой-то человек ее сфотографировал. Но она сказала ему, что ей тринадцать.

Бет наклонилась над газетой и принялась читать.

В минувший уик-энд все любители шахмат в Кентукки были поражены игрой местной девочки, которая одержала победу над лучшими шахматистами во время чемпионата штата. Элизабет Хармон, ученица седьмого класса Фэрфилдской средней школы, продемонстрировала «мастерство, редкостное для представительницы женского пола», – сказал Гарри Белтик, с которым мисс Хармон сражалась за звание чемпиона штата Кентукки.

Бет поморщилась. Ей не понравилась фотография – веснушки на крошечном носу были видны слишком отчетливо.

– Я хочу открыть банковский счет, – сказала она.

– Банковский счет?.. – растерялась миссис Уитли.

– Вам нужно пойти со мной.

– Но... Дорогая, что же ты на этот счет положишь?

Бет запустила руку в карман блузки, достала чек и протянула его миссис Уитли. Та выпрямилась в кресле и осторожно взяла чек, с таким видом, будто это был подлинный свиток Мертвого моря. Она некоторое время молча водила взглядом по строчкам, затем тихо проговорила:

– Сто долларов.

– Кассир хочет, чтобы со мной пришел кто-то из родителей или попечитель.

– Сто долларов, – повторила миссис Уитли. – Значит, ты их выиграла?

– Да. На чеке написано «за первое место».

– Я вижу. Мне и в голову не приходило, что можно зарабатывать деньги, играя в шахматы.

– На некоторых турнирах призы еще больше.

– Боже мой! – Миссис Уитли никак не могла оторвать взгляд от чека.

- Можно сходить в банк завтра после школы, – предложила Бет.
- Конечно...

На следующий день, когда они вдвоем вернулись домой из банка, на пуфике перед диваном лежал открытый выпуск «Шахматного обозрения». Миссис Уитли повесила пальто в шкаф и взяла журнал.

– Пока ты была в школе, – сказала она, – я тут почитала и обнаружила, что в Цинциннати проводится большой шахматный турнир во вторую неделю декабря. Первый приз – пятьсот долларов.

Бет некоторое время молча смотрела на нее.

– Мне в школу надо ходить. А Цинциннати отсюда довольно далеко.

– Всего в двух часах езды на междугороднем автобусе. У «Грейхаунд»^[24] есть туда рейсы, и я взяла на себя смелость заказать билеты.

– А школа? – поинтересовалась Бет.

– Напишу записку – мол, ты пропустишь несколько дней из-за моно.

– Моно?..

– Мононуклеоз. Если верить журналам для домохозяек, в твоём возрасте это распространенное заболевание.

Бет все еще смотрела на миссис Уитли, стараясь не выдать собственного изумления. Приемная мать, оказывается, на голову превосходила ее саму в искусстве лжи.

– Где мы остановимся? – наконец спросила Бет.

– В отеле «Гибсон». Снимем номер на двоих, это обойдется в двадцать два доллара за ночь. Билеты на «Грейхаунд» стоят по одиннадцать восемьдесят, и еще, конечно, нужно будет платить за еду. Я уже все рассчитала. Даже если ты займешь второе или третье место, поездка не только окупится, но и принесет прибыль.

У Бет было двадцать долларов наличными и десять незаполненных денежных чеков в пластиковой сумке.

– Мне нужно купить книги о шахматах, – сказала она.

– Всенепременно! – заулыбалась миссис Уитли. – А если ты подпишешь чек на двадцать три доллара шестьдесят центов, я завтра же заберу билеты на автобус.

* * *

Купив «Современные шахматные дебюты» и руководство по эндшпилям в книжном магазине «Моррис», Бет перешла улицу и направилась в универмаг «Пёрселл». Из разговоров одноклассниц она знала, что «Пёрселл» куда приличнее «Бена Снайдера». То, что ей было нужно, нашлось на четвертом этаже – набор деревянных шахматных фигур, почти такой же, как у мистера Ганца: с выточенными вручную конями, большими солидными пешками и массивными, увесистыми ладьями. Насчет доски она решила не сразу – помедлила, выбирая, и чуть не купила монолитную деревянную, но все же передумала и взяла складную с зелеными и бежевыми полями, которую удобнее будет брать с собой в дорогу.

Дома, едва вернувшись, Бет расчистила место на письменном столе, разложила на нем доску и расставила фигуры. Новые книжки она сложила в стопку на одном конце стола, а на другом водрузила свой турнирный трофей – высокую серебряную статуэтку в виде шахматного коня. Затем включила настольную лампу и уселась в кресло, любуясь, как свет играет на изгибах фигур. Она сидела так очень долго, в состоянии душевного покоя. Потом достала из стопки книг «Современные шахматные дебюты», открыла их и на этот раз начала с самого начала.

* * *

Ничего подобного отелю «Гибсон» ей раньше видеть не доводилось. Размеры самого здания, шум и столпотворение внутри,

ослепительные люстры в фойе, толстые алые ковры, цветы повсюду, три вертящиеся входные двери и стоящий возле них швейцар в униформе – все поражало воображение. Бет и миссис Уитли подошли к центральному подъезду отеля от автобусной остановки с новенькими чемоданами в руках. Отдать их коридорному миссис Уитли отказалась – взгромоздила весь багаж на стойку портье и невозмутимо заполнила бланки за себя и за Бет под его недовольным взглядом.

Оказавшись в номере, Бет немного расслабилась. Там были два больших окна с видом на Четвертую улицу с суматошным в этот час дорожным движением. День выдался холодный, уже подмораживало, а в номере было уютно – толстые ковры, огромное зеркало во всю стену, большая белокафельная ванная с пушистыми красными полотенцами. Еще здесь были цветной телевизор на тумбе и светло-красные покрывала на двух кроватях.

Миссис Уитли осмотрела помещение, выдвинула и задвинула обратно все ящики, включила и выключила телевизор, разгладила складку на одном покрывале.

– Что ж, я просила номер посимпатичнее, и по-моему, мы его получили, – подытожила она, усевшись в викторианское кресло с высокой спинкой у кровати так, будто провела в отеле «Гибсон» всю жизнь.

Турнир должен был состояться на полуэтаже отеля в бальном зале Тафта^[25] – Бет нужно было всего лишь проехаться на эскалаторе. Миссис Уитли нашла неподалеку закулочную, где они позавтракали яичницей с беконом; затем она вернулась в постель с выпуском «Обозревателя Цинциннати» и пачкой «Честерфилда», а Бет пошла регистрироваться для участия в турнире. Рейтинга у нее по-прежнему не было, но на этот раз один из администраторов за столиком у входа знал, кто она такая, и никто не пытался записать ее в группу новичков. Шахматистам предстояло играть по две партии в день с контролем времени 120/40, что означало два часа на сорок ходов.

Бет, заполняя бланк, слышала низкий мужской голос, доносившийся из распахнутой двухстворчатой двери – в зале Тафта дверей было много. В проеме виднелась часть просторного помещения, где для шахматного турнира уже выставили длинные ряды столов, пока пустовавшие. Несколько мужчин прохаживались между ними.

Когда Бет вошла в зал, ее внимание сразу привлек чудной человек, развалившийся на диванчике; ноги в черных ботинках он водрузил на кофейный столик.

– ...А ладья скакнула на седьмую горизонталь, – говорил человек низким голосом. – И встала эта ладья, мужики, у него как кость в горле. Он на это дело посмотрел и полез за бумажником. – Рассказчик откинулся затылком на спинку дивана и громко расхохотался глубоким баритоном. – Отмусолил двадцать баксов!

Было еще рано, в зале собралось всего около дюжины игроков, и за столы с разложенными на них картонными шахматными досками еще никто не садился. Все слушали баритона. Выглядел он лет на двадцать пять, носил тонкие черные усики, оброс многодневной щетиной и был похож на пирата. На нем были грязные джинсы, черная водолазка и шерстяная кепка, надвинутая до густых бровей. Смуглые руки покрывали царапины.

– Защита Каро-Канна, – ухмыльнулся пират. – Охрененный облом.

– А что не так с этой защитой? – спросил опрятный молодой человек в свитере из верблюжьей шерсти.

– Тьма тьмущая пешек и ни искры надежды. – Человек в кепке спустил ноги на пол и сел прямо.

На кофейном столике лежала старая, затертая шахматная доска; на ее бежевых и зеленых полях стояли деревянные фигуры и пешки. У черного короля голова была примотана изолентой – вероятно, он не раз ее лишался.

– Я сейчас покажу, – сказал пират, пододвигая доску к себе.

Бет уже успела подойти к нему ближе. В этом зале она оказалась единственной девушкой.

Человек в черном склонился к доске, поднял с неожиданным изяществом и деликатностью кончиками пальцев белую королевскую пешку и опустил ее на четвертое поле короля. Затем подхватил пешку черного ферзевого слона и поставил ее на третье поле, переместил на четвертую горизонталь белую ферзевую пешку и отзеркалил этот ход черной, после чего окинул взглядом собравшихся вокруг людей, которые теперь смотрели на него еще внимательнее.

– Защита Каро-Канна. Так?

Бет эти ходы были знакомы по записям партий, но она никогда не видела их в игре. Дальше, насколько ей было известно, следовало вывести белого ферзевого слона – человек в кепке именно это и сделал. Затем черная пешка сбита белой и сама была сбита белым конем. Черный королевский конь скакнул на третье поле слона, и белый конь сделал ответный прыжок. Это Бет тоже помнила, так что положение на доске теперь казалось ей скучноватым.

– Я бы взяла коня, – тихо сказала она неожиданно для себя самой.

Человек в кепке взглянул на нее, приподняв бровь:

– А ты, что ли, та самая девчушка из Кентукки, которая уделала Гарри Белтика?

– Да, – ответила Бет. – Если взять коня, тут появятся сдвоенные пешки...

– Тоже мне радость, – пожал он плечами. – Говорю же, тьма тьмущая пешек и ни искры надежды. Вот как черные могут выиграть. – Человек в кепке оставил коня в центре доски и пошел черной пешкой на четвертое поле короля. Дальше он начал перемещать фигуры быстро, ловко и на первый взгляд хаотично, указывая время от времени на потенциальные ловушки. Мало-помалу в центре доски установилось гармоничное равновесие. Все происходило как в ускоренной съемке – в тех кадрах, что показывали по телевизору, – когда из черной земли выныривает бледно-зеленый росток, тянется вверх, увеличивается в размерах, набухает бутон и взрывается цветком пеоны или розы.

В зале прибавилось народу; все наблюдали за развитием партии. Бет прислушивалась к новому чувству – незнакомому оттенку волнения, охватившего ее во время этой демонстрации. Объем знаний, ясность мысли и энергия человека в черной кепке внушали восхищение. Он начал разминывать фигуры в центре – легко подхватывал кончиками пальцев сбитые, будто сметал с доски дохлых мух, и вполголоса комментировал, отмечая вынужденные ходы, слабости противников, западни и сильные поля. Когда он приподнялся с дивана, чтобы вывести ладью с начального поля и дотянуться до дальней горизонтали, Бет с изумлением увидела у него на пояснице нож – металлическая рукоятка с кожаными вставками торчала из-под ремня на джинсах. Но человек был так похож на какого-нибудь персонажа «Острова сокровищ», что нож вовсе не казался неуместным. Его обладатель сделал паузу в игре.

– А теперь смотрите, что будет, – сказал он и перенес черную ладью на пятое поле черного короля, опустив ее на доску с глухим стуком, а затем скрестил руки на груди. – И что же на это должны ответить белые? – поинтересовался он, окинув взглядом аудиторию.

Бет оценила позицию на доске. Там повсюду были западни для белых.

Кто-то из зрителей предположил:

– Ферзь берет пешку?

Человек в кепке покачал головой и улыбнулся:

– Ладья на восьмое поле короля, шах. И гибель ферзя.

Бет это прекрасно видела. Все выглядело так, что для белых игра окончена, и она собиралась заговорить, но ее опередил один из зрителей:

– Это партия Мизеса и Решевского, тридцатые годы.

Человек в кепке взглянул на него:

– Верно. Турнир в Маргите, тысяча девятьсот тридцать пятый.

– Белые пошли ладьей на первое поле ферзя, – сказал зритель.

– Именно. А что им еще оставалось? – Пират сделал упомянутый ход и продолжил игру.

Теперь уже было ясно, что белые проиграли. После нескольких быстрых разменов партия вошла в эндшпиль, который вроде бы должен был затянуться, но черные стремительно принесли в жертву одну из проходных пешек, и внезапно вся схема возможного превращения пешек изменилась – стало очевидно, что черные проведут другую свою пешку в ферзи на два хода раньше белых. Это была фантастическая партия, одного уровня с теми, записи которых Бет читала в шахматных книгах.

Пират поднялся, снял кепку и потянулся. Его взгляд остановился на Бет:

– Решевский так играл в твоём возрасте, девочка. Даже младше был.

* * *

В номере миссис Уитли все еще листала местный «Обозреватель». Она посмотрела на Бет поверх очков для чтения, когда та вошла:

– Что, уже закончили?

– Да.

– Как твои успехи?

– Я выиграла.

Миссис Уитли лучезарно улыбнулась.

– Лапушка, – сказала она, – ты мое сокровище.

* * *

Миссис Уитли увидела рекламу распродажи в «Шилито» – крупном универмаге в нескольких кварталах от отеля «Гибсон». До второй партии турнира было еще несколько часов, и они с Бет отправились туда под кружащимся легким снежком. Миссис Уитли взялась за

подробное исследование первого этажа; Бет бродила за ней, бродила и в конце концов сказала:

– Хочу взглянуть на свитеры.

– Какие свитеры, дорогая?

– Из кашемира.

Миссис Уитли вскинула брови:

– Из кашемира? А ты уверена, что мы можем себе это позволить?

– Да.

Бет нашла светло-серый свитер за двадцать четыре доллара – он сидел на ней идеально. Рассматривая свое отражение в высоком зеркале примерочной, она пыталась представить себя участницей клуба «Яблочный пирог», такой же, как Маргарет. Но ее лицо оставалось лицом Бет – круглым и веснушчатым, обрамленным прямыми каштановыми волосами. Она пожала плечами и купила свитер, расплатившись чеком. По дороге в «Шилито» Бет заметила маленький обувной магазинчик с выставленными в витрине двухцветными «оксфордами», на обратном пути затащила туда миссис Уитли и купила себе пару ботинок. В дополнение к ним взяла гольфы с ромбами; на этикетке было написано: «100 % шерсть. Сделано в Англии». Возвращаясь в отель на ветру, который кидал в лицо крошечные снежинки, Бет смотрела вниз на свои обновки. Ей нравилось, как ноги чувствуют себя в этих ботинках, нравилось, как плотно теплые гольфы облегают икры и как все это выглядит вместе – яркие пестрые гольфы над яркими бело-коричневыми «оксфордами». Смотрела вниз и не могла отвести взгляд.

* * *

После обеда она играла против мужчины средних лет из Огайо с рейтингом 1910. Начала с сицилианской защиты и через полтора часа вынудила его сдаться. Ее ум был остр и ясен, как никогда, к тому же выпала возможность обкатать на доске новые приемы,

которые она узнала за последние недели из книги советского шахматиста – мастера Болеславского.

Когда Бет пришла сдавать запись партии, у стола администраторов стоял Сайзмор. Ей встретились здесь и другие знакомые шахматисты с турнира в Кентукки, и было приятно их увидеть, но по-настоящему Бет нужен был только один – Таунс. Она не раз оглядывала собравшихся в зале, искала то самое красивое лицо, но не находила.

Тем же вечером в номере отеля миссис Уитли смотрела «Деревенщину в Беверли-Хиллз»^[26] и «Шоу Дика Ван Дайка», а Бет прокручивала в голове две сыгранные за день партии, выискивая слабости и недостатки в собственной стратегии. Их не было. Потом она принялась штудировать книгу Ройбена Файна о шахматных окончаниях. У эндшпелей была своя специфика, они представляли собой какой-то особый, ни на что не похожий вид противостояния, в котором оба соперника, уже лишившиеся нескольких фигур, главной целью ставили провести пешку в ферзи. В эндшпелях не было места для стремительных атак, которые так нравились Бет.

Ройбен Файн ей быстро наскучил, вскоре она закрыла книгу и пошла спать. В кармане пижамы лежали две зеленые таблетки. Когда миссис Уитли погасила свет, Бет их проглотила – нужно было непременно выспаться и не хотелось рисковать.

Второй день турнира оказался таким же легким, как первый, хотя Бет играла с более сильными шахматистами. Ей понадобилось некоторое время, чтобы очистить голову от тумана, который нагнали зеленые пилюли, но к началу партии сознание уже обрело ясность и с фигурами она управлялась по-хозяйски уверенно, подхватывая их и опуская на поля без колебаний.

Отдельного помещения для сильнейших игроков здесь не было – доска номер один просто-напросто лежала на первом столе в общем ряду. Вторую партию Бет играла за доской номер шесть, и к тому моменту, когда она вынудила мастера сдать, забрав его ладью, вокруг уже столпилось много зрителей. Пока ей аплодировали, она

подняла взгляд и заметила Альму Уитли – та стояла в дальнем конце зала и широко улыбалась.

В финальной игре турнира за доской номер один соперником Бет был мастер по фамилии Рудольф. В миттельшпиле он начал активно разменивать фигуры в центре доски, и Бет перепугалась, обнаружив, что в эндшпиль ей придется войти с одной ладьей, одним конем и тремя пешками. Рудольф был в таком же положении, только вместо коня у него остался слон. Бет все это сильно не понравилось – у его слона было заметное преимущество в силе, но ей удалось связать этого слона и разменять его на своего коня, после чего она еще полтора часа играла с большой осторожностью, пока Рудольф наконец не допустил грубейшую ошибку, которой Бет немедленно воспользовалась. Она поставила шах пешкой, разменяла ладьи и обзавелась проходной пешкой под защитой короля. Рудольф, злой на самого себя, вынужден был сдаться.

Овация грянула оглушительная. Бет обвела взглядом собравшуюся вокруг стола толпу – в последнем ряду энергично хлопала в ладоши миссис Уитли в голубом платье.

В номер они вернулись с тяжелым призом, который несла миссис Уитли, и с чеком в кармане у Бет. Миссис Уитли взяла лист бумаги с логотипом отеля из стопки на телевизоре и подробнейшим образом расписала расходы: шестьдесят шесть долларов за трое суток в «Гибсоне» плюс три доллара тридцать центов налога; двадцать три шестьдесят за билеты на автобус, и точные суммы оплаты за каждый завтрак, ужин и обед, включая чаевые.

– Я отложила двенадцать долларов, чтобы сегодня вечером отпраздновать твою победу в ресторане, и два доллара на скромный завтрак. Итого наши расходы составляют сто семьдесят два доллара тридцать центов.

– Остается больше трехсот долларов, – сказала Бет.

Последовало молчание. Бет пробежала взглядом список, хотя в нем все было верно. Вероятно, ей следовало поделиться деньгами с

миссис Уитли, но очень уж этого не хотелось. Все-таки она их сама заработала.

Первой тишину нарушила миссис Уитли.

– Ты можешь предложить мне десять процентов, – любезно подсказала она. – В качестве комиссионных за посреднические услуги.

– Тридцать два доллара семьдесят семь центов, – подсчитала Бет.

– В «Метуэне» мне сразу сказали, что ты сильна в математике.

Бет кивнула:

– Договорились.

* * *

В итальянском ресторане им подали какое-то блюдо из телятины. Миссис Уитли заказала себе графин красного вина, потягивала его до конца ужина и курила «Честерфилд». Бет понравились хлеб и холодное, очень светлое масло. Еще понравилось деревце с настоящими апельсинами в кадке у барной стойки неподалеку от их столика.

Допив вино и затушив последнюю сигарету, миссис Уитли промокнула губы салфеткой.

– Бет, дорогая, – сказала она, – после праздника, двадцать шестого декабря, начнется шахматный турнир в Хьюстоне. Мне кажется, поездка в Рождество пройдет без проблем, поскольку народ будет сидеть по домам и уплетать кексики с изюмом или что там у них принято.

– Я в курсе, – кивнула Бет. Она уже прочитала анонс в «Шахматном обозрении», и ей очень хотелось поучаствовать в турнире, но Хьюстон был слишком далеко, чтобы тащиться туда ради премиальных шестисот долларов.

– Полагаю, можно добраться до Хьюстона на самолете, – бодро сообщила миссис Уитли. – Мы чудесно проведем зимние каникулы

на солнышке.

Бет задумчиво доедала спумони^[27].

– Хорошо, – сказала она. И глядя на мороженое, добавила: – Хорошо, мама.

* * *

Их рождественским обедом стала индюшка из микроволновки, поданная на борту самолета, а подарками – бесплатный бокал шампанского от авиакомпании для миссис Уитли и банка апельсинового сока для Бет. Это было лучшее Рождество в ее жизни. Самолет пронесся над заснеженными просторами Кентукки и в конце пути сделал круг над Мексиканским заливом. Приземлились они в тепле, под ярким солнцем. По дороге из аэропорта за окном автобуса проплывали строительные площадки; огромные желтые краны и бульдозеры отдыхали, замерев возле штабелей из балок и брусьев. Один из кранов кто-то украсил рождественским веночком.

За неделю до их отъезда из Лексингтона почтальон принес свежий выпуск «Шахматного обозрения», и Бет, открыв журнал, нашла там свою фотографию с Белтиком на дальнем плане в заметке под заголовком «ШКОЛЬНИЦА ЗАБИРАЕТ ЗВАНИЕ ЧЕМПИОНА КЕНТУККИ У МАСТЕРА ПО ШАХМАТАМ». Дальше была приведена нотация их партии, а в комментарии говорилось: «Зрителей изумило, сколь искусно юная шахматистка владеет тонкостями стратегии. Она продемонстрировала мастерство и уверенность, достойные игроков в два раза старше». Бет дважды прочитала заметку, прежде чем показала ее миссис Уитли. Та пришла в восторг. Недавно миссис Уитли продекламировала вслух статейку из лексингтонской газеты, воскликнув под конец: «Это потрясающе!» – но на этот раз читала про себя, а потом тихо и трепетно проговорила: «Это *всенародное* признание, дорогая».

Журнал миссис Уитли взяла с собой в Хьюстон, и в самолете они занимали время, отмечая турниры, в которых Бет нужно поучаствовать в ближайшие несколько месяцев. Условились, что одного турнира в месяц будет достаточно – миссис Уитли боялась превзойти, как она сказала, «лимит достоверности», если станет чаще писать записки о недомоганиях приемной дочери, да и перечень болезней так можно исчерпать. Бет задумалась, почему нельзя попросить у директора школы разрешение в открытую – ведь мальчиков из баскетбольных и футбольных команд отпускают на соревнования вполне официально, – но ей хватило благоразумия промолчать: миссис Уитли определенно доставляла удовольствие такая организация процесса, для нее это было как участие в заговоре.

В хьюстонском турнире Бет победила без малейших затруднений. По словам миссис Уитли, она «уже набила руку». В третьей партии ей пришлось согласиться на ничью, зато в финале она провела блистательную атаку и разгромила сорокалетнего чемпиона всего Юго-Запада^[28] как мальчишку. На солнышке они понежились еще пару дней, сходили в Музей изящных искусств и в зоопарк. На следующий день после турнира фотография Бет появилась в газете, и на этот раз ей было приятно себя увидеть. В заметке ее называли *вундеркиндом*. Миссис Уитли купила три экземпляра, заявив, что собирается делать альбом, посвященный успехам дочери.

* * *

В январе миссис Уитли позвонила в школу, сообщила, что у Бет опять мононуклеоз, и они поехали в Чарлстон. В феврале были простуда и Атланта, в марте – грипп и Майами. Время от времени миссис Уитли общалась с завучем и с классной руководительницей Бет, но в подробности никто не вдавался. Некоторые однокашники, судя по всему, знали о достижениях Бет из газет, выходивших в

других городах, или из разговоров с родителями, но школьное начальство об этом не упоминало. Бет совершенствовалась в игре по три часа каждый вечер между шахматными турнирами. В Атланте она одну партию проиграла, но все же заняла первое место в соревновании, а в двух других городах дошла до финала без поражений. Ей нравилось летать на самолетах с миссис Уитли, которая становилась веселой и словоохотливой благодаря мартини, который подавали на борту. Они болтали и вместе смеялись. Миссис Уитли рассказывала уморительные истории о стюардессах, обсуждала с Бет их летную форму в облипочку и яркий, неестественный макияж или перемывала косточки своим лексингтонским соседям. В такие моменты она делалась оживленной, забавной, откровенной, и Бет смеялась больше, чем обычно, и смотрела в иллюминатор на облака, проплывавшие внизу, и никогда ей не было так хорошо, даже когда в «Метуэне» она закидывала в рот по пять-шесть накопленных зеленых таблеток разом.

Бет любила отели и рестораны, она наслаждалась чувством радостного возбуждения от самого участия в шахматных соревнованиях, от продвижения вверх по турнирной таблице партия за партией, от того, что толпа вокруг стола, за которым она играет, растет с каждой ее победой. Теперь уже все участники турниров знали, кто она такая. И Бет по-прежнему была там самой младшей шахматисткой, а порой единственной представительницей женского пола. Возвращаться после этого в школу становилось все скучнее – мир вокруг сразу делался тусклым. Одноклассники обсуждали, в какой колледж идти по окончании старшей школы, некоторые даже выбрали себе профессии – две девочки, насколько ей было известно, хотели стать медсестрами. Бет в таких разговорах никогда не участвовала: она уже стала тем, кем хотела стать. Но ни о своих поездках, ни о репутации, завоеванной на шахматных турнирах, она никому не рассказывала.

Когда в марте они с миссис Уитли вернулись из Майами, в почтовом ящике Бет ждало письмо от Шахматной федерации. В конверте лежал новенький членский билет с указанным в нем рейтингом: 1881. Бет уже говорили, что рейтинг, отражающий реальную силу шахматиста, высчитывается не сразу, но была довольна, что теперь у нее наконец есть хоть какой-то. Скоро он повысится. Следующий важный этап – звание мастера, которое присваивают шахматистам с рейтингом 2200. После 2000 она станет кандидатом в мастера, но это мало что значит. Ее главная цель – ранг международного гроссмейстера, вот он действительно имеет вес.

* * *

Тем летом они с миссис Уитли ездили в Нью-Йорк – Бет участвовала в турнире, который проводился в отеле «Генри Гудзон». Обе обрели вкус к изысканной кухне, и хотя дома по-прежнему питались обедами быстрого приготовления, в Нью-Йорке ходили по французским ресторанам, даже ездили через весь город на автобусе в «Лё Бистро» и в «Кафе Аржантей». Миссис Уитли специально сходила в Лексингтоне на автозаправку, купила дорожный путеводитель и отметила в нем заведения с тремя звездами и больше, а потом они вместе нашли эти рестораны на карте. Обеды и ужины там стоили чертовски дорого, но ни одна, ни другая о цене не заговаривали. Бет порой соглашалась отведать копченой форели, но никогда не заказывала жареную рыбу – помнила, как давилась ею в «Метуэне» по пятницам. Она решила, что со следующего года начнет учить в школе французский.

Единственной проблемой в поездке были зеленые таблетки. Бет покупала их по рецепту миссис Уитли и принимала на ночь от бессонницы; при этом по утрам, чтобы прийти в себя, ей теперь иногда требовался целый час, а то и два. Впрочем турнирные партии

никогда не начинались до девяти, и она приучилась вставать пораньше, чтобы успеть привести себя в норму несколькими чашками кофе из рум-сервиса. Миссис Уитли о таблетках не знала, и, похоже, пристрастие Бет к кофе ее не беспокоило. Она относилась к приемной дочери как ко взрослому человеку, и порой казалось, что из них двоих старше именно Бет.

Нью-Йорк Бет понравился. Понравилось кататься на автобусе и спускаться в подземку, где все гремит и скрежещет; понравилось рассматривать витрины магазинов и слушать, как на улицах люди говорят на идише и на испанском. Ощущение опасности, таящейся в большом городе, ее не тревожило, лихачества таксистов она не замечала, и грязная роскошь Таймс-сквер^[29] была ей ни по чем. В свой последний вечер в Нью-Йорке они с миссис Уитли сходили в «Радио-сити мьюзик-холл» на «Вестсайдскую историю» и «Рокетс»^[30]. Сидя на бархатном кресле в зале, похожем на огромную пещеру, Бет задыхалась от избытка чувств.

* * *

Она думала, репортер из еженедельника «Жизнь»^[31] будет похож на Ллойда Нолана^[32] с непрерывно дымящейся сигаретой в зубах, но на пороге дома стояла миниатюрная женщина с седыми волосами, отливающими сталью, и в темной одежде. Мужчина, сопровождавший ее, держал в руках фотоаппарат. Журналистка выглядела старше миссис Уитли, представилась как Джин Балке и сразу прошла по гостиной быстрой, порывистой походкой, мимолетно окинув взглядом книги на полках и репродукции на стенах; затем начала задавать вопросы. Держалась она дружелюбно и непосредственно.

– На меня произвели впечатление твои успехи, хотя сама я в шахматы не играю. – Женщина улыбнулась. – Знающие люди

говорят, ты очень сильная шахматистка.

Бет в ее присутствии слегка оробела.

– И как же должна чувствовать себя девочка, которой приходится соревноваться в мире мужчин? – продолжала репортерша.

– Для меня это не имеет значения.

– Неужели не страшно?

Они сидели в гостиной друг напротив друга. Мисс Балке подалась вперед, внимательно глядя на Бет.

Та в ответ покачала головой. Фотограф отступил к дивану и принялся замерять расстояние до объекта съемки.

– В детстве я была начисто лишена состязательного духа, – сообщила репортерша. – Все время играла в куклы.

Теперь фотограф подошел ближе и присматривался к Бет через объектив, а она вспомнила куклу, подаренную мистером Ганцем.

– Шахматы – это не только состязание.

– Но ты ведь играешь ради победы?

Бет хотелось сказать о том, что порой шахматы – это красиво, но она смотрела в узкое пыльное лицо репортерши и не находила нужных слов.

– У тебя есть парень? – спросила мисс Балке.

– Нет. Мне четырнадцать.

Фотограф защелкал затвором.

Мисс Балке затянулась сигаретой, наклонилась и стряхнула пепел в одну из многочисленных пепельниц миссис Уитли.

– А ты вообще интересуешься мальчиками?

Бет становилось все неудобнее. Ей хотелось говорить о том, как нужно учиться играть в шахматы, и о турнирах, в которых она победила, и о таких людях, как Морфи и Капабланка. Эта женщина ей не нравилась, и еще меньше нравились ее вопросы.

– Я больше интересуюсь шахматами.

Мисс Балке лучезарно улыбнулась.

– Расскажи мне об этом, – попросила она. – Расскажи, как ты научилась играть и сколько лет тебе тогда было.

Бет принялась рассказывать, а репортерша делала записи в блокноте, но Бет догадывалась, что ей все это безразлично. Она и сама, начав говорить, поняла вдруг, что, общем-то, мало что может сказать.

На следующей неделе во время урока алгебры Бет заметила, как мальчик, сидевший за партой перед ней, передает своей соседке выпуск журнала «Жизнь», а потом они оба вдруг обернулись и уставились на нее так, будто впервые увидели. После занятий этот мальчик, никогда не общавшийся с ней раньше, подошел и попросил автограф, протянув журнал. Бет оторопела, машинально взяла журнал, а там оказалась целая страница с текстом под заголовком «МОЦАРТ В ЮБКЕ ПРОИЗВОДИТ ФУРОР В МИРЕ ШАХМАТ» и с фотографией – она с серьезным видом сидит за шахматной доской, – и еще с одной фотографией – главного здания приюта «Метуэн». Бет положила журнал на пустую парту и написала на странице свою фамилию шариковой ручкой, которую дал ей мальчик.

Когда она вернулась домой, такой же выпуск журнала лежал на коленях у миссис Уитли. При виде Бет она начала читать вслух:

– «Для одних шахматы – приятная забава, способ провести время; для других – навязчивое состояние, даже болезнь. Но время от времени появляются люди, для которых шахматы – истинное призвание, и мы вдруг слышим о каком-нибудь мальчишке, поражающем воображение своим не по возрасту великим мастерством в одной из сложнейших игр в мире. Но что мы подумаем, если это будет не мальчик, а девочка – совсем юная нелюдимая девочка с карими глазами, каштановыми волосами и в темно-синем платье? Никогда в мире не случилось ничего подобного, и вот совсем недавно удивительные события начали происходить одно за другим – в городе Лексингтоне штата Кентукки, в Цинциннати, в Чарлстоне, в Атланте, в Майами и, наконец, в Нью-Йорке. В мире шахмат, захваченном мужчинами, на важнейших турнирах стала побеждать четырнадцатилетняя ученица

Фэрфилдской средней школы города Лексингтона, штат Кентукки. У нее сияющие внимательные глаза, она скромна, хорошо воспитана и абсолютно беспощадна...» Восхитительно! – воскликнула миссис Уитли. – Дочитать тебе до конца?

– Там дальше о приюте. – Бет тоже купила журнал по дороге из школы. – И еще описание одной из моих партий. И еще очень много о том, что я девочка.

– Но ведь так оно и есть.

– Это не настолько важно, – покачала головой Бет. – Они не напечатали и половины того, что я говорила. Не упомянули о мистере Шейбеле, не рассказали, как я играю сицилианскую защиту...

– Но, Бет, они же сделали тебя знаменитостью! – заметила миссис Уитли.

Бет задумчиво посмотрела на нее:

– В основном потому, что я – девочка.

* * *

На следующий день в школьном коридоре ее остановила Маргарет. Блондинка была в пальто из верблюжьей шерсти; длинные волосы рассыпались по плечам. Она казалась еще красивее, чем год назад, когда Бет стащила из ее сумочки десять долларов.

– Участницы «Яблочного пирога» просят передать тебе приглашение, – почтительно сказала Маргарет. – У нас в пятницу плановое собрание членов клуба, а вернее, вечеринка у меня дома.

Ее пригласили в «Яблочный пирог», и это было странно. Согласившись прийти и спросив адрес, Бет вдруг поняла, что они с Маргарет поговорили впервые.

В тот день она битый час примеряла платья в «Пёрселле» и в конце концов выбрала одно – темно-синее, с простым белым воротником – из самой дорогой линейки одежды во всем

универмаге. Вечером миссис Уитли, услышав, что Бет идет на собрание «Яблочного пирога», и увидев платье, очень обрадовалась.

– Ты как благородная девица, впервые выезжающая в свет! – воскликнула она, когда Бет надела платье, чтобы показать, как оно сидит.

* * *

Отделанная светлым полированным деревом гостиная в доме Маргарет сияла и поблескивала, стены украшала масляная живопись – в основном на картинах были лошади. Стоял теплый мартовский вечер, но в камине под белым колпаком потрескивал огонь. Когда вошла Бет в новом платье, четырнадцать девочек уже сидели на белых диванчиках и разноцветных креслах с высокими спинками. Почти все они явились на вечеринку в школьных свитерах и юбках.

– Это было что-то! – выпалила одна из девочек. – Открываю «Жизнь», а там знакомое лицо из Фэрфилдской средней. Я прям обалдела!

Но стоило Бет заговорить о шахматных турнирах, все наперебой начали спрашивать ее о парнях, которые в них участвуют, – как выглядят, встречается ли она с кем-нибудь? Когда Бет сказала, что у нее на это нет времени, девчонки тут же сменили тему.

Целый час они болтали о мальчиках, о свиданиях и нарядах, неторопливые рассуждения сменялись подколками и хихиканьем, а Бет неуклюже сидела на краешке дивана с хрустальным бокалом «кока-колы» в руках и никак не могла придумать, что сказать, чтобы поддержать разговор. В девять часов Маргарет включила здоровенный телевизор рядом с камином, тогда все умолкли – время от времени раздавались только смешки – и стали смотреть кино в рубрике «Фильм недели».

Бет терпеливо сидела, не участвуя в перешептываниях и пересмеиваниях во время рекламы, до тех пор пока кино не

закончилось в одиннадцать. Скукотища и тупые разговоры на вечеринке ее сильно удивили – ведь это было собрание элитного клуба, того самого «Яблочного пирога», который казался ей таким престижным, когда она только поступила в эту школу в Лексингтоне. И что же они делают на своих изысканных закрытых собраниях? Смотрят фильмы с Чарлзом Бронсоном. Лишь один раз скукотищу нарушила девочка по имени Фелиция. Глядя на главного героя, она сказала: «Интересно, у него правда такой огромный или так только кажется?» Бет тогда улыбнулась, но это было единственное, что ее рассмешило.

Когда в одиннадцать она собралась уходить, никто не стал ее задерживать, и никто ничего не сказал о приеме в клуб. Она с облегчением села в такси, добралась до дома, а там сразу взялась за книгу «Миттельшпиль в шахматах», переведенную с русского, и читала в спальне целый час.

* * *

В школе о ней теперь знали достаточно, так что отпрашиваться на очередной турнир, ссылаясь на какую-нибудь болячку, не пришлось. Миссис Уитли поговорила с завучем, и Бет освободили от уроков. Насчет прошлых мнимых недугов ее никто не расспрашивал. О Бет написали в школьной газете, и теперь ученики показывали на нее пальцем в коридорах.

Новый турнир проходил в Канзас-Сити. После того как Бет там победила, директор турнира – очень серьезный молодой человек – пригласил их с миссис Уитли в мясной ресторан поужинать, был весьма любезен с обеими и сказал, что участие мисс Хармон в соревновании – большая честь для организаторов.

– Я бы хотела сыграть в Открытом турнире Соединенных Штатов в Лас-Вегасе, – сказала Бет за десертом с кофе.

– Конечно, – кивнул директор. – Вы можете там победить.

– А это поможет ей попасть на заграничные турниры? – поинтересовалась миссис Уитли. – В Европе, к примеру?

– Наверняка. – Фамилия у молодого человека была Нобиль, он носил очки в толстой оправе и все время пил воду со льдом. – Организаторам европейских соревнований сперва нужно о ней узнать, чтобы прислать приглашение.

– То есть благодаря моей победе в Открытом турнире они обо мне узнают?

– Определенно. Бенни Уоттс теперь постоянно играет в Европе, после того как получил международное звание.

– Какие там призовые фонды? – осведомилась миссис Уитли, закуривая сигарету.

– Полагаю, немалые.

– А в СССР можно поиграть? – спросила Бет.

Нобиль уставился на нее так, будто она предлагала что-то противозаконное.

– Ехать в СССР – чистое самоубийство, – наконец сказал он. – Там американцев живьем едят на завтрак.

– Нет, ну правда... – начала миссис Уитли.

– Правда едят, – отрезал Нобиль. – Насколько мне известно, за последние двадцать лет ни у одного американского шахматиста не было шанса сыграть с русскими. В СССР с шахматами дела обстоят так же, как с балетом, – там всех людей держит на зарплате государство.

Бет вспомнила фотографии из «Шахматного обозрения» – мужчин с угрюмыми лицами, склонившихся над шахматными досками, и их фамилии – Боргов, Таль, Лаев, Шапкин. У всех были насупленные брови и черные костюмы. Советский шахматный мир действительно отличался от американского.

– Как мне попасть на Открытый турнир Соединенных Штатов? – в итоге спросила она.

– Просто перечислить им регистрационный взнос, – сказал Нобиль. – Там все происходит так же, как на обычных турнирах,

только конкуренция более жестокая.

* * *

Бет перечислила организаторам регистрационный взнос, но в Открытом турнире Соединенных Штатов в тот год не участвовала. Миссис Уитли на две недели свалил в постель какой-то вирус, а Бет, которой только что исполнилось пятнадцать, не захотела ехать одна. Она старалась не подавать виду, но в глубине души злилась и на Альму Уитли – за то, что ее угораздило заболеть, и на саму себя – за то, что испугалась путешествия в Лас-Вегас. Открытый турнир, конечно, считался не таким престижным, как чемпионат США по шахматам, но ей уже пора было начать играть не только на турнирах местного значения, выбирая их исключительно по величине призового фонда. Такие соревновательные площадки, как чемпионат США по шахматам или Пригласительный турнир Мерривезера, о которых она узнала из разговоров шахматистов между партиями и из статей в «Шахматном обозрении», представляли собой особый замкнутый мир, и пришло время сделаться его частью, а затем уже открыть для себя путь на международную арену. Бет часто представляла себя такой, какой хотела стать: женщиной, у которой есть профессия, лучшей шахматисткой мира, уверенно летающей первым классом, высокой, безупречно одетой, привлекательной, с гордо поднятой головой – то есть белой Джолин. Она то и дело давала себе обещание послать Джолин письмо или открытку, но так его и не выполнила. Вместо этого, вспоминая приютскую девочку, вставала перед зеркалом в ванной и разглядывала свое отражение в поисках проявившихся черт той прекрасной женщины с гордо поднятой головой, которой хотела стать.

К шестнадцати годам Бет немного подросла и похорошела, подобрала себе прическу, выгодно оттенявшую глаза, но по-прежнему выглядела как школьница. Теперь она принимала участие

в турнирах каждые полтора месяца – в разных штатах, в Иллинойсе и в Теннесси, иногда в Нью-Йорке. Они с миссис Уитли, как и раньше, выбирали такие соревнования, выигрыш в которых покрывал расходы на поездку и приносил прибыль. Денег на банковском счете Бет всё прибывало, и это не могло не радовать, но крепло ощущение, что ее карьера буксует. К тому же ее перестали называть вундеркиндом – она уже была для этого слишком взрослой.

Глава 6

Открытый шахматный турнир Соединенных Штатов вот-вот должен был начаться в Лас-Вегасе, но других постояльцев отеля «Марипоза» это явно не волновало. В главном зале казино за столиками для игры в кости, рулетками и столами для блэкджека собирались люди в ярких разноцветных футболках и рубашках, и в сосредоточенном молчании вступали в игру. Напротив казино в отеле находилась кофейня. Накануне турнира Бет спустилась в вестибюль, прошла мимо игорного зала, откуда доносился только глухой перестук фишек и костей по столешницам, обтянутым сукном, взобралась на высокий табурет у барной стойки и обернулась, окинув взглядом кофейню, – занято было всего несколько столиков, и за одним из них сидел красивый молодой человек наедине с чашкой кофе. Это был Таунс, из Лексингтона.

Бет слезла с табурета и подошла к его столику.

– Привет, – сказала она.

Он поднял взгляд от чашки и недоуменно моргнул – не понял, кто перед ним. Потом спохватился:

– Хармон! Боже ты мой!

– Можно мне сесть?

– Конечно! И как это я тебя не узнал? Видел твою фамилию в списке.

– В каком списке?

– В турнирном. Я в этот раз не играю – «Шахматное обозрение» заказало мне репортаж с места событий. – Он взглянул ей в глаза. – Могу и о тебе написать. В «Геральд-лидер».

– В лексингтонской газете?

– Точно. Как же ты выросла, Хармон! Я прочитал статью в «Жизни». – Его взгляд сделался пристальнее. – Ты теперь хорошенькая.

Бет разволновалась и не знала, что сказать. В Лас-Вегасе ей все казалось странным и чужим. Вокруг на столиках стояли одинаковые лампы: в стеклянных основаниях пузырилась, закручиваясь водоворотами, пурпурная жидкость под ярко-розовыми плафончиками. Официантка, которая принесла ей меню, была в черной мини-юбке и ажурных чулках, но при этом имела строгий вид учительницы геометрии. Таунс улыбался, сказочно красивый. На нем были темный пуловер и полосатая рубашка с распахнутым воротом. Бет выбрала фирменные блюда отеля «Марипоза» – яичницу с перцем чили, горячие кексы и то, что в меню называлось «Бездонная Чашка Кофе» – можно было сколько угодно раз доливать туда из кофейника.

– Я могу написать о тебе заметку на полполосы для воскресного выпуска, – сказал Таунс.

Подоспели горячие кексы и яичница, Бет съела все, что было на тарелках, и запила двумя порциями кофе.

– У меня в номере есть фотоаппарат, – сказал Таунс. Помедлил и добавил: – Еще есть шахматные доски. Не хочешь сыграть?

Она пожала плечами:

– Хорошо. Идем к тебе.

– Классно!

Улыбка у него была сногшибательная.

В номере раздвинутые шторы открывали вид из окна на парковку. Огромная кровать стояла незаправленная – создавалось впечатление, что она занимает все пространство в маленькой комнате. Там было целых три шахматных доски: одна на столе у окна, вторая на камоде, третья в ванной. Таунс усадил Бет у окна и принялся заряжать пленку в фотоаппарат, пока она расставляла фигуры. Трудно было не смотреть на него, пока он ходил вокруг, щелкая затвором, а когда подошел совсем близко и поднес фотометр к ее лицу, она почувствовала его дыхание и тепло, исходившее от тела. Сердце забило быстрее, и, протянув руку к ладье, чтобы ее переставить, Бет заметила, что пальцы дрожат.

Затвор щелкнул в последний раз, катушка с пленкой начала перематываться.

– Парочка удачных кадров среди того, что я наснимал, точно найдется, – пробормотал Таунс и поставил фотоаппарат на тумбочку у кровати. – Ну что, сыграем?

Бет подняла на него взгляд:

– Я не знаю твоего имени.

– Все зовут меня Таунсом, – пожал он плечами. – Может, поэтому я тоже называю тебя Хармон, а не Элизабет.

Она снова принялась расставлять фигуры на доске.

– Просто Бет.

– Пусть лучше будет Хармон.

– Давай в «кегли», – предложила она. – Уступаю тебе белые.

«Кеглями» на шахматном жаргоне назывались быстрые шахматы, в них не было времени на сложные стратегии. Таунс принес часы с двумя циферблатами, стоявшие на комодe, и выставил контроль на пять минут.

– Думаю, тебе хватит и трех, – улыбнулся он.

– Ходи, – сказала Бет, не глядя на него. Ей хотелось, чтобы он к ней прикоснулся – взял за руку или погладил по щеке. Но Таунс казался таким утонченным, у него была такая беспечная улыбка – он просто не мог думать о ней в том же ключе. Хотя Джолин говорила: «Все парни об этом думают, детка. У них у всех одно на уме», – а Бет была сейчас наедине с Таунсом в гостиничном номере с огромной кроватью. В Лас-Вегасе.

Когда он нажал на кнопку над своим циферблатом, Бет обратила внимание, что время у них выставлено одинаковое. Ей не хотелось играть с ним эту партию. Ей хотелось заняться любовью. Она хлопнула по кнопке со своей стороны, и его часы затикали. Он пошел пешкой на четвертое поле короля и запустил ее время. Бет на секунду задержала дыхание и сосредоточилась на шахматах.

* * *

Когда она вернулась в свой номер, миссис Уитли сидела на кровати, курила сигарету и вид имела скорбный.

– Где ты была, солнышко? – осведомилась она странным тоном, которым обычно говорила о мистере Уитли.

– Играла в шахматы, – ответила Бет. – Тренировалась.

На телевизоре лежал выпуск «Шахматного обозрения». Бет открыла страницу с выходными данными – в списке редакторов его не оказалось, но ниже, под заголовком «Корреспонденты», она увидела три фамилии, и третья была «Д. Л. Таунс». Его имени она так и не узнала.

– Не принесешь мне пиво? – снова подала голос миссис Уитли. – Оно вон там, на комодe.

Бет подошла к комоду – на коричневом подносе из рум-сервиса стояли пять банок «Пабста» и лежал початый пакет с картофельными чипсами.

– Себе тоже можешь взять, – сказала миссис Уитли.

Бет взяла с подноса две банки, отнесла их приемной матери, чувствуя под пальцами холодный металл, и сходила в ванную за чистым бокалом для себя.

– Раньше ты пиво не пробовала? – спросила миссис Уитли, когда Бет протянула ей бокал.

– Мне шестнадцать.

– Ну да... – Миссис Уитли нахмурилась. Затем с легким хлопком вскрыла банку, подняв колечко, и ловко налила пиво в бокал Бет, так что пена поднялась ровно до края. – Вот, пей, – сказала она с таким видом, будто давала лекарство.

Бет сделала глоток. Она действительно никогда раньше не пробовала алкоголь, но пиво оказалось именно таким, каким ей представлялось, как будто она всегда знала, что за вкус у него должен быть. Постаралась не морщиться от горечи и выпила почти

полбокала. Миссис Уитли долила ей остаток из банки. Бет сделала еще один большой глоток. Горло слегка щипало, зато в животе уже растекалось тепло, щеки горели, будто она покраснелась от стыда. Бет допила все, что было в бокале.

– Боже мой, – сказала миссис Уитли, – не надо так быстро.

– Можно мне еще? – спросила Бет. Она думала о Таунсе, о том, как он улыбнулся и взял ее за руку, когда они закончили игру и она встала из-за стола, собравшись уходить. От того короткого прикосновения у нее вспыхнули щеки, как сейчас от пива. Она выиграла у него семь молниеносных партий. Бет сжала бокал крепче – на миг захотелось бросить его об пол изо всех сил и смотреть, как разлетаются осколки. Вместо этого она встала, взяла с комода еще одну банку пива и открыла ее, подцепив пальцем кольцо.

– Послушай, тебе нельзя столько... – начала миссис Уитли, но Бет уже наливала пиво в бокал. – Что ж, раз уж такое дело, принеси мне тоже. Я только боюсь, как бы тебе не стало плохо...

Бет ударилась плечом о дверной косяк, когда влетела в ванную, и едва успела склониться над унитазом. В носоглотке ужасно жгло от рвоты. Когда содержимое желудка закончилось, она села рядом с унитазом и разревелась. Но даже пока она плакала, на краю сознания маячила мысль о новом открытии, сделанном благодаря этим трем банкам пива, – открытию настолько же важном, как и то, в приюте, когда она, восьмилетняя, накопила зеленые таблетки и проглотила их все сразу. Только вот блаженного морока, который приносили таблетки, приходилось ждать слишком долго, напряжение медленно покидало тело. Пиво дало тот же эффект почти мгновенно.

– Больше никакого алкоголя, солнышко, – сказала миссис Уитли, как только Бет вернулась в спальню. – Ни капельки до восемнадцати.

* * *

В бальном зале отеля были расставлены столы для семидесяти шахматистов; первую партию Бет играла за доской номер девять против сублильного джентльмена из Оклахомы и разгромила его, как во сне, за пару дюжин ходов. После обеда, за доской номер четыре, она стремительно сломала оборону серьезного молодого человека из Нью-Йорка, который разыграл королевский гамбит и пожертвовал слона, как Пол Морфи в одной из партий.

Бенни Уоттсу было лет двадцать пять, но выглядел он ровесником Бет и ростом оказался не выше. Уоттс то и дело попадался ей на глаза во время турнира; он начал состязание за доской номер один, за ней и остался. Знатоки называли его лучшим американским шахматистом со времен Морфи. Однажды Бет очутилась рядом с ним в очереди к автомату с «кока-колой», но они не обменялись ни словом. Уоттс тогда болтал с другим участником турнира и много улыбался; они дружески спорили о достоинствах и недостатках славянской защиты. Бет изучила этот дебют пару дней назад, и у нее было что сказать, но она молча взяла стакан с колой и ушла. Когда она слушала спор двух шахматистов, у нее появилось знакомое неприятное чувство, намекавшее, что шахматный мир принадлежит мужчинам, а она здесь чужая. Это чувство ей очень не нравилось.

Уоттс ходил в белой рубашке с распахнутым воротом и закатанными рукавами. Лицо у него было веселое и одновременно лукавое; с копной соломенных волос он выглядел как типичный американец, как Гекльберри Финн, но в глазах таилось что-то не вызывавшее доверия. Его тоже в свое время называли вундеркиндом и вкуче с титулом чемпиона Соединенных Штатов это внушало Бет тревогу. Она помнила книгу об Уоттсе и запись одной его партии, сыгранной вничью с Борстманном в Копенгагене, в 1948 году. Это означало, что Бенни в то время было восемь лет – как раз тот возраст, когда сама она училась играть в шахматы с мистером Шейбелом в подвале приюта. В середине той книжки была фотография тринадцатилетнего Уоттса – он стоял с торжественным видом напротив ряда столов, за которыми сидели курсанты в

униформе Военно-морской академии. Это было в Аннаполисе, Уоттс играл против команды шахматистов из двадцати трех человек и не сдал ни одной партии.

Когда Бет вернулась к автомату с пустым стаканом, Бенни Уоттс все еще стоял там.

– Эй, – дружелюбно окликнул он, – ты ведь Бет Хармон?

Она положила пустой стакан в поддон.

– Да.

– Я читал статью о тебе в журнале «Жизнь». Партия, которую там опубликовали, очень даже ничего.

Он имел в виду партию, которую Бет сыграла с Белтиком.

– Спасибо, – сказала она.

– Я Бенни Уоттс.

– Я знаю.

– Тебе тогда не надо было делать рокировку, – улыбнулся он.

Бет взглянула с удивлением:

– Мне нужно было вывести ладью.

– Ты могла потерять королевскую пешку.

Бет не совсем поняла, о чем он говорит. Она отлично помнила ту игру, прокручивала ее раньше в голове несколько раз и не нашла никаких промахов. Неужели он выучил наизусть описание из «Жизни» и увидел там слабое место? Или просто выпендривается? Бет быстро нарисовала в голове позицию после рокировки; положение королевской пешки выглядело вполне надежным.

– Я так не думаю.

– Он мог пойти слоном на В-5, и тогда тебе пришлось бы разрывать связку.

– Погоди-ка... – начала Бет.

– Не могу, – развел руками Бенни. – Мне нужно доиграть отложенную партию. А ты расставь фигуры и обдумай это. Твоей главной проблемой был его ферзевый конь.

Бет внезапно разозлилась:

– Мне не нужно расставлять фигуры, чтобы это обдумать.

– Ну, как знаешь, – сказал Уоттс и удалился.

Когда он исчез из виду, Бет все еще стояла у автомата с колой, проигрывая ту партию в голове, – и наконец до нее дошло. Рядом на столике лежала лишняя турнирная доска; Бет расставила фигуры в положении до рокировки, чтобы удостовериться окончательно. Но главное доказательство у нее уже было – в животе скрутился тугой узел. Белтик мог сделать связку, и тогда его ферзевый конь стал бы смертельной угрозой. Ей пришлось бы разбивать связку и уходить из «вилки», устроенной этим чертовым конем, потом в дело вступила бы его ладья, и – вот оно! – королевская пешка оказалась бы под боем. Ситуация могла сложиться критическая. Но что самое ужасное – она этого не заметила во время игры, а Бенни Уоттс, всего лишь прочитав в журнале о неизвестной ему шахматистке и пробежав глазами запись ее партии, все понял. Бет постояла над доской, закусив губу, затем опрокинула набок своего короля. В седьмом классе она так гордилась собой, когда нашла ошибку в партии Морфи. Теперь чемпион США то же самое проделал с ее собственной партией, и ей это не понравилось. Категорически.

В финале она сидела за доской номер один на стороне белых фигур. Уоттс, протягивая руку для приветствия, тихо сказал:

– Конь должен был пойти на пятое поле коня. Верно?

– Да, – сквозь зубы процедила Бет.

Мигнула и затрещала лампочка под потолком. Бет выдвинула ферзевую пешку на четвертое поле ферзя.

Она разыграла ферзевый гамбит против Уоттса и в миттельшпиле с испугом подумала, что напрасно. Ферзевый гамбит приводит к сложным положениям в игре, а тут ситуация сложилась и вовсе запутанная. В каждом лагере было полдюжины ловушек, но главное, что заставляло Бет нервничать, тянуться к какой-нибудь фигуре и отдергивать руку по множеству раз, не позволяя себе ее коснуться, было растущее недоверие к самой себе, неверие в собственные силы. Она сомневалась, что видит позицию так же ясно, как Бенни Уоттс. Он играл спокойно, взвешенно и точно, легко подхватывал

фигуры и бесшумно опускал их на доску, порой улыбаясь себе под нос. Каждый его ход выглядел солидным и надежным, как скала. Основное преимущество Бет заключалось в стремительных атаках, но ей никак не удавалось найти возможность атаковать. К шестнадцатому ходу она была в бешенстве и злилась на себя в первую очередь за то, что применила этот гамбит.

Вокруг их большого деревянного стола собралось человек сорок. Рядом стояла табличка, обтянутая коричневым бархатом, с прикрепленными на ней именами ХАРМОН и УОТТС. Из-под ярости и страха в душе Бет стало пробиваться еще одно отвратительное чувство, навязчивое ощущение, что она в этой паре – слабый игрок. Бенни Уоттс больше знает о шахматах, он играет лучше. Это было новое для нее чувство за шахматной доской, оно сковывало мысли и холодило спину; такое с ней в последний раз случилось в кабинете миссис Дирдорфф. Бет на секунду отвлеклась, окинув взглядом толпу зрителей – искала миссис Уитли, но той не было. Тогда она вернулась к доске, покосившись на Уоттса. Он безмятежно улыбался ей, как будто предлагал девушке чашечку кофе, а не головоломную шахматную позицию. Бет поставила локти на стол, подперла щеки крепко сжатыми кулаками и попыталась сосредоточиться.

Через секунду в голову пришла простая мысль: «Я не сражаюсь с Бенни Уоттсом, я всего лишь играю в шахматы». Она взглянула на него еще раз. Теперь Уоттс изучал позицию. «Он не сделает ход раньше меня. И за один раз может передвинуть всего одну фигуру». Она снова уставилась на доску, прикидывая последствия размена, представляя себе, где окажутся пешки, если толпа фигур, загромоздивших центр, поредеет. Можно взять его королевского коня своим слоном, тогда он отобьется ферзевой пешкой... Нет, не годится. Можно пойти конем и вынудить его к размену... Вот это уже лучше. Бет закрыла на мгновение глаза и начала потихоньку расслабляться, мысленно создавая и разрывая связи между пешками в поисках конфигурации, которая даст ей преимущество. Теперь уже у нее перед глазами не было ничего, кроме шестидесяти четырех

квадратов и зыбкой архитектурной конструкции из черных и белых пешек на них – воображаемая зубчатая линия горизонта колыхалась, расслаивалась, образуя ветвистые узоры, пока Бет подбирала варианты; шахматное дерево, ветвь за ветвью, выросло из каждой новой группы ходов. Одна из ветвей выглядела крепче остальных, и Бет пошла по ней, изучая ростки возможностей, которые проклевывались из нее, и не забывая держать в уме всю картину в целом, все дерево из воображаемых позиций. И наконец нашла то, что было нужно.

Бет перевела дух и выпрямилась за столом. Когда она разжала кулаки, подпиравшие голову, и отняла руки от лица, щеки уже покалывало, плечи одеревенели. Она взглянула на часы – прошло сорок минут. Уоттс зевал. Бет протянула руку и сделала ход конем так, чтобы вынудить соперника к первому размену. Выглядело это, впрочем, довольно безобидно. Бет нажала на кнопку часов.

Уоттс изучал положение на доске всего полминуты и разменял фигуры. На секунду Бет охватила паника – неужели он догадался, что она задумала? Так быстро?.. Потом она прогнала эту мысль и забрала пожертвованную фигуру. Уоттс разменял еще одну, как она и рассчитывала. И Бет снова предложила размен. Уоттс протянул руку, чтобы побить ее фигуру, но вдруг остановился. «Давай! Бери ее!» – безмолвно скомандовала Бет. Он отвел руку. Бет закусила губу. Уоттс внимательно изучал позицию. «Увидит, непременно увидит», – мелькнуло в голове Бет. Часы тикали, и это тиканье казалось оглушительным. У Бет так яростно колотилось сердце, что она боялась – Уоттс услышит этот грохот и поймет, что она в панике, а тогда...

Он не услышал, конечно. И не увидел. Уоттс провел размен именно так, как она запланировала. Бет взглянула ему в лицо почти с недоверием. Теперь для него уже поздно было что-то менять – он нажал на кнопку над своим циферблатом и запустил часы соперницы.

Она выдвинула пешку вперед на пятое поле ладьи. Уоттс вдруг напрягся – почти незаметно, но Бет это почувствовала, – и начал пристально разглядывать доску. Он не мог не понять, что его заблокируют сдвоенные пешки. Через пару минут Уоттс пожал плечами и сделал тот ход, которого ждала Бет. Она продолжила действовать по плану – на следующем ходу у нее были сдвоенные пешки, а ярость и нервозность начали утихать. Теперь она уже ступила на дорогу к победе, еще немного – и ударит соперника по слабым местам. Ей это нравилось. Нравилось нападать.

Уоттс невозмутимо разглядывал ее пару секунд, а потом взял своего ферзя и сделал нечто ошеломительное – сбил им центральную пешку Бет. Ее защищенную пешку. Пешку, которая удерживала этого ферзя в углу на протяжении почти всей партии. То есть Уоттс пожертвовал ферзя, и Бет не могла в это поверить.

А потом ей стало ясно, что он задумал, и живот мгновенно скрутило. Как можно было это упустить? Без центральной пешки она подставилась под мат ладьей и слоном из-за слона на открытой диагонали. Можно уйти от мата, если отвести коня и выдвинуть вперед свою ладью, но этой защиты надолго не хватит, потому что – теперь она ясно это видела и замирала от ужаса – казавшийся безобидным конь Уоттса перекроет ее королю путь к отступлению. Это была катастрофа. Нечто подобное она сама проделывала со своими прежними соперниками. Нечто подобное проделывал Морфи. А она все это время была занята мыслями о каких-то там сдвоенных пешках...

Его ферзя нельзя было брать. Но что будет, если она не возьмет? Продолжит игру без пешки, которую он только что захватил, а его ферзь останется в центре доски. Хуже того – этот ферзь может пойти на вертикаль ее королевской ладьи и начать осаду рокированного короля. Чем дольше Бет размышляла, тем страшнее ей становилось. Своим ходом Уоттс застал ее врасплох. Она водрузила локти на стол и принялась изучать положение на доске. Необходимо было создать

ответную угрозу, придумать ход, который остановит его продвижение.

Таких ходов у нее не было. Она потратила полчаса и за это время пришла к единственному выводу: то, что сделал Бенни, таило в себе еще больше опасности, чем ей казалось.

Возможно, если он устроит слишком быструю атаку, у нее будет возможность ускользнуть от мата с помощью размена. Если сейчас он пойдет ферзем, у нее появится такой шанс.

Бенни не пошел ферзем. Он развил второго слона. Бет переставила ладью на вторую горизонталь. И тогда он бросил ферзя вперед, угрожая матом в три хода. Ей пришлось отвести коня в угол. Бенни продолжил нападение, и Бет в бессильном смятении наблюдала, как на доске все отчетливее проступает ее поражение. Когда он взял ее пешку королевским слоном, пожертвовав свою фигуру, стало бесповоротно ясно, что все кончено. Больше Бет ничего не могла сделать. Ей хотелось заорать, но вместо этого она опрокинула набок своего короля и встала из-за стола. Ныли затекшие ноги и спина. В животе затянулся узел. Ей было бы достаточно ничьей, и даже этого она не сумела добиться. На турнире Бенни дважды сыграл вничью до этого, а она пришла к финалу с таким набором баллов, что сейчас ничья обеспечила бы ей титул победителя. Но Бет хотела победы.

– Мощная партия, – сказал Бенни, протягивая ей ладонь.

Бет заставила себя ответить рукопожатием. Люди вокруг аплодировали, только эта овация предназначалась не ей, а Бенни Уоттсу.

К вечеру переживания слегка утихли. Миссис Уитли пыталась ее утешить – мол, премиальные деньги разделят между финалистами, они с Бенни оба получат титулы со-чемпионов и призы.

– Так часто бывает, – говорила миссис Уитли. – Я навела справки – на Открытом турнире уже награждали двух победителей.

– Я не догадалась, что он собирается сделать, – пробормотала Бет, в очередной раз мысленно рисуя тот ход, когда ферзь Бенни Уоттса

забрал ее пешку. Это было как расшатывать языком больной зуб.

– Нельзя же всегда оставаться на высоте, – сказала миссис Уитли. – Никто на это не способен.

Бет взглянула на нее:

– Ты ничего не знаешь о шахматах.

– Зато я много знаю о поражениях.

– Это уж точно, – со злостью процедила Бет. – Ты в этом деле мастер.

Миссис Уитли задумчиво смотрела на нее пару секунд.

– Теперь и ты тоже, – спокойно произнесла она.

* * *

Той зимой на улицах Лексингтона люди порой оборачивались и провожали Бет взглядом через плечо. Ее показали в «Утреннем шоу» на местном телеканале WLEX. Ведущая, дама с щедро набрызганной лаком прической и в клоунских очках, поинтересовалась у Бет, играет ли та в бридж. Бет сказала – нет. А как ей Открытый шахматный турнир Соединенных Штатов? Бет сказала, что она получила титул со-чемпиона. Она сидела на раскладном режиссерском кресле, и в лицо бил яркий свет прожекторов. Ей хотелось говорить о шахматах, но лицемерный интерес ведущей и ее манера держаться слишком сильно мешали. Под конец ведущая спросила, как она относится к расхожему мнению о том, что шахматы – это пустая трата времени. Бет посмотрела ей в глаза и ответила: «Не в большей степени, чем баскетбол», – однако развить мысль она не успела, шоу закончилось. В передаче ее показывали всего шесть минут.

Статья на целую полосу, которую написал о ней Таунс, была опубликована в воскресном приложении к «Геральд-лидер» вместе с фотографией – одной из тех, что он сделал в своем гостиничном номере в Лас-Вегасе, когда Бет сидела у окна. Ей снимок

понравился: лицо получилось серьезное, умное и просветленное, правая рука была протянута к белому ферзю на доске. Миссис Уитли купила пять экземпляров для своего альбома с вырезками.

Бет теперь ходила в старшую школу, и там был шахматный клуб, но она не стала в него записываться. Ребята из клуба пришли в замешательство, узнав, что по школьным коридорам ходит шахматистка со званием мастера, и тарасились на нее с робостью и благоговейным трепетом. Однажды ее остановил парень из двенадцатого класса и нервно спросил, не хочет ли она давать сеансы одновременной игры в их шахматном клубе. На такие сеансы, мол, будут собираться по три десятка игроков. Она подумала о своем показательном выступлении в старшей школе недалеко от приюта «Метуэн», куда ее возил мистер Ганц, вспомнила, как на нее там смотрели, и ответила: «Извини, у меня нет на это времени». Парень был страшненький, неопрятный, и Бет сама себе казалась такой уже оттого, что с ним разговаривает.

По вечерам она тратила около часа на домашние задания и училась на «отлично». Но школьные успехи для нее ничего не значили – главное место в жизни занимали шахматы, изучению которых Бет посвящала по пять-шесть часов ежедневно. Еще она записалась на курсы русского языка при университете и ходила на занятия раз в неделю. Это был единственный учебный предмет, которому она уделяла серьезное внимание.

Глава 7

Бет, затаившись, задержала дым в легких. Ничего особенного она не почувствовала и передала косяк молодому человеку, сидевшему справа. Тот сказал: «Спасибо». Он спорил с Эйлин про Дональда Дака. Компания собралась в квартире Эйлин и Барбары, в квартале от Мейн-стрит. На эту вечеринку после занятий по русскому языку Бет пригласила Эйлин.

– Да это же Мел Бланк ^[33], – говорила она сейчас. – Мел Бланк там всех озвучивает.

Бет все еще держала дым в себе, надеясь, что он поможет ей расслабиться. Она сидела на полу среди студентов колледжа уже полчаса и за это время не произнесла ни слова.

– Бланк озвучивает Кота Сильвестра, а Дональда Дака – нет, – твердо сказал молодой человек, поставив точку в разговоре, и повернулся к Бет: – Я Тим. А ты шахматистка.

Бет выдохнула дым:

– Ага.

– Ты победительница Женского чемпионата США по шахматам.

– Я со-чемпион Открытого шахматного турнира.

– Извиняюсь. Ошибочка. – У молодого человека были рыжие волосы и стройная фигура. На курсах он сидел в центре класса – Бет помнила его тихий голос, когда они хором повторяли русские фразы.

– А ты играешь в шахматы? – Ей не понравился собственный натянутый тон. Она чувствовала себя здесь не своей тарелке. Нужно было возвращаться домой или позвонить миссис Уитли.

Парень помотал головой:

– Для меня эта игра слишком рациональна. Хочешь пива?

Пива она не пила с того вечера в Лас-Вегасе год назад.

– Давай, – кивнула Бет и начала подниматься с ковра.

– Я принесу, – остановил ее рыжий.

Он вернулся с двумя банками пива и одну протянул ей. Бет сделала долгий глоток. В первое время в комнате так оглушительно гремела музыка, что невозможно было разговаривать, но когда последний трек закончился, никто не сменил пластинку – она крутилась вхолостую на стереосистеме у дальней стены, и Бет видела, как на усилителе мигают красные лампочки, но надеялась, что все про это забудут и не поставят новую запись.

Тим со вздохом плюхнулся обратно на ковер рядом с ней.

– Я всё больше «Монополией» развлекаюсь.

– Никогда в нее не играла.

– Она превращает человека в раба капитализма. Мне баксы уже по ночам снятся. Огромные.

Бет засмеялась. Косяк обошел народ по кругу и вернулся к ней. Бет ухватила пальцами короткий окуроч, кое-как затащила и передала его Тиму.

– Зачем же ты, раб капитализма, стал учить русский язык? – поинтересовалась она, сделав еще один глоток пива.

– У тебя клевые сиськи, – сказал Тим. Он попробовал вкурить и крикнул всей компании: – Эй, нам нужен еще косяк! – Затем снова повернулся к Бет и ответил на вопрос: – Хочу читать Достоевского в оригинале.

Она допила пиво. Кто-то свернул новый косяк и пустил его по кругу. В комнате собралось человек десять – они в тот день сдавали свой первый экзамен на вечернем отделении и позвали Бет с собой отпраздновать. Теперь благодаря пиву, марихуане и болтовне с Тимом, с которым оказалось на удивление легко общаться, она чувствовала себя гораздо лучше. Когда косяк снова добрался до нее, Бет сделала длинную затяжку и сразу вторую. Кто-то все-таки поставил другую пластинку, но теперь громкая музыка ей уже не мешала.

Внезапно Бет вскочила:

– Мне надо позвонить домой.

– Телефон в спальне, иди через кухню.

На кухне Бет задержалась, чтобы открыть еще одну банку пива. Отхлебнула из банки, толкнула дверь спальни, зашарила в потемках по стене – искала выключатель, но не нашла. Рядом с газовой плитой, на которой стояла сковородка с поджаренным хлебом, нашелся коробок спичек. Бет отнесла его в спальню, зажгла спичку, но выключателя так и не увидела. Зато на комод с зеркалом была целая коллекция свечей разных форм и размеров. Она зажгла одну и задула спичку, а потом ошарашенно уставилась на свечу: это был восковой эрегированный пенис нежно-сиреневого цвета с лоснящейся мошонкой у основания. Фитиль торчал из головки, часть которой уже оплавилась и стекла.

Телефонный аппарат стоял на столике за разобранной постелью. Бет взяла свечу с собой, присела на краешек кровати и крутанула диск, набирая номер.

Миссис Уитли не сразу поняла, о чем речь, – видимо, отвлеклась то ли от телевизора, то ли от пива.

– Ложись спать, у меня есть ключ, – вздохнула Бет.

– Говоришь, ты на вечеринке у студентов колледжа? – пришла в себя миссис Уитли. – Это ребята с курсов в университете?

– Да.

– Хорошо. Только не кури там всякую гадость, солнышко.

Бет вдруг охватило сказочное чувство – тепло разлилось по плечам и затылку. На миг захотелось броситься домой, обнять миссис Уитли и от души ее расцеловать. Но она просто ответила:

– Ладно.

– Увидимся утром, – обронила на прощание миссис Уитли.

Бет еще посидела на кровати – слушала музыку, доносившуюся из гостиной, и допивала пиво. Музыка она никогда раньше не увлекалась и никогда не бывала на школьных дискотеках. Если не считать того собрания клуба «Яблочный пирог», она впервые попала на вечеринку. В гостиной отзвучала очередная песня. А в следующую секунду на другую сторону кровати опустился Тим. Это выглядело

совершенно естественно, как будто кто-то выполнил ее безмолвный заказ.

– Держи еще пиво, – сказал Тим.

Бет взяла у него банку и отпила. Ее движения сделались медленными и уверенными.

– Ох ты боже мой! – в притворном ужасе прошептал Тим. – Это что за фиолетовая хрень там горит?

– Может, *ты* мне объяснишь? – сказала Бет.

* * *

Она испугалась на мгновение, когда он в нее вошел. Эта штука казалась страшно огромной, и Бет почувствовала себя беспомощной, как в кресле дантиста. Но паника длилась недолго – Тим вел себя осторожно, и боли почти не было. Она обхватила его руками за спину, ощущая под ладонями грубую вязку свитера. Тим начал двигаться вперед и назад, а потом сдавил ее грудь под блузкой.

– Так не надо, – попросила Бет.

– Как скажешь, – выдохнул он и продолжил двигаться, убрав ладонь с ее груди.

Теперь она почти не ощущала его пенис внутри, но было хорошо. Ей скоро исполнится восемнадцать – Бет решила, что время пришло. На Тиме был презерватив. Чуть раньше она смотрела, как он надевает резинку, и они вместе шутили. Это была лучшая часть шоу. «Но то, что мы сейчас делаем, – правильно и хорошо, хотя совсем не как в кино и в книжках, – думала Бет. – Мы просто трахаемся. Жаль только, что это Тим, а не Таунс».

Потом она заснула на кровати – не в любовных объятиях и даже не рядом с мужчиной, с которым только что занималась любовью. Развалилась на покрывале, в одежде, и услышала, как за Тимом, погасившим свечу, тихо закрылась дверь.

Когда Бет проснулась, ее взгляд остановился на электронном будильнике – было почти десять утра. Солнечный свет прорывался в комнату по краям жалюзи. Воздух был душный, застоявшийся. Шерстяная юбка колола бедра, высокий воротник свитера давил на противно вспотевшую шею. И зверски хотелось есть. Бет посидела немного на краю постели, сонно моргая, потом встала и открыла дверь на кухню. Там повсюду валялись пустые банки из-под пива и бутылки, воняло прогорклым дымом. К холодильнику была прикреплена записка магнитом в форме головы Микки-Мауса: «Все уехали в Цинциннати смотреть кино. Оставайся сколько хочешь».

Ванная примыкала к гостиной. Бет вымылась под душем, вытерлась и, обернув полотенце вокруг головы, пошла на кухню. Заглянула в холодильник – там были яйца в картонной упаковке, две банки пива «Будвайзер» и маринованные огурцы. Полки на дверце были пусты, только на одной лежал пластиковый контейнер. Бет его открыла – внутри оказался одинокий косяк, туго набитый и на совесть свернутый. Бет сунула его в зубы, прикурила от спички и глубоко затянулась дымом. Вытащила из холодильника четыре яйца и поставила их вариться. Она в жизни не была такой голодной. Затем взялась за уборку квартиры с методичностью шахматистки, как будто перед ней было игровое поле и предстояло решить стратегические задачи. Нашла четыре больших продуктовых пакета, набила их пустыми бутылками, жестяными банками и поставила у входной двери. Попутно наткнулась в куче хлама на полбутылки «Риппл»^[34] и четыре неоткрытые жестянки с пивом. Открыла одно пиво и пропылесосила ковер в гостиной.

На спинке кресла в спальне висели джинсы. Закончив уборку, Бет переоделась – джинсы подошли идеально. Потом нашла белую футболку в шкафу, допила пиво и открыла еще одну банку. На крышке унитаза кто-то оставил тюбик помады. Бет отнесла тюбик в ванную и аккуратно покрасила губы перед зеркалом. Раньше она помадой ни разу не пользовалась. Настроение потихоньку улучшалось.

* * *

В слабом голосе миссис Уитли слышалось беспокойство:

– Могла бы и позвонить.

– Извини, – сказала Бет. – Боялась тебя разбудить.

– Я бы не обиделась...

– В любом случае у меня все хорошо. Сейчас поеду посмотреть кино в Цинциннати. Сегодня вечером домой тоже не вернусь.

На другом конце провода воцарилась тишина.

– Вернусь после школы в понедельник, – добавила Бет.

Молчание затягивалось. Наконец миссис Уитли спросила:

– Ты с парнем?

– Была прошлой ночью.

– Ох... – Теперь голос миссис Уитли звучал сухо. – Бет...

Она рассмеялась:

– Да ладно тебе, я в порядке.

– Что ж... – Голос слегка смягчился. – Надеюсь, что так. Просто...

– Я не забеременею, – хмыкнула Бет.

В полдень она поставила вариться оставшиеся яйца и включила стереосистему. Раньше у нее действительно никогда не возникало желания послушать музыку. А теперь вот она заинтересовалась. Пока ждала, когда яйца сварятся, потанцевала в гостиной. Снова обниматься с унитазом она не собиралась – решила есть почаще и выпивать банку пива или бокал вина раз в час. Этой ночью она занималась любовью, теперь надо было исследовать состояние алкогольного опьянения. В квартире Бет была одна, и это ее устраивало: всем самым важным вещам в жизни она научилась в полном одиночестве.

Около четырех часов дня Бет ходила в винный магазинчик «У Ларри», находившийся в квартале от квартиры, и купила полтора галлона^[35] «Риппл». Когда продавец укладывал бутылки в пакет, она спросила:

– У вас есть еще какое-нибудь вино вроде «Риппла», только не такое сладкое?

– Эти крепленые вина все одинаковые – газировка с сиропом, – отозвался тот.

– А бургундское?

Миссис Уитли часто заказывала бургундское, когда они ели в ресторанах.

– Есть «Галло», «Италиан Суисс Калони», «Поль Массон»...

– «Поль Массон», – сказала Бет. – Две бутылки.

Тем вечером ей удалось более-менее аккуратно раздеться. Еще до того, как начала пить, она достала из шкафа пижаму и в одиннадцать облачилась в нее, а свою одежду ухитрилась сложить стопочкой на стуле перед тем как рухнула в постель и отключилась.

К утру никто так и не вернулся. Бет сделала себе омлет и съела его с двумя кусками поджаренного хлеба, а потом выпила первый в этот день бокал вина. Погода снова выдалась солнечная. В гостиной она нашла пластинку с «Временами года» Вивальди, поставила ее и начала основательно заливаться алкоголем.

* * *

В понедельник утром Бет вызвала такси и приехала в Старшую школу имени Генри Клея за десять минут до начала первого урока. Квартиру она оставила в идеальной чистоте. Владельцы все еще пропадали в Цинциннати. Свитер и юбка не слишком помялись, а гольфы с ромбами она постирала. Вторую бутылку бургундского Бет прикончила в воскресенье вечером и беспробудно проспала десять часов. Сидя в такси, она чувствовала тупую боль в затылке, и у нее слегка дрожали руки, но за окном машины было изысканное майское утро, а на деревьях трепетали хрупкие, деликатные, свежие листочки. Вылезая из такси и расплачиваясь с водителем, Бет и сама уже чувствовала себя свежей, легкой, тугой, как пружина,

нацеленной идти вперед, закончить старшую школу, а остальную энергию посвятить шахматам. На ее банковском счете лежали три тысячи долларов. Она избавилась от девственности. И научилась пить.

Когда Бет после школы вернулась домой, поначалу образовалось неловкое молчание. Миссис Уитли в голубом домашнем халате мыла на кухне пол. Бет уселась в гостиной на диван и открыла сочинение Ройбена Файна об эндшпилях – книгу, которую терпеть не могла. На раковине она заметила банку «Пабста», но не возникло ни малейшего желания выпить. Теперь она долго не возьмет в рот спиртного – за эти дни ей выпивки хватило с лихвой.

Миссис Уитли закончила мыть пол, прислонила швабру к холодильнику и вышла в гостиную.

– Значит, вернулась, – проговорила она ровным голосом.

– Я хорошо провела время, – взглянула на нее Бет.

Миссис Уитли явно не знала, как себя вести. В конце концов она позволила себе улыбнуться, и улыбка вышла удивительно светлая, девчоночья.

– Что ж, – сказала она, – в жизни есть место не только для шахмат.

* * *

Бет закончила школу в июне, и миссис Уитли подарила ей часы «Булова»^[36]. Снизу на корпусе было выгравировано: «С любовью от мамы». Бет была довольна, но что порадовало ее еще больше – это подоспевшее письмо с извещением о новом рейтинге – 2243. На выпускном многие одноклассники тайком предлагали ей запрещенные здесь алкогольные напитки – Бет отказывалась. Весь вечер она пила только фруктовый пунш и домой ушла раньше всех. Ей нужно было учиться дальше – готовиться к своему первому международному турниру, который откроется в Мехико через две недели; после этого начнется чемпионат США по шахматам, а еще ее

ждало приглашение на турнир в парижском отеле «Реми-Валлон», запланированный на конец лета. Все закрутилось, завертелось, началось что-то важное.

Глава 8

Через час после того как самолет пересек границу, Бет была поглощена изучением песчаных структур, а миссис Уитли допивала третью бутылку Cerveza Corona^[37].

– Бет, – сказала вдруг миссис Уитли, – мне надо тебе кое в чем признаться.

Девушка с неохотой оторвалась от книги.

– Ты слышала о друзьях по переписке? – Миссис Уитли заметно нервничала.

– Ну да. Люди заочно знакомятся и общаются, обмениваясь письмами.

– Именно! Когда я училась в старшей школе, нам на уроке испанского дали список адресов мексиканских ребят, которые учили английский. Я выбрала одного парня и написала ему, рассказала о себе. – Миссис Уитли улыбнулась. – Его зовут Мануэль. Мы переписывались долгое время, даже после того, как я вышла за Олстона. Посылали друг другу фотографии. – Она открыла сумочку, порылась там, достала помятую фотокартонку и протянула ее Бет.

На снимке был тонколицый мужчина, чрезвычайно бледный, с тонкими усиками, будто нарисованными черным карандашом.

Миссис Уитли поколебалась немного и сказала:

– Мануэль будет ждать нас в аэропорту.

У Бет никаких возражений не возникло – наоборот, она решила, что знакомый человек в Мексике придется очень кстати, – но ее озадачило, что миссис Уитли ужасно смущалась, выдавая этот секрет.

– Вы уже встречались раньше?

– Никогда. – Миссис Уитли подалась вперед и сжала ее предплечье; Бет видела, что она уже слегка захмелела. – Знаешь, я жутко волнуюсь!

– Поэтому тебе так не терпелось поскорее добраться до аэропорта?

Миссис Уитли откинулась на спинку кресла и расправила рукава голубого кардигана.

– Ну да, может быть, – пробормотала она.

* * *

– Si como no?^[38] – пожала плечами миссис Уитли. – К тому же он хорошо одевается, открывает передо мной двери и сорит деньгами в ресторанах. – Говоря это, она яростно натягивала колготки, которые никак не хотели налезать на толстые ляжки.

«Наверно, они трахались – миссис Уитли и Мануэль Кордоба-и-Серано», – подумала Бет, но не позволила словам превратиться в образы. Этой ночью миссис Уитли вернулась в отель в три, а прошлой – в половине третьего. Бет делала вид, что спит, и с закрытыми глазами вдыхала смешанный запах парфюма и джина, пока приемная мать бродила по номеру, раздеваясь и вздыхая.

– Я поначалу подозревала, что все дело в высоте, – сказала миссис Уитли. – Семь тысяч триста пятьдесят футов над уровнем моря. – Она устроилась за туалетным столиком на изящной латунной табуретке и принялась нарумянивать щеки, наклонившись вперед и опершись локтем о колено. – У кого угодно голова закружится. Но теперь мне кажется, все дело в местной культуре. – Миссис Уитли прервала свое занятие и обернулась к Бет. – В Мехико нет и намека на протестантскую этику – они тут все римские католики и живут сегодняшним днем. – Миссис Уитли была знакома с книгами Алана Уоттса^[39]. – Выпью-ка я, пожалуй, перед уходом одну «Маргариту». Можешь заказать, солнышко?

В Лексингтоне у нее часто появлялся этот отсутствующий взгляд, и голос звучал словно издали, из самых глубин затаенного в душе одинокого детства. В Мехико отсутствующий взгляд никуда не делся,

но в тоне появилась странная веселость, как будто Альма Уитли наслаждалась какой-то тайной радостью. Бет от этого становилось не по себе. Она хотела было напомнить, что обслуживание номеров тут стоит недешево, даже при пересчете в песо, но смолчала, сняла телефонную трубку и набрала на диске шестерку. Ей ответили по-английски мужским голосом; Бет попросила принести одну «Маргариту» и бутылку колы в 713-й номер.

– Сходила бы ты на фольклорико^[40], – продолжила миссис Уитли. – Там, насколько я понимаю, одни только костюмы уже стоят того, чтобы выложить круглую сумму за билет.

– Завтра начинается турнир. Мне нужно поработать над эндшпилями.

Миссис Уитли пересела на краешек кровати и любовалась собственными ногами, которые удалось-таки облачить в колготки.

– Бет, солнышко, тебе бы над собой поработать, а не над эндшпилями, – рассеянно проговорила она. – Шахматы – не главное в жизни.

– Зато я в них разбираюсь.

Миссис Уитли испустила долгий вздох.

– Как подсказывает мне опыт, то, в чем ты разбираешься, не всегда оказывается таким уж важным.

– А что важнее?

– Жить и взрослеть, – твердо сказала миссис Уитли. – Жить полной жизнью.

«С мексиканским комиссионером, сомнительным во всех отношениях?» – хотелось уточнить Бет, но она опять смолчала. Проснувшаяся вдруг ревность к Мануэлю ей не понравилась.

– Бет, – продолжила миссис Уитли доверительным тоном, – ты еще не побывала ни в Музее изящных искусств, ни в парке Чапультепек. Зоопарк здесь просто чудесный! А ты целыми днями сидишь в номере, даже еду заказываешь сюда и проводишь время, уткнувшись носом в свои шахматные книги! Ну можешь ты хоть

немножко развеяться перед турниром и занять голову чем-то, кроме шахмат?

Бет захотелось ее ударить. Если она согласится куда-нибудь сходить с миссис Уитли, это значит, что ей придется терпеть Мануэля с его бесконечными дурацкими байками. Когда Бет видела их вместе, мексиканец постоянно трогал ее приемную мать то за плечо, то за талию, стоял слишком близко и улыбался чересчур страстно.

– Мама, – сказала она, – завтра в десять я играю черными против Октавио Маренко, чемпиона Бразилии. Это означает, что у него будет право первого хода. Ему тридцать четыре года, и он международный гроссмейстер. Если я проиграю, мы будем расплачиваться за это увлекательное путешествие из собственных сбережений. Если выиграю, мне предстоит следующая партия с шахматистом еще сильнее Маренко. Так что надо поработать над эндшпилями.

– Солнышко, ты ведь из тех игроков, которых называют интуитивными, верно? – Раньше миссис Уитли никогда не обсуждала с ней игру в шахматы.

– Да, меня так называют. Иногда решения приходят ко мне неожиданно.

– Я заметила, что громче всего зрители на турнирах аплодируют тем твоим ходам, которые ты делаешь быстро, не задумываясь. У тебя еще появляется такой странный взгляд...

Бет вздрогнула от удивления.

– Кажется, ты права, – пробормотала она.

– Интуиции по книгам не научишься. Ты отказываешься выходить из номера, потому что тебе не нравится Мануэль.

– С Мануэлем все в порядке, – пожала плечами Бет. – Только вот он приходит сюда не ради меня.

– Это несущественно, солнышко. В любом случае тебе нужно расслабиться. Ты самая талантливая шахматистка в мире. Я понятия не имею, какие такие способности нужны, чтобы хорошо играть в

шахматы, но уверена, что они лишь усилятся, если ты сегодня хорошенько отдохнешь.

Бет ничего не ответила. Она злилась уже несколько дней. Ей не понравилось в Мехико, вернее, не понравился этот здоровенный бетонный отель с потрескавшейся черепицей и подтекающими кранами. Да еще и еда в отеле была отвратительная, а в одиночестве ходить по ресторанам не хотелось. Миссис Уитли каждый день обедала и ужинала с Мануэлем, который приезжал за ней на зеленом «Додже» и вид имел такой, будто он в любое время суток в ее распоряжении.

– Может, пообедаешь с нами? – спросила миссис Уитли. – Потом мы тебя подвезем до отеля – и работай себе над чем пожелаешь.

Бет собралась было ответить, но в дверь постучали – обслуга принесла заказанную «Маргариту», и она подписывала чек, пока приемная мать задумчиво потягивала коктейль, глядя в окно, залитое солнечным светом.

– Подумаешь, опоздаю чуток, – пробормотала миссис Уитли.

Бет холодно взглянула на нее – бледную, рыхлую, набравшую лишний вес. Миссис Уитли держала бокал за ножку одной рукой, другая нервно подрагивала на жирной талии. В ней было что-то до того трогательное, что сердце Бет смягчилось.

– Я не хочу обедать, но вы можете подвезти меня до зоопарка. Обрато вернусь на такси.

Миссис Уитли ее как будто не услышала, но через секунду обернулась с рассеянной улыбкой, все так же держа бокал за ножку.

– Это чудесно, дорогая, – сказала она.

* * *

Бет долго разглядывала галапагосских черепах – огромных тварей, находившихся в постоянном замедленном движении, которое производило много шума. Служитель зоопарка принес им в

загон охапку мокрых салатных листьев и ведро перезревших помидоров – пять черепах дружно и слаженно устремились к этой куче съестного, зачавкали и заворочались, давя листья грязными лапами, похожими на слоновьи ступни. Тупые, бессмысленные морды были обращены к неведомому, к чему-то за пределами еды и окружающего мира.

Пока Бет стояла у ограждения, пришел торговец с тележкой ледяного пива. Бет машинально сказала: «Cerveza Corona, por favor»^[41], – и протянула банкноту в пять песо. Торговец ловко отщелкнул крышку на бутылке и налил пиво в бумажный стакан с ацтекским орлом на логотипе. «Muchisimas gracias»^[42], – поблагодарила Бет. В последний раз она пила алкоголь в старшей школе. Сейчас, под мексиканским солнцем, вкус у пива оказался восхитительный, так что содержимое стакана быстро закончилось. Через несколько минут ей на глаза попался второй торговец, стоявший у круглой клубы с красными цветами. Бет купила еще пиво, хотя знала, что не надо этого делать – завтра начнется турнир. Ни в алкоголе, ни в транквилизаторах она уже не нуждалась, о зеленых пилюлях не вспоминала много месяцев, но пиво себе все-таки позволила. Было три часа дня, солнце жарило вовсю; по зоопарку гуляло много женщин, почти все в темных ребосо^[43] и с маленькими черноглазыми детьми. Изредка навстречу попадались мужчины, окидывали Бет недвусмысленными взглядами, но она не обращала на них внимания, и ни один не попытался с ней заговорить. Место было на удивление тихое, спокойное и, несмотря на то что мексиканцы славились веселым необузданным нравом, гуляющая толпа здесь походила скорее на посетителей музея. Повсюду росли цветы.

Бет допила пиво, купила еще бутылку и продолжила прогулку. Настроение у нее заметно улучшилось. Она прошла мимо нескончаемых рядов деревьев и цветочных клумб, обогнула клетки с дремавшими шимпанзе и на повороте оказалась прямо перед семейством горилл. Здоровенный самец и детеныш спали морда к

морде, прижавшись черными боками к прутьям передней решетки; посередине клетки самка, привалившись к огромной крыше от грузовика, с философским видом морщила лоб и покусывала палец. По другую сторону решетки на асфальте стояло человеческое семейство – тоже отец, мать и ребенок; все они внимательно разглядывали горилл. Эти люди не были мексиканцами, и внимание Бет сразу привлек мужчина, потому что она узнала его в лицо.

Мужчина был приземист, коренаст, с выступающими надбровными дугами, кустистыми бровями, жесткими черными волосами и бесстрастным взглядом. Он сам походил на гориллу. Бет окаменела на месте с бумажным стаканом пива в руке, чувствуя, как запылали щеки. Перед ней стоял Василий Боргов, чемпион мира по шахматам. Ошибки быть не могло – это угрюмое властное русское лицо со сведенными на переносице бровями она видела на обложке «Шахматного обозрения» много раз, а однажды его сфотографировали в том самом черном костюме и вычурном золотисто-зеленом галстуке, которые были на нем сейчас.

Бет тарасилась на него целую минуту. Она не знала, что Боргов участвует в мексиканском турнире. Номер доски – девятый, – за которой ей предстояло играть первую партию, она получила по почте. Значит, за первой доской будет Боргов. По спине внезапно пробежал холодок; она посмотрела на стакан пива в своей руке, поднесла его ко рту и допила залпом, решив, что это будет последний глоток алкоголя до окончания турнира. Снова взглянув на русского, Бет испугалась, что он тоже мог ее узнать – не надо было при нем пить. Но Боргов смотрел в клетку, как будто ждал, что горилла сейчас сделает ход пешкой. Горилла, однако, была поглощена какими-то собственными мыслями и никого вокруг не замечала. Бет ей позавидовала.

Пива в тот день она больше не покупала и спать легла рано, но ее разбудила миссис Уитли, вернувшаяся в номер глубокой ночью. Раздеваясь в темной комнате, она кашляла минут пять.

– Включи свет, – сказала Бет, – я уже все равно проснулась.

– Извини, – выдавила миссис Уитли, которую все еще бил кашель. – Кажется, я простыла. – Она включила свет в ванной и оставила дверь приоткрытой.

Бет посмотрела на японские часы, стоявшие на тумбочке: было десять минут пятого. Звуки, которые производила миссис Уитли, переодеваясь в пижаму – шелест одежды и задушенный кашель, – бесили до невозможности. Первый тур чемпионата должен был начаться через шесть часов. Бет лежала в постели, напряженная, и задыхалась от бешенства, ожидая, когда миссис Уитли наконец затихнет.

* * *

Маренко оказался невысоким мрачным человечком с очень смуглой кожей и в ослепительно яркой, канареечно-желтой рубашке. Он почти не говорил по-английски, а Бет не знала португальского, так что они начали партию без предисловий. В любом случае, Бет была нерасположена к болтовне. У нее щипало глаза, все тело неприятно ныло. Она чувствовала себя скверно со дня прилета в Мехико, как будто вот-вот должна была заболеть, а этой ночью ей так и не удалось заснуть. Миссис Уитли кашляла во сне, что-то бормотала и скрежетала зубами. Бет пыталась расслабиться и не обращать внимания, но не получалось. Зеленых таблеток у нее с собой не было. В запасе имелось еще три, они остались в Кентукки. Бет пролежала до утра на спине, вытянув руки по швам, как когда-то, в свои восемь лет, в приюте «Метуэн» у двери в коридор. Теперь, сидя на жестком деревянном стуле перед длинной вереницей столов с шахматными досками в бальном зале мексиканского отеля, она чувствовала нервозность и легкое головокружение. Маренко сделал первый ход – пешка на четвертое поле короля. Ее часы затикали. Бет, пожав плечами, пошла пешкой на четвертое поле ферзевого слона, решив положиться пока на формальную схему сицилианской

защиты, чтобы потихоньку успокоиться и освоиться в игре. Маренко тоже ответил как по учебнику – ходом королевского слона. Бет выдвинула ферзевую пешку на четвертую горизонталь; они разменяли пешки. Бет начала расслабляться, перестала прислушиваться к физическим ощущениям, мозг переключился на переплетение силовых линий, проступивших перед ней на шахматной доске.

К одиннадцати тридцати она лишила соперника двух пешек; в полдень он сдался. До эндшпиля дело так и не дошло – когда Маренко встал со стула и протянул ей руку, на поле было еще много несбитых фигур.

Доски под номерами один, два и три находились в отдельном помещении, куда из бального зала можно было попасть по коридору. Бет мельком заглянула туда утром, пробегая мимо – она опоздывала к началу своей партии в большом зале на пять минут и не остановилась, чтобы все как следует осмотреть. Теперь, после игры с Маренко, она направилась туда по ковровой дорожке между рядами столов, за которыми шахматисты склонились над досками. Они приехали со всего света – из Западной Германии и с Филиппинских островов, из Ирландии, Норвегии и Чили. Большинство игроков были молоды и почти все – мужского пола. Кроме Бет, в турнире участвовали всего две женщины – племянница высокопоставленного мексиканского чиновника за доской номер двадцать два и энергичная домохозяйка из Буэнос-Айреса за доской номер семнадцать. Бет не задержалась ни на секунду, чтобы взглянуть на расстановку сил.

У входа во второе помещение, где играли шахматисты с самым высоким рейтингом, в коридоре толпился народ. Бет протиснулась к двери. В комнате за доской номер один, в том же темном костюме и с тем же угрюмым выражением лица сидел Василий Боргов; его глаза, лишённые всякого выражения, были устремлены на шахматные фигуры. Между ним и Бет почтительно замерла молчаливая толпа зрителей, но игроки сидели на деревянном

помосте высотой несколько футов над уровнем пола, и Бет хорошо было видно их обоих. За Борговым на стене висела большая панель с шахматным полем и картонными фигурами; мексиканец из команды организаторов турнира только что переместил на ней белого коня на новую позицию в соответствии с ходом одного из соперников. Бет некоторое время изучала положение на доске. Оба лагеря на первый взгляд сохраняли надежный баланс сил, но у Боргова, как ей показалось, было преимущество.

Она взглянула на советского шахматиста и тотчас отвела взгляд – его сосредоточенное лицо внушало тревогу. Бет развернулась и медленно побрела прочь по коридору.

Миссис Уитли она застала в постели – та не спала, но вставать, похоже, не собиралась.

– Привет, солнышко, – пробормотала она, сонно моргая, из-под одеяла, натянутого до подбородка.

– Может, сходим пообедать? – спросила Бет. – У меня следующая партия только завтра.

– Пообедать? – вяло повторила миссис Уитли. – Ох... Как прошла игра?

– Он сдался после тридцати ходов.

– Ты чудо. – Миссис Уитли заворочалась и осторожно приняла полусидячее положение. – Я с утра чувствую слабость, но, возможно, стоит что-нибудь закинуть в желудок. Мы с Мануэлем вчера заказали к ужину «Кабрито»^[44]. Я думала, она меня прикончит. – Миссис Уитли и правда выглядела очень бледной. Она выбралась из-под одеяла и направилась к ванной. – Думаю, один сэндвич мне все же не повредит. Или какой-нибудь не слишком пережаренный тако.

* * *

Состязания на этом чемпионате в Мексике проходили жестче, энергичнее и профессиональнее, чем на всех предыдущих турнирах,

в которых участвовала Бет, однако первый тур дался ей легко даже после бессонной ночи. Организовано это мероприятие было безупречно, все шло ровно и гладко, объявления звучали на двух языках – испанском и английском. В игровых помещениях царили тишь да гладь. На следующий день Бет разыграла отказанный ферзевый гамбит^[45] против австрийца по фамилии Дидрих, бледного утонченного юноши в безрукавке, и вынудила его сдаться в миттельшпиле, устроив безжалостный натиск в центре доски. Она проделала это в основном с помощью пешек и сама удивлялась вероломным комбинациям, которые складывались под ее пальцами, когда она штурмовала центр и ломала позиции соперника, как яичную скорлупу. Дидрих играл хорошо, не делал грубых ошибок и даже незначительных промахов, но Бет действовала с такой смертоносной точностью и с таким ледяным спокойствием, что положение австрийца стало безнадежным уже к двадцать третьему ходу.

* * *

Миссис Уитли пригласила ее поужинать втроем с Мануэлем – Бет отказалась. Ужинать в Мехико было принято не раньше десяти вечера, тем не менее Бет не ожидала застать приемную мать в номере в семь, когда вернулась с прогулки по магазинам.

Миссис Уитли, полностью одетая к выходу в свет, растянулась на кровати, подложив под голову подушку; рядом на тумбочке стоял наполовину пустой бокал. Ей было сорок пять, но выглядела она старше из-за очень бледной кожи и горестных морщин на лбу.

- Привет, дорогая, – прозвучал вялый голос.
- Ты заболела? – спросила Бет.
- Погода действует.
- Вызвать врача?

Слово «врача» словно зависло в воздухе между ними на долгое время. Наконец миссис Уитли проговорила:

– Мне не настолько плохо. Просто нужно немного отдохнуть.

Бет кивнула и направилась в ванную мыть руки.

Облик и поведение приемной матери в этот день внушали ей беспокойство, но когда Бет вышла из ванной, миссис Уитли уже встала и теперь расправляла складки на покрывале. Вид у нее был вполне бодрый. Она вдруг криво улыбнулась:

– Мануэль не придет.

Бет вопросительно посмотрела на нее.

– У него дела в Оахаке.

Бет помедлила, но все же поинтересовалась:

– И надолго он там задержится?

Миссис Уитли вздохнула:

– До тех пор, пока мы не уедем.

– Мне очень жаль.

– Знаешь, – сказала миссис Уитли, – я никогда не была в Оахаке, но подозреваю, что это место похоже на Денвер.

Бет секунду смотрела на нее, потом рассмеялась.

– Мы можем поужинать вдвоем. Отведи меня в какой-нибудь приличный ресторан.

– Ладно. – Миссис Уитли печально улыбнулась: – С Мануэлем было весело. У него очень своеобразное чувство юмора.

– Это хорошо, – сказала Бет. – Мистер Уитли, по-моему, был не слишком веселым.

– О боже! – воскликнула миссис Уитли. – Олстону ничто в мире не казалось смешным, за исключением, пожалуй, Элеоноры Рузвельт.

* * *

На этом шестидневном турнире каждый участник играл одну партию в день. Первые две дались Бет довольно легко, но третья

стала настоящим потрясением.

Она пришла в зал за пять минут до начала и уже сидела за столом, когда к стулу на противоположной стороне несколько неуклюже приблизился ее соперник. На вид ему было лет двенадцать. Бет уже видела его раньше среди участников турнира, проходила мимо досок, за которыми он играл, но была поглощена своими мыслями и не обратила внимание, насколько юн этот шахматист с темными курчавыми волосами. Одет он был в белую старомодную спортивную фуфайку, так тщательно отглаженную, что рукава стояли колом. Из рукавов торчали тонкие детские ручки. Все было так странно, что Бет почувствовала себя неуютно. Она успела привыкнуть, что это ее, а не кого-то другого, называют вундеркиндом. Вид у мальчика был чертовски серьезный.

Она протянула ему руку:

– Я Бет Хармон.

Он слегка поклонился, крепко взял ее ладонь и потряхнул один раз.

– Я Георгий Петрович Гирев. – Он вдруг смущенно улыбнулся едва заметной мимолетной улыбкой. – Для меня это большая честь.

Бет была польщена.

– Спасибо.

Они оба сели за стол, и мальчик запустил ее игровое время, нажав на кнопку над своим циферблатом часов. Бет пошла пешкой на четвертое поле ферзя, испытывая облегчение от того, что у нее право первого хода в игре против этого ребенка, который заставил ее так разволноваться.

Партия началась банально – с принятого ферзевого гамбита. Гирев взял пожертвованную пешку, покинувшую начальную позицию перед белым слоном, и оба соперника начали продвижение к центру доски. Но в миттельшпиле все вдруг стало сложнее обычного – Бет поняла, что мальчик выстраивает хорошо продуманную, изощренную защиту. Он делал ходы быстро – раздражающе быстро – и, казалось, точно знал, как будет действовать дальше. Бет создала несколько угроз его фигурам – он отреагировал на это спокойно.

Прошел час, другой. Количество ходов разменяло четвертый десяток, а на доске еще была целая толпа фигур и пешек. Бет смотрела на мальчика, когда он делал очередной ход, смотрела на костлявую лапку, торчащую из дурацкой фуфайки, и ненавидела его. Он играл как робот. «Ах ты гаденыш», – подумала Бет и вдруг поняла, что взрослые, с которыми она состязалась, будучи ребенком, нечто подобное думали и о ней.

Перевалило за полдень, и большинство партий в зале уже завершились. Их игра подошла к тридцать четвертому ходу. Бет хотелось поскорее с этим покончить и вернуться к миссис Уитли, о которой она не переставала беспокоиться. Играя с этим неутомимым ребенком, глядя в его блестящие темные глаза и замечая энергичные короткие движения, она чувствовала себя старой и измотанной, а еще прекрасно понимала, что, стоит ей допустить малейший промах, мальчишка мгновенно возьмет ее за горло. Она взглянула на свой циферблат – осталось двадцать пять минут. Нужно было ускориться и добраться до сорокового хода прежде, чем упадет флажок. Если она не будет следить за часами, начнет отставать и он получит серьезное преимущество. Обычно в такое положение она сама ставила других игроков и теперь еще больше занервничала. Раньше Бет никогда не испытывала недостатка во времени.

Целью ее последних маневров была серия разменов фигур в центре доски – коня и слона на коня и слона, а размен ладей у нее был запланирован еще через несколько ходов. С одной стороны, это упростит позицию, с другой – они вступят в стадию эндшпиля, а Бет всегда старалась избегать шахматных окончаний. Однако сейчас, видя, что у Гирева остается еще сорок пять минут игрового времени, она ощущала тревогу, и надо было любым способом избавиться от этого дискомфорта, сдвинувшись с мертвой точки. Она взяла своим конем его ферзевого слона. Размен продолжился, будто оба игрока подчинялись предопределенности, а когда они закончили, на доске образовалось много свободного пространства. Теперь в каждом

лагере были четыре пешки, одна ладья, один конь и король. Бет выдвинула своего короля с начальной горизонтали, и Гирев сделал то же самое. При таком положении на доске сила короля как атакующей фигуры проявлялась со всей очевидностью, и скрывать ее не было смысла. Главной задачей стало довести пешку до восьмой горизонтали и превратить ее в ферзя. Они начали разыгрывать эндшпиль.

Бет сделала глубокий вдох, тряхнула головой, словно хотела выкинуть лишние мысли, и сосредоточилась на позициях фигур и пешек. Нужно было разработать план.

– Кажется, нам нужно отложить партию, – услышала она тихий голос Гирева, почти шепот. Взглянула ему в лицо – бледное и серьезное, – а затем на часы. Оба флажка упали. Такого в ее партиях еще не случалось.

Бет потрясенно замерла на стуле, тупо рассматривая циферблаты.

– Вам нужно запечатать ход, – сказал Гирев. Он внезапно как будто тоже занервничал и помахал рукой арбитрам турнира.

Один из арбитров, мужчина средних лет в очках с толстой оправой, тотчас подошел к их столу, тихо ступая.

– Мисс Хармон должна запечатать свой ход, – сказал ему Гирев.

Арбитр взглянул на шахматные часы и кивнул:

– Я принесу конверт.

Бет снова уставилась на доску. Теперь позиция казалась четкой и ясной. Ей нужно было передвинуть пешку на четвертое поле ферзевой ладьи – этот ход она уже обдумывала раньше. Арбитр протянул ей конверт и деликатно отступил на несколько шагов; Гирев встал из-за стола и вежливо отвернулся. Бет написала на листе бумаги «P-QR4», сложила лист пополам, сунула в конверт и протянула его арбитру.

Затем она тоже встала, кое-как распрямив затекшую поясницу, и огляделась. Все партии уже закончились, но некоторые игроки не покинули зал – они, кто сидя, кто стоя, размышляли, рассматривая доски; несколько человек столпились у панелей, на которых были

зафиксированы финальные позиции, и анализировали чужие завершённые партии.

Гирев повернулся к Бет все с тем же серьёзным выражением лица:

– Можно задать вам вопрос?

– Да.

– Я слышал, что в Америке можно смотреть кино, сидя в машине.

Это правда?

– Ты имеешь в виду автокинотеатры?

– Да. Смотреть фильмы с Элвисом Пресли прямо из окна машины.

Фильмы с Дебби Рейнолдс и Элизабет Тейлор. Так можно?

– Конечно.

Внезапно на серьёзном лице мальчика появилась широкая улыбка.

– Обалдеть, – сказал он. – Я бы из машины не вылезал.

* * *

Миссис Уитли крепко спала ночью и ещё не проснулась, когда утром Бет уходила. Девушка чувствовала себя отдохнувшей, свежей, готовой к бою. Вечером она укладывалась в постель с тревожными мыслями об отложенной партии с Гиревым, а утром у неё возникло ощущение, что все будет хорошо – запечатанный ход пешкой вполне надежен. Бет прошлепала босыми ногами от дивана, на котором спала, к кровати миссис Уитли и потрогала её лоб – он был холодный, – поцеловала приемную мать в щеку и пошла в ванную принимать душ. Когда она отправилась в кафе завтракать, миссис Уитли по-прежнему спала.

Утреннюю партию Бет играла черными против мексиканца лет двадцати с небольшим. Она использовала сицилианскую защиту, застала соперника врасплох на девятнадцатом ходу и принялась изматывать его угрозами. Её разум был ясен, она держала соперника в напряжении, заставляя уходить от угроз, и параллельно развивала атаку; в конце концов ей удалось взять его слона в обмен на две

пешки и загнать белого короля на незащищенное поле, под шах конем. Когда она вывела на сильную позицию ферзя, мексиканец встал, холодно ей улыбнулся со словами:

– Хватит, хватит, – и, сердито тряхнув головой, добавил: – Сдаюсь.

На мгновение Бет разозлилась – ей хотелось закончить партию, преследовать его короля по всей доске и объявить мат.

– То, как вы играете... это фантастика, – продолжил мексиканец. – Вы заставляете мужчину чувствовать себя беспомощным. – Он слегка поклонился и вышел из-за стола.

* * *

Во второй половине дня она играла отложенную партию с Гиревым и сама удивлялась тому, что действует с поразительной скоростью и силой. Сегодня на мальчике была светло-голубая рубашка, которая топорщилась на локтях, как кромка воздушного змея. Бет умирала от нетерпения, пока арбитр вскрывал конверт и делал на их доске ход, записанный ею вчера, а в ожидании ответного хода Гирева она вскочила и прошлась по почти пустому залу, где, кроме них, доигрывали отложенные партии еще две пары шахматистов. По пути она много раз оборачивалась, чтобы посмотреть на соперника – мальчик сидел, склонившись над доской и подперев маленькими кулаками бледные щеки; казалось, его голубая рубашка блестит под светом ламп. Бет смотрела – и ненавидела его серьезность, его юность, его самого. Хотелось удавить гаденыша.

Она из другого конца зала услышала, как щелкнула кнопка часов, и, развернувшись, быстро зашагала к столу. Даже не присела – стоя окинула взглядом позицию. Гирев пошел ладьей на вертикаль ферзевого слона – это был один из вариантов ответа, которые Бет просчитывала, и она была к нему готова, так что снова не раздумывая пошла пешкой, нажала на кнопку часов, развернулась и

направилась в конец зала. Там был столик с большим кувшином воды и бумажными стаканчиками. Бет налила себе воды, с изумлением заметив, что у нее дрожат руки. К тому времени, как она опять вернулась к столу, Гирев уже сделал ход. Бет ответила мгновенно – не стала прикрывать пешку ладьей, бросив ее на растерзание, и вместо этого выдвинула вперед короля. Она взяла фигуру легко и изящно, кончиками пальцев, как тот пиратского вида человек в черном, которого она видела в Цинциннати несколько лет назад, и опустила ее на четвертое поле ферзя. Затем развернулась и зашагала прочь.

Она так провела всю партию – ни разу не присела за стол. Через три четверти часа мальчишка попался. Это оказалось просто, даже слишком – достаточно было разменять ладьи в нужный момент. Размен вынудил его короля отступить на одно поле, и ее пешке этого хватило, чтобы на следующем ходу выйти в ферзи. Гирев ничего подобного не ожидал – он сдался сразу после шаха ладьей и последовавшего затем размена. Шагнул к Бет, будто хотел что-то сказать, но увидел выражение ее лица и остановился. В следующую секунду она смягчилась, вспомнив, что еще всего пару лет назад была таким же ребенком и что для нее тогда любое поражение в шахматах было катастрофой.

Бет протянула мальчику руку, а когда он пожал ее, попыталась улыбнуться:

– Знаешь, я тоже никогда не была в автокинотеатрах.

Он покачал головой:

– Я не должен был допустить ваш ход ладьей.

– Да, – кивнула Бет. – Сколько тебе было лет, когда ты начал играть в шахматы?

– Четыре года. В семь я стал чемпионом района. Надеюсь стать чемпионом мира.

– Когда?

– Через три года.

– Через три года тебе будет шестнадцать.

Он решительно кивнул.

– А если у тебя получится, что ты будешь делать потом? – спросила Бет.

Мальчик взглянул на нее озадаченно:

– Не понимаю...

– Если ты станешь чемпионом мира по шахматам в шестнадцать лет, что ты будешь делать со всей своей оставшейся жизнью?

Озадаченное выражение не исчезло.

– Не понимаю, – повторил он.

* * *

Миссис Уитли легла спать рано и на следующее утро выглядела гораздо лучше. Она встала первая, а когда они с Бет спустились позавтракать в кафе «Камара де Торерос», заказала испанский омлет, две чашки кофе, всё съела и выпила за милую душу. Бет наблюдала за ней с облегчением.

* * *

На доске объявлений рядом со столом администраторов вывесили сетку результатов. Бет не подходила к этой доске уже несколько дней, но сегодня она явилась в зал за десять минут до начала своей партии и остановилась посмотреть, кто сколько очков набрал на турнире. Список был составлен по величине международного рейтинга, и первым в нем шел Боргов с коэффициентом 2715. Хармон была семнадцатой с рейтингом 2370. В ячейках таблицы напротив фамилии каждого шахматиста стояли очки, набранные в турах: «0» означало поражение, «½» – ничью, «1» – победу. Дробей «½» в таблице было много, и лишь рядом с тремя фамилиями

тянулись непрерывные ряды «единиц»; двумя из трех были Боргов и Хармон.

Список пар участников висел в нескольких футах справа. Вверху были БОРГОВ – РЭНД, внизу ХАРМОН – СОЛОМОН. Если и она сама, и Боргов сегодня победят в своих партиях, не факт, что завтра они будут вместе играть в финале. Бет не знала, хочет она играть с Борговым или нет. Партия с Гиревым ее опустошила, к тому же она не могла избавиться от смутного беспокойства насчет миссис Уитли, хотя та, казалось, пришла в себя. При взгляде на бледную кожу, раздурявшиеся щеки и натужные улыбки приемной матери Бет делалось не по себе. Из зала доносился гул голосов – шахматисты усаживались за столы, расставляли часы, готовились к игре. Бет встряхнулась, постаравшись, насколько это было возможно, подавить в себе неуверенность, подошла к доске номер четыре – первой в этом большом зале, – и стала ждать Соломона.

Ее соперник оказался сильным шахматистом и очень непростым – партия длилась четыре часа, прежде чем он наконец был вынужден сдаться. И все это время Бет не теряла своего преимущества – крошечной форы, которую дает шахматисту, играющему белыми, право первого хода. Соломон никак не прокомментировал свое поражение, но по его виду Бет догадалась – он был в ярости от того, что проиграл женщине. Она часто видела у мужчин такой взгляд и распознавала его сразу. Обычно ее это злило, но сейчас отношения полов не имели значения. Ее мысли были заняты другим.

По дороге к выходу она заглянула во второе помещение турнира, где должен был играть Боргов, но комната оказалась пуста. Финальное положение фигур, принесшее победу Боргову, было зафиксировано на большой панели с изображением шахматной доски. Он так же безжалостно разгромил соперника, как Бет – Соломона.

Вернувшись в танцевальный зал, она взглянула на доску объявлений – к ее удивлению, пары на завтрашний день уже были составлены. Бет подошла ближе, и сердце ухнуло в пятки. Черным по

белому в верху списка финалистов было напечатано: БОРГОВ – ХАРМОН. Она поморгала и прочитала еще раз, задержав дыхание.

В Мехико Бет привезла с собой три книги. Она пообедала с миссис Уитли в номере и сразу взялась за «Игры гроссмейстеров» – в содержании значились пять партий Боргова. Бет открыла первую и начала разыгрывать ее на доске, расставляя фигуры и пешки по описанию. Так она поступала редко – чаще полагалась на свою способность мысленно воспроизводить все позиции и ходы, читая шахматную нотацию, но сейчас ей нужно было, чтобы партия Боргова была прямо перед ней, реальная и осязаемая. Миссис Уитли читала, лежа в кровати, пока Бет продиралась сквозь пять партий, ища слабые места в игре советского шахматиста. Не нашла ни одного. Тогда она разыграла все пять еще раз, останавливаясь на некоторых позициях, дававших бесконечное число вариантов развития, и мысленно эти варианты просчитывала. Она смотрела на доску, заслонившую собой все остальное в жизни, а комбинации фигур сами складывались и рассыпались в ее голове. Порой покашливание миссис Уитли или шум из коридора заставляли ее очнуться на мгновение, и тогда она изумленно оглядывалась вокруг, ощущая напряжение во всех мышцах и страх, тоненьким лезвием все глубже вонзающийся в живот.

За последний год она несколько раз оказывалась в таком состоянии, когда голова кружилась от страха, почти ужаса перед бесконечными возможностями шахмат.

Около полуночи миссис Уитли отложила книгу и тихонько улеглась спать, а Бет еще несколько часов сидела в зеленом кресле, не слыша тихого похрапывания приемной матери, не замечая странного, чужого запаха мексиканского отеля, донимавшего ее днем, и чувствуя себя так, будто она вот-вот сорвется в пропасть, будто смотрит не на доску, купленную в универмаге «Пёрселл» в Кентукки, а в бездну и удерживается на краю лишь благодаря странному дару, необъяснимым умственным способностям, которые дают ей

приобщиться к этой изысканной и смертоносной игре. Доска усеяна опасными ловушками. Нужно всегда быть начеку.

Спать Бет легла в пятом часу утра, и ей снилось, что она тонет.

* * *

Людей в бальном зале отеля собралось немного. Бет узнала Маренко, одетого на этот раз в костюм с галстуком. Он помахал ей рукой, когда она вошла, и девушка заставила себя улыбнуться в ответ. Она нервничала, сама это осознавала и не представляла, как себя перебороть.

В семь утра ей пришлось долго простоять под душем, чтобы избавиться от напряжения во всем теле, сковавшего ее, как только она проснулась. Но все равно не удалось. Она с трудом проглотила кофе в полупустой кофейне, потом ополоснула лицо холодной водой в туалете, стараясь взять себя в руки. Теперь она опять шла в женскую уборную, уже по красному ковру бального зала отеля. Умылась еще раз, тщательно вытерлась бумажными полотенцами и причесалась перед большим зеркалом. Собственные движения казались ей механическими, а тело – до невозможности хрупким. Дорогая блузка и юбка сидели плохо. Страх ощущался остро, как зубная боль.

Вернувшись в танцевальный зал, Бет сразу увидела Боргова – он беседовал, солидный и невозмутимый, с двумя незнакомыми ей мужчинами. Все трое были в черных костюмах, стояли близко друг к другу, переговаривались тихо и доверительно. Бет опустила глаза и прошла мимо них в маленькое помещение с топовыми досками. Там собрались какие-то люди с фотоаппаратами. Репортеры. Бет села за доску номер один на стороне черных, уставилась на пешки и фигуры, а в следующую секунду услышала голос главного арбитра: «Игра начнется через три минуты», – и вскинула глаза.

К ней шел Боргов. Костюм сидел на нем великолепно, штанины идеальными складками лежали на черных, начищенных до блеска туфлях. Бет снова посмотрела на доску, чувствуя себя неуместной, неуклюжей, растерянной. Боргов опустился на стул. Словно издали донесся голос главного арбитра: «Вы можете запустить часы соперника». Бет нажала на кнопку над своим циферблатом и подняла взгляд. Боргов никуда не делся – сидел напротив, в черном костюме, солидный, основательный, и пристально смотрел на фигуры. Она словно во сне увидела, как он протягивает руку с короткими толстыми пальцами, берет королевскую пешку и ставит ее на четвертую горизонталь. Пешка на четвертое поле короля.

На этот ход – самое распространенное шахматное начало белых – Бет всегда отвечала сицилианской защитой. Но сейчас колебалась. В каком-то журнале Боргова назвали «мастером сицилианской». Она сделала ход почти импульсивно – тоже пешкой на четвертое поле короля, – в надежде, что для них обоих это будет небанальное положение и Боргов таким образом лишится превосходства в знаниях. Он пошел королевским конем на третье поле слона, она – ферзевым конем на третье поле слона, защищая пешку. А Боргов вдруг без малейших колебаний сыграл слоном на пятое поле коня, и у нее упало сердце – это была защита Руи Лопеса. Бет разыгрывала ее довольно часто, но сейчас испугалась: этот дебют был таким же сложным и тщательно просчитанным, как сицилианская защита, и он предполагал множество ходов, о которых она знала совсем мало, лишь то, что запомнила из книг.

Мелькнула вспышка фотоаппарата – репортер сделал снимок, – и Бет услышала сердитый шепот арбитра, который требовал не беспокоить игроков. Она выдвинула пешку на третье поле ладьи, угрожая белому слону, и Боргов отвел его на четвертое поле ладьи. Бет заставила себя сосредоточиться, развила второго коня, и Боргов сделал рокировку. Все ходы пока что были знакомы, привычны, но легче от этого не становилось. Сейчас ей нужно было решить, открытый вариант играть или закрытый. Она бросила взгляд на

Боргова, снова устремила его на доску и сбила белую пешку своим конем – выбрала открытый вариант. Боргов пошел пешкой на четвертое поле ферзя – Бет знала, что так и будет, и ответила пешкой на четвертое поле ферзевого коня, потому что так надо было – это позволит ей подготовиться к тому, что Боргов выведет ладью. Люстра над головой светила слишком ярко. Тревога усиливалась – Бет казалось, что весь рисунок игры predetermined, как будто ее вовлекли в хореографическую постановку, где фигуры делают ложные па, где за каждой угрозой следует ответная угроза и заранее известно, кто должен проиграть, как в завершенных партиях, записи которых читаешь в книгах, заведомо зная результат, и прокручиваешь их в голове только для того, чтобы выяснить, как к этому результату пришли.

Она потрянула головой, отгоняя лишние мысли. Партия пока что далеко не продвинулась – оба соперника делали общеизвестные, лишённые силы ходы, и единственным преимуществом белых оставалось их традиционное право первого хода. Возможно, когда электронно-вычислительные машины научатся играть в шахматы и станут сражаться между собой на турнирах, белые всегда будут побеждать из-за этого самого права первого хода. Как в крестиках-ноликах. Но в их с Борговым партии все по-другому. Она, Бет, не умеет играть как идеальная машина.

Слон Боргова отступил на третье поле коня. Она пошла пешкой на четвертое поле ферзя – Боргов сбил ее пешку, и она вывела слона на третье поле короля. Эту схему Бет помнила из книги «Современные шахматные дебюты», которую давным-давно читала в «Метуэне» и воспроизводила потом партии в своем воображении на уроках. Но игра уже вступала в открытую фазу, сулившую неожиданные повороты. Бет взглянула на гладкое, бесстрастное лицо Боргова и увидела, как он поднимает своего ферзя и опускает его прямо перед королем, на второе поле. Она недоуменно моргнула. Что он делает? Охотится за ее конем на пятом поле короля? Боргов легко мог связать защищающую коня пешку своей

ладьей. Ход казался подозрительным. Бет почувствовала знакомое напряжение в животе, и у нее слегка закружилась голова.

Она скрестила руки на груди и принялась изучать положение на доске. Боковым зрением она видела молодого человека из команды организаторов у панели с изображением доски, на которой воспроизводились ходы их партии. Он только что поставил на второе поле короля большого белого ферзя. Она окинула взглядом помещение. Десяток человек следили за их игрой. Бет снова обратила взгляд на доску перед собой. Нужно было избавиться от его слона. Ход конем на четвертое поле ладьи выглядел вполне годным для этой цели. Можно было бы еще пойти конем на четвертое поле слона или слоном на второе поле короля, но такие варианты показались ей слишком сложными. Она некоторое время изучала эти возможности и отмела идею. Бет не доверяла самой себе в игре с Борговым и затевать слишком хитрые маневры считала опасным. У коня на вертикали ладьи в два раза уменьшается радиус действия, но она все-таки сделала этот ход. Необходимо было избавиться от белого слона. Этот белый слон не сулил ничего хорошего.

Боргов уверенно подался вперед, и его конь прыгнул на четвертое поле ферзя. Бет ожидала, что он пойдет ладьей, однако большой угрозы от коня не исходило. Самым приемлимым в данный момент ей казался ход пешкой ферзевого слона на четвертое поле. Тогда Боргов будет вынужден взять конем ее слона, после этого она возьмет его слона своим конем и таким образом избавится от раздражающей угрозы второму коню, который находится слишком далеко, на пятом поле короля, и имеет в своем распоряжении мало свободных полей для маневрирования. Лишиться коней в игре с Борговым было бы равносильно поражению. Бет подняла пешку ферзевого слона, подержала ее пару секунд в пальцах и опустила на четвертое поле. Затем отклонилась на стуле немного назад, сделала глубокий вдох и оценила позицию – выглядело неплохо.

Боргов без колебаний взял ее слона своим конем, и Бет взяла его коня пешкой. Он выдвинул пешку ферзевого слона на третью горизонталь, как Бет и предполагала, лишив слона возможности к отступлению, и она с облегчением сбила этого слона, избавившись наконец от надоедливой угрозы, и заодно увела своего коня с неудобной вертикали ладьи. Боргов все с тем же невозмутимым видом сбил ее коня пешкой, взглянул на секунду ей в глаза и снова сосредоточился на позиции.

Бет нервно окинула взглядом доску. Несколько ходов назад все выглядело неплохо, однако сейчас она бы так не сказала. Беспокорство вызывал ее конь на пятом поле короля. Боргов может пойти ферзем на четвертое поле коня, что поставит под бой ее королевскую пешку и самого короля под угрозу шаха. А когда она уйдет от шаха, Боргов атакует ее коня своей пешкой королевского слона, и коню уже будет некуда деться, потому что его подстережет белый ферзь. Неприятности ждали и на ее ферзевом фланге. Боргов может взять ладьей черную пешку и пожертвовать свою фигуру ради того, чтобы восстановить преимущество, объявив шах ферзем. В итоге у него будет на пешку больше, и усиленная позиция. Нет, на две пешки больше. А ей придется пойти ферзем на третье поле коня. Ход ферзем на второе поле ферзя не годится из-за этой чертовой пешки белого слона, которая может атаковать ее коня. Бет не нравилась собственная незащитность, и она долго изучала положение на доске, пытаясь отыскать малейшую возможность для контратаки. Возможности отсутствовали. Ей нужно было переместить ферзя и прикрыть коня. Чувствуя, как начинают пылать щеки, она в очередной раз изучила доску. Других вариантов действительно не было. Не глядя на соперника, Бет пошла ферзем на третье поле коня.

С той же неколебимой уверенностью Боргов поставил слона на третье поле короля, защищая главную фигуру. *Почему она этого не предвидела? Ведь так долго смотрела на доску...* Если теперь она сделает задуманный ход пешкой – потеряет своего ферзя. *Как она могла упустить это из виду?* Бет планировала угрозу вскрытого

шаха с новой позиции, которую займет ее ферзь, но Боргов мгновенно отменил эту угрозу своим ходом, который был до ужаса очевидным. Бет взглянула на него – на чисто выбритое, непроницаемое русское лицо, на безупречный узел галстука под тяжелым подбородком, – и страх ледяной волной прокатился по всему телу.

Она изучила доску в который раз, предельно сконцентрировав внимание. Двадцать минут просидела неподвижно, глядя на фигуры и пешки. В животе все туже затягивался узел по мере того, как она прикидывала и отбрасывала десятки возможных продолжений партии. Черного короля невозможно было спасти. В итоге она пошла слоном на второе поле короля, и Боргов предсказуемо ответил ферзем на четвертое поле коня, снова угрожая поставить коня Бет под бой своей пешки королевского слона на следующем ходу. Теперь у Бет было два действия на выбор: король на второе поле ферзя или рокировка. И в том и в другом случае конь будет потерян. Она сделала рокировку.

Боргов немедленно ринулся в атаку на ее коня слоновой пешкой. Бет хотелось заорать. Все, что он делал, было до невозможности банально, лишено воображения, бюрократично. Чувствуя удушье, Бет переставила пешку на пятое поле ферзя, атакуя его слона, и увидела неизбежное: белый слон занял шестое поле ладьи с угрозой мата. Теперь ей придется защищаться ладьей. Он возьмет ее коня ферзем, а если она в ответ заберет его слона, белый ферзь собьет черную ладью в углу доски с объявлением шаха, и все полетит к чертовой матери. Она будет вынуждена пожертвовать ладью ради защиты, а у нее уже нет коня. Продолжать играть с таким материалом против чемпиона мира, человека в рубашке безупречной белизны, с изысканно завязанным галстуком, с угрюмым русским лицом, на котором невозможно прочесть ни сомнений, ни слабости...

Бет увидела, как ее собственная рука тянется к черному королю, берет его за голову и опрокидывает набок.

Несколько секунд она сидела, слушая овацию. Затем, ни на кого не глядя, встала и покинула помещение.

Глава 9

– Смешайте мне «Текилу Санрайз», – попросила Бет.

Часы на стене за барной стойкой показывали половину первого. В дальнем конце зала за одним столиком обедали четыре американки. Она даже не завтракала, но есть не хотелось.

– *Con mucho gusto* ^[46], – отозвался бармен.

Церемония награждения началась в два тридцать. Все это время Бет накачивалась алкоголем в баре. По очкам на турнире она будет четвертой, а может, и пятой. Впереди – двое шахматистов, сыгравших сегодня гроссмейстерскую ничью и набравших каждый по пять с половиной очков. У Боргова – шесть. У нее – пять. Бет выпила три коктейля «Текила Санрайз», съела два сваренных вкрутую яйца и перешла на пиво – мексиканское «Дос Эквис». Понадобилось четыре бутылки, чтобы унять тянущую боль в животе, а заодно приглушить ярость и стыд. Но даже когда стало чуть полегче, она по-прежнему видела прямо перед собой угрюмое, каменное лицо и леденела от предчувствия катастрофы, не отпускавшего ее в продолжение всей партии. Она играла сегодня как новичок, как слюнявая растерянная идиотка.

Бет выпила много, но голова оставалась ясной, и язык не заплетался, когда она делала заказ. Вокруг будто образовался защитный кокон, державший весь мир на расстоянии. Она сидела на высоком табурете, одна у края барной стойки, с бокалом пива в руке и никак не могла захмелеть.

В три часа в бар вошли, тихо переговариваясь, двое шахматистов с турнира. Бет слезла с табурета и направилась в номер.

Миссис Уитли лежала в постели, прижав руку к голове и запустив пальцы в волосы, будто у нее разыгралась мигрень. Бет приблизилась к кровати. Миссис Уитли выглядела странно. Бет наклонилась и взяла ее за руку. Приемная мать была мертва.

Казалось, она ничего не почувствовала, но прошло не меньше пяти минут, прежде чем ей удалось разжать ладонь, выпустить ледяную руку миссис Уитли и набрать номер на телефоне.

Менеджер отлично знал, что делать в таких ситуациях. Бет сидела в кресле и пила café con leche^[47], доставленный обслугой номеров, пока он давал указания двум служащим, которые пришли с носилками. Она слышала голос менеджера, но никого и ничего не видела. Ее взгляд был устремлен в окно. Чуть позже она повернула голову и принялась наблюдать за женщиной средних лет в сером костюме – та прикладывала к груди миссис Уитли стетоскоп. Миссис Уитли по-прежнему лежала на кровати, а носилки подсунули под нее. По углам кровати неловко переминались с ноги на ногу двое мужчин в зеленой униформе. Женщина убрала стетоскоп, кивнула менеджеру и подошла к Бет.

– Мне очень жаль, – сказала женщина. Лицо у нее было напряженное.

Бет отвернулась.

– Что с ней случилось? – спросила она.

– Вероятно, гепатит. Завтра мы скажем точнее.

– Завтра, – повторила Бет. – Вы можете выписать мне транквилизатор?

– У меня есть снотворное...

– Мне не нужно снотворное. Вы можете дать мне рецепт на Либриум?

Врач мгновение молча смотрела на нее, потом пожала плечами:

– В Мексике Либриум продается без рецепта. Но я бы посоветовала вам Мепробамат. В отеле есть farmacia^[48].

* * *

Изучив карту на обложке дорожного путеводителя, купленного миссис Уитли, Бет выписала названия всех городов между Денвером

в штате Колорадо и Баттом в Монтане. Менеджер пообещал, что его помощник сделает для нее все, что потребуется, – займется телефонными звонками и оформлением документов, уладит дело с властями. Через десять минут после того, как забрали миссис Уитли, Бет позвонила ему, продиктовала список городов и фамилию человека. Помощник менеджера сказал, что скоро ей перезвонит. Бет заказала в номер большую бутылку «кока-колы» и еще кофе, быстро разделась и пошла в душ. В ванной стоял телефонный аппарат, но звонков пока не было. Она все еще ничего не чувствовала.

После душа Бет переоделась в чистые джинсы и белую футболку. На тумбочке рядом с кроватью валялась пачка «Честерфилда» – пустая, смятая рукой миссис Уитли. Пепельница рядом с пачкой была забита окурками. Одна сигарета, последняя в ее жизни, лежала в желобке с длинным столбиком остывшего пепла. Бет смотрела на нее целую минуту, потом пошла в ванную и высушила волосы феном.

Юноша из обслуги, который принес ей большую бутылку колы и графин с кофе, держался почтительно и отклонил попытку подписать чек. Зазвонил телефон.

– Переключаю на вас звонок в Денвер, – сказал помощник менеджера.

В трубке раздались щелчки, а потом зазвучал мужской голос, неожиданно громко и отчетливо:

– Олстон Уитли слушает.

– Это Бет, мистер Уитли.

Последовала пауза.

– Бет?..

– Ваша приемная дочь. Элизабет Хармон.

– Ты в *Мехико*? – удивился он. – Ты правда звонишь из Мехико?

– Я насчет миссис Уитли. – Бет смотрела на сигарету, которую так и не выкурили, на длинный столбик пепла в желобке пепельницы.

– Ну и как там Альма? Она с тобой? В Мехико? – спросил Олстон с притворным интересом.

Бет мысленно представила его таким, каким запомнила в «Метуэне» – мистеру Уитли очень хотелось оказаться подальше оттуда, он всем своим видом говорил, что не желает иметь с этим ничего общего и всегда будет где-нибудь в другом месте.

– Она умерла, мистер Уитли. Умерла сегодня утром.

На том конце провода установилась тишина. Бет подождала и окликнула:

– Мистер Уитли...

– Ты сумеешь сама все уладить? – спросил он. – Я не смогу вырваться в Мексику.

– Завтра будут делать вскрытие. И мне нужно поменять билеты на другой рейс. То есть один билет, для себя... – Голос Бет неожиданно стал слабым и безнадежным. Она дотянулась до чашки и отпила кофе. – Я не знаю, где ее нужно похоронить.

Голос мистера Уитли тоже изменился – сделался ломким.

– Позвони в похоронное агентство братьев Держин в Лексингтоне. У Альмы есть семейный участок земли на кладбище, оформлен на ее девичью фамилию – Бенсон.

– А дом?

– Слушай, – его голос опять звучал громко и четко, – мне этот дом не нужен. У меня проблем и в Денвере хватает. Отвези ее в Кентукки, похорони – и дом твой. Просто заплати за похороны. Ты же в деньгах не нуждаешься?

– Не знаю. Я не знаю, сколько это будет стоить.

– Я слышал, дела у тебя идут неплохо – ты вундеркинд или что-то типа того. Так ты займешься похоронами?

– Я поговорю с менеджером отеля.

– Хорошо. Тогда действуй. Я сейчас стеснен в средствах, но дом можешь забирать. И все права на него. Позвони во Второй национальный банк и спроси мистера Эрлиха. Запиши: Э-р-л-и-х. Скажи ему, что я хочу переписать дом на тебя. Он знает, как со мной связаться.

Опять последовало молчание. Потом Бет спросила, стараясь говорить твердо:

- Вы не хотите узнать, от чего она умерла?
- Ну? От чего?
- От гепатита, наверное. Мне точнее ответят завтра.
- О, – сказал мистер Уитли. – Она все время чем-нибудь болела.

* * *

Менеджер отеля и врач обо всем позаботились, даже сдали в кассу аэропорта билет миссис Уитли. От Бет потребовалось только подписать какие-то официальные документы, еще бумагу, освобождавшую отель от ответственности, и заполнить пару бланков. На одном бланке было написано вверху: «Таможенная служба США. Перевозка останков». Менеджер связался с похоронным агентством братьев Дерджин в Лексингтоне. Помощник менеджера на следующий день повез Бет в аэропорт. Ехали они на катафалке, который осторожно маневрировал на улицах Мехико, а затем прибавил скорости на шоссе. Металлический гроб Бет видела всего один раз, из окна зала ожидания компании «Всемирные авиалинии», – катафалк стоял у самолета рейса 707, и несколько человек вытаскивали гроб под ослепительным солнцем. Затем они положили его на вильчатый подъемник, и Бет сквозь стекло слышала приглушенное подвывание двигателя, поднимавшего гроб на уровень багажного отсека. Внезапно он покачнулся под лучами солнца, и у Бет в голове мелькнуло кошмарное видение: гроб падает с подъемника на площадку и раскалывается пополам, а набальзамированные останки толстой женщины средних лет разлетаются по раскаленному серому асфальту. Но ничего такого не случилось. Оператор погрузчика ловко поместил миссис Уитли в багажный отсек.

На борту Бет отказалась от предложенных стюардессой спиртных напитков. Едва усевшись в кресло, она достала из сумочки пузырек с зелеными таблетками. Накануне в Мехико, закончив подписывать документы, она три часа ходила по аптекам, скупая Либриум, на продажу которого было установлено ограничение – сто штук.

* * *

Похороны были незамысловатые и прошли быстро. За полчаса до их начала Бет выпила четыре зеленые пилюли. В церкви она сидела одна, в каком-то оцепенении, пока священник говорил то, что полагается говорить в таких случаях священникам. У алтаря лежали цветы, и Бет удивилась, увидев, как двое служащих похоронного агентства унесли их, едва речь священника закончилась. Там были еще шесть человек, но она никого не знала. Под конец какая-то пожилая леди обняла ее и сказала: «Бедняжечка ты моя».

В тот же день к полудню Бет закончила разбирать багаж и спустилась из спальни приготовить кофе, а пока вода закипала, зашла в маленькую ванную на первом этаже ополоснуть лицо, вытерлась, и вдруг, когда она стояла там, в голубой комнатке, на голубом коврикe миссис Уитли, в окружении голубых полотенец, голубого мыла и голубых мочалок, что-то взорвалось у нее внутри, и лицо опять стало мокрым – от слез. Она сняла с крючка полотенце, уткнулась в него носом, сказала: «О господи боже мой», – и, осев на пол, плакала очень долго, привалившись плечом к ванне.

Когда она успокоилась немного и уже окончательно вытирала лицо, зазвонил телефон.

– Бет Хармон? – раздался в трубке мужской голос.

– Да.

– Это Гарри Белтик. С шахматного турнира штата.

– Я помню.

– Ага. Я слышал, ты проиграла Боргову. Хотел посочувствовать.

Бет бросила полотенце на пухлое кресло и заметила на подлокотнике початую пачку сигарет миссис Уитли.

– Спасибо, – сказала она в трубку, взяв пачку и крепко сжав ее в руке.

– Ты какими играла? Белыми?

– Черными.

– Ага. – Последовала пауза. – У тебя что-то случилось?

– Нет.

– Лучше проигрывать так.

– Как?

– Лучше проигрывать черными – есть оправдание.

– Наверно.

– С чего вы начали? С сицилианской?

Бет осторожно положила сигареты обратно на подлокотник.

– С защиты Руи Лопеса. Я ему позволила это сделать.

– Зря, – сказал Белтик. – Слушай, я все лето буду в Лексингтоне. Хочешь поднатаскаю?

– Меня?

– Ну да, я понимаю, ты играешь лучше, чем я. Но если ты собираешься соперничать с русскими, тебе нужна помощь.

– Ты где сейчас?

– В отеле «Феникс». В четверг переберусь на съемную квартиру.

Бет обвела взглядом комнату – стопку женских журналов миссис Уитли на скамейке для обуви, бледно-голубые занавески, новые огромные фарфоровые светильники, еще не распакованные, в целлофане, обернутом вокруг желтоватых абажуров. Она сделала глубокий вдох, бесшумно выдохнула и сказала:

– Приезжай ко мне.

Белтик приехал через двадцать минут на «Шевроле» 1955 года с красно-белыми языками пламени, нарисованными на крыльях, и с разбитой фарой. Свернул на вымощенную кирпичом дорожку у дома и припарковался на площадке. Бет, поджидавшая его у окна, вышла на крыльцо, как только он вылез из машины. Белтик помахал ей,

открывая багажник; он был в светло-красной рубашке, серых вельветовых брюках и теннисных туфлях, по цвету подходивших к рубашке. В этом человеке чувствовалось что-то дурное, темное, он двигался резко и порывисто, так что Бет, вспомнив к тому же его плохие зубы и жестокую манеру игры в шахматы, слегка занервничала, стоя на крыльце.

Белтик достал из багажника картонную коробку, явно тяжелую, тряхнул головой, откидывая упавшие на глаза волосы, и зашагал по дорожке. На коробке красовалась надпись «ТОМАТНЫЙ КЕТЧУП «ХАЙНЦ» красными буквами. Она была открыта и набита книгами.

Он поставил коробку на ковер в гостиной, бесцеремонно сгреб журналы миссис Уитли с кофейного столика и сунул их на полку газетной этажерки. Затем принялся доставать книги из коробки – по одной, зачитывая вслух названия, – и складывать их в стопки на столике:

– А. Л. Дайнкопф «Стратегия миттельшпиля», Х. Р. Капабланка «Моя шахматная карьера», Форно «Партии Алёхина. 1938–1945», Майер «Ладейно-пешечные окончания»...

Некоторые из этих книг уже попадались Бет раньше, несколько лежало у нее в шкафу, но большинство ей было неизвестно – все увесистые, в нагонявших тоску переплетах. Она понимала, что ей необходимо еще многое узнать, но Капабланка никогда не учил теорию – он играл интуитивно, ведомый собственным даром, а игроки, во всем уступавшие ему, к примеру Боголюбов и Грюнфельд, как раз заучивали наизусть готовые схемы с немецкой педантичностью. Бет видела на турнирах шахматистов, которые по окончании собственных партий оставались сидеть на неудобных стульях, отрешившись от окружающего мира, и штудировали варианты дебютов, стратегию миттельшпилей, теорию эндшпилей. Этот процесс казался бесконечным, и теперь, глядя, как Белтик методично выкладывает на столик один тяжеленный том за другим, она чувствовала усталость и скуку. Даже невольно посмотрела в

сторону телевизора – вдруг захотелось включить его и забыть о шахматах навсегда.

– Это мое чтение на лето, – сказал Белтик.

Бет раздраженно тряхнула головой:

– Я тоже читала книги, но всегда стараюсь полагаться на чутье.

Белтик замер с тремя выпусками советского «Шахматного бюллетеня» в руках. Обложки у всех номеров были основательно потрепанные.

– Как Морфи и Капабланка? – нахмурился он, глядя на нее.

Бет стало неловко.

– Да.

Он мрачно кивнул и положил журналы на пол у кофейного столика.

– Капабланка победил бы Боргова.

– Не во всех партиях.

– Во всех важных партиях, – отрезал Белтик.

Бет внимательнее к нему присмотрелась: оказалось, он выглядит моложе, чем ей запомнилось. Но она сама теперь стала старше. Белтик был бескомпромиссным человеком, упрямым и неуступчивым во всем.

– Ты, наверное, думаешь, что я считаю себя примадонной? – спросила Бет.

Он позволил себе легкую усмешку:

– Все мы немного примадонны. Шахматы к этому располагают.

Вечером, когда Бет ставила в духовку разогреваться два ужина быстрого приготовления, на столе были разложены две доски с позициями в эндшпиле: его зелено-бежевая с тяжелыми пластмассовыми фигурами и ее деревянная с фигурами из палисандра и клена. Оба набора были выполнены в дизайне «Стаунтон»^[49], который предпочитали все серьезные шахматисты, и в обоих короли имели четырехдюймовую высоту. Бет не приглашала Белтика остаться на обед и на ужин – все получилось само собой. Днем он сходил за едой в бакалейную лавку, находившуюся в двух

кварталах от дома, а Бет тем временем размышляла над разными вариантами хода ладьей, с помощью которых можно было бы избежать ничьей в теоретической партии. Пока она разогревала обед, Белтик читал ей лекцию о том, как важно шахматисту поддерживать хорошую физическую форму и соблюдать режим сна. Заодно он купил два замороженных ужина.

– Нужно держать разум открытым, – говорил Белтик. – Если зациклишься на какой-то одной идее – вот как на этом ходе пешкой королевского коня, – все пропало. Смотри...

Бет повернулась к его шахматной доске, разложенной на кухонном столе. Белтик стоял с чашкой кофе в одной руке и хмурился, глядя на фигуры и пешки, расставленные по записи партии из книги; второй рукой он мял подбородок.

– На что смотреть? – раздраженно спросила Бет.

Он наклонился, взял белую ладью и перенес ее через всю доску на первое поле черной королевской ладьи, в правый нижний угол.

– Теперь его ладейная пешка связана.

– И что?

– Ему надо было переместить короля, чтобы не увязнуть на следующих ходах.

– Это я вижу. – Голос Бет немного смягчился. – Но я не...

– Посмотри на пешки ферзевого фланга. – Белтик указал на другую сторону доски, где стояли три связанные белые пешки.

Бет подошла к столу поближе.

– Он может пойти так. – Она передвинула черную ладью на два поля.

Белтик взглянул на нее:

– Хочешь попробовать?

– Давай. – Бет села за стол на стороне черных фигур.

Через полдюжины ходов Белтик довел свою пешку ферзевого слона до седьмой горизонтали, и ее превращение в ферзя было неизбежным. Черным это будет стоять ладьи, и партия закончится.

Белтик оказался прав: нужно было переместить короля, когда белая ладья пересекла доску.

– Ты прав, – признала Бет. – Сам придумал?

– У Алёхина где-то было. Прочитал в книге.

Белтик уехал в свой отель после полуночи, а Бет несколько часов изучала книгу о миттельшпилях. Она не стала расставлять фигуры на доске – разыгрывала партии в уме, и кое-что ее беспокоило, хотя она старалась не обращать внимания. Тем не менее факт оставался фактом: теперь ей уже не удавалось воспроизводить ходы воображаемых фигур с той же легкостью, как в свои восемь-девять лет. Картинка перед мысленным взором все еще была четкая и объемная, но требовалось больше усилий, чтобы она не рассеялась, а иногда Бет забывала, где должна стоять какая-нибудь пешка или слон, и приходилось повторять ходы с самого начала. Она упорно продолжала это упражнение всю ночь, пользуясь только книгой и собственным воображением. Сидела в футболке и в джинсах на старом кресле миссис Уитли перед телевизором, периодически вздрагивая и озираясь, будто надеялась увидеть рядом приемную мать в скатанных до лодыжек чулках и ее черные тапочки, валяющиеся на полу перед креслом.

Белтик вернулся в девять утра и привез еще полюжины книг. Они выпили кофе и сыграли несколько пятиминутных партий на кухонном столе. Бет победила во всех решительно и бесповоротно, а когда они закончили пятаю, Белтик покачал головой:

– Хармон, у тебя вроде бы все отлично получилось, но это была чистая импровизация.

Бет с недоумением уставилась на него:

– Какого черта? Я уделала тебя пять раз.

Белтик холодно посмотрел на нее с противоположной стороны стола и сделал глоток кофе из чашки.

– У меня звание мастера, – сказал он, – и я в жизни не играл лучше, чем сейчас. Но когда ты поедешь на парижский турнир, тебе придется иметь дело совсем с другими шахматистами.

– Я сумею победить Боргова, если еще немного поработаю.

– Сумеешь победить Боргова, если немного поработаешь, – повторил Белтик. – Ага, немного. Кем ты его вообще считаешь? Экс-чемпионом Кентукки вроде меня?

– Он чемпион мира, но...

– О, перестань пороть чушь! Боргов разгромил бы нас обоих в свои десять лет. Ты в курсе его карьеры?

– Нет.

Белтик вскочил и целеустремленно ринулся в гостиную. Там он выхватил томик в зеленом переплете из стопки книг рядом с шахматной доской Бет, притащил его на кухню и швырнул на столешницу прямо перед ней. На переплете было напечатано: «Василий Боргов. Моя жизнь в шахматах».

– Почитай на ночь, – сказал Белтик. – Почитай его партии с ленинградского турнира шестьдесят второго года и посмотри, как он играет ладейно-пешечные окончания. Обрати внимание на его партии с Лученко и Спасским. – Он взял чашку с недопитым кофе. – Может, кое-чему научишься.

* * *

Шла первая неделя июня, и за кухонным окном распускались ярко-коралловые цветы японской айвы. Азалии миссис Уитли тоже зацветали, а траву уже пора было подстригать. Садик заволокли птицы. Погода была чудесная, как в лучшие дни весны в Кентукки. Иногда, поздно ночью, когда Белтик уходил, Бет спускалась на задний дворик подышать чистым воздухом, почувствовать теплое дуновение на щеках. Все остальное время она не обращала на окружающий мир никакого внимания. Шахматы увлекли ее по-новому, открылись с другой стороны. Мексиканские пузырьки с транквилизаторами без дела валялись в тумбочке. Банки с пивом стояли непечатые в холодильнике. Пять минут подышав во дворе,

она возвращалась в дом и часами читала книги Белтика, а потом поднималась в спальню и в изнеможении падала на кровать.

В четверг после обеда Белтик сказал:

– Завтра придется переехать на съемную квартиру. Жить в отеле для меня слишком дорого.

На шахматной доске перед ними полным ходом шла защита Бенони. Бет только что сделала восьмой ход P-K5 – пешка на пятое поле короля, – которому ее научил Белтик, сказав, что его автор – шахматист по фамилии Микенас. Она оторвала взгляд от фигур:

– Далеко квартира?

– На Нью-Сёркл-роад. Теперь я не часто смогу к тебе приезжать.

– Это не так уж далеко.

– Наверно. Но я записался на учебный курс. Придется искать подработку.

– Можешь жить у меня, – сказала Бет. – Бесплатно.

Белтик пару секунд смотрел на нее и вдруг улыбнулся. Зубы у него были не такие уж плохие.

– Я думал, ты никогда не предложишь, – сказал он.

* * *

Такого глубокого погружения в шахматную вселенную Бет не совершала с детских лет. У Белтика три раза в неделю были вечерние занятия и два раза – утренние, а она проводила время, изучая его книги. Мысленно воспроизводила одну партию за другой, узнавая новые варианты, анализируя стилистические различия между защитой и нападением, порой кусала губы от восторга, вызванного каким-нибудь умопомрачительным ходом или искусно выстроенной ловушкой, а иногда чувствовала опустошение и бессилие при мысли о бездонных глубинах шахмат, о бесконечности их возможностей, о бесчисленности ходов, угроз, сложнейших комбинаций. Она слышала о генетическом коде, который определяет

формирование глаза или кисти из разрозненных белков, о дезоксирибонуклеиновой кислоте. В этой кислоте содержится полный набор инструкций не только для строительства дыхательной или пищеварительной системы, но и для всего механизма, отвечающего за то, к примеру, как будет сжиматься младенческая ручка. Шахматы были сродни этой кислоте. Геометрию любой позиции можно было читать так и эдак, строить варианты и не исчерпать до конца всех возможностей – изучаешь один слой, а под ним обнаруживается второй, третий и так далее.

Зато секс, который для многих сопряжен с массой сложностей, оказался живительно простым. По крайней мере, для Бет и Гарри. Они очутились в одной постели на вторую ночь после его переезда в дом. Секс длился десять минут, сопровождался несколькими резкими вдохами и выдохами, у нее оргазма не случилось, а у него семяизвержение было вполне умеренным. После этого Гарри ушел спать в ее прежнюю комнату на втором этаже, а Бет растянулась на диване и легко заснула. Снились ей не любовные сцены, а деревянные фигуры на деревянной доске. На следующее утро они играли в шахматы за завтраком, и хитрые комбинации словно сами собой складывались под ее пальцами и разрастались по всей доске, прекрасные, как цветы. Она обыграла Гарри в четырех быстрых партиях, уступив ему во всех белые фигуры и почти не глядя на доску.

Потом Гарри мыл тарелки и рассказывал о Филидоре^[50], одном из своих кумиров. Филидор был французским музыкантом, который давал сеансы шахматной игры вслепую^[51] в Париже и в Лондоне.

– Я время от времени читаю о шахматистах прошлых веков, и знаешь, все они какие-то странные, – сказала Бет. – Думаю, то, чем они занимались, нельзя назвать настоящими шахматами.

– Не будь так категорична, – покачал головой Белтик. – Бент Ларсен^[52] играет защиту Филидора.

– Она какая-то судорожная. Там королевский слон попадает в ловушку.

– Она надежная, – возразил Гарри. – Но я хотел тебе рассказать про Филидора кое-что другое. Ему Дидро написал занятное письмо... Ты знаешь, кто такой Дидро?

– Кто-то связанный с Французской революцией.

– Вроде того. Филидор давал сеансы игры вслепую, и у него сорвало резьбу. Ну или что там у них срывало в восемнадцатом веке. После этого Дидро ему написал: «Какая глупость – подвергать себя риску лишиться рассудка из пустого тщеславия». Я вспоминаю об этом порой, когда анализирую какую-нибудь позицию и у меня в процессе искрят мозги. – Пару секунд он спокойно смотрел на Бет. – Прошлой ночью было неплохо.

Она догадывалась, что Гарри трудно говорить о таких вещах, и понимала, что для него это серьезное признание, поэтому испытала смешанные чувства.

– Колтановский [\[53\]](#) постоянно играет вслепую, – сказала Бет. – Но он же не сумасшедший.

– Верно. Зато с ума сошел Морфи. И Стейниц тоже. Морфи думал, все хотят украсть у него ботинки.

– Может, он считал, что это не ботинки, а шахматные слоны.

– Ага, – хмыкнул Белтик. – Давай играть в шахматы.

* * *

К концу третьей недели Бет дочитала четвертый выпуск советского «Шахматного бюллетеня» и большинство книг, привезенных Гарри. Однажды после его утренних занятий по инженерному делу они сели разбирать сложную шахматную позицию. Бет пыталась объяснить, почему ход конем в ней на самом деле сильнее, чем кажется.

– Смотри сюда, – сказала она и начала быстро переставлять фигуры. – Конь выводит из игры пешку. Если бы игрок этого не

сделал, его слон оказался бы заперт. А в результате такого хода под боем оказывается еще одна пешка. Оп! – Она убрала пешку с доски.

– А второй слон? Вот здесь.

– О, ради бога! Ты что не видишь? После хода пешкой и размена коней слон поставит шах.

Белтик вдруг замер и воззрился на нее:

– Нет, не вижу. Я бы не просчитал эти ходы с такой скоростью.

Бет встретила его взгляд.

– Наверняка просчитал бы, – спокойно сказала она.

– Ты слишком быстро соображаешь.

Бет видела, что он злится, но в глубине души ужасно расстроен, поэтому смягчилась:

– Я тоже иногда что-нибудь упускаю.

Он покачал головой:

– Нет. Теперь уже нет.

* * *

В субботу она предложила ему фору коня. Белтик пытался вести себя как обычно, но Бет чувствовала, что это предложение для него унижительно. Однако по-другому они играть уже не могли: даже так, с форой и преимуществом первого хода белых, она разгромила его в двух партиях и согласилась на ничью в третьей.

Той ночью он не пришел к ней в постель. И на следующую ночь тоже. Секс для нее значил очень мало, но казалось, что чего-то не хватает. Во вторую ночь она заснула с трудом и проснулась в два часа утра. Встала, добрела до холодильника и достала банку пива миссис Уитли. После этого села за шахматную доску и начала рассеянно переставлять фигуры, отпивая из банки. Разыграла несколько классических партий с ферзевым гамбитом – Алёхина и Ейтса, Тарраша и фон Шеве, Ласкера и Тарраша. Первую из них Бет запомнила наизусть много лет назад, когда листала книги в магазине

«Моррис»; две другие они с Белтиком разбирали вместе, когда он только появился в ее доме. В третьей партии был красивый пятнадцатый ход – пешка на четвертое поле ферзевой ладьи. Красивый и смертоносный. Бет оставила фигуры на доске в этом положении, любуясь, и пока любовалась, выпила две банки пива. Ночь стояла теплая, окно на кухне было открыто. Ночные бабочки бились в москитную сетку; где-то далеко лаяла собака. Бет сидела за столом в розовом цветастом халате миссис Уитли, пила пиво миссис Уитли и чувствовала легкость в душе и теле. Приятно было посидеть в одиночестве. В холодильнике нашлись еще три банки – она выпила все. Потом вернулась в постель и крепко проспала до девяти утра.

* * *

В понедельник за завтраком Гарри сказал:

– Слушай, я уже научил тебя всему, что знал.

Бет открыла было рот, но промолчала.

– Мне самому нужно учиться, – продолжал Гарри. – Я собираюсь стать инженером-электриком, а не шахматным бездельником.

– Ладно, – сказала Бет. – Ты и правда многому меня научил.

Они помолчали несколько минут. Бет доела яичницу и отнесла тарелку в раковину.

– Все-таки перееду на съемную квартиру. Ближе к университету.

– Ладно, – повторила она, не оборачиваясь.

Гарри уехал еще до полудня. Бет достала готовый обед из морозилки, но не включила плиту. Она осталась в доме одна, в животе затянулся узел, и непонятно было куда податься. Не было фильмов, которые ей хотелось бы посмотреть, не было людей, которым можно позвонить, и не было ни малейшего желания читать. Бет поднялась по лестнице на второй этаж, прошла по коридору к спальне миссис Уитли – одежда приемной матери по-прежнему

висела в шкафу, открытый пузырек с транквилизаторами стоял на тумбочке у разобранной постели. Напряжение в животе просто так не исчезнет. Миссис Уитли не стало, ее тело гниет на кладбище у окраины города, а Гарри Белтик сел в машину и уехал со своей шахматной доской и книжками. Когда он выходил из дома, даже не бросив «пока» на прощание, у нее на мгновение возникло желание закричать, чтобы он остался, но Бет молчала, пока он спускался по ступенькам крыльца и шагал к машине. Теперь она вошла в спальню, взяла с тумбочки пузырек, вытряхнула на ладонь три зеленые таблетки, подумала и добавила четвертую. Одиночество было непереносимо. Бет проглотила четыре таблетки без воды, как делала в детстве.

Ближе к вечеру она сходила в лавку «У Крогера» за стейком и большой запеченной картошкой. Прежде чем расплатиться, завернула в винный отдел и взяла полтора галлона бургундского. Ночью она смотрела телевизор и накачивалась вином. Заснула прямо в кресле, перед этим с трудом добравшись до телевизора, чтобы его выключить.

Посреди ночи Бет проснулась с ощущением, что комната вертится вокруг нее. Пришлось проблеваться. После этого она поднялась в спальню на второй этаж, легла в постель и обнаружила, что полностью протрезвела, ум ясен и сна ни в одном глазу. Были и другие ощущения – в животе жгло, затылок ломило от боли. Бет широко открытыми глазами уставилась в темноту, будто искала в ней свет, вытянула руку, нащупала на тумбочке пузырек с транквилизаторами и отсыпала себе еще таблеток. В конце концов ей удалось снова заснуть.

Утром она проснулась с сокрушительной головной болью и решимостью продолжить шахматную карьеру. Миссис Уитли была мертва. Гарри Белтик ушел. Через три недели начнется чемпионат США по шахматам, на который ее пригласили еще до поездки в Мексику, и если она собирается занять там первое место, ей придется сразиться с Бенни Уоттсом. Пока горячий кофе потихоньку

капал сквозь фильтр кофеварки на кухне, Бет вылила в раковину недопитое ночью бургундское, выбросила пустые бутылки и нашла две книги, которые заказала в «Моррисе» в тот день, когда пришло приглашение. Одна представляла собой сборник партий с последнего чемпионата США, другая называлась «Бенни Уоттс. Мои лучшие пятьдесят шахматных партий». На суперобложке крупным планом красовалось гекльберрифинновское лицо Бенни. Глядя на него сейчас, Бет поежилась от вернувшегося чувства поражения и вспомнила про свою дурацкую попытку сдвоить его пешки. Потом налила себе кофе и открыла книгу, стараясь не обращать внимания на похмелье.

К полудню она проанализировала шесть партий Уоттса и проголодалась. В двух кварталах была закусочная, из тех, где печенка с луком – главное блюдо в меню, а кассовые аппараты облеплены наклейками с рекламой сигарет и зажигалок. Бет взяла книгу с собой и успела изучить еще две партии, пока жевала гамбургер и картошку по-домашнему. Когда ей принесли лимонное пирожное с заварным кремом, оказавшимся слишком жирным и сладким, Бет вдруг остро затосковала по миссис Уитли и по французским десертам, которые они вместе заказывали в Цинциннати и Хьюстоне. Она отбросила эти мысли, заказала последнюю чашку кофе и довела до конца очередную партию Уоттса, которая развивалась в ее воображении: староиндийская защита, черный фианкеттированный слон смотрит из правового верхнего угла вниз, вдоль длинной диагонали, поджидая возможности ринуться в атаку. Черные заняты королевским флангом, тогда как белые после фианкеттирования слона сосредоточены на ферзевом. Все очень культурно. Бенни, игравший черными, победил изящно и ловко.

Бет оплатила чек и ушла. Весь остаток дня и до часа ночи она прокручивала в голове партии из книги и к тому времени, как закончила, знала о Бенни Уоттсе и о точности расчетов в шахматах гораздо больше, чем раньше. Она выпила две таблетки из

мексиканских запасов, легла в кровать и мгновенно заснула, а утром встала в девять тридцать легко и в хорошем настроении. Пока варились два яйца на завтрак, она выбрала себе новую книгу для утренних штудий: «Пол Морфи и Золотой век шахмат». Книга была старая, во многом потерявшая актуальность. На серых, плохо отпечатанных диаграммах сложно было отличить белые фигуры и пешки от черных. Но само имя Пола Морфи до сих пор вызывало в ней трепет, его личность завораживала – странный человек из Нью-Орлеана, сын судьи Верховного суда, получивший хорошее юридическое образование, в юные годы поразил мир своим выдвигавшимся шахматным дарованием, а потом вдруг отказался от шахмат навсегда, превратился в безмозглого параноика и рано умер. Разыгрывая белыми королевский гамбит, Морфи жертвовал коней и слонов без оглядки, а потом с головокружительной скоростью проводил атаку на черного короля. Подобных ему игроков ни до, ни после в истории шахмат не было. У Бет побежали мурашки по позвоночнику, стоило лишь открыть книгу и прочитать список партий: Морфи – Лёвенталь, Морфи – Гарвиц, Морфи – Андерсен, с датами из середины XIX века. Ночами напролет перед матчами в Париже он пил в кафе и болтал с незнакомцами, а на следующий день бросался в бой, как акула, как безупречно воспитанный, безупречно одетый, улыбающийся хищник; передвигал большие фигуры узкой и хрупкой, словно девичьей, рукой с голубыми венами, сокрушая одного европейского мастера за другим. Кто-то назвал его «гордостью и печалью шахмат». «Как было бы здорово, – думала Бет, – если бы Морфи и Капабланка жили в одно время и могли сыграть друг с другом!» Она принялась разбирать партию Морфи с неким шахматистом по фамилии Паульсен, состоявшуюся в 1857 году. Чемпионат США начнется через три недели. Пришло время, чтобы в нем победила женщина. Пришло ее время.

Глава 10

Когда Бет вошла в зал, на ближайшем столе там сидел какой-то худой парень в выцветших синих джинсах и такой же джинсовой рубашке. Светлые волосы у него доходили почти до плеч. И только когда парень встал и сказал: «Привет, Бет», – она поняла, что это Бенни Уоттс. На фотографии в «Шахматном обозрении», опубликованной несколько месяцев назад, волосы у него тоже были длинные, но не настолько. Он казался хрупким, бледным и очень спокойным. Впрочем, Бенни Уоттс спокойствия никогда не терял.

– Привет, – ответила Бет.

– Я читал о твоей игре с Борговым, – улыбнулся Бенни. – Наверно, было жутковато.

Бет взглянула на него с подозрением, но открытое симпатичное лицо выражало искреннее сочувствие, к тому же она давно не злилась на Бенни за то, что он ее обыграл. Вся ее ненависть обратилась против одного-единственного шахматиста, и он сейчас был в СССР.

– Я чувствовала себя идиоткой, – сказала Бет.

– Понимаю, – кивнул Бенни. – Совсем беспомощной. Как будто все идет без твоего участия и ты просто колотишь по дереву, как дятел.

Бет удивилась – шахматисты редко так легко рассказывают о своих проигрышах, не любят признаваться в слабости. Она открыла было рот, чтобы продолжить разговор, но раздался громкий голос директора турнира: «Игра начнется через пять минут». Бет кивнула Бенни, попыталась изобразить улыбку, но не смогла и пошла искать доску со своим номером.

Среди шахматистов, сидевших за столами, не было ни одного, с кем она не встречалась бы раньше в бальных залах отелей, где проводились турниры, или чьи лица не видела бы на снимках в «Шахматном обозрении». Она и сама была на обложке одного из выпусков этого журнала полгода назад, после того как Таунс

сфотографировал ее в Лас-Вегасе. Половина участников чемпионата, находившихся сейчас здесь, в студенческом кампусе скромного городка в штате Огайо, тоже появлялись на обложках в то или иное время. Фото ее соперника в первой партии чемпионата – мастера средних лет по имени Филип Рене – украшало собой свежий выпуск. Всего в зале сейчас сидели четырнадцать игроков, многие – гроссмейстеры. Бет была единственной женщиной.

Они играли в обычной студенческой аудитории с темно-зелеными классными досками на стенах в дальнем конце и флюоресцентными лампами под потолком. За вереницей высоких казенных окон в стене, выкрашенной голубой краской, виднелись кусты, деревья и лужайки кампуса. В одном конце зала стояло несколько рядов складных стульев, а в коридоре у дверей висело объявление о том, что входная плата для зрителей составляет четыре доллара за один сеанс шахматной игры. Во время первого тура посмотреть на игру собралось человек двадцать пять. Демонстрационные панели с изображением шахматной доски висели за каждым из семи столов, и два арбитра молча переходили от одной к другой между столами, передвигая картонные фигуры после ходов шахматистов. Стулья для зрителей стояли на невысоком деревянном помосте, что давало им возможность видеть не только панели, но и реальные шахматные доски на столах.

Все казалось каким-то второразрядным, даже сам колледж, в помещении которого проводился чемпионат. Здесь собрались сильнейшие шахматисты страны, а создавалось впечатление, что начинается школьный турнир для старшеклассников. Будь это чемпионат по гольфу или теннису, они с Бенни Уоттсом сейчас оказались бы в окружении репортеров, под вспышками фотоаппаратов, а не в этом флюоресцентном свете, и инвентарь для них нашелся бы попримачнее пластмассовых досок с дешевыми пластмассовыми фигурами, думала Бет, и публика была бы другая – не эта горстка скромных граждан среднего возраста, которым больше нечем заняться.

Филип Рене, похоже, относился к делу серьезно, а Бет вдруг захотелось все бросить и уйти. Но она не ушла. Когда соперник сделал ход пешкой на четвертое поле короля, она ответила пешкой ферзевого слона, начав сицилианскую защиту. Сейчас у нее полным ходом развивалась атака Россолимо – Нимцовича, и на одиннадцатом ходу установилось равновесие сил благодаря позиции пешки на третьем поле ферзя. Этот ход пешкой, который она освоила с Белтиком, сработал именно так, как тот и говорил.

К четырнадцатому ходу она вынудила Рене начать отступление, а на двадцатом стало ясно, что для него все кончено. Он сдался на двадцать шестом. Бет огляделась – другие партии еще были в самом разгаре, и ее отношение к происходящему немного улучшилось. Неплохо все-таки стать чемпионкой США. Если удастся победить Бенни Уоттса.

* * *

Бет поселили в отдельной маленькой комнате студенческого общежития; санузел находился дальше по коридору. Меблировка была скудная, зато никаких следов прежних жильцов не наблюдалось, и Бет была этим довольна. В первые несколько дней она завтракала, обедала и ужинала одна в кафетерии, а вечера проводила, изучая шахматы у себя в комнате за столом или в постели. Она привезла с собой целый чемодан книг и аккуратно выставила их в ряд на краю письменного стола. Еще прихватила транквилизаторы – на всякий случай, – но в первую неделю даже не открывала пузырек. На турнире Бет играла одну партию в день, и пока все шло гладко. Хотя некоторые игры затягивались порой на три, а то и на четыре часа и приятного в них было мало, она еще ни разу не оказывалась близка к поражению. Бет чувствовала себя серьезной, профессиональной, основательной.

Бенни Уоттс тоже делал успехи. Записи партий, сыгранных за день, организаторы каждый вечер тиражировали на копировальном аппарате в библиотеке колледжа, а копии раздавали шахматистам и зрителям. Бет изучала их на ночь и по утрам, некоторые воспроизводила на доске, но большинство прокручивала в уме. Партии Бенни ей всегда трудно было удержать перед мысленным взором, и, чтобы как следует проанализировать его приемы, она расставляла реальные, а не воображаемые фигуры. Чемпионат проводился по круговой системе – все участники должны были по одному разу сыграть друг с другом, – и Бет предстояло встретиться с Бенни в одиннадцатом туре.

Поскольку всего туров было тринадцать, а чемпионат длился две недели, один день выделили как выходной – первое воскресенье. В то утро Бет проснулась поздно, долго простояла под душем, потом пошла прогуляться по кампусу. Вокруг было тихо, тянулись аккуратно подстриженные лужайки, грелись под солнцем вязы и цветы – в общем, было обычное безмятежное утро на Среднем Западе, и ей не хватало энергичной суеты чемпионата. Она спонтанно решила съездить в ближний городок – там, как ей говорили, есть десяток приличных мест, где можно выпить пива, – но передумала. Сказала себе, что больше нельзя разбазаривать клетки мозга, которые разрушает алкоголь. Посмотрела на часы – было всего одиннадцать – и направилась к зданию, где находились комнаты отдыха для студентов, зал собраний и кафетерий. Надо было выпить кофе.

На первом этаже там оказался уютный салон, обшитый деревянными панелями. Когда Бет вошла, в дальнем его конце, на диванчике, обтянутом бежевым вельветом, сидел Бенни Уоттс, на столике перед ним была разложена шахматная доска и стояли часы с двумя циферблатами. Рядом переминались с ноги на ногу два шахматиста, и Бенни с улыбкой объяснял им что-то насчет партии, которую показывал на доске.

Бет начала спускаться по лестнице в кафетерий, но Бенни ее окликнул:

– Эй, иди к нам!

Она поколебалась, затем все-таки подошла. Двух других шахматистов она узнала сразу – одного из них ей удалось разгромить два дня назад в партии с ферзевым гамбитом.

– Взгляни-ка на это, Бет, – сказал Бенни, указав на доску. – Ход белых. Что бы ты сделала?

Бет взглянула.

– Защита Руи Лопеса?

– Верно.

Она чувствовала раздражение – ей хотелось кофе, а положение на доске было деликатное и требовало сосредоточиться. Остальные шахматисты молчали. В конце концов она поняла, что нужно сделать, и, молча наклонившись, перенесла коня с третьего поля короля на пятое поле ферзя.

– Видали? – подмигнул Бенни двоим шахматистам и засмеялся. – А я что говорил?

– Вероятно, вы правы, – кивнул ему один из них.

– Я знаю, что прав. И Бет думает так же, как я. Ход пешкой был бы слишком слабым.

– Пешки тут могли бы пригодиться только в случае хода слоном, – сказала Бет, которая теперь чувствовала себя лучше.

– Вот именно! – воскликнул Бенни. На нем были джинсы и белая рубашка свободного кроя навыпуск. – Как насчет быстрых шахмат, Бет?

– Вообще-то я пришла выпить кофе.

– Барнс принесет тебе кофе. Сбегаешь, Барнс?

Упитанный молодой человек добродушного вида – гроссмейстер – покорно кивнул.

– Вам с сахаром и сливками? – спросил он.

– Да, – сказала Бет.

Бенни достал из кармана джинсов долларовую банкноту и протянул ее Барнсу:

– Прихвати мне апельсиновый сок. Только не в пластиковом стакане – возьми стеклянный, для молока. – Он пододвинул шахматные часы поближе к доске, зажал в кулаках две пешки, и в том, по которому хлопнула рукой Бет, оказалась белая. Когда они расставили фигуры на начальные позиции, Бенни предложил: – Сделаем ставки?

– Ставки?

– Можем поставить на кон по пять долларов в каждой партии.

– Я еще кофе не выпила.

– А вон он.

По салону торопливо шагал Барнс со стаканом апельсинового сока и белой стирофомовой чашкой.

– Ладно, – сказала Бет. – Пять долларов.

– Пей свой кофе, а потом я запущу время.

Бет взяла чашку у Барнса, сделала большой глоток, поставила ее, полупустую, на стол и кивнула Бенни:

– Начинаем.

Чувствовала она себя отлично. Весеннее утро за окнами – это, конечно, хорошо, но сидя в душном помещении она занималась любимым делом.

Бенни поставил ей мат за три минуты своего времени. Она играла достойно, но Бенни играл блистательно, каждый раз реагировал почти мгновенно, угадывая, что она задумала дальше. Бет вытащила из бумажника пятидолларовую банкноту, отдала ему и снова расставила фигуры на начальные позиции, на этот раз взяв себе черные. За их игрой наблюдали уже четверо шахматистов.

Она попробовала применить сицилианскую защиту в ответ на его ход пешкой на четвертое поле короля, но Бенни разрушил ее планы гамбитом с жертвой пешки и вовлек в неправильное начало. Он действовал с невероятной скоростью. Бет создала ему проблему в виде сдвоенных пешек на открытой вертикали в миттельшпиле, но он не обратил на это внимания и атаковал центр, раскрыв позицию своего короля и позволив ей два раза объявить шах ладьями. А

когда она попыталась ввести в игру коня, чтобы поставить мат, Бенни снова проигнорировал угрозу, добрался до черного ферзя, затем и до короля, загнав его в итоге в матовую сеть. Бет сдалась до объявления мата. Она протянула ему десятидолларовую банкноту, и Бенни вернул ей пятерку. В кармане у Бет было шестьдесят долларов, и еще деньги лежали в комнате в общежитии.

К полудню вокруг их шахматной доски собралось уже человек сорок. Здесь были большинство участников турнира, несколько постоянных зрителей, присутствовавших на всех играх чемпионата, а также студенты колледжа и группа взрослых людей – по-видимому, преподаватели. Бет и Бенни продолжали играть, уже не обмениваясь репликами между партиями. Бет победила в третьей – красиво спасла короля фактически в проигрышном положении прямо перед тем, как упал флажок на ее циферблате, – но уступила следующие четыре и согласилась на ничью в пятой. Порой на доске возникали сложнейшие позиции, от которых захватывало дух, но времени на то, чтобы их проанализировать, не было. Игра в молниеносные шахматы была захватывающей, но приносила одно разочарование за другим – никогда в жизни Бет не терпела столько поражений подряд, и хотя это были поражения в пятиминутных блицах, не более того, она чувствовала себя униженной. Раньше подобное чувство было ей незнакомо. Она играла превосходно, вела каждую партию уверенно и точно, безошибочно отвечала на все угрозы и параллельно разворачивала мощное нападение, но все это было бесполезно. Бенни как будто обладал тайным знанием, недоступным ее пониманию, и он выигрывал одну партию за другой. Бет чувствовала беспомощность и нарастающий гнев.

Наконец она отдала ему последнюю пятерку – это было в половине шестого вечера. У края шахматной доски выстроился целый ряд стирофомовых чашек. Когда Бет встала из-за стола, зрители дружно захлопали, и Бенни пожал ей руку. Бет хотелось его ударить, но она даже не произнесла ни слова. В толпе, набившейся в салон, все еще раздавались редкие аплодисменты.

По пути к выходу Бет остановил шахматист, которого она обыграла в первую неделю, – Филип Рене.

– Я бы на вашем месте не переживал, – сказал он. – Бенни играет в быстрые шахматы, как никто другой. И по сути, это ерунда.

Бет коротко кивнула и поблагодарила его. Шагая прочь под вечерним солнцем, она чувствовала себя круглой душой.

Остаток вечера провела в своей комнате и на ночь выпила транквилизатор. Четыре таблетки. Утром проснулась отдохнувшей, но чувствовать себя идиоткой не перестала. Миссис Уитли однажды сказала, что ей все вокруг кажется кривым – примерно с таким ощущением Бет и открыла глаза после глубокого морока, куда ее опрокинули зеленые пилюли. Впрочем, хотя бы унижение прошло – вчерашний разгром, устроенный ей Бенни, больше не тревожил. Бет достала пузырек с транквилизаторами из ящика тумбочки и покрепче завинтила крышку. До конца турнира – никаких таблеток. Она подумала о партии, которую ей предстояло сыграть в четверг с Бенни, тотчас занервничала, но все-таки положила пузырек обратно в ящик и начала одеваться. Позавтракала очень рано и выпила три чашки крепкого кофе, затем в бодром темпе прошла по дорожкам кампуса, на ходу прокручивая в голове шахматную партию из сборника Бенни Уоттса. «Он великолепен, – сказала себе Бет, – но не совершенен. Его можно победить». И в любом случае, до игры с Бенни у нее оставалось еще три дня.

Туры начинались в час и продолжались до четырех-пяти вечера. Отложенные партии доигрывались в тот же вечер или утром следующего дня. К полудню в голове у Бет прояснилось, и, садясь за шахматную доску напротив высокого молчаливого калифорнийца в футболке с надписью «Черная сила»^[54], она была готова к игре. Ее соперник носил прическу в стиле «афро», но сам был белым, как и все шахматисты на этом чемпионате. На предложенное им английское начало Бет ответила двумя конями, разыграв дебют четырех коней, и решила, против своего обыкновения, разменами фигур завлечь его в эндшпиль. Все прошло отлично, Бет ловко

управлялась с пешками, получая от этого удовольствие. Одна ее пешка была на шестой, другая на седьмой горизонтали, когда калифорниец сдался. Победа далась ей проще, чем она ожидала, – работа над эндшпилями с Гарри Белтиком принесла свои плоды.

Тем же вечером за ее столик в кафетерии, когда она доедала десерт, подсел Бенни Уоттс.

– Бет, – сказал он, – похоже, чемпионом станет кто-то из нас двоих.

Она взглянула на него, оторвавшись от рисового пудинга:

– Пытаешься оказать на меня психологическое давление?

Он рассмеялся:

– Нет, я и так тебя обыграю.

Бет молча вернулась к пудингу.

– Слушай, – продолжил Бенни, – прости за вчерашнее. Я вовсе не хотел тебя обидеть.

– Да ну? – Бет отпила кофе.

– Мне просто нужно было выплеснуть энергию.

– И заработать денег, – кивнула Бет, хотя понимала, что дело не в этом.

– Ты здесь лучшая. Я читал твои партии. Ты ведешь атаку, как Алёхин.

– Вчера ты все мои атаки отбил одной левой.

– Это не в счет. У меня больше опыта в быстрых шахматах, чем у тебя. Я много играл в Нью-Йорке.

– Ты победил меня в Лас-Вегасе.

– Это было давно. И ты тогда слишком увлеклась, сдваивая мои пешки. Сейчас я бы ту партию уже не выиграл.

Потом Бет в молчании потягивала кофе, пока Бенни ужинал и пил молоко, а когда он закончил, спросила:

– Ты играешь в шахматы в уме, когда остаешься один? Ну, то есть прокручиваешь партии в голове постоянно?

Бенни улыбнулся:

– А что, разве не все так делают?

* * *

Тем вечером Бет позволила себе посмотреть телевизор в салоне студенческого здания для собраний. Бенни там не было, хотя пришли несколько других участников чемпионата. Вернувшись позже в свою комнату, Бет вдруг почувствовала себя одинокой – она впервые приехала на соревнования без миссис Уитли и теперь скучала по ней. Заняла себя, как всегда, шахматами – взяла из длинного ряда книг на столе руководство по эндшпилям и принялась его изучать. Бенни все-таки неплохой парень – очень мило было с его стороны поговорить с ней в таком духе. И она уже привыкла к его прическе – теперь ей даже нравились эти длинные волосы. Нет, серьезно – волосы у него были прекрасные.

Бет выиграла очередные партии во вторник и в среду. В среду, когда она вставала из-за стола, Бенни и его соперник еще не закончили, и Бет подошла к ним. Одного взгляда на доску хватило, чтобы понять – положение у Бенни выигрышное. Он поднял взгляд и улыбнулся ей, а потом одними губами произнес: «Завтра».

На окраине кампуса была детская площадка. Вечером, в лунном свете, Бет отправилась туда и села на качели. На самом деле ей отчаянно хотелось выпить, но об этом и речи быть не могло. Бутылка красного вина и маленький кусочек сыра, а потом пара зеленых таблеток – и на боковую. Было бы идеально, но Бет себе в этом отказала. Завтра утром ей нужна ясная голова и полная готовность к игре с Бенни Уоттсом, которая начнется в час. Наверное, все-таки можно принять на ночь одну таблетку. Или две. Надо принять две. Она качнулась несколько раз туда-обратно, слушая скрип цепей, на которых висели качели, потом встала и решительно зашагала к общежитию. Перед тем как лечь в постель, выпила две таблетки, но заснуть удалось только через час.

* * *

Что-то в почтительном отношении арбитров и в том, как на нее смотрели другие участники чемпионата, подсказывало: все внимание заинтересованных лиц сосредоточено именно на этой партии. Они с Бенни оказались единственными игроками, на чьем счету пока не было не только поражений, но и ни единой ничьей. Круговая система чемпионата не предполагала наличия топовых досок, поэтому играли они за третьим столом в ряду, начинавшемся от двери аудитории. Однако всеобщий интерес был сфокусирован именно на их доске, и зрители – к тем, кто уже занял стулья, присоединились еще десяток человек, стоявшие в проходе, – сразу примолкли, как только Бет села за стол. Бенни пришел через минуту после нее – по аудитории, пока он усаживался напротив соперницы, пробежал шепоток. Бет окинула взглядом толпу, и мысль, внезапно мелькнувшая в голове, придала ей уверенности: они с Бенни действительно два лучших шахматиста Америки.

Бенни Уоттс был в выцветшей джинсовой рубашке с закатанными, как у работяги, рукавами; на шее у него висел серебряный медальон. Сегодня он не улыбался и выглядел намного старше своих двадцати четырех лет. Покосился на толпу, едва заметно кивнул Бет и перевел взгляд на доску; арбитр тем временем дал сигнал к началу игры. Бенни играл белыми – Бет запустила его часы.

Он пошел пешкой на четвертое поле короля, и она без колебаний ответила пешкой на четвертое поле ферзевого слона, начав сицилианскую защиту. Он развил королевского слона – она поставила пешку на третье поле короля. Не было смысла использовать против Бенни какие-то замысловатые дебюты. В дебютах он разбирался гораздо лучше ее. Время загонять его в угол придет в миттельшпиле, если ей удастся провести нападение раньше, чем это сделает он. Но сначала нужно было добиться равновесия сил.

Бет охватило чувство, до этого посетившее ее всего один раз – на турнире в Мехико, во время партии с Борговым. Теперь она снова ощутила себя ребенком, который пытается перехитрить взрослого.

Делая второй ход, Бет взглянула на Бенни, увидела, насколько серьезное у него выражение лица, и ей показалось, что она не готова к этой игре. Но в то же время Бет знала, что это неправда, знала, что в Мехико она разгромила целую шеренгу заслуженных профессионалов, прежде чем проявила слабость в финале с Борговым. Она помнила, что на том турнире решительно ставила мат одному гроссмейстеру за другим, что даже в детстве, в свои восемь лет, играя с уборщиком в приюте «Метуэн-Хоум», действовала с уверенностью и мощью, которая уже тогда была примечательной, уже тогда профессиональной. И все же теперь, вопреки всякой логике, Бет чувствовала себя неопытной.

Бенни взял на размышление несколько минут – и сделал неожиданный ход. Вместо того чтобы вывести с начальной позиции ферзевую пешку, он пошел пешкой ферзевого слона на четвертое поле. Теперь эта пешка, беззащитная, стояла напротив такой же пешки Бет, а она смотрела на нее целую минуту, пытаясь разгадать, что замышляет Бенни. Возможно, он собирается применить систему Мароци, но в необычном порядке. Это было что-то новенькое – не исключено, что Бенни придумал такой поворот специально для партии с ней. Бет стало не по себе – она изучила весь сборник партий Бенни Уоттса, но не подготовила ничего особенного для встречи с ним за шахматной доской и приступила к игре, как обычно, полагаясь на интуицию и свои навыки в нападении.

А потом она вдруг поняла, что в этом ходе соперника нет угрозы – ничего такого, с чем она не сумеет справиться, его ход не предвещает. До нее стало доходить, что ей вовсе не обязательно участвовать в том, что затевает Бенни. Ведь можно отклонить приглашение. Если сейчас пойти конем на третье поле ферзевого слона, ход Бенни, скорее всего, окажется бесцельным. Должно быть, он просто закинул удочку с наживкой, желая получить мгновенное преимущество – как в быстрых шахматах. Бет вывела коня с начальной позиции. «К чертям собачьим!» – сказала бы Альма Уитли.

Бенни пошел пешкой на четвертое поле ферзя. Бет взяла его пешку, и он отыгрался конем. Бет вывела второго коня и ждала, что он сделает то же самое – тогда ей удастся сначала связать его фигуру, потом сбить и получить сдвоенные пешки. Тот ход пешкой ферзевого слона дорого ему обойдется – она получит пусть небольшое, но крепкое преимущество.

Однако Бенни не стал развивать своего коня. Он просто сбил ее коня. Видимо, ему не нужны были сдвоенные пешки. Бет помедлила, прежде чем отыграть фигуру. Поразительно, но Бенни уже занял оборонительную позицию. Всего несколько минут назад она чувствовала себя новичком, а он попытался ее запутать на третьем ходу и теперь сам попал в сложное положение.

Взять его коня своей коневой пешкой с продвижением к центру казалось очевидным ходом. Если вместо коневой использовать ферзевую пешку, Бенни сможет разменять ферзей. Это лишит ее не только самой сильной фигуры, которую она любила бросать в быструю атаку, но и возможности рокировки. Бет протянула было руку к коневой пешке, чтобы взять коня соперника, но остановилась. Идея открыть вертикаль ферзя, при всей ее смелости, вдруг показалась привлекательной, и она принялась обдумывать эту возможность. Постепенно смелый ход начинал обретать смысл. При размене ферзей на такой ранней стадии рокировка будет не важна. Она сможет увести короля, как это делается в эндшпилях. Бет снова взглянула на Бенни и заметила, что он озадачен – не понимал, почему она тянет с простым решением отыграть коня. Неожиданно соперник показался ей не таким уж значительным. «К чертям собачьим!» – снова подумала она и взяла его коня ферзевой пешкой, открыв своего ферзя.

Бенни не колебался – он сбил ее ферзя своим и энергично хлопнул по кнопке часов. Даже не произнес слово «шах». Бет взяла его ферзя королем, а Бенни сделал ход пешкой второго слона, защищая свою королевскую пешку. Это был обычный оборонительный ход, но Бет возликовала. Потеряв ферзя на ранней

стадии игры, она чувствовала себя голой, однако при этом начинала обретать уверенность в своих силах. Перехватить инициативу ей уже удалось – она это знала. Бет выдвинула пешку на четвертое поле короля. При таком положении на доске ход был нетривиальный и надежный – это согревало душу, – он открывал диагональ для ее ферзевого слона и вынуждал белую королевскую пешку тоже пойти на четвертую горизонталь. Бет оторвала взгляд от доски и осмотрелась. Партии за другими столами были в самом разгаре; примолкнувшие зрители внимательно наблюдали. Людей, стоявших в проходах, прибавилось, и они столпились в том месте, откуда было видно доску, за которой она играла с Бенни. Арбитр тем временем подошел к панели с изображением доски возле их стола и переместил картонную пешку на четвертое поле короля. Зрители принялись это обдумывать. Бет посмотрела в другой конец аудитории, за окно. День был чудесный, молодая листва зеленела на ветках под безукоризненно голубым небом. Бет чувствовала себя умиротворенной, свободной, открытой миру. Она одержит победу над Бенни. Разнесет его вдребезги.

Продолжение партии, пришедшее ей в голову на девятнадцатом ходу, было изысканным и дивно прекрасным. Следующие полдюжины ходов представились Бет так отчетливо, будто их спроецировали на экран, висящий прямо перед ней: ее ладья, слон и конь исполняли замысловатый танец на королевском фланге соперника. В этих ходах не было шаха и мата, они не приносили даже материального преимущества. Когда на двадцать пятом ходу ее конь встал на пятое поле ферзя и Бенни вынужден был ответить бесполезным перемещением пешки, поскольку ничего не мог сделать в свою защиту, она разменяла ладью и коня на ладью и коня, а затем вывела своего короля на третье поле ферзя. Поскольку количество фигур и пешек у них было равное, оставалось только пересчитать оставшиеся ходы. Чтобы довести пешку до восьмой горизонтали и превратить ее в ферзя, Бенни требовалось двенадцать ходов. Бет могла сделать это за десять.

Через несколько ходов Бенни вывел своего короля в безнадёжной попытке сбить ее пешки прежде, чем она собьет его, но даже само движение руки, когда он перемещал фигуру, было вялым. А после того как Бет сбила его пешку ферзевого слона, он опрокинул черного короля на бок. Последовала тишина, а затем негромкие аплодисменты. Бет победила за тридцать ходов.

Когда они выходили из зала, Бенни сказал ей:

- Я не ожидал, что ты позволишь мне разменять ферзей.
- Я тоже этого не ожидала, – отозвалась Бет.

Глава 11

После церемонии награждения в субботу вечером Бенни повез ее в город отпраздновать победу в баре. Они выбрали столик в глубине, Бет быстро расправилась с первым бокалом пива и сразу заказала второй. На вкус оно оказалось восхитительным.

– Эй, полегче, – сказал Бенни. – Держи себя в руках. – Сам он еще не допил первую порцию.

– И то верно, – кивнула Бет и стала делать глотки поменьше. Настроение у нее и так было отличное. Ни одного поражения за весь чемпионат. Ни одной ничьей. Два последних соперника предлагали ей ничью в миттельшпилях, но она отказалась.

– Отличный результат, – похвалил Бенни.

– Вполне. – Бет имела в виду свою победу, но и пиво тоже было вполне. Она взглянула на Бенни повнимательнее. – Я рада, что ты так отнесся к поражению.

– Это маска, – пожал плечами Бенни. – Под ней я в бешенстве.

– Незаметно.

– Не надо было мне делать ход той растреклятой слоновой пешкой.

Они немного помолчали. Бенни задумчиво отпил пива и спросил:

– Что ты собираешься делать с Борговым?

– Когда поеду в Париж? У меня даже паспорта еще нет.

– Когда ты поедешь в Москву.

– Не поняла...

– В Кентукки что, почта не работает?

– Работает, конечно.

– Победитель чемпионата США по шахматам получает приглашение на турнир в Москву.

– Мне нужно еще пива, – сказала Бет.

– Так ты не знала? – Бенни смотрел на нее с изумлением.

– Ладно, сама за пивом схожу.

– Давай.

Она подошла к барной стойке и заказала пиво. О московском турнире, в котором шахматисты участвовали по приглашениям, она слышала, но ничего толком не знала. Бармен налил ей пива, и Бет сразу попросила второй бокал.

Когда она вернулась к столику, Бенни присвистнул:

– Не многовато?

– Может, и многовато. – Она подождала, пока осядет пена, и сделала глоток. – А как я доберусь до Москвы, если решу поехать?

– Когда я туда ездил, Шахматная федерация оплатила мне билеты, а обо всем остальном позаботилась одна религиозная организация.

– У тебя был ассистент?

– Барнс.

– Барнс? – удивилась Бет.

– В одиночестве мне в СССР пришлось бы тяжело. – Бенни нахмурился: – Не надо бы тебе так пиво хлестать, а то вырубись в девять ноль-ноль.

Бет поставила бокал на стол.

– Кто еще приглашен на турнир в Москву? – спросила она.

– Представители четырех стран и четыре сильнейших советских шахматиста.

Это означало, что там будут Лученко и Боргов. Возможно, Шапкин. Бет не хотелось думать о турнире, она исподтишка рассматривала Бенни.

– Бенни, мне нравятся твои волосы.

Он на мгновение уставился на нее.

– Не сомневаюсь. Так что насчет СССР?

Бет сделала еще глоток пива. Ей действительно нравились волосы Бенни и его голубые глаза. Раньше она о нем не думала в сексуальном плане, но сейчас эта мысль вдруг появилась.

– Четыре советских шахматиста – это до фига советских шахматистов, – сказала она.

– До фи́га и больше. – Бенни наконец допил свое пиво – первый и единственный бокал. – Бет, – сказал он, – ты в Америке единственная, кто может победить в Москве.

– В Мехико Боргов порвал меня в клочья.

– Когда ты едешь в Париж?

– Через пять недель.

– Тогда тебе нужно все свое время посвятить этому событию и готовиться. Тренироваться.

– А ты что будешь делать?

Он на мгновение задумался и вдруг спросил:

– Можешь переехать ко мне в Нью-Йорк?

– Не знаю.

– Будешь ночевать у меня в гостиной и прямо из Нью-Йорка полетишь в Париж.

Предложение застало Бет врасплох.

– У меня дом в Кентукки...

– Да к черту этот дом.

– Я не готова...

– А когда будешь готова? Через год? Через десять лет?

– Не знаю.

Бенни наклонился к ней, опершись на стол, и веско произнес:

– Если ты не сделаешь этого сейчас, попросту пропьешь свой талант. Он уйдет в песок.

– Боргов выставил меня круглой дурой.

– *Тогда ты не была готова.*

– Я не знаю, насколько готова сейчас.

– Зато я знаю. Ты лучшая.

Бет сделала глубокий вдох:

– Ладно. Я приеду в Нью-Йорк.

– Можем поехать вместе прямо отсюда. Я на машине.

– Когда? – Все происходило так быстро, что Бет была слегка напугана.

– Завтра после обеда, когда здесь все закончится. Уедем, как только сможем. – Бенни встал из-за стола. – А насчет секса... – Бет вскинула на него глаза. – Забудь об этом, – сказал он.

* * *

– Весна будет – высший класс, – говорил Бенни. – Выше не бывает.

– Откуда ты знаешь? – спросила Бет.

Они ехали по серой асфальтированной полосе Главной магистрали Пенсильвании, вдоль укатанной песчаной дороги с одноквартирными домиками и пыльными легковушками.

– В воздухе разлито, где-то над горами. Это даже в Нью-Йорке чувствуется.

– В Огайо было хорошо, – сказала Бет, но весь этот разговор ей не нравился. Погода ее не занимала. Она так и не позаботилась о доме в Лексингтоне, не связалась с нотариусом по телефону и не знала, что ждет ее в Нью-Йорке. Неуверенность усиливалась от того, что, пока она нервничала, Бенни вел себя беспечно, и совсем уж тревожно ей становилось, когда на его лице вдруг появлялось безмятежно-бессмысленное выражение. С таким выражением лица он присутствовал на церемонии награждения, пока Бет отвечала на вопросы репортеров, раздавала автографы, благодарила организаторов чемпионата и представителей Шахматной федерации США, специально приехавших из Нью-Йорка, чтобы рассказать о важном значении шахмат. Сейчас его лицо тоже было безмятежно-бессмысленным. Бет перевела взгляд на дорогу.

Спустя какое-то время Бенни сказал:

– Когда поедешь в СССР, возьми меня с собой.

Просьба была неожиданной. С тех пор как сели в машину, они еще не заговаривали ни о шахматах, ни о московском турнире.

– В качестве ассистента? – спросила Бет.

– Вроде того. Сам я не смогу оплатить расходы.

– Ты хочешь, чтобы я оплатила?

– Это мы как-нибудь уладим. Пока ты давала интервью журналу, я поговорил с Йохансеном. Он сказал, Шахматная федерация больше не будет выделять деньги на поездки для ассистентов.

– Я пока думала только о Париже, – сказала Бет. – Насчет Москвы еще не решила.

– Ты поедешь.

– Я даже не знаю, сколько времени пробуду с тобой. И мне нужен паспорт.

– В Нью-Йорке оформим.

Бет хотела еще что-то сказать, но промолчала, глядя на Бенни. Сейчас, когда бессмысленное выражение исчезло с его лица, у нее снова проснулась симпатия к нему. За свою жизнь она переспала с двумя мужчинами и не сказала бы, что «занималась с ними любовью». Возможно, с Бенни все будет иначе, если они окажутся в постели. Ей захотелось проверить. До его квартиры они доберутся к полуночи, и может быть, тогда между ними что-нибудь произойдет. Может быть, у себя дома Бенни изменит мнение.

– Давай сыграем в шахматы, – предложил он. – Чур я белыми. Пешка на четвертое поле короля.

Бет пожала плечами:

– Пешка на четвертое поле ферзевого слона.

– Конь на третье поле королевского слона.

– Пешка на третье поле ферзя. – Бет не знала, как относиться к этой игре. Она никого еще не допускала к своей воображаемой шахматной доске и теперь, подставив ее под ходы Бенни, чувствовала, что совершает насилие над собой.

– Пешка на четвертое поле ферзя, – сказал Бенни.

– Пешка бьет пешку.

– Конь бьет пешку.

– Конь на третье поле королевского слона.

На самом деле все оказалось очень просто – Бет смотрела на дорогу сквозь лобовое стекло, одновременно видела в уме воображаемую доску с фигурами на ней и без труда воспроизводила ходы.

– Конь на третье поле ферзевого слона, – продолжал Бенни.

– Пешка на третье поле королевского коня.

– Пешка на четвертое поле слона.

– Пешка на четвертое поле слона.

– Вариант Левенфиша, – сухо констатировал Бенни. – Терпеть его не могу.

– Ходи конем, – подсказала Бет.

– Не указывай мне, как ходить. – Его голос внезапно сделался ледяным, и Бет невольно отпрянула, словно ее укололи.

Несколько минут они ехали в молчании. Девушка смотрела на серый стальной барьер, отделявший их сторону магистрали от встречных полос. Когда машина вкатилась в туннель, Бенни сказал:

– Ты права насчет коня. На третье поле слона. Ставлю его туда.

Она помедлила с ответом, затем кивнула:

– Ладно. Беру коня.

– Пешка бьет фигуру.

– Пешка на пятое поле короля.

– Пешка опять бьет. Знаешь, что об этом говорил Шарц в примечании?

– Я не читаю примечания.

– Пора бы уже начать.

– Мне не нравится Шарц, – сказала Бет.

– Мне тоже, – отозвался Бенни. – Но я его читаю. Ты ходишь или нет?

– Ферзь бьет ферзя. Шах. – Она сама услышала злость в собственном голосе.

– Король бьет ферзя. – В голосе Бенни ледяные нотки уже не появлялись, он немного расслабился.

За окнами опять потянулись пейзажи Пенсильвании. Бет заставила его сдать на двадцать седьмом ходу, и настроение у нее повысилось. Она всегда любила сицилианскую защиту.

* * *

В подъезде дома Бенни валялись пластиковые пакеты с мусором, под потолком болталась грязная голая лампочка. Холл был облицован белой плиткой и производил такое же депрессивное впечатление, как какой-нибудь сортир возле автобусной остановки посреди ночи. В двери его квартиры красовались три замка. Сама дверь была выкрашена красным, и на ней смутно читалось что-то похожее на «Безбо», нанесенное черной краской из баллончика.

За дверью была тесная гостиная, загроможденная стопками книг, наваленными повсюду. Зато когда Бенни включил люстру, свет оказался приятным и стало поуютнее. В дальнем конце комнаты находился кухонный уголок, а рядом – дверь в спальню. На полу лежал травяной коврик; ни дивана, ни стульев не наблюдалось – только черные подушки с торшерами возле них.

Ванная была оформлена в старомодном стиле – черно-белая плитка на стенах и полу. Вентиль для горячей воды на кране оказался сломан. За черной пластиковой шторкой была ванная с душевой стойкой. Бет вымыла руки, ополоснула лицо и вернулась в гостиную. Бенни распаковывал свои пожитки в спальне; чемодан Бет по-прежнему стоял на полу в гостиной рядом с книжным шкафом. Бет приблизилась к шкафу, устало обвела взглядом корешки – все без исключения книги на всех пяти полках были посвящены шахматам. Некоторые – на русском и на немецком, но тоже о шахматах. Бет прошла по коврику к другой стене, у которой стоял еще один книжный шкаф – этот был сделан из досок, положенных на кирпичи, и в нем тоже хранились книги о шахматах. Целую полку

занимал советский «Шахматный бюллетень» – от свежих номеров до выпусков пятидесятих годов.

– Тут в гардеробе есть место! – крикнул Бенни из спальни. – Можешь повесить свою одежду, если хочешь.

– Ладно, – сказала Бет.

В пути, когда они еще мчались по Главной магистрали Пенсильвании, она думала, что в квартире у нее будет шанс заняться любовью с Бенни, сейчас же ей хотелось только спать. Вопрос был в том, где бы прилечь.

– Я думала, буду спать на диване, – вслух сказала Бет.

Бенни выглянул из дверного проема:

– Я говорил, ты будешь спать в гостиной. – Он исчез и снова появился с огромным свертком и чем-то похожим на насос, сверток раскатал на полу, воткнул в него шланг от насоса и начал ногой накачивать воздух. То, что казалось куском полотна, стало обретать очертания надувного матраса.

– Сейчас принесу простыню, – сказал Бенни и сходил в спальню за стопкой постельного белья.

– Я сама застелю. – Бет отобрала у него тряпки. Ей не понравилось, как выглядел матрас, но у нее с собой были зеленые таблетки. Можно выпить их, когда Бенни заснет, если, конечно, они понадобятся. Спиртного в этой квартире не было – Бенни об этом не говорил, но Бет и так догадывалась.

Должно быть, она заснула раньше Бенни, а пузырек с транквилизаторами так и остался в чемодане. Утром ее разбудил вой сирены – под окном ревели то ли «Скорая помощь», то ли пожарная машина. Бет села, полусонная, в постели, попыталась свесить ноги – не вышло, – и она вспомнила, что спала на матрасе. Встала кое-как, в пижаме, и огляделась. Бенни стоял у кухонной раковины спиной к ней. Она знала, где находится, но сейчас, при утреннем свете, гостиная выглядела по-другому. Сирена затихла, и теперь слышен был обычный шум нью-йоркского дорожного движения. На окне одна штора была отдернута, и прямо за ним, так же близко, как

Бенни, Бет видела угол огромного кузова грузовика. Позади него пробирались по перегороженной дороге такси. Где-то безостановочно лаяла собака.

Бенни обернулся и подошел к ней, протягивая большой картонный стакан. На стакане было написано «Полным-полно орехов»^[55]. Это было странно и удивительно – никто и никогда не подавал ей утром ни кофе, ни завтрак. Миссис Уитли и вовсе вставала позже, уже когда Бет заканчивала есть.

Она сняла пластиковую крышку со стакана и отпила кофе.

– Спасибо.

– Можешь переодеться в спальне, – сказал Бенни.

– Мне нужно принять душ.

– Он в твоём распоряжении.

* * *

Бенни принялся раскладывать посреди гостиной портативный шахматный столик с зелеными и бежевыми квадратами. Когда Бет вернулась из ванной, он расставлял фигуры и пешки.

– Итак, – сказал Бенни, – начнем, пожалуй, с этого. – И протянул ей скатанные в трубку брошюры и журналы, перехваченные резинкой. Сверху оказалась брошюра в дешевой бумажной обложке с крупным заголовком «Рождественский шахматный конгресс в Гастингсе. Фалез-Холл, Уайт-Рок-Гарденс» и помельче: «Сборник партий». Страницы брошюры были заполнены крошечным, неряшливо отпечатанным шрифтом. На каждой умещались записи двух партий с жирными заглавиями: «Лученко – Ульман», «Боргов – Пенроуз». Вторая брошюра называлась просто – «Гроссмейстерские шахматы» и по качеству издания была похожа на гастингскую. Из четырех журналов три были немецкие и один – советский.

– Разберем гастингские партии, – сказал Бенни. Он сходил в спальню, принес оттуда два деревянных стула и поставил по обеим

сторонам складного шахматного столика у большого окна. Грузовик все еще стоял возле дома, и улица была запружена медленно ехавшими машинами. – Ты – белыми, я – черными.

– Я еще не завтракала...

– Яйца в холодильнике, – махнул рукой Бенни. – Первым делом займемся партиями Боргова.

– Всеми?

– Он будет в Париже, когда ты туда приедешь.

Бет посмотрела на журналы у него в руках, скользнула взглядом в окно и перевела его на часы. Было десять минут девятого.

– Сначала я позавтракаю, – сказала она.

Пообедали они сэндвичами из ближайшего гастронома, не отрываясь от доски, а ужин заказали из китайской забегаловки на Первой авеню. Бенни не позволял Бет торопиться в дебютах – останавливал после каждого неочевидного хода и требовал объяснить, почему она пошла именно так; заставлял анализировать все действия, выбивавшиеся за рамки привычных схем; иногда в буквальном смысле хватал за руку, не позволяя сделать следующий ход, и начинал задавать вопросы: «Почему не конем?», «Почему он не поставил защиту от ладьи?» или «А что будет с отсталой пешкой?». Бенни был скрупулезен, дотошен и безжалостен. Бет и самой доводилось задаваться такими вопросами за годы игры в шахматы, но она никогда не искала ответы с такой одержимостью. Сейчас ее мозг то и дело удваивал обороты, хотелось немедленно проверить возможности, открывавшиеся на том или ином ходу шахматной партии, которую они воспроизводили на доске, броситься с позиции, найденной Лученко, Мекингом или Черняком, в молниеносную атаку на Боргова, но Бенни гасил ее порыв очередным вопросом о защите, об открывшихся ходах для белопольных и чернопольных фигур, о том, не нужно ли ладье занять такую-то вертикаль. Порой это бесило Бет, но она видела, что вопросы Бенни не лишены смысла. Она разыгрывала партии гроссмейстеров в уме с того дня, как ей в руки впервые попал

выпуск «Шахматного обозрения», но не приводила свои знания в систему. Она разыгрывала эти партии, чтобы насладиться победой, ощутить дрожь волнения от смелой жертвы или форсированного мата, особенно в партиях, которые потому и публиковали в книгах и журналах, что в них таились драматические повороты – как в играх из сборников Фреда Рейнфельда^[56], изобиловавших жертвами ферзя и нарочитыми эффектами. По своему турнирному опыту Бет знала, что не стоит ждать от соперника жертвы ферзя или внезапного мата конем и ладьей, однако подобные партии, напечатанные на бумаге, доставляли ей наслаждение. Она любила Морфи именно за это, а не за проходные матчи и уж точно не за проигранные унылые партии – а Морфи, как и все, бывало, проигрывал. Но обычные шахматы с банальными ходами всегда навевали на нее скуку, даже если в этих партиях участвовали гроссмейстеры, и совсем уж в тоску ее вгоняли Ройбен Файн с его анализом шахматных окончаний и статьи в «Шахматном обозрении» с разбором ошибок в анализе Ройбена Файна. Никогда в жизни она не занималась ничем подобным тому, что Бенни заставил ее делать сейчас.

Партии, которые они разбирали с Бенни, были образцами очень серьезной, продуманной, искусной игры лучших шахматистов мира; интеллектуальная энергия, сосредоточенная в каждом ходе, поражала воображение, но при этом зачастую они заканчивались феерически глупо или неубедительно. Колоссальная сила мысли вкладывалась порой в один-единственный ход какой-нибудь белой пешкой – начиналось затяжное наступление, в котором угроза должна была проявиться только через полдюжины ходов, но черные угадывали эту угрозу раньше и находили решение, разрушавшее планы белых, и тогда тот блистательный ход пешкой полностью терял смысл. Это приносило разочарование и все же, благодаря тому, что Бенни заставлял ее останавливаться и подробно анализировать позиции, увлекало. Они посвятили этому занятию шесть дней, покидая квартиру лишь по необходимости, и один раз, в

среду вечером, сходили в кино. Ни телевизора, ни магнитофона у Бенни не было, его квартира предназначалась исключительно для еды, сна и шахмат. Они сыграли почти все партии из гастингского сборника и советской брошюры, за исключением тех, что заканчивались гроссмейстерской ничьей.

Во вторник Бет связалась с нотариусом из Кентукки по телефону и попросила его съездить посмотреть, все ли в порядке с ее домом в Лексингтоне. Она сходила в отделение Химического банка и открыла там счет, положив на него призовые деньги с чемпионата в Огайо. Проверка должна была занять пять дней, а на это время у нее хватало дорожных чеков, чтобы оплачивать свою долю расходов на еду.

В первую неделю они с Бенни не разговаривали почти ни о чем, кроме шахмат, и намеков на секс никто не делал. Бенни, возможно, уже был не против, но все мысли Бет занимали шахматы. Когда они заканчивали с разбором партий, порой ближе к полуночи, Бет еще какое-то время просто сидела на подушке, глядя в окно, или шла прогуляться по Второй и Третьей авеню, по пути покупая себе мороженое либо шоколадный батончик в гастрономе. В бары она не заходила, и ее одинокие прогулки обычно не затягивались надолго. Нью-Йорк по ночам казался угрюмым и опасным, но дело было не в этом – Бет так уставала за день, что у нее едва хватало сил доплестись до дома, надуть матрас и завалиться спать.

Иногда в присутствии Бенни ей казалось, что рядом совсем никого нет. Он часами вел себя безучастно, становился как будто безликим. Бет соответствовала – тоже держалась холодно и отчужденно, говорила только о шахматах.

Но порой все менялось неожиданным образом. Однажды, когда они разбирали особенно сложную позицию в партии двух советских шахматистов, которая закончилась ничьей, Бет вдруг увидела в ней возможность другого варианта развития событий и, выпалив:

– Смотри, Бенни! – начала перемещать фигуры. – Он упустил свой шанс. Вот здесь можно было пойти конем...

Она показала, как черные могли победить, и тогда Бенни с широкой улыбкой бросился к ней и сгрэб в объятия.

Большую часть времени единственным средством общения для них был язык шахмат. Как-то около полудня, после нескольких часов изучения эндшпилей, Бет устало поинтересовалась:

– На тебя шахматы никогда не наводят скуку?

Он взглянул на нее со знакомым безмятежно-бессмысленным выражением лица:

– Это как?

* * *

Они занимались разбором пешечно-ладейных окончаний, когда раздался звонок в дверь. Бенни впустил троих гостей – двух мужчин и одну женщину. Одного из мужчин Бет узнала по фотографии в «Шахматном обозрении» – о нем написали статью несколько месяцев назад; лицо второго тоже показалось ей знакомым, но она не могла вспомнить, где его видела. А женщина была удивительная – хрупкая брюнетка лет двадцати пяти в очень короткой серой юбке и курточке, похожей на военный китель с эполетами.

– Это Бет Хармон, – принялся знакомить гостей Бенни. – А это Хилтон Векслер, гроссмейстер Артур Левертов и Дженни Бейнс.

– Стало быть, наша новая чемпионка, – слегка поклонился Левертов – лысеющий молодой человек слегка за тридцать.

– Привет, – сказала Бет, встав из-за шахматного столика.

– Мои поздравления! – улыбнулся Векслер. – Бенни давно надо было преподать урок смирения.

– Я уже чемпион по смирению, – буркнул Бенни.

Женщина протянула Бет руку:

– Приятно познакомиться.

Странно было видеть такое количество людей в тесной гостиной Бенни. Бет казалось, что она уже полжизни прожила в этой квартире

вместе с ним, изучая шахматные партии, и вторжение чужаков вызвало у нее возмущение. На самом деле она провела в Нью-Йорке всего девять дней. Не зная, как себя вести, Бет снова уселась за шахматный столик. Векслер подошел и встал напротив:

– Решаете шахматные задачи?

– Нет. – В детстве Бет пробовала этим заниматься, но шахматные задачи ее не увлекли – позиции в них выглядели неестественными. «Белые начинают и ставят мат в два хода». Все это было, как сказала бы миссис Уитли, несущественно.

– Позвольте вам показать одну задачу. – Тон у Векслера был дружелюбный и непринужденный. – Можно переставить фигуры?

– Можно.

– Хилтон! – окликнула его подошедшая Дженни. – Она же не какой-нибудь шахматный фрик, а чемпионка США.

– Ничего, мне интересно, – сказала Бет, но рада была услышать эти слова от Дженни.

Векслер переставил фигуры, и теперь на доске образовалась причудливая позиция с двумя ферзями по углам и всеми четырьмя ладьями на одной вертикали. Короли стояли почти по центру, что едва ли могло произойти в реальной партии. Закончив расстановку, Векслер скрестил руки на груди.

– Моя любимая задача, – сообщил он. – Белые побеждают в три хода.

Бет недовольно посмотрела на доску. Ей казалось, что такие дурацкие построения глупо даже обдумывать – в настоящих играх не бывает подобных позиций. Ход пешкой, шах конем, король уходит в угол... Но дальше пешка превращается в ферзя и возникает патовая ситуация. Тогда так: пешка превращается в коня и ставит второй шах. Годится. Но если бы король после первого шаха не ушел на это поле... Бет вернулась к началу и через секунду поняла, что делать. Это было похоже на математическое уравнение, а ей всегда легко давалась алгебра.

Она подняла взгляд на Векслера:

– Пешка на седьмое поле ферзя.

Он вытаращил глаза:

– Ого, как быстро!

– Вот видишь, Хилтон, – заулыбалась Дженни.

Бенни все это время молча за ними наблюдал.

– Как насчет сеанса одновременной игры? – внезапно спросил он Бет. – Сыграй с нами со всеми.

– Только не со мной, – помотала головой Дженни. – Я даже правил не знаю.

– А у нас хватит досок и фигур? – поинтересовалась Бет.

– Все, что нужно, есть в шкафу на полке. – Бенни сходил в спальню и вернулся с большой картонной коробкой. – Разложим на полу.

– Какой контроль времени? – спросил Левертов.

Бет вдруг пришла в голову идея:

– Давайте в быстрые шахматы.

– Это даст нам преимущество, – заметил Бенни. – У нас будет больше времени на обдумывание, чем у тебя.

– Я хочу попробовать.

– Напрасно, – сурово покачал головой Бенни. – В быстрых шахматах ты не сильна. Забыла?

Бет с внезапной яростью отреагировала на это напоминание о своем разгроме:

– Ставлю десятку, что ты проиграешь.

– Если ты спустишь на тормозах остальные партии и все время употребишь на то, чтобы уделать меня, будет нечестно, – заявил Бенни, и ей захотелось его ударить.

– Тогда ставлю десять долларов на каждую партию. – Она сама удивилась, насколько жестко это прозвучало. В духе миссис Дирдорфф.

Бенни пожал плечами:

– Ладно. Твои деньги – тебе решать.

– Давайте положим три доски на полу по кругу, а я сяду в центре.

Они так и сделали, поставив возле каждой доски шахматные часы. В последние несколько дней разум Бет был необыкновенно ясным, и теперь она играла решительно и точно, сразу начав атаку на трех досках. Победила во всех трех партиях с запасом времени.

Когда игра закончилась, Бенни молча ушел в спальню, вернулся с бумажником, достал оттуда три десятидолларовые банкноты и протянул их Бет.

– Давай еще раз, – сказал он. В голосе его звучала то ли обида, то ли злость, и Бет представила себе, что теми же словами он мог бы говорить и о сексе: «Давай еще раз». Если Бенни этого хочет, она не откажется. Бет принялась заново расставлять фигуры и пешки.

Они снова расселись на полу около досок, и Бет сыграла белыми на всех трех. Теперь доски лежали перед ней веером и не нужно было вертеться вокруг своей оси, но Бет все равно на них почти не смотрела – только для того, чтобы сделать очередной ход. Она играла на досках, четко нарисовавшихся в ее воображении. Механические движения – протянуть руку и переместить фигуру или хлопнуть по кнопке часов – не требовали усилий. Положение Бенни было безнадежным, когда упал флажок на его циферблате, при этом у Бет осталось время в запасе. Он дал ей еще тридцать долларов, и она предложила сыграть еще раз, но Бенни сказал:

– Нет.

В комнате возникло напряжение, и никто не знал, как разрядить обстановку. Дженни попыталась обратить все в шутку, заявив: «Это в нем говорит мужской шовинизм», – но не помогло. Бет злилась на Бенни, была в бешенстве от того, что он позволил так легко разгромить себя, и от того, как он отреагировал на проигрыш – старался выглядеть так, будто его это ничуть не задело, будто ее победа не имеет значения.

А потом вдруг Бенни сделал нечто удивительное. Раньше он сидел по струнке, выпрямив спину, а теперь привалился к стене, вытянув ноги на полу, и расслабленно выдохнул:

– Ну, детка, по-моему, ты меня уделала.

И все засмеялись.

Бет покосилась на Дженни, сидевшую на полу рядом с Векслером. Дженни, прекрасная и умная Дженни, смотрела на нее с восхищением.

* * *

Следующие несколько дней Бет и Бенни провели за изучением советского «Шахматного бюллетеня», проштудировав выпуски до 1950-х годов. Время от времени они играли партии между собой, и каждый раз Бет выигрывала. Она почти физически ощущала, как преследует Бенни по доске и загоняет его в угол. Это приводило в изумление их обоих. В одной партии она пошла в открытую атаку на его ферзя на тринадцатом ходу, и он вынужден был опрокинуть на бок короля на шестнадцатом.

– Н-да, – протянул Бенни, – за пятнадцать лет со мной никто такого не проделывал.

– Даже Боргов?

– Даже Боргов.

Иногда из-за шахмат Бет ночами напролет лежала без сна. Это было почти как в «Метуэне», только теперь она не чувствовала болезненного напряжения и не боялась бессонницы. Вытягивалась на надувном матрасе на полу в гостиной, слушая шум полуночного Нью-Йорка, залетающий сквозь открытое окно эркера, и продолжала изучать шахматные позиции в уме. Они вырисовывались перед мысленным взором как никогда отчетливо и объемно. Транквилизаторы она давно не принимала – это способствовало ясности сознания. Теперь уже Бет не разыгрывала партии от начала до конца – она разбирала отдельные позиции, ставшие классическими из-за своей сложности.

Однажды прямо под окном гостиной Бенни какая-то парочка затеяла ссору. «Я на пределе, мать твою! – орала женщина. – На

пределе!» – «Ты гребаная истеричка, как твоя гребаная сестра!» – орал в ответ мужчина. Бет перевернулась на бок – и вдруг ее осенило, как совершенно по-новому можно провести пешку в ферзи. Эта комбинация была прекрасна. И эффективна. Ее можно было использовать на практике. «Вали отсюда на хер!» – заверещала женщина, а Бет снова перекатилась на спину, замирая от восторга, и уснула в хорошем настроении.

* * *

Почти всю третью неделю они повторяли партии Боргова и последнюю из них закончили поздно ночью в четверг. Когда Бет изложила свои соображения по поводу эндшпиля, объяснив, как Боргов мог избежать ничьей, она подняла глаза от доски и обнаружила, что Бенни зевает. Ночь была жаркая, окна стояли открытыми.

– Шапкин выбрал неверную тактику в миттельшпиле, – сказала Бет. – Ему нужно было защищать ферзевый фланг.

Бенни сонно взглянул на нее:

– Знаешь, даже я иногда устаю от шахмат.

Бет встала из-за раскладного столика:

– Тогда пора спать.

– Не так быстро. – Бенни рассматривал ее пару секунд и вдруг улыбнулся: – Тебе все еще нравятся мои волосы?

– Я пыталась понять, как победить Василия Боргова. Твои волосы мне тут не помогли бы, – отрезала Бет.

– Ты ляжешь со мной в постель?

Они прожили в одной квартире три недели, и Бет почти не вспоминала о сексе.

– Я устала, – сердито бросила она.

– Я тоже. Но хочу спать с тобой в одной постели.

Он казался таким милым и непосредственным в тот момент, что у Бет снова проснулись к нему теплые чувства.

– Ладно, – сказала она.

Утром она проснулась и вздрогнула, обнаружив, что кто-то лежит рядом. Бенни перекатился на свой край кровати – она видела только его бледную голую спину и пряди светлых волос на подушке. Почему-то возникли смущение и страх его разбудить. Бет осторожно села, привалившись к стене. Находиться в одной постели с мужчиной все-таки было неплохо. Секс тоже оказался неплохим, хотя и не таким волшебным, как она надеялась. Бенни почти все время молчал. Он был нежным и вел себя с ней естественно, но дистанция, которая сохранялась между ними его стараниями, не исчезла и во время секса. Бет вспомнила слова своего первого мужчины – того парня, студента колледжа: «Для меня эта игра слишком рациональна». Он говорил о шахматах. Бет снова посмотрела на Бенни. В утреннем свете его кожа выглядела восхитительно – как будто сама светилась изнутри. На мгновение Бет захотелось обхватить его руками и прижаться к нему голым телом, но она сдержалась.

Наконец Бенни тоже проснулся, перекатился на спину и сонно заморгал, глядя на нее. Бет натянула на себя одеяло, прикрывая грудь, а потом сказала:

– Доброе утро.

Бенни снова поморгал.

– Тебе не надо было играть против Боргова сицилианскую защиту, – сообщил он. – Боргов ее слишком хорошо знает.

Утро они провели за разбором двух партий Лученко. В этот раз Бенни напирал на стратегию, а не на тактику. Он был в веселом настроении, а Бет чувствовала смутную обиду. И в сексе, и в интимных отношениях в целом ей хотелось чего-то большего, но вместо этого Бенни читал ей очередную лекцию о шахматах.

– Ты хороший тактик, – говорил он, – но планы выстраиваешь кое-как.

Бет молчала, стараясь совладать с досадой и раздражением. По сути, Бенни был прав, тем не менее то, с каким удовольствием он указывал на ее ошибки, Бет бесило.

В полдень он сказал:

– Сегодня схожу на партию в покер.

Бет оторвала взгляд от шахматной доски, на которой изучала сложную позицию:

– В покер?

– Мне нужно платить за квартиру.

Бет сильно удивилась – она не подозревала, что Бенни играет в карты. Начала расспрашивать – он сказал, что покер и трик-трак приносят ему больше денег, чем шахматы.

– Тебе тоже стоит научиться, – добавил он с улыбкой. – В играх ты мастерица.

– Тогда возьми меня с собой.

– Там будут только мужчины.

Бет нахмурилась:

– Что-то подобное мне говорили о шахматах.

– Не сомневаюсь. Ты можешь пойти со мной и посмотреть, если хочешь, но веди себя там тихо.

– Это надолго?

– Может, на всю ночь.

Бет хотела спросить, давно ли у него была назначена эта партия, но не стала. Уж точно задолго до прошлой ночи. Они с Бенни доехали по Пятой авеню на автобусе до Сорок четвертой улицы и от остановки дошли пешком до отеля «Алгонкин». Бенни похоже, был занят какими-то мыслями, которыми не хотел делиться, и всю дорогу молчал. Бет опять начала злиться – она приехала в Нью-Йорк не для этого, к тому же была недовольна тем, что Бенни не предупредил ее заранее и вообще не счел необходимым объясниться. В жизни он вел себя так же, как в игре в шахматы: внешне был дружелюбен и беспечен, а в глубине души коварен и неистов. Бет вовсе не собиралась ходить за ним по пятам и уже передумала тащиться на

покер, но возвращаться в квартиру и в одиночестве изучать шахматные партии ей тоже не хотелось.

Картежники собрались в небольшом номере на шестом этаже отеля. Как и предупреждал Бенни, там были только мужчины. Четверо игроков сидели за столом, на котором стояли чашки с кофе, лежали фишки и карты. Шумно работал кондиционер. Еще два человека, похоже, были не при делах – просто пришли посмотреть. Когда Бенни вошел, игроки все как один радостно его поприветствовали. Бенни был невозмутим и обаятелен.

– Бет Хармон, – представил он свою спутницу, и мужчины кивнули, ничего ей не сказав.

Бенни вынул из бумажника стопку банкнот, бросил их на стол напротив свободного стула и уселся, перестав обращать внимание на Бет. Она, не зная, чем заняться, пошла в спальню, где заметила стеклянный кувшин с кофе и чашки. Налила себе кофе и вернулась к игровому столу. Перед Бенни стоял столбик из фишек, в руках у него были карты. Мужчина, сидевший слева, бесстрастно сказал: «Повышаю», – и бросил голубую фишку в центр стола. Остальные последовали его примеру, Бенни – последним.

Бет стояла в сторонке и наблюдала за игрой. Она вспомнила, что когда-то в подвале приюта точно так же смотрела, как мистер Шейбел переставляет шахматные фигуры на доске, и была заморожена происходящим. Сейчас никакого интереса она не испытывала. Ей были безразличны правила покера, хотя она знала, что могла бы сделаться хорошим игроком. Бет злилась на Бенни, а он продолжал играть, ни разу не взглянув в ее сторону. Лихо управлялся с картами, подбрасывал фишки в центр стола не без апломба и время от времени говорил что-нибудь вроде «Пропускаю» или «Ваш черед». В конце концов, когда один из мужчин за столом в очередной раз раздавал карты, Бет положила руку на плечо Бенни и тихо сказала: «Я ухожу». Он кивнул, пробормотав: «Ладно», – и снова сосредоточился на игре. Шагая к лифту, Бет испытывала жгучее желание шарахнуть Бенни бревном по

голове. Бесчувственный сукин сын переспал с ней по-быстрому и сбежал в мужскую компанию. Вероятно, он так и запланировал все заранее. Тактика и стратегия. Шею бы ему свернуть...

Но прогулка по городу утихомирила гнев, и к тому времени, когда на Третьей авеню Бет садилась в автобус, который шел до дома Бенни на Семьдесят восьмой улице, она уже обрела спокойствие. Даже приятно было немного побыть в одиночестве. Остаток вечера она провела за «Шахматным вестником» – новым журналом из Югославии, – разыгрывая опубликованные там партии в уме.

Бенни вернулся за полночь. Бет проснулась, когда он укладывался в кровать, и обрадовалась его возвращению, но заниматься с ним любовью не хотела. К счастью, он тоже не проявил желания. Она спросила, удалось ли что-нибудь выиграть. «Почти шестьсот долларов», – ответил он, довольный собой.

Бет перекадилась на другой бок и снова заснула.

Секс у них случился утром, и Бет не получила от этого особого удовольствия. Она все еще злилась на Бенни из-за покера – не оттого, что он играет в азартные игры, а оттого, что забыл о ней ради покера сразу после того, как они стали любовниками. После секса он сел на кровати и некоторое время рассматривал Бет, потом спросил:

– Дуешься на меня, да?

– Да.

– Из-за покера?

– Из-за того, что ты не рассказал о покере раньше.

Он понимающе кивнул:

– Извини. Я привык держать дистанцию в отношениях с людьми.

Бет почувствовала некоторое облегчение от того, что он это сказал.

– Наверное, я тоже.

– Я заметил.

После завтрака она предложила сыграть партию – Бенни неохотно согласился. Они поставили контроль времени на полчаса, чтобы не затягивать, и Бет начала громить его позиции в

сицилианской защите, используя вариант Левенфиша – ловко отметала все угрозы и безжалостно преследовала короля. Когда все было кончено, Бенни с кривой усмешкой покачал головой:

– Мне правда нужны были эти шестьсот долларов.

– Не сомневаюсь, – отрезала Бет. – Но ты выбрал неудачный момент.

– Похоже, не стоит тебя злить.

– Сыграем еще партию?

Бенни пожал плечами и отвернулся:

– Прибереги свою энергию для Боргова.

Бет прекрасно понимала, что он согласился бы сыграть, будь у него надежда победить. Теперь она чувствовала себя гораздо лучше.

* * *

Они оставались любовниками, но в шахматы теперь играли только по описаниям партий в книгах. Через несколько дней Бенни снова сходил на покер, вернулся с двумя сотнями долларов, и они провели в постели лучшую ночь за все время совместной жизни; деньги до утра лежали на тумбочке у кровати. Бет питала к нему теплые чувства, но не более того. За неделю до отъезда в Париж она пришла к выводу, что ей больше нечему учиться у Бенни.

Глава 12

Миссис Уитли всегда возила с собой документы на удочерение Бет и ее свидетельство о рождении, когда они путешествовали, и Бет переняла у нее эту привычку, хотя до сих пор ни одна бумажка не пригодилась. Для поездки в Мексику нужна была только туристическая карточка, и ее оформляла миссис Уитли. В первую неделю в Нью-Йорке Бенни отвез Бет в Рокфеллеровский центр, где она сдала все документы для получения паспорта. Маленькая книжечка в зеленой обложке была готова через две недели; внутри красовалась фотография строгой Бет с поджатыми губами. Она все еще не решила, будет ли участвовать в парижском турнире, тем не менее за несколько дней до отъезда из Кентукки на чемпионат в Огайо отправила организаторам в Париж письмо с подтверждением своего согласия.

Когда пришло время, Бенни отвез ее на машине в аэропорт Кеннеди и высадил у терминала «Эр Франс».

– Его можно победить, – сказал он, имея в виду Боргова. – У тебя получится.

– Посмотрим. Спасибо за помощь. – Бет поставила чемодан у окошка со стороны водителя. Они находились в зоне, где была запрещена парковка, и Бенни не мог выйти из автомобиля, чтобы проводить ее до входа в аэропорт.

– Увидимся на следующей неделе, – сказал он.

На мгновение Бет захотелось наклониться к открытому окну и поцеловать Бенни, но она сдержалась.

– Увидимся. – Она подхватила чемодан и зашагала к терминалу.

* * *

На этот раз Бет была готова к тому, что при виде коренастого мужчины в черном костюме ее охватит жгучая ненависть, но это не помогло – дыхание резко перехватило, едва она вошла в вестибюль. Боргов стоял там, спиной к ней, беседуя с двумя репортерами. Бет нервно отвернулась – как тогда, в мексиканском зоопарке, встретив его впервые. «Это всего лишь человек в черном костюме, всего лишь русский, который умеет играть в шахматы», – сказала она себе. Один из репортеров фотографировал Боргова, пока тот разговаривал со вторым. Бет несколько минут разглядывала всю троицу, и напряжение постепенно отпускало. Она сумеет победить. Развернувшись, Бет зашагала к столу регистрации – турнир должен был начаться через двадцать минут.

Это было самое скромное по количеству участников соревнование из тех, на которых ей доводилось играть. Оно проходило в изысканном старинном здании рядом с Эколь Милитэр. Было шесть шахматистов и пять туров – по одной партии в день, без выходных. Если они с Борговым оба проиграют кому-то из первых соперников, после этого уже не встретятся за шахматной доской, а конкуренция тут будет серьезная. Тем не менее Бет не сомневалась, что и она, и Боргов выйдут победителями. Она направилась по коридору к турнирному залу твердым шагом, без тени беспокойства насчет партии, которую ей предстояло сыграть этим утром. Остальные шахматисты, те, с кем она будет состязаться в следующие несколько дней, тоже не внушали тревоги. Лицом к лицу с Борговым она окажется только в одном из финальных туров, а сейчас, через десять минут, сядет за стол на стороне черных фигур напротив голландского гроссмейстера. Эта партия не вызвала у нее ни малейших опасений.

Франция не считалась шахматной державой, однако зал, отведенный для турнира, был великолепен. Под высоким синим потолком висели две хрустальные люстры, на полу лежал роскошный синий ковер с цветочным орнаментом. Шахматные доски были разложены на трех столах полированного орехового

дерева, рядом с каждой стояли в маленьких вазочках розовые гвоздики. Синяя бархатная обивка старинных кресел гармонировала с цветом потолка и ковра. Обстановка была, как в дорогом ресторане, а представители команды организаторов турнира проскальзывали между столами, как вышколенные официанты в смокингах. Все было тихо и чинно. Бет прилетела в Париж из Нью-Йорка накануне поздно ночью и толком не видела город, но чувствовала себя здесь комфортно. В самолете она хорошо выспалась, а пото еще заснула в отеле. Этому предшествовали пять недель основательной шахматной подготовки. Она никогда еще не была так уверена в своих силах.

Голландец разыграл дебют Рети, и Бет повела защиту, как в тренировочных играх с Бенни, добившись равенства позиций к девятому ходу. Атаку она начала до того, как соперник успел рокироваться, – принесла в жертву слона и вынудила голландца вывести коня и две пешки на защиту короля. К шестнадцатому ходу она создала угрожающие комбинации по всей доске, и хотя ни одна из них не была победной, количество угроз обеспечило голландцу серьезные проблемы. Он отступал до тех пор, пока не сдался из безнадежно закупоренной позиции.

В полдень Бет, счастливая, шагала по улице Риволи, щурясь на солнышке. Рассматривала в витринах блузки и туфли, и хотя не собиралась ничего покупать, это само по себе было наслаждением. Париж походил на Нью-Йорк, только казался более изысканным, культурным, цивилизованным. На улицах было чисто; отмытые стекла магазинов блестели. Она проходила мимо настоящих уличных кафешек со столиками, вынесенными на тротуары; за столиками сидели довольные люди и разговаривали по-французски. Голова Бет была настолько занята шахматами, что только сейчас до нее окончательно дошло: она в Париже! У нее под ногами – парижская авеню, эти прекрасно одетые дамы вокруг – француженки, *parisiennes*^[57], а ей всего восемнадцать лет, и она чемпионка США по шахматам. Сердце чуть не выскочило из груди от

радости, и Бет замедлила шаг. Ее обогнали двое мужчин, переговариваясь на ходу; Бет услышала обрывок фразы: «...avec deux parties seulement»^[58]. Это были французы, и она их понимала! Бет остановилась посреди тротуара, постояла, впитывая в себя изысканную красоту серых зданий на авеню, солнечный свет, играющий в листве деревьев, странные ароматы чужого города. Когда-нибудь она купит здесь квартиру – на бульваре Распай или на улице Капуцинок. Когда ей перевалит за двадцать, она станет чемпионом мира и будет жить где пожелает. Можно обзавестись pied à terre^[59] в Париже, ходить здесь на концерты и спектакли, каждый день обедать в разных кафе и выглядеть как эти женщины, идущие сейчас рядом с ней и навстречу, – такие уверенные в себе, элегантно одетые, с гордо поднятыми головами, с безупречными стрижками и укладками. У нее есть то, чего они лишены, и этот особенный дар обеспечит ей жизнь, о которой все могут только мечтать. Бенни не зря постоянно твердил, что ей нужно следующим летом поехать на турнир в Москву. Он прав. Ее ничто не держит в Кентукки. Ее возможности безграничны.

Бет несколько часов бродила по бульварам, ни разу не остановившись что-нибудь купить – только смотрела на витрины, на людей и здания, на рестораны, деревья и цветы. Переходя улицу Пэ, она случайно толкнула пожилую даму и сказала: «Excusez-moi, madame»^[60], – так легко и естественно, будто всю жизнь говорила по-французски.

В здании, где проходил турнир, на четыре тридцать был назначен банкет. Бет не без труда отыскала дорогу назад и, запыхавшись, добралась туда с опозданием на десять минут. Организаторы сдвинули игровые столы в дальний конец помещения, кресла расставили вдоль стен. Бет усадили возле двери, подвезли к ней тележку с самыми прекрасными пирожными в мире, и она, держа в руках чашку café filtre^[61], вдруг загрустила от того, что рядом нет Альмы Уитли и она уже никогда не увидит этого великолепия. Взяв с

тележки блюдце с «наполеоном», Бет услышала громкий смех, посмотрела в дальнюю часть зала – там стоял Василий Боргов с чашкой кофе и в окружении обступивших его людей, почтительно ждавших, когда он навеселится. Массивное, грубое лицо было искажено неистовым весельем, а Бет смотрела на него и чувствовала, как в животе разрастается ледяной ком.

В тот вечер она вернулась в отель, уныло разыграла дюжину партий Боргова – те самые, которые разбирала вместе с Бенни, поэтому знала вдоль и поперек, – спать легла за час до полуночи, не став принимать таблетки, и отлично выпалась. Боргов уже одиннадцать лет носил звание международного гроссмейстера, он пять лет был чемпионом мира, но на этот раз она ему не уступит. Что бы ни случилось, Бет решила, что больше не позволит себя унижить. К тому же теперь у нее появилось преимущество: Боргов окажется не настолько хорошо подготовлен к игре с ней, как она – к игре с ним.

* * *

Бет продолжала копить победы в турах: после голландца ей сдался француз, а на следующий день – англичанин. Боргов тоже не проиграл ни одной своей партии. За день до финала, когда Бет состязалась со вторым голландцем – постарше и поопытнее первого, – она очутилась за соседним столом с Борговым. Он сидел так близко, что на несколько минут это привело ее в смятение, но мало-помалу она совладала с собой. Голландец оказался сильным шахматистом, и необходимо было сосредоточиться на игре. Когда спустя четыре часа, все-таки заставив его сдаться, Бет подняла голову и огляделась, на доске за соседним столом уже не было фигур, а Боргов ушел.

По пути к выходу она остановилась у стола администраторов и спросила, с кем ей предстоит играть завтра утром. Арбитр порылся в

бумагах и слегка улыбнулся:

– С гроссмейстером Борговым, мадемуазель.

Она этого ждала, но дыхание сразу перехватило.

На ночь Бет выпила сразу три зеленые таблетки и в кровать легла рано, опасаясь, что еще долго не сумеет расслабиться и заснуть. Но сон пришел сразу, и в восемь утра она открыла глаза, свежая и отдохнувшая, с чувством уверенности в своих силах, с ясным умом и полным ощущением готовности к игре.

* * *

Когда Бет вошла в зал и увидела Боргова за шахматным столом, он не показался ей таким уж грозным. На нем был знакомый черный костюм, и все остальное тоже было по-прежнему: жесткие черные волосы аккуратно зачесаны со лба назад, лицо, как всегда, бесстрастно, – но теперь в его облике Бет не видела ничего угрожающего. Он вежливо встал со стула, пожал ее протянутую руку без тени улыбки. Играть белыми выпало Бет, и когда они сели, Боргов запустил ее часы.

Она почти определилась с тем, как будет действовать: вопреки совету Бенни пойдет пешкой на четвертое поле короля в надежде на то, что Боргов начнет сицилианскую защиту. Бет проштудировала его партии с этим дебютом – всё, что было опубликовано, – и теперь, взяв королевскую пешку, поставила ее на четвертую горизонталь, а когда Боргов ответил пешкой ферзевого слона, почувствовала приятную дрожь волнения. Она была готова к игре с этим человеком. Бет пошла конем на третье поле королевского слона; Боргов – конем на третье поле ферзевого слона, и на шестом ходу они приблизились к варианту Болеславского. Бет выучила наизусть – досконально, ход за ходом – восемь партий Боргова, в которых он использовал именно этот вариант, подробно разобрала их с Бенни, препарировала дотошно и безжалостно. Боргов начал развивать

вариант Болеславского на шестом ходу – вывел свою пешку на четвертое поле короля. Бет сыграла конем на третье поле коня с уверенностью, которая опиралась на незыблемое знание, что она права, затем оторвала глаза от доски и взглянула на Боргова. Тот принял обычную позу шахматиста – подпер кулаком щеку и смотрел на фигуры. «Он сильный, хладнокровный и коварный игрок, но в его действиях нет никакого колдовства», – сказала себе Бет. Не глядя на нее, Боргов поставил слона на второе поле коня. Она сделала рокировку. Он тоже. Бет обвела взглядом ярко освещенный, роскошно обставленный зал – кроме них, над досками задумались еще две пары шахматистов.

К пятнадцатому ходу она начала различать комбинации, которые складывались на территории обоих лагерей, а к двадцатому сама поражалась ясности собственного разума. Мозг работал легко и молниеносно, аккуратно намечая путь в хаосе бесчисленных ходов. Бет принялась теснить соперника на вертикали ферзевого слона, угрожая двойной атакой, – Боргов отступил, и она усилила свои центральные пешки. Ее позиция открывалась все больше и больше, возможности для нападения множились. И хотя Боргов каждый раз вовремя уклонялся от угроз, Бет именно этого и ожидала от него, потому не теряла решимости; она чувствовала стальную внутреннюю уверенность в том, что сумеет найти сильные ходы. Никогда еще она не играла лучше. Серия угроз скомпрометирует позицию черных, а дальше она применит двойные и тройные угрозы, от которых он не сможет уклониться. Черный ферзевый слон уже заперт в результате двух ходов, к которым Бет его вынудила, а черный ферзь связан – он защищает ладью. В отличие от черных белые фигуры становятся свободнее с каждым ходом. Собственные способности создавать угрозы для вражеского лагеря теперь казались Бет безграничными.

Она снова огляделась. Две другие партии в зале уже закончились – и это ее удивило. Она посмотрела на часы – шел второй час дня. Значит, они с Борговым играют уже три часа с лишним. Бет снова переключила внимание на доску, изучала позицию несколько минут

и выдвинула в центр ферзя. Пора было усилить натиск. Она вскинула взгляд на Боргова.

Он, как всегда, был невозмутим и на ее взгляд никак не отреагировал – продолжал изучать положение на доске после ее хода ферзем. Потом едва заметно пожал плечами и выдвинул против ферзя ладью. Бет знала, что он может так сделать, и у нее уже был готов ответ – она вывела коня, угрожая шахом и гибелью ладье. Теперь Боргову придется переместить короля, а она сможет перенести своего ферзя на вертикаль ладьи. Оттуда открывается десяток путей построения угроз более серьезных, чем она создавала до сих пор.

Боргов сделал ход без промедления, и это не был ход королем. Он выдвинул вперед ладейную пешку. Бет потратила на анализ позиции минут пять, прежде чем поняла, что он задумал. Если она сейчас объявит шах, Боргов позволит ей забрать ладью, а после этого выставит слона перед ладейной пешкой, и ей придется отводить ферзя. Бет задержала дыхание, чувствуя, как накатывает паника. Падет ее ладья на последней горизонтали, а вместе с ладьей две пешки. Это будет катастрофа. Требовалось немедленно переместить ферзя на поле, с которого будет возможно отступление. Она стиснула зубы и сделала ход.

Боргов все равно вывел слона вперед, под защиту пешки. Бет некоторое время смотрела на этого слона, прежде чем осознала последствия: любой ход, который она сейчас сделает, чтобы от него избавиться, слишком дорого ей обойдется, а если оставить слона на месте, он усилит всю позицию черного лагеря. Бет взглянула в лицо Боргову – теперь он смотрел на нее с едва заметной улыбкой. Она поспешно перевела взгляд обратно на доску. Попыталась нанести контрудар двумя белыми слонами, но он нейтрализовал угрозу ходом пешки, перекрыв ею диагональ. Бет играла превосходно с самого начала и оставалась на высоком уровне, но Боргов ее превзошел. Нужно было ужесточать натиск.

И она ужесточила, и нашла блистательные ходы, которые никогда раньше не приходили ей в голову, но всего этого оказалось недостаточно. К тридцать пятом ходу у Бет пересохло в горле – прямо перед ней на доске позиции белых были смяты и опустошены, а сила черных неуклонно росла. Это было невероятно. Она играла лучше, чем когда-либо, а Боргов ее разгромил.

На тридцать восьмом ходу он решительно опустил ладью на ее вторую горизонталь создав первую угрозу мата. Бет вполне отчетливо видела, как можно парировать этот удар, но за ним вырисовывалась целая череда угроз – Боргов либо объявит ей мат, либо возьмет ее ферзя, либо превратит во второго ферзя свою пешку. Бет затошнило, голова закружилась уже только от того, что она смотрела на доску, на зримое воплощение собственного бессилия.

Она не опрокинула своего короля. Просто встала и, глядя в лишенное эмоций лицо, сказала: «Я сдаюсь». Боргов кивнул. Бет развернулась и вышла из зала, чувствуя себя больной почти физически.

* * *

В самолете на пути в Нью-Йорк Бет словно попала в ловушку: она сидела у окна и не могла избавиться от воспоминаний о партии с Борговым, которая безостановочно прокручивалась в ее голове. Стюардесса несколько раз предлагала спиртные напитки – Бет заставляла себя отказываться; ей так невыносимо хотелось выпить, что это пугало. Она приняла транквилизаторы, но тугой узел в животе не желал исчезать. В игре с Борговым она не допустила ни единой ошибки. Она играла чрезвычайно хорошо. И в конце партии ее лагерь оказался в руинах, а Боргов выглядел как ни в чем не бывало.

Встречаться с Бенни не было никакого желания. Поначалу Бет собиралась позвонить ему, чтобы забрал ее в аэропорту, но вернуться сейчас в его квартиру она не могла. Дом в Лексингтоне стоял заброшенным полтора месяца – Бет решила, что надо ехать туда и зализывать раны в одиночестве. Денежный приз за третье место на парижском турнире оказался на удивление приличным – она вполне могла позволить себе путешествие в Кентукки и обратно. К тому же на дом еще не были оформлены документы – необходимо было связаться с нотариусом. Она побудет недельку в Лексингтоне и поедет к Бенни, чтобы продолжить курс обучения. Но чему еще можно у него научиться? При воспоминании о том, какую долгую и кропотливую работу она проделала, готовясь к партии с Борговым, Бет опять затошнило. Она усилием воли отбросила эти мысли. Главное сейчас – подготовиться к турниру в Москве. Времени еще достаточно.

Бет позвонила Бенни из аэропорта Кеннеди и сказала, что проиграла финальную партию, что Боргов опять одержал над ней победу. Бенни разговаривал отстраненно, но был любезен, а когда она сказала, что собирается некоторое время побыть дома, в Кентукки, он вдруг разозлился:

- Не сдавайся, Бет! Одна проигранная партия ничего не значит.
- Я не сдаюсь, – сказала Бет.

* * *

В ворохе корреспонденции, накопившейся в почтовом ящике, оказалось несколько писем от Майкла Шено, нотариуса, который занимался договором дарения на дом. Судя по всему, с договором возникли проблемы – нотариус сообщал, что у нее еще нет какого-то «правового титула»^[62], – и эти проблемы создал Олстон Уитли. Остальные письма Бет вскрывать не стала – сразу позвонила в контору Шено.

Тот, едва ответив на звонок, выпалил:

– Я вчера три раза пытался с вами связаться! Где вы были?

– В Париже, – сказала Бет. – Играла в шахматы.

– Надеюсь, поездка была приятной. – Нотариус помолчал и перешел к делу: – Уитли отказывается подписывать.

– Что подписывать?

– Титул. Правовой титул. Вы можете приехать? Нам нужно это обсудить.

– И как я вам пригожусь? – спросила Бет. – Вы же юрист. А мистер Уитли сказал мне, что подпишет все необходимые документы.

– Он передумал. Возможно, вам удастся его уговорить.

– Он у вас в конторе?

– Нет, но он в городе. Мне кажется, если вы посмотрите ему в глаза и напомните, что являетесь его приемной дочерью...

– Почему он не хочет подписывать? – перебила Бет.

– Из-за денег. Он решил продать дом.

– Тогда, может быть, вы привезете его ко мне? Завтра?

– Постараюсь, – вздохнул нотариус.

Повесив трубку, Бет оглядела гостиную. Оказалось, дом все еще принадлежит Уитли, и это стало для нее потрясением. Бет видела Олстона здесь всего один раз, а он, значит, законный владелец. Этот дом не должен достаться ему.

Был жаркий июльский полдень, однако Олстон Уитли явился в черно-сером твидовом костюме. Усаживаясь на диван, он поддернул штанины, и те задрались над коричневыми носками, обнажив полоски бледной кожи на тощих голеньях. Он прожил в этом доме шестнадцать лет, но не проявил ни малейшего интереса к обстановке – вошел так, будто был здесь чужим, и на его лице застыло странное выражение – то ли злость, то ли смущение. Сейчас он сидел на краешке дивана, поддернув штанины на несколько дюймов, и молчал.

Бет при взгляде на него стало нехорошо. Мистер Уитли выглядел точно так же, как в тот раз, когда она увидела его впервые – в

кабинете миссис Дирдорфф, куда он приезжал вместе с миссис Уитли на «смотрины».

– У мистера Уитли есть предложение, Бет, – сказал нотариус.

Она взглянула в лицо Олстону, который сидел к ним обоим вполоборота.

– Ты можешь остаться здесь, – продолжал нотариус, – пока не найдешь другое жилье.

«Почему он сам не может мне это сказать?» – подумала Бет.

Уитли чувствовал себя настолько некомфортно, что это было заметно, и Бет невольно поерзала в кресле, будто это она испытывала неловкость, а не он.

– Я думала, что могу остаться в доме, если оплачу расходы на похороны.

– Мистер Уитли сказал, ты неверно его поняла.

Почему за Уитли говорит *ее* нотариус? Почему, черт возьми, Уитли не привел для этого *своего*? Бет посмотрела на приемного отца – тот закурил сигарету, по-прежнему глядя в сторону с обиженным видом.

– Он заявляет, что позволил тебе пожить в доме, пока ты будешь подыскивать себе пристанище.

– Это неправда. Он сказал, я могу оставить дом себе. – Бет внезапно, будто ее ударили, развернулась к Уитли: – Я ваша *дочь*. Вы меня удочерили. Почему вы со мной не разговариваете?

Он покосился на нее, как испуганный кролик:

– Альма... Альма хотела ребенка...

– Вы подписали документы на удочерение. Вы взяли на себя ответственность. И даже не можете посмотреть мне в глаза?

Олстон Уитли вдруг вскочил, подошел к окну, а к тому времени, как обернулся, видимо, успел овладеть собой и вид имел грозный:

– Это Альма хотела тебя удочерить, а не я. И если я подписал какие-то паршивые бумаги для того, чтобы она от меня отстала, это не значит, что тебе теперь принадлежит все, чем я владею! – Он снова отвернулся к окну. – Но Альма все-таки отстала.

– Вы меня удочерили, – повторила Бет. – Я вас об этом не просила. – Она почувствовала, как на секунду предательски перехватило горло. – Официально вы – мой отец.

Уитли опять развернулся к ней, и Бет поразило его лицо, искаженное злостью:

– В этот дом вложены мои собственные деньги, и я не позволю хитрозадому подкидышу их у меня отобрать!

– Я не подкидыш, – выговорила Бет. – Я ваша дочь.

– Никакая ты мне не дочь! И мне плевать, что говорит твой растреклятый нотариус! И на трепотню Альмы мне тоже было наплевать! Эта женщина трещала без передышки!

На некоторое время все замолчали. Наконец Шено спокойно поинтересовался:

– Что вам нужно от Бет, мистер Уитли?

– Мне нужно, чтобы она отсюда съехала. Я продаю дом.

Бет пару секунд смотрела ему в лицо, а потом сказала:

– Тогда продайте его мне.

– Что? – не понял Уитли.

– Я покупаю дом. Возмещу сумму, которую вы в него вложили.

– Теперь он стоит гораздо дороже.

– Сколько?

– Семь тысяч.

Бет знала, что его доля собственности составляет меньше пяти.

– Хорошо, – сказала она.

– У тебя есть семь тысяч?

– Да. Но я вычту расходы на похороны матери. Вы получите все квитанции.

Олстон Уитли вздохнул с мученическим видом.

– Ладно, – кивнул он. – Готовьте договор. Я возвращаюсь в отель. – И шагнул к двери. – Здесь слишком жарко.

– Могли бы снять пиджак, – сказала Бет.

* * *

На банковском счете осталось две тысячи долларов. Бет казалось, что денег слишком мало, и ей это не нравилось, но дело было поправимо – в ворохе почты нашлись приглашения на два крупных турнира с приличным первым призом: полторы тысячи на одном и две на другом. И еще был толстый конверт из СССР – ее звали на шахматный турнир в Москву, который пройдет в июле.

Вернувшись со стопкой своих экземпляров подписанных документов, Бет несколько раз обошла гостиную, слегка касаясь мебели рукой. О мебели Уитли ничего не сказал, но Бет считала, что все это принадлежит ей, и на всякий случай уточнила у нотариуса. От новой встречи Уитли увильнул – Шено отвез документы ему на подпись в отель «Феникс», а Бет все это время сидела в нотариальной конторе и читала географический журнал. Теперь, став законной владелицей, она совсем по-другому ощущала себя в этом доме. Обдумывала перемены: нужно будет купить что-нибудь новенькое – хороший низкий диван и два небольших современных кресла. Бет сразу представила себе, какими они будут – со светло-голубой парусиновой обивкой и темно-синим кантом. Этот будет другой оттенок голубого, не как у миссис Уитли. Это будет голубой цвет Бет. Ей хотелось, чтобы краски в гостиной стали ярче, живее. Хотелось стереть почти осязаемые следы присутствия миссис Уитли. Надо постелить здесь пестрый ковер и вымыть окна. Она обзаведется стереосистемой и коллекцией пластинок, купит новое покрывало и постельное белье для кровати в спальне. Закажет все это в универмаге «Пёрселл». Миссис Уитли была хорошей матерью. Она вовсе не собиралась умирать, бросая приемную дочь на произвол судьбы.

* * *

Бет хорошо выпалась, но проснулась в дурном настроении. Накинув цветастый халат и сунув ноги в тапочки – тапочки миссис Уитли, – она спустилась на первый этаж, со злостью думая о семи тысячах долларов, которые заплатила Олстону. Своими деньгами Бет дорожила, они с миссис Уитли обе получали удовольствие, когда клали их на счет после каждого турнира, и вместе увлеченно проверяли банковский баланс, наблюдая, как меняется общая сумма после каждого взноса. А после смерти миссис Уитли ей утешительно было знать, что можно по-прежнему жить в этом доме, покупать продукты в супермаркете и ходить в кино, когда захочется, не заботясь о том, что может не хватить денег и придется немедленно искать работу, или поступать в колледж, или спешно побеждать на каком-нибудь турнире, чтобы получить призовые.

Из Нью-Йорка Бет взяла с собой три брошюры Бенни и, пока варились яйца к завтраку, разложила на кухонном столе шахматную доску, открыв брошюру с нотациями партий, сыгранных на последнем пригласительном турнире в Москве. Советские шахматные брошюры были напечатаны на дорогой бумаге четким, разборчивым шрифтом. Русский она освоила не слишком хорошо, хоть и закончила языковые курсы при университете, но по крайней мере могла легко прочитать на нем имена шахматистов и записи партий. Кириллица ее, однако, раздражала, и еще больше бесило то, что советское правительство вкладывает в шахматы такие огромные средства, да еще, как нарочно, пользуется другим алфавитом. Когда яйца сварились, она их почистила, положила в миску, добавив сливочного масла и стала разыгрывать на доске партию между Петросяном и Талем. Защита Грюнфельда. Славянская защита, меранский вариант. Бет доиграла до восьмого хода, поставила черного королевского коня на второе поле ферзя, и партия ей наскучила. Она перемещала фигуры слишком быстро, не успевая анализировать ходы, – будь здесь Бенни, он заставил бы ее делать паузы, чтобы подробно отмечать в голове все, что происходит на доске. Доев яйца, Бет вышла через заднюю дверь в сад.

Утро было жаркое. Трава разрослась, заполнив кирпичную дорожку, которая вела к клумбе с чахлыми чайными розами. Бет вернулась в дом, передвинула белую ладью на первое поле ферзя и с удивлением окинула взглядом фигуры – у нее пропало всякое желание изучать шахматы, и это ее напугало, ведь нужно было еще многому научиться, если она хотела избежать позора в Москве. Подавив приступ страха, Бет пошла наверх принимать душ. Вытирая волосы перед зеркалом, она с облегчением подумала, что пора бы подстричься – значит, есть чем сегодня себя занять. После парикмахерской можно будет зайти в «Пёрселл» и присмотреть диван для гостиной. Но покупать его сейчас было бы неразумно – сначала нужно накопить денег. А что делать с травой в саду? К миссис Уитли приходил какой-то парень подстригать лужайку, но Бет не знала ни его адреса, ни номера телефона.

И вообще неплохо бы сделать в доме большую уборку – тут повсюду паутина. Засаленные покрывала и наволочки для подушек надо заменить новыми. И купить какие-нибудь шмотки. Гарри Белтик забыл в ванной свою бритву – может, отправить ему по почте? Молоко скисло, масло прогоркло, холодильник внутри оброс кристалликами льда; к дальней его стенке примерз просроченный куриный полуфабрикат. А еще ковер в спальне весь в барашках пыли, оконные стекла заляпаны отпечатками пальцев, на подоконниках грязь...

Бет, постояв в замешательстве, тряхнула головой и взялась за телефон. Она позвонила своей парикмахерше Роберте, договорилась о стрижке и заодно спросила у нее, где нанять уборщицу на пару недель. Потом подумала, что хорошо бы зайти в «Моррис», заказать несколько книг о шахматах и пообедать в ресторанчике «У Тоби».

Однако в тот день в книжном не оказалось ее знакомого продавца, а женщина, которая его подменяла, не знала, как оформлять заказы. Бет удалось добиться, чтобы она нашла каталог, и все-таки заказала три книги по сицилианской защите. Еще ей нужны

были сборники партий с гроссмейстерских матчей и «Шахматный вестник», но она не знала, какое из югославских издательств выпускает этот журнал, а продавщица, конечно, ничем не смогла помочь. Бет была в бешенстве. Она решила, что ей нужна такая же домашняя библиотека, как у Бенни, – нет, лучше, – и, размышляя об этом, подумала со злостью, что можно прямо сейчас улететь в Нью-Йорк, забыть обо всей здешней неразберихе и продолжить с Бенни работу с того места, где они закончили. Но чему ей дальше учиться у Бенни? Чему еще она может научиться у любого другого американского шахматиста? Она уже на голову впереди их всех. Дальше придется справляться самой, самостоятельно строить мост над пропастью, которая отделяет американские шахматы от советских.

В ресторанчике «У Тоби» метрдотель ее хорошо знал и сразу усадил за лучший столик у витрины. Бет заказала *asperges vinaigrette*^[63] на закуску и попросила принести ее сразу, пока она будет выбирать основное блюдо.

– Не желаете коктейль? – любезно поинтересовался официант.

Бет обвела взглядом уютный зал, задержавшись на обедающих посетителях, на столике с десертами у бархатного канатика, который закрывал вход в зал для ужинов.

– «Гибсон», – сказала она. – Со льдом.

Коктейль принесли очень быстро, и выглядел он великолепно. Стекло бокала было безукоризненно чистым, джин – кристально прозрачным, а маринованные луковки лежали на дне, как две жемчужины. Она сделала глоток – спиртное приятно пощипало верхнюю губу, пощекотало в горле, проскользнуло по пищеводу. А что оно сделало с напряжением, скрутившим живот! Ради этого действительно стоило выпить. Бет медленно прикончила смесь джина с сухим вермутом – и затаенная злость начала утихать. Она заказала еще один коктейль. В дальнем конце зала, в полутьме, кто-то играл на пианино. Бет взглянула на часы – было без четверти двенадцать – и подумала, что жизнь – отличная штука.

Основное блюдо она так и не заказала. Вышла из ресторанчика «У Тоби» в два часа дня, пересекла, щурясь на солнышке и не обращая внимания на дорожное движение, Мейн-стрит и направилась напрямиком в «Винную лавку Дэвида Мэнли». Расплатившись двумя дорожными чеками из Огайо, купила там ящик бургундского «Поль Массон», четыре бутылки джина «Гордонс», бутылку вермута «Мартини & Росси» и попросила мистера Мэнли вызвать ей такси. После четырех коктейлей «Гибсон» и шести стебельков спаржи ее речь была чеканной и ясной, походка – твердой. Она заигрывала с алкоголем несколько лет подряд. Пришла пора выяснить с ним отношения.

Когда Бет вернулась домой, в гостиной трезвонил телефон, но она не сняла трубку. Таксист помог ей дотащить ящик вина и получил доллар за труды, а как только он уехал, Бет достала бутылки одну за другой и поставила их ровным рядом в застекленный шкафчик над тостером, перед старыми консервными банками миссис Уитли со спагетти и чили. Потом она открыла бутылку джина и свинтила крышку с бутылки вермута. Раньше смешивать коктейли ей не доводилось. Подумав, Бет налила в стеклянный бокал без ножки джин, добавила в него немного вермута и помешала ложкой миссис Уитли. Осторожно отнесла полный бокал в гостиную, уселась и сделала долгий глоток.

* * *

По утрам было жутко, но она как-то справлялась. На третий день сходила в лавку «У Крогера», купила три дюжины яиц, запас обедов быстрого приготовления и с тех пор съедала по два яйца перед первым бокалом вина. К полудню она, как правило, отключалась. Просыпалась на диване или в кресле с затекшими конечностями и взмокшим от пота затылком. У нее часто кружилась голова, а желудок сводило спазмом от голода, и боль была острой, как в

воспалившемся зубе. Унять эту чудовищную зубную боль в животе можно было только одним способом – выпить. Иногда пить приходилось через силу – организм уже не принимал спиртное, но Бет упорно глотала, ждала, и неприятные ощущения постепенно утихали, как будто кто-то убавлял звук на магнитофоне.

В субботу утром она случайно облила вином шахматную доску на кухонном столе, а в понедельник, чуть не упав, налетела на стол и услышала, как фигуры посыпались на пол. Она их так и оставила валяться – подобрала только в четверг, когда наконец явился молодой человек привести в порядок лужайку перед домом. Бет лежала на диване в гостиной, допивая последнюю бутылку бургундского из ящика, слушала рев мощной газонокосилки за открытым окном и вдыхала запах скошенной травы. Расплатившись с парнем, она вышла на крыльцо и постояла, наслаждаясь тем же свежим ароматом. Приятно и странно было видеть лужайку такой преобразившейся – вместо буйных зарослей перед домом теперь тянулся ровный, аккуратный газон с редкими холмиками состриженной травы. Бет вернулась в гостиную, взяла кошелек и вызвала такси – доставка спиртных напитков была запрещена законом, так что, если ей нужен еще один ящик вина, придется ехать самой в магазин. Хотя разумнее взять два. И надо попробовать «Альмаден». Кто-то говорил ей, что красное вино «Альмаден» лучше, чем «Поля Массон». Вот она и проверит. И еще, возможно, стоит прихватить пару бутылок белого. И что-нибудь из продуктов.

Обедала она консервами. Как выяснилось, чили – мясо с овощами – становится вполне съедобным, если добавить туда еще перца и запить бокалом бургундского. Вино «Альмаден» и правда оказалось лучше «Поля Массона» – от него не так вязало во рту. Коктейли «Гибсон» ее теперь вырубали почти мгновенно, и она опасалась их часто смешивать, позволяя себе выпить бокал, когда уже чувствовала, что может отключиться, или в качестве самой первой утренней порции. На третьей неделе она стала брать коктейль с собой в постель, если поднималась на ночь в спальню. Ставила бокал

на тумбочку у кровати, прикрыв его «Шахматным вестником», чтобы алкоголь не испарялся, и отхлебывала из него, если просыпалась посреди ночи. А если не просыпалась ночью, выпивала до дна утром, перед тем как спуститься.

Порой в гостиной звонил телефон, но Бет отвечала, только когда голова была относительно ясная и язык не заплетался. Она всегда громко произносила вслух скороговорку, чтобы проверить, все ли в порядке с голосом и речью, перед тем как снимала трубку. Пыталась отчетливо произнести: «Карл у Клары украл кораллы, а Клара у Карла украла кларнет», и если ей это удавалось без запинки, говорила в трубку «алло». Однажды какая-то женщина дозвонилась ей из Нью-Йорка и предложила принять участие в «Вечернем шоу»^[64]. Бет отказалась.

На третьей неделе запоя Бет разобрала стопку журналов, пришедших по почте, пока она была в Нью-Йорке и в Париже, и обнаружила там «Новости недели»^[65] со своей фотографией. Статье о ней отвели целую полосу в рубрике «Спорт». На снимке Бет играла партию с Бенни, и она вспомнила тот момент в дебюте, когда снимок был сделан. На доске хорошо было видно положение фигур, и Бет знала, что память ее не подводит – перед тем как фотограф щелкнул затвором, она сделала четвертый ход. Бенни выглядел, как всегда, задумчивым и отстраненным. В статье говорилось, что она самая талантливая шахматистка со времен Веры Менчик^[66]. Полупьяную Бет раздосадовало, что этой Менчик уделили столько внимания, поведав ее биографию аж до самой смерти в 1944 году во время бомбардировки Лондона, а уже потом сообщили, что Бет Хармон играет лучше. И почему ее сравнивают с женщиной? Она играет лучше любого мужчины в Америке. Бет вспомнила репортершу из журнала «Жизнь» и ее вопрос о том, каково ей приходится в мужском мире шахмат. К черту репортершу. Этот мир перестанет быть мужским, когда она, Бет, окончательно с ним разберется.

Полдень давно миновал, и она поставила разогреваться спагетти из консервной банки, прежде чем дочитала статью. Последний абзац

оказался ударным: по мнению автора, Бет Хармон в свои восемнадцать лет по праву взошла на трон королевы американских шахмат; она, возможно, самая одаренная шахматистка после Морфи и Капабланки; масштаб ее таланта трудно себе представить, ибо потенциал, скрытый в этой совсем юной девушке с блистательным интеллектом, безграничен, и чтобы продемонстрировать всему человечеству, что Америка способна поднять свой уровень в мировых шахматах, ей нужно отправиться туда, где соревнуются большие мальчики. Ей нужно ехать в Советский Союз.

Бет закрыла журнал и налила себе бокал «Альмаден Маунтин Шабли» запить спагетти. Было три часа дня, солнце за окном жарило беспощадно, а вино опять заканчивалось – на полке над тостером остались всего две бутылки.

* * *

Во вторник утром, через неделю после того, как прочитала статью о своих достижениях, она проснулась и почувствовала себя слишком больной, чтобы встать с кровати. Попыталась сесть – и не смогла. В голове и в животе пульсировала боль. Джинсы и футболку Бет не меняла с позапрошлой ночи, и теперь ей казалось, что она задыхается в этой одежде, но снять ее не вышло – футболка, мокрая от пота, прилипла к телу, а девушка была совсем слабой, чтобы стащить ее через голову. На тумбочке стоял бокал с «Гибсоном». Ей удалось перекатиться на бок и взять его двумя руками. Она с трудом проглотила половину, а потом накатила тошнота, вдруг почудилось, что невозможно дышать. Через пару секунд легкие заработали, и она допила коктейль.

Бет была в ужасе. Лежала одна в душной, жаркой комнате и думала, что умирает. Желудок жгло, все тело ломило, болел каждый орган. Может, отравилась вином или джином? Она снова попыталась сесть на кровати, и на этот раз получилось – видимо, джин помог.

Посидела немного, стараясь успокоиться, затем встала, добрела пошатываясь до ванной, и ее вырвало. После этого стало полегче, Бет сумела содрать с себя одежду. Вставать под душ она побоялась – вдруг поскользнется и сломает шейку бедра, как часто случается со старухами? В итоге она наполнила ванну и легла в чуть теплую воду. Надо позвонить Макэндрюсу, старому врачу миссис Уитли, и записаться на прием в районе полудня. Если она, конечно, сумеет добраться до его кабинета. Дело было явно не в похмелье – она заболела по-настоящему.

Однако после ванны Бет спустилась на кухню более уверенной походкой и без затруднений съела два яйца. Мысль о том, чтобы хвататься за телефон и куда-то звонить, отступила на дальний план. Между ней и миром, с которым мог ее связать телефон, вырос барьер. И этот барьер казался непреодолимым. С ней и так все будет в порядке, просто нужно пить поменьше, постепенно сокращая дозу. Может, она соберется с духом и с силами позвонить доктору Макэндрюсу после того, как немного выпьет. Бет налила в бокал шабли, сделала пару глотков, и вино потихоньку исцелило ее, как волшебное снадобье.

* * *

На следующее утро, когда Бет завтракала, зазвонил телефон, и она, не успев подумать, сняла трубку. Человек на другом конце линии представился Эдом Спенсером, и Бет не сразу вспомнила, что это директор местного шахматного турнира.

– Я по поводу завтрашнего дня, – сказал он.

– А что у нас завтра?

– Турнир. Я хотел узнать, не сможете ли вы прийти на час раньше. Луисвиллская газета пришлет фоторепортера, и еще мы ждем кого-нибудь от WLEX^[67]. Вам будет удобно в девять?

У Бет упало сердце. Спенсер говорил о чемпионате Кентукки по шахматам, о котором она совершенно забыла. Предполагалось, что ей нужно защищать свой титул чемпиона штата. Предполагалось, что завтра утром она явится в Старшую школу имени Генри Клея и сыграет первую партию в двухдневном турнире. У нее болела голова, а рука, в которой она держала чашку кофе, тряслась мелкой дрожью.

– Я не знаю, – сказала Бет. – Можете перезвонить через час?

– Конечно, мисс Хармон.

– Спасибо. Отвечу вам через час.

Ей было страшно и совсем не хотелось играть в шахматы. Со дня покупки дома у Олстона Уитли она не заглядывала в шахматные книги и не прикасалась к фигурам; даже думать о шахматах не было желания. Бутылка, початая прошлой ночью, стояла рядом с тостером – Бет налила полбокала, но, едва сделала глоток, рот обожгло, вино показалось ей омерзительным. Она поставила бокал в раковину и вытащила из холодильника апельсиновый сок. Если не проветрить голову и не подготовиться сегодня к турниру, завтра ей будет еще хуже – проснется пьяная и больная. Она допила сок и поднялась на второй этаж, думая о литрах вина, канувших в желудок, как в пропасть. Возникло ощущение, что тело внутри и снаружи испачкано какой-то гадостью. Надо было принять горячий душ и найти чистую одежду.

Турнир станет потерей времени. Белтика там не будет, а никого равного ему по силам в этом штате нет. Кентукки в плане шахмат – ноль без палки. Стоя в ванной, голая Бет начала мысленно воспроизводить сицилианскую защиту в варианте Левенфиша, щурясь и пытаясь нарисовать воображаемые фигуры на воображаемой шахматной доске. Первую дюжину ходов она сделала без ошибки, хотя фигуры и пешки проступали перед глазами не так отчетливо, как раньше. После восемнадцатого хода, когда черные идут пешкой на четвертое поле коня и добиваются равенства сил, дело забуксовало. Партия Смыслова – Ботвинника, 1958 год. Бет

попробовала продолжить, но у нее разболелась голова, а когда она отвлеклась на то, чтобы принять две таблетки аспирина, и потом мысленно вернулась к партии, оказалось, что ей трудно вспомнить, где должны стоять пешки. По крайней мере, первые восемнадцать ходов у нее не вызвали затруднений – уже хорошо. Сегодня больше пить нельзя, завтра она примет участие в чемпионате штата. Когда она во второй раз выиграла его два года назад, это было легко. Кроме нее и, пожалуй, Гарри в Кентукки нет сильных шахматистов – Голдмана и Сайзмора можно не принимать в расчет.

Телефон снова зазвонил через час, она сняла трубку и сказала Эду Спенсеру, что придет завтра к девяти тридцати – полчаса вполне хватит на фото- и телесъемку.

* * *

В глубине души Бет надеялась, что на чемпионате появится Таунс с фотоаппаратом, но его нигде не было видно. Репортер из Луисвилла тоже не пришел. Бет позировала для женщины-фотографа из «Геральд-лидер», сидя за доской номер один, дала трехминутное интервью человеку с местного телеканала, потом извинилась и сказала, что хочет пройтись немного по кварталу перед турниром. Накануне она весь день не пила спиртного и крепко проспала до самого утра благодаря трем зеленым таблеткам, но сейчас ее слегка тошнило. Утреннее солнце казалось слишком ярким, Бет взмокла уже после одного круга по кварталу, и у нее заныли ноги. Ей всего восемнадцать, а чувствует она себя на все сорок. Надо прекратить пить. Ее первым соперником станет некий Фостер с рейтингом 1800. Она играет черными, но победа будет пустячной, особенно если он пойдет пешкой на четвертое поле короля и позволит ей развернуть сицилианскую защиту.

Фостер выглядел довольно спокойным, учитывая, что ему предстояло сразиться с чемпионкой США в первом же туре. Ему

хватило здравого смысла не начинать игру против нее с королевской пешки. Фостер пошел пешкой на четвертое поле ферзя – Бет решила не применять ферзевый гамбит, а вместо этого заманить его на малознакомую территорию с помощью голландской защиты. Это означало, что она пошла пешкой на четвертое поле королевского слона. Какое-то время они разыгрывали ходы точно по учебнику, а потом Бет обнаружила, что позволила вовлечь себя в построение «каменной стены». Этот вариант голландской защиты ей не особенно нравился, и, подумав над позицией, она рассердилась на себя. Надо было идти на прорыв и брать Фостера за глотку. Пока она только теряла время, хотелось поскорее с этим покончить. Голова у нее по-прежнему болела, сидеть было неудобно, хотя за столом стояло комфортное шарнирное кресло. В зале собралось слишком много зрителей. Фостер, бледный блондин лет двадцати – двадцати пяти, переставлял фигуры чопорно и скрупулезно, что выводило Бет из себя. После двенадцатого хода она окинула взглядом тесное скопление фигур на доске и быстро принесла в жертву центральную пешку, решив вскрыть позицию и начинать наступление. У нее рейтинг на 600 баллов выше, чем у этой рафинированной немощи. Она разгромит его лагерь, закажет в ресторане хороший обед и кофе, а завтра будет готова к партии с Голдманом или Сайзмором.

Однако жертва пешки оказалась слишком поспешной. Фостер взял ее конем, а не другой пешкой, вопреки скоропалительному расчету Бет, и теперь выяснилось, что ей нужно либо защищаться, либо расстаться еще с одной пешкой. Она досадливо закусила губу и задумалась, чем бы припугнуть соперника, но положение на доске не давало такой возможности, а ее мозг работал чудовищно медленно. Бет отвела назад слона, чтобы защитить пешку.

Фостер слегка приподнял бровь, глядя на это, и вывел ладью на вертикаль ферзя, которую Бет вскрыла жертвой пешки. Она прищурилась, рассматривая позицию. Ей не нравилось, как развивается партия и к чему все идет. Головная боль усиливалась.

Встав из-за стола, Бет направилась к арбитру и попросила аспирин. Тот долго искал таблетки, нашел наконец, и она проглотила сразу три, запив их водой из бумажного стаканчика; затем вернулась к Фостеру. Когда она шла по залу, другие шахматисты поднимали головы, тарасились на нее, и Бет вдруг разозлилась на себя за то, что согласилась участвовать в этом третьесортном турнире и теперь вынуждена возвращаться к столу, чтобы разобраться с каким-то там Фостером. Все происходящее ее напрягало: если она выиграет партию, эта победа не будет иметь для нее никакого значения, если же проиграет, выставит себя на посмешище. Но нет, она не проиграет. Бенни Уоттс не сумел ее победить, а уж этому жеманному студенту из Луисвилла ни за что не загнать ее в угол. Она найдет ударную комбинацию и покончит с его королем.

Но комбинация все не находилась. Бет пристально наблюдала, как меняется положение на доске после каждого хода, и не видела для себя никаких перспектив. Фостер был хорош – явно сильнее, чем можно было судить по его рейтингу. Хорош, но не гениален. Люди, собравшиеся вокруг их стола в небольшом зале, молча смотрели, как Бет все глубже уходит в оборону, стараясь не подавать виду, что нервничает, однако тревога прорывалась в движениях. Что происходит с ее мозгом? Она же не пила целый день и две ночи. Что с ней не так? В глубине души нарастал страх: что, если она каким-то образом загубила свой дар?..

А потом, на двадцать третьем ходу, Фостер вдруг затеял череду разменов в центре доски, и Бет поняла, что не может это остановить. Девушка смотрела, как ее фигуры исчезают одна за другой, лагерь пустеет и мало-помалу она оказывается в безнадежно проигрышном положении перед соперником с материальным преимуществом двух пешек и рейтингом 1800. Она ничего не могла ему противопоставить. Он вот-вот проведет свою пешку в ферзи, и для нее это будет окончательным позором.

Бет сняла своего короля с доски до того, как Фостер совершил превращение, и покинула зал, не взглянув на соперника. Пробилась

сквозь толпу, стараясь никому не смотреть в лицо, и подошла к столу администраторов.

– Я плохо себя чувствую, – сказала она главному арбитру. – Придется отказаться от дальнейшего участия в турнире.

Бет в смятении, на ватных ногах, шагала по Мейн-стрит, запрещая себе думать о проигранной партии. Это было чудовищно. Захолустный турнир должен был стать для нее своего рода тестом – из тех, что устраивают себе алкоголики, – и она провалила испытание. Решила, что, вернувшись домой, не возьмет в рот ни капли спиртного – будет читать, играть в шахматы и собирать себя по кусочкам. Но мысль о том, что сейчас она окажется одна в пустом доме, наводила ужас. А что ей остается? Других занятий Бет не могла себе придумать, и не было в мире человека, которому она хотела бы позвонить. Проигранная партия, по сути, не имела никакого значения, турнир был ничтожный по уровню, но Бет задыхалась от унижения. Она бы не вынесла разговоров о том, как проиграла Фостеру, и не желала его видеть никогда в жизни. *Больше пить нельзя.* Через пять месяцев ее ждет настоящее соревнование – серьезный шахматный турнир в Калифорнии. *Что, если ее способности не восстановятся?* Что, если алкоголь разрушил в мозге синаптические связи, отвечавшие за шахматный талант? Она смыла свой дар вином, стерла его, как ластиком. Бет вспомнила прочитанную где-то историю о художнике, представителе поп-арта, который купил на аукционе подлинный карандашный рисунок Микеланджело, взял ластик – и *стер* его, так что в руках остался кусок пожелтевшей бумаги. Ее тогда ошеломило чувство утраты. И такое же чувство появилось сейчас, когда она представила себе собственный мозг, из которого изъяли шахматный дар.

Дома она попыталась читать советскую книгу о шахматах, не смогла сосредоточиться и, разложив на кухонном столе доску, начала воспроизводить свою партию с Фостером, но каждый ход был слишком мучительным. Чертова «каменная стена», опрометчиво пожертвованная пешка, бестолковая тактика, загубленная игра.

Похмельные шахматы. Зазвонил телефон – Бет не ответила. Она сидела за доской, и на мгновение ей болезненно захотелось, чтобы в мире нашелся хоть один человек, которому можно было бы сейчас позвонить. Гарри Белтик, наверное, вернулся в Луисвилл, но у нее все равно не было желания рассказывать ему об игре с Фостером. Он и сам наверняка узнает. Можно, конечно, позвонить Бенни. Но Бенни был с ней холоден после Парижа, и ей не хотелось с ним говорить. А больше никого и не было. Бет утомленно встала, открыла шкафчик рядом с холодильником, достала бутылку белого вина и налила себе полный бокал. Внутренний голос вопил «караул!», но она не обращала внимания. Опрокинула в себя полбокала и постояла, дожидаясь эффекта. Прикончила остаток и налила еще. Можно жить и без шахмат. Большинство людей так живут.

На следующее утро, проснувшись на диване, Бет, лежавшая в одежде из Парижа, которую надела вчера, отправляясь на турнир, и в которой проиграла партию Фостеру, вдруг перепугалась до дрожи – и это был новый, еще незнакомый страх. Ей почудилось – почти физически, – что мозг в буквальном смысле залит алкоголем, извилины залеплены вязкой массой, и от этого мышление буксует, разум затуманен. Но после завтрака она приняла душ, переоделась и снова налила себе бокал белого вина, проделав это механически – давно научилась выбрасывать из головы все мысли по утрам, совершая привычный ритуал. Главное, сначала надо было съесть бутерброд, чтобы спиртное не обожгло желудок.

Бет пила несколько дней, однако воспоминания о проигранной партии и страх, что она угробила свой талант, никуда не исчезли. Они переставали ее мучить, лишь когда она так зверски надиралась, что вообще не могла думать. В «Воскресной газете» напечатали заметку о ней – там была фотография, снятая утром перед началом первого тура в Старшей школе имени Генри Клея, и заголовок: «ЧЕМПИОНКА ПО ШАХМАТАМ ВЫБЫВАЕТ С ТУРНИРА». Бет отшвырнула газету, не прочитав заметку.

Однажды утром, после долгой ночи, заполненной мрачными сумбурными снами, она открыла глаза с удивительно ясным и четким осознанием того, что если немедленно не перестанет пить, потеряет все, что у нее есть. Она добровольно нырнула в эту страшную непроглядную пучину – теперь придется найти опору, от которой можно оттолкнуться и выплыть на поверхность. Ей нужна помощь. И вдруг с невероятным облегчением Бет поняла, кто может ей помочь и от кого она хочет эту помощь принять.

Глава 13

Имени Джолин Девитт не оказалось в телефонном справочнике города Лексингтона. Бет навела справки в Луисвилле и во Франкфорте штата Кентукки. Не было там никакой Джолин Девитт. Она могла выйти замуж и сменить фамилию, могла уехать в Чикаго или в Клондайк. Бет ничего не слышала о ней с тех пор, как покинула приют «Метуэн-Хоум». Оставался один-единственный способ отыскать Джолин. Документы на удочерение лежали в ящике письменного стола миссис Уитли. Бет достала всю папку и нашла письмо на бланке с отпечатанными красным шрифтом названием и адресом приюта; там же был и номер телефона. Она нервно повертела в руках это послание. В самом низу ровным мелким почерком было написано: «Хелен Дирдорфф, директор».

Был почти полдень, а Бет с утра не выпила ни капли. У нее мелькнула мысль смешать себе «Гибсон» для храбрости, но ничего глупее нельзя было придумать – «Гибсон» не только не поможет, но и положит конец ее решимости завязать. Может, она алкоголичка, но ведь не полная идиотка же. Поднявшись в спальню, Бет достала из тумбочки пузырек с мексиканским Либриумом и проглотила две таблетки, а в ожидании, когда спадет нервозность, спустилась в сад, на лужайку, недавно подстриженную местным парнем. Чайные розы наконец-то расцвели, и почти со всех лепестки уже осыпались – на конце стеблей покачивались пузатые, беременные семенами плоды, которых Бет не замечала, когда розы цвели в июне и в июле.

Возвращаясь на кухню, она чувствовала, как мало-помалу утихает волнение – транквилизаторы сработали. Только вот сколько клеток мозга убивает каждый их миллиграмм? Уж наверное, не больше, чем алкоголь. Бет вошла в гостиную и набрала номер приюта.

Секретарша в «Метуэне» попросила подождать. Бет вытряхнула из пузырька еще одну зеленую таблетку и закинула ее в рот. Наконец из трубки раздался голос, удивительно громкий и отчетливый:

– Хелен Дирдорфф слушает.

У Бет на мгновение пропал дар речи, ей захотелось повесить трубку, но она сделала вдох и сказала:

– Миссис Дирдорфф, это Бет Хармон.

– Неужели? – В голосе прозвучало удивление.

– Да.

– Что ж...

Последовала пауза, и Бет неожиданно подумала – может, миссис Дирдорфф просто нечего сказать? Ведь наверняка директрисе не менее трудно говорить с бывшей воспитанницей, чем ей самой – с директрисой.

– Что ж, – повторила миссис Дирдорфф. – Мы о тебе читали.

– Как поживает мистер Шейбел? – спросила Бет.

– По-прежнему с нами. Ты звонишь, чтобы разузнать о нем?

– Нет, о Джолин Девитт. Мне нужно с ней связаться.

– Прошу прощения, «Метуэн» не имеет права разглашать номера телефонов и адреса своих подопечных.

– Миссис Дирдорфф... – сказала Бет, и ее голос внезапно дрогнул от эмоций. – Миссис Дирдорфф, сделайте исключение. Мне очень нужно поговорить с Джолин.

– Есть закон...

– Миссис Дирдорфф, – перебила Бет. – *Пожалуйста.*

Директриса вдруг сменила казенный тон:

– Хорошо, Элизабет. Джолин Девитт живет в Лексингтоне. Вот ее номер...

* * *

– Мать твою за ногу! – выпалила Джолин в трубку. – За ногу, блин, твою мать!

– Как дела, Джолин? – Бет готова была разреветься, но заставила голос звучать ровно.

– Боже, детка, как же я рада тебя слышать! – засмеялась Джолин. – Ты все такая же уродина?

– А ты все такая же черная?

– Я-то да, черная леди. А вот ты уже не уродина. Я тебя вижу в журналах чаще, чем Барбару Стрейзанд. Моя подруга детства – знаменитость!

– Почему ты не звонила?

– От зависти.

– Джолин... тебя удочерили?

– Нет, бляха-муха. Выперли из приюта с дипломом об окончании. И ведь, блин, не дождалась от тебя ни открыточки, ни коробки с печеньками!

– Зато я приглашаю тебя сегодня вечером на ужин. Сможешь подъехать в семь к ресторану «У Тоби» на Мейн-стрит?

– Прогуляю лекцию ради тебя. Ну мать же твою так и разэтак! Чемпионка США по шахматам! Гениальная победительница в эпохальной игре!

– Об этом я и хочу с тобой поговорить, – сказала Бет.

Когда они встретились в ресторане «У Тоби», спонтанная легкость и непосредственность в общении куда-то исчезли. Бет за день не выпила ни капли спиртного, сходила к Роберте подстричься и вычистила кухню. Все это время она ощущала радостную дрожь от того, что увидит Джолин, и умирала от нетерпения, поэтому в ресторан приехала за четверть часа до условленного срока и нервно отклонила предложение официанта принести аперитив. Заказала колу, и большой бокал пузырился перед ней, когда пришла Джолин.

Сначала Бет ее не узнала: к столику направлялась женщина в костюме, как из коллекции Коко Шанель, с буйной шевелюрой в стиле «афро», и такая высокая, что невозможно было поверить, что это Джолин. Она выглядела, как кинозвезда или королева рок-н-ролла – с фигурой роскошнее, чем у Дайаны Росс, прекраснее Лины Хорн^[68]. Но улыбка и глаза принадлежали Джолин – Бет их помнила, и когда до нее дошло наконец, кто перед ней, она

неуклюже встала из-за столика и обняла подругу. От Джолин головокружительно пахло духами, и Бет совсем оробела. Джолин похлопала ее по спине, сжимая в объятиях:

– Бет Хармон! Старушка Бет!

Потом они сели, посмотрели друг на друга, и обе почувствовали неловкость. Бет решила, что все-таки придется взять выпивку, иначе она не справится, но когда подошел официант, очень вовремя нарушив их затянувшееся молчание, Джолин заказала газировку, так что Бет попросила еще одну колу.

Джолин принесла с собой что-то в большом конверте из плотной бумаги. Конверт она выложила на стол перед Бет, и та заглянула внутрь. Там оказалась книга, которую она мгновенно узнала: «Современные шахматные дебюты». Тот самый экземпляр, старый и потрепанный.

– Она все это время была у меня, – сказала Джолин. – Я злилась из-за того, что тебя удочерили.

Бет, нахмурившись, открыла титульный лист. Детским почерком в углу было написано: «Элизабет Хармон, «Метуэн-Хоум».

– Надо было родиться белой, – буркнула Бет.

– Ну, это само собой, – покивала Джолин.

Бет посмотрела еще раз на ее прекрасное и доброе лицо, на замечательные волосы, длинные черные ресницы, полные губы – и чувство неловкости улетучилось, сменившись облегчением. Бет широко улыбнулась:

– Как же я рада тебя видеть!

Вместо этого ей ужасно хотелось сказать: «Я тебя люблю».

Первые полчаса за ужином Джолин говорила только о «Метуэне» – вспоминала, как засыпала на духовных беседах в часовне и ненавидела приютскую стряпню, рассказывала о мистере Шелле, мисс Грэм и субботних киносеансах душеспасительной направленности, потешалась над миссис Дирдорфф, передразнивала ее суровую манеру говорить и качать головой. Она ела неторопливо, много смеялась, и Бет поймала себя на том, что от души хохочет

вместе с ней. Она уже не помнила, когда смеялась в последний раз, и уж точно ни с кем в жизни ей не было так легко, даже с миссис Уитли. К телятине Джолин заказала бокал белого вина. Бет поколебалась немного и попросила у официанта воду со льдом.

– Что, нос не дорос? – хмыкнула Джолин.

– Мне восемнадцать. Дело не в этом.

Джолин с удивлением вскинула бровь и принялась за жаркое. Через пару минут она снова заговорила:

– Знаешь, после того, как ты упорхнула в счастливое семейное гнездышко, я всерьез занялась волейболом. В восемнадцать получила диплом об окончании старшей школы в приюте, и университет дал мне стипендию на факультете физкультуры.

– И как тебе там?

– Нормально, – сказала Джолин, но как-то слишком поспешно. А потом качнула головой: – Нет, вру. Там полная ерунда. Я не собираюсь быть училкой физры.

– Можешь заняться чем-нибудь другим.

– До меня только в прошлом году, когда я сдала бакалавреат, дошло, куда нужно двигаться. – Джолин говорила с набитым ртом. Теперь она прожевала и подалась вперед, поставив локти на стол. – Хочу работать в судебной системе или в правительстве. Для таких, как я, сейчас самое время, а я трачу его впустую на теорию бега на месте и прокачку пресса. Руки вместе, ноги врозь, прыг-скок. – Ее голос сделался низким и серьезным: – Я черная женщина. И я сирота. Мое место в Гарварде. Я хочу, чтобы мои фото печатали во «Времени»^[69], как твои.

– Ты отлично смотрелась бы рядом с Барбарой Уолтерс^[70], – улыбнулась Бет. – Могла бы рассказать ей об эмоциональной депривации детей-сирот.

– Еще чего, – поморщилась Джолин. – Я бы рассказала о Хелен Дирдорфф и ее гребаных транквилизаторах.

Бет помедлила, но все же спросила:

– Ты их все еще пьешь?

– Нет, чтоб я сдохла. – Джолин вдруг рассмеялась. – Никогда не забуду, как ты хотела стырить целую банку этих таблеток! Стояла на табуретке в комнате отдыха, а перед тобой – весь приют. Старуха Дирдорфф застыла соляным столпом, у нас у всех челюсти отвисли, а ты – как героиня на пьедестале почета... – Она опять расхохоталась. – Правда героиня. Я потом о тебе всем новичкам байки травила, после того как ты уехала. – Джолин разделалась наконец с телятиной, отодвинула пустую тарелку к центру стола, откинулась на спинку стула и, достав из кармана пиджака пачку «Кента», задумчиво повертела ее в руках. – Когда твою фотографию напечатали в журнале «Жизнь», я вырезала ее и повесила на доску объявлений в библиотеке. Насколько мне известно, она все еще там висит. – Она прикурила сигарету от маленькой черной зажигалки и глубоко затянулась дымом. – «Моцарт в юбке производит фурор в мире шахмат». Это здóрово.

– Я все еще пью транквилизаторы, – сказала Бет. – Много и часто.

– Бедолага, – качнула головой Джолин, глядя на сигарету.

Молчание сделалось почти физически ощутимым, и Бет первой его нарушила:

– Давай закажем десерт.

– Мне шоколадный мусс, – согласилась Джолин.

Когда принесли сладкое, они по-прежнему молчали. Потом Джолин вдруг перестала есть, огляделась украдкой и тихо сказала:

– Ты скверно выглядишь, Бет. Бледная и отекшая.

Бет кивнула и доела свою порцию мусса.

Джолин предложила подбросить ее до дома на своем серебристом «Фольксвагене». Когда они уже подъезжали, Бет сказала:

– Может, зайдешь ненадолго, Джолин? Хочу, чтобы ты посмотрела, как я живу.

– Конечно, – кивнула та.

Бет показала, где съехать с дороги и припарковаться. Они вышли из машины.

– И что, весь этот дом – твой? – спросила Джолин.

– Да, – ответила Бет.

Джолин рассмеялась:

– Ты уже не бедная сиротка.

Едва они вошли в тесную прихожую, в нос ударил тяжелый и кислый застоявшийся запах, которого Бет не замечала раньше. В неловком молчании она включила свет в гостиной и огляделась. Толстый слой пыли на экране телевизора, пятна на журнальном столике, густая паутина в углу под потолком у лестницы – на это она тоже до сих пор не обращала внимания. Все здесь как будто протухло и заплесневело.

Джолин прошлась по комнате, осматриваясь.

– Ты, похоже, не только колесами закидываешься, детка, – прокомментировала она.

– Я пила вино.

– Это заметно.

Бет сварила кофе на кухне – по крайней мере, тут пол был чистый – и открыла окно в сад, чтобы проветрить.

На кухонном столе была разложена шахматная доска – Джолин взяла белого ферзя, подержала в руке, разглядывая его.

– Для меня настольные игры – жуткая скукота, – призналась она. – Шахматы я так и не освоила.

– Хочешь, научу?

Джолин засмеялась:

– Этого еще не хватало! – Она поставила ферзя обратно на доску. – Меня научили играть в гандбол, ракетбол и пэдлбол. Я играю в теннис, гольф, доджбол и знаю основы спортивной борьбы. Шахматы тут будут лишними. Лучше расскажи-ка подробнее о своей дружбе с вином.

Бет протянула ей большую чашку с кофе.

Джолин села за стол, достав сигарету. Высокая, красивая, с прической «афро» и в costume цвета морской волны, она словно вдохнула жизнь в блеклую, тусклую, серо-коричневую кухню.

– Все началось с таблеток? – спросила Джолин.
– Я к ним привыкла. Мне понравилось. По-настоящему.
Джолин дважды качнула головой из стороны в сторону.
– Сегодня я не пила, – отрывисто сказала Бет. – В следующем году я должна играть в СССР.
– С Лученко и Борговым, – кивнула Джолин.
Бет удивилась, что ей известны эти фамилии.
– Я боюсь.
– Тогда не надо туда ехать.
– Если откажусь, у меня больше ничего не останется. Кроме вина. Буду пить, и все.

– Ты, судя по твоему виду, именно это и делаешь.
– Я хочу завязать. С алкоголем и с таблетками. Хочу привести в порядок этот дом. Видишь, какая грязная плита? – Бет ткнула пальцем в сторону засаленных конфорок. – Мне нужно заниматься шахматами по восемь часов в день и участвовать в соревнованиях. Меня пригласили на турнир в Сан-Франциско и в «Вечернее шоу». Я должна быть там.

Джолин внимательно слушала.

– Но мне отчаянно хочется выпить, – продолжала Бет. – Если бы тебя здесь не было, я бы уже прикончила бутылку вина.

Джолин нахмурилась:

– Ты говоришь, как Сьюзен Хэйворд ^[71] в кино.
– Это не кино.
– Тогда хватит разыгрывать драму. Я скажу тебе, что нужно делать. Завтра утром, к десяти, приходи в спортзал на авеню Эвклида. Возьми с собой кеды и спортивные шорты. Перед тем как строить планы на будущее, тебе надо согнать эту алкогольную отечность, – сказала Джолин.

Бет с ужасом уставилась на нее:

– Я всегда ненавидела физру...
– Я помню, – кивнула Джолин.

Бет задумалась. В шкафчике у нее за спиной стояло несколько бутылок белого и красного – на мгновение захотелось, чтобы Джолин поскорее ушла и можно было достать бутылку, выдернуть пробку и налить себе полный бокал. Она даже почувствовала вкус вина на языке.

– Все будет не так уж плохо, – заверила Джолин. – Я одолжу тебе пару чистых полотенец, а после душа можешь взять мой фен.

– Как же я туда доберусь?

– Возьми такси. Пешком пройдишь, блин!

Бет растерянно смотрела на подругу.

– Тебе нужно двигаться, детка, – заявила та. – Хватит сидеть на заднице и жевать сопли.

– Ладно, – вздохнула Бет. – Завтра приду.

Когда Джолин ушла, она все-таки налила себе бокал белого, но только один. Открыла все окна и выпила вино во дворе, под полной луной, зависшей прямо над маленькой беседкой за домом. Поднялся легкий прохладный ветерок. Бет долго сидела на скамейке, потягивая вино и предоставив ветру играть занавесками, носиться из кухни в гостиную и обратно, разгоняя прогорклый воздух.

* * *

Спортзал оказался просторным, с высоким потолком и белыми стенами. Солнечный свет падал из огромных окон с той стороны, где стояли какие-то затейливые приспособления. Джолин была в желтом трико и кедах. Утро выдалось теплое, так что Бет приехала в белых спортивных шортах. В дальнем конце парень в серых трениках с печальным видом толкал штангу из упора лежа и покряхтывал. Больше в зале никого не было.

Начали с велотренажеров. Джолин выставила для Бет нагрузку на 10, для себя – на 60. Через десять минут оседлавшая тренажер Бет вся взмокла, и у нее заныли икры.

– Дальше будет хуже, – предупредила Джолин.

Бет, стиснув зубы, продолжила вертеть педали.

Потом она никак не могла взять правильный ритм на тренажере для бедер и спины, скользя задницей по скамейке, обтянутой искусственной кожей, – на скамейку пришлось лечь и поднимать ногами вес. Джолин нагрузила тренажер гирями всего на сорок фунтов^[72], но даже они казались Бет слишком тяжелыми. На следующем тренажере вес надо было поднимать лодыжками, и от этого болезненно растягивались и болели сухожилия в верхней части ног. Дальше Джолин усадила ее на какую-то штуку, похожую на электрический стул, и заставила толкать вес локтями, посоветовав:

– Напряги грудные мышцы.

– Я думала, там вообще нет мышц, – прокряхтела Бет.

Джолин засмеялась:

– Поверь мне детка, если хорошо поищешь, они и у тебя найдутся.

В итоге Бет обошла все тренажеры, под конец была злая как черт и едва дышала. Больше всего ее бесило то, что для себя Джолин везде ставила куда бóльшую нагрузку и даже не запыхалась. Впрочем, Джолин была в идеальной форме.

Душ после тренировки принес огромное удовольствие. Напор был сильный, и Бет включила воду на всю катушку, смывая пот. Она основательно намылилась и смотрела, как пена, сворачиваясь в белые хлопья, падает к ее ногам, а обжигающе горячие струи уносят эти хлопья в водосток.

В кафетерии женщина за прилавком протянула Бет тарелку с ее заказом – «солсберийским стейком»^[73], – но тут свой поднос рядом поставила Джолин и немедленно возмутилась:

– Ни в коем случае! – Она отобрала у Бет тарелку и вернула ее обратно. – Ничего тяжелого. И никакой картошки!

– У меня же нет лишнего веса, – сказала Бет, – картошка мне не повредит.

Джолин молча подтолкнула ее дальше вдоль прилавка с блюдами. Когда они проходили мимо желе и торта с баварским кремом, Джолин покачала головой.

– Ты вчера за ужином ела шоколадный мусс, – напомнила Бет.

– Вчера был особенный вечер. Сегодня другое дело.

Обедать они сели в одиннадцать тридцать, потому что в двенадцать у Джолин начиналась лекция. Бет спросила, на какую тему.

– «Восточная Европа в двадцатом веке», – ответила Джолин.

– Это проходят на факультете физкультуры? – удивилась Бет.

– Я тебе вчера не всё успела рассказать. После бакалавриата я пошла в магистратуру на факультет политологии.

Бет округлила глаза.

– *Honi soit qui mal у pense* ^[74], – сказала Джолин.

Когда Бет проснулась на следующее утро, у нее так болели икры и мышцы спины, что она решила не ходить в спортзал. Но открыв холодильник в поисках каких-нибудь завалявшихся продуктов на завтрак, она увидела упаковки с обедами быстрого приготовления, вспомнила вдруг бледные ноги миссис Уитли в скатанных до лодыжек чулках и, поевшись от отвращения, изменила свое решение. Затем принялась отдиравать от полки примерзшие коробки. При мысли о том, чтобы разогреть и съесть сейчас заледеневшую курицу, индюшку или ростбиф, ее затошнило, так что все упаковки она запихнула в пластиковый пакет из магазина и заглянула в шкафчик над тостером, где еще должны были остаться консервы. Перед банками стояли три бутылка вина «Альмаден Маунтин Райн». Бет поколебалась немного и захлопнула дверцу. Это она обдумает позже, а за завтраком обойдется тостом с черным кофе.

По дороге в спортзал она выбросила пакет с замороженными обедами в мусорный контейнер.

За ланчем Джолин рассказала, что в зале собраний у них вывешивают список студентов, которые выполняют разную неквалифицированную работу на территории университета за два

доллара в час. Потом Джолин пошла на лекцию, а Бет отметила для себя в этом списке два пункта: в три часа студент магистратуры бизнес-администрирования должен был выбивать ковры на заднем дворе, а чуть позже будущему искусствоведу предстояло драить холодильники и кухонные шкафы. Бет, разумеется, и не думала за ними надзирать, когда подошло время, – просто сидела неподалеку, зная, что так ее никто не потревожит, и отрабатывала на воображаемой доске варианты защиты Нимцовича.

К следующему понедельнику она уже легко проделывала упражнения на всех семи тренажерах за утро, а потом еще оставались силы на приседания. В среду Джолин добавила для нее на каждый тренажер по десятифунтовой гире, а приседать заставила с пятифунтовой гантелей. Еще через неделю они начали играть в гандбол. Бет двигалась неуклюже и быстро запыхалась. Джолин гоняла ее в хвост и в гриву, но Бет держалась упрямо, потев, задыхаясь и пару раз больно отбив себе ладонь о маленький черный мяч. Ей понадобились десять дней тренировок и пара удачных прыжков, чтобы одержать свою первую победу в тайме.

– Я знала, что ты очень скоро начнешь побеждать, – сказала Джолин, когда они обе, мокрые от пота, остановились отдышаться посреди площадки.

– Ненавижу проигрывать, – пропыхтела Бет.

В тот день дома ее ждало письмо от некой организации под названием «Всехристианский крестовый поход». На почтовой бумаге был вытеснен крест, сбоку в столбик отпечатаны два десятка фамилий с названиями должностей. Послание гласило:

Дорогая мисс Хармон!

Нам не удалось связаться с вами по телефону, поэтому мы воспользовались почтой, чтобы узнать, не откажетесь ли вы от поддержки «Всехристианского крестового похода» в поездке на соревнования в СССР.

«Всехристианский крестовый поход» – некоммерческая организация, полагающая своей целью отверзать Закрытые Двери для Слова Христова где только возможно. Нам стало известно, что вы Воспитанница Христианского Заведения, приюта «Метуэн-Хоум», мы сочли сей факт достойным внимания и хотели бы предложить помощь в вашей грядущей борьбе, ибо разделяем с вами одну христианскую веру и духовные устремления. Если вы заинтересованы в сотрудничестве, пожалуйста, обратитесь в наш хьюстонский офис.

Ваш брат во Христе

Кроуфорд Уокер, директор.

«Всехристианский крестовый поход»,

иностраннный отдел

Бет уже собиралась выбросить письмо в мусор, но вдруг вспомнила слова Бенни – он говорил, что часть расходов на его поездку в СССР оплатила религиозная организация. Номер телефона Бенни у нее был записан на клочке бумаге, который она положила в коробку с шахматными часами. Бет нашла его и набрала на аппарате.

Бенни снял трубку после третьего гудка.

– Привет. Это Бет.

Он ответил довольно холодно, но когда услышал о письме, пылко воскликнул:

– Соглашайся! У них куча денег!

– И они купят мне билеты в СССР?

– Не только это. Если ты попросишь, они и для меня оплатят всю поездку вместе с проживанием. В отдельных номерах, конечно, согласно их принципам.

– С какой стати им разбрасываться такими крупными суммами?

– Они хотят, чтобы мы уделали коммунистов во имя Иисуса. Этот «Всехристианский крестовый поход» оплатил часть моих расходов в СССР два года назад. – Бенни помолчал. – Не собираешься вернуться в Нью-Йорк? – Тон вопроса был подчеркнута нейтральный.

– Мне нужно еще побыть в Кентукки, – сказала Бет. – Я хожу в спортзал. И записалась на турнир в Калифорнии.

– Ясно, – отозвался Бенни. – Звучит обнадеживающе.

Тем же вечером она сочинила ответ «Всехристианскому крестовому походу», сообщив, что очень заинтересована в их поддержке и хотела бы взять с собой Бенджамин Уоттса в качестве ассистента. Нашла в гостиной бледно-голубую почтовую бумагу со штампом «Миссис Олстон Уитли» сверху. Фамилию приемной матери Бет зачеркнула и написала под ней «Элизабет Хармон». Шагая к почтовому ящику на углу улицы, чтобы бросить конверт, она решила прогуляться в центр города – купить новое постельное белье и новую кухонную скатерть.

* * *

Зимний воздух в Сан-Франциско был удивительно прозрачным – Бет нигде еще не видела такого освещения. Силуэты зданий приобретали в нем невероятную четкость линий, а когда она взобралась на Телеграфный холм и посмотрела вниз, у нее перехватило дыхание от открывшегося вида на круто уходящие к подножию в резком фокусе прямые улицы с домами и отелями и незамутненную синеву залива. На углу стояла цветочница, и Бет купила букетик ноготков. Оглянувшись на залив, она заметила молодую пару, тоже поднимающуюся к вершине и отставшую на квартал. Парень и девушка оба запыхались и остановились передохнуть. Бет обнаружила, что ей самой подъем дался безо всяких усилий, и решила, что надо будет подольше гулять в течение

недели, которую она здесь проведет. И хорошо бы подыскать спортзал поблизости.

Когда следующим утром она отправилась вверх по склону холма на турнир, воздух был такой же волшебный, а краски столь же яркие, как накануне, но Бет нервничала. Лифт в большом отеле оказался набит битком; несколько человек принялись с любопытством ее разглядывать, и пришлось с досадой отвернуться в угол. Когда она подошла к залу, у входа в который стоял стол администраторов турнира, сидевший там мужчина мгновенно оторвался от своих бумажек.

– Можно у вас зарегистрироваться? – спросила Бет.

– В этом нет необходимости, мисс Хармон. Проходите.

– За какой доской я играю?

Администратор, удивившись вопросу, поднял бровь:

– За доской номер один.

Доску номер один организаторы установили в отдельном помещении. Стол находился на подиуме высотой три фута, а панель, на которой воспроизводились ходы шахматистов для зрителей, была огромная, как экран для домашнего кинопроектора. С двух сторон стола стояли вращающиеся кресла с коричневой кожаной обивкой и хромированными деталями. До начала тура оставалось пять минут, и в комнате уже было тесно от зрителей – Бет пришлось пробираться к своему месту сквозь толпу. Когда ее заметили, разговоры начали стихать, и теперь уже все смотрели только на нее. Едва Бет ступила на лестницу, чтобы подняться на подиум, раздались аплодисменты. Она старалась сохранять невозмутимость, но внутри холодела от страха. В последний раз она играла в шахматы с соперником пять месяцев назад и потерпела поражение.

Сейчас она даже не знала, кто будет ее оппонентом – забыла спросить. Пару минут Бет сидела за столом одна, выбросив из головы все мысли, а потом к подиуму энергично проложил себе путь надменного вида молодой человек и поднялся по ступенькам. У него были длинные черные волосы и широкие обвислые усы. Бет его

лицо сразу показалось знакомым, и когда он представился, назвавшись Энди Левиттом, она сразу вспомнила, что читала о нем статью в «Шахматном обозрении». Левитт неуклюже уселся за стол, чопорно выпрямив спину; к нему тотчас подошел арбитр, наклонился и тихо сказал: «Можете запустить ее часы». Левитт с безразличным выражением лица хлопнул по кнопке над своим циферблатом – часы Бет затикали. Она, совладав с волнением, сделала ход ферзевой пешкой и постаралась больше ни на что не смотреть, кроме доски.

К миттельшпилю зрителей набралось еще больше; кого-то зажали в дверях, и арбитры зашикали на толпу, призывая всех к порядку. Бет еще ни разу не видела такой огромной аудитории на шахматных матчах. Она снова сосредоточилась на доске и осторожно поставила ладью на вскрытую вертикаль. Через три хода у нее появится возможность перейти в нападение, если Левитт не придумает способ перекрыть ей путь. И если она ничего не упустила. Бет начала продвигаться вперед медленно и осторожно, оттесняя пешек от его рокированного короля. Потом перевела дыхание и выдвинула ладью на седьмую горизонталь. Где-то на обочине сознания звучал хриплый пиратский голос человека в черном, шахматного бездельника, услышанный в Цинциннати много лет назал: «Эта ладья встала у него, как кость в горле, на седьмой горизонтали». Бет подняла голову и посмотрела поверх доски на Левитта. Он и правда выглядел так, будто у него в горле застряла кость, и довольно основательно. Бет охватило ликование при виде того, как соперник пытался взять себя в руки и сохранять невозмутимость. А когда за ладьей последовал ее ферзь и тоже грозно застыл на седьмой горизонтали, Левитт сдался без промедлений. Аплодисменты в зале были громкими и восторженными. Бет с улыбкой спустилась по ступенькам с подиума, и ее сразу окружили люди со старыми экземплярами «Шахматного обозрения» – хотели получить автограф на ее фотографии, украшавшей обложку; остальные просили расписаться на входном билете или просто на листе бумаги.

Подписывая очередной экземпляр журнала, Бет задержала взгляд на черно-белом снимке – она с большой призовой статуэткой турнира в Огайо стоит рядом с Бенни и Барнсом; на заднем плане, не в фокусе, видны другие участники. Ее лицо на снимке казалось усталым и безразличным, и Бет с внезапным стыдом вспомнила, что такой же выпуск «Шахматного обозрения» провалялся в кипе журналов на столике в гостиной нераспакованный целый месяц, прежде чем она вскрыла желто-коричневый конверт и увидела свою фотографию. Кто-то протянул ей еще один экземпляр журнала, и она отогнала воспоминания. Автографы Бет раздавала на ходу, пробираясь к выходу в заполненном людьми помещении и потом через такую же толпу в коридоре между комнатой с доской номер один и бальным залом отеля, где еще не закончили свои партии остальные участники турнира. Двое арбитров пытались утихомирить зрителей, чтобы не мешали другим шахматистам, когда она шла по залу; некоторые игроки поднимали головы от досок и сердито провожали ее взглядами. Все это воодушевляло и одновременно пугало Бет – она впервые оказалась в плотном кольце поклонников, смотревших на нее с восхищением и стремившихся пробиться поближе. Какая-то женщина, получив ее автограф, воскликнула:

– Я ничего не смыслю в шахматах, дорогая, но вы просто потрясающая!

А мужчина средних лет долго тряс ее руку со словами:

– Вы лучшая после Капабланки!

– Спасибо, – поблагодарила Бет. – Если бы мне это давалось так же легко, как ему...

«Но вроде бы это было не так уж и трудно», – подумала она вдруг. Ее мозг, похоже, был в полном порядке – все-таки не удалось загубить его алкоголем.

Она уверенной походкой направилась по улице к своему отелю под ярким солнцем. Через полгода ее ждет путешествие в СССР. «Всехристианский крестовый поход» согласился купить билеты «Аэрофлота» для нее, для Бенни и для женщины из Шахматной

федерации Соединенных Штатов, которая будет их сопровождать, а также оплатить номера в советской гостинице. Питание им обеспечат организаторы московского турнира. Она совершенствуется в шахматах по шесть часов в день и будет придерживаться этого режима.

Бет остановилась купить цветы – на этот раз гвоздики. Женщина за прилавком попросила автограф вчера вечером, когда Бет возвращалась в отель, поужинав в городе, так что она будет рада продать чемпионке США еще один букетик. Перед отъездом в Калифорнию Бет разослала чеки с оплатой за подписку в редакции всех журналов, которые видела в библиотеке Бенни. Теперь она будет получать *Deutsche Schachzeitung*^[75] – старейшее периодическое издание, посвященное шахматам, – а также «Британский шахматный журнал», «Шахматы в СССР»^[76] из Москвы, *Échecs Europe*^[77] и «Американский шахматный бюллетень». Бет планировала прочитать все гроссмейстерские партии, которые будут там напечатаны, а те, что покажутся ей особенно важными, выучить наизусть и тщательно проанализировать в них ходы, приводящие к неожиданным результатам или развивающие идеи, еще не приходившие ей в голову и не попадавшие в других матчах. Ранней весной можно съездить в Нью-Йорк – поучаствовать в Открытом турнире Соединенных Штатов по шахматам и провести пару недель с Бенни. Цветы у нее в руке пылали рубиновым светом, в новеньких джинсах и хлопчатобумажном свитере было комфортно и свежо на прохладном ветру Сан-Франциско, а в конце улицы открывалась синева залива, плескавшегося обещанием тысячи возможностей. Душа Бет безмолвно пела в ритме прибоя и рвалась вдаль, за Тихий океан.

* * *

Когда она вернулась домой с турнирным трофеем и призовым чеком за первое место, в стопке корреспонденции лежали два деловых конверта – один от Шахматной федерации Соединенных Штатов с чеком на четыреста долларов и лаконичным извинением за то, что они не могут прислать больше. Второй был от «Всехристианского крестового похода». Внутри находилось послание на трех страницах, в котором говорилось о необходимости способствовать всемирному распространению христианских идеалов и победе над коммунизмом ради пущего укоренения этих самых идеалов. Слова «Бог», «Его», «Ему» и так далее были выведены такими огромными печатными буквами, что Бет сделалось как-то не по себе. Подписано послание было четырьмя персонами, и все назвались ее «братьями во Христе». А между сложенными пополам листами оказался чек на четыре тысячи долларов. Бет долго держала его в руках. Денежный приз за первое место в только что выигранном турнире составлял две тысячи, и часть этой суммы покрывала ее расходы на путешествие в Сан-Франциско и обратно, а банковский счет за последние полгода заметно оскудел. Она не рассчитывала получить от техасских «крестоносцев» больше двух тысяч долларов, и пусть у этих людей головы забиты безумными идеями, зато их деньги для нее сейчас – воистину манна небесная.

Она бросилась звонить Бенни, чтобы поделиться хорошей новостью.

* * *

В среду утром, войдя в прихожую после игры в сквош с Джолин, Бет услышала телефонный звонок, поспешно содрала с себя дождевой плащ, бросила его на диван в гостиной и схватила трубку.

– Это Элизабет Хармон? – прозвучал женский голос.

– Да.

– Хелен Дирдорфф из «Метуэна».

Бет застыла в изумлении.

– Мне нужно тебе кое-что сказать, Элизабет. Мистер Шейбел умер сегодня ночью. Я подумала, тебе важно об этом узнать.

У Бет перед глазами сразу возникла картина: толстый старый уборщик склонился над шахматной доской в подвале приюта, у него над головой болтается голая лампочка, а она, восьмилетняя, стоит рядом и наблюдает за этим сосредоточенным, поглощенным таинственным действием, *странным* человеком, сидящим в одиночестве возле угольной печи.

– Сегодня ночью? – переспросила Бет.

– Инфаркт. Ему было за шестьдесят.

Следующие слова вырвались у нее будто сами собой, неосознанно, и Бет сама этому удивилась.

– Я хочу прийти на похороны, – сказала она.

– На похороны? – озадаченно повторила миссис Дирдорфф. – Я не знаю, когда они назначены. У него осталась незамужняя сестра, Хильда Шейбел. Можешь ей позвонить.

* * *

Шесть лет назад, когда супруги Уитли везли Бет в Лексингтон, они ехали узкими асфальтированными дорогами, проходившими через многочисленные городки, и когда машина останавливалась на светофорах, Бет видела из окна пестро одетых людей, переходивших улицы и спешивших по переполненным тротуарам, где у дверей магазинов образовывались столпотворения. Сейчас они вдвоем с Джолин мчались на «Фольксвагене» в обратном направлении по бетонной четырехполоске бóльшую часть пути, а городки попадались им на глаза только в виде названий на зеленых дорожных указателях.

– Он выглядел как полный придурок, – сказала Джолин.

– С ним нелегко было играть в шахматы. Наверное, я его боялась, – призналась Бет.

– Я их *всех* боялась, – пожала плечами Джолин. – Гребаные мазафакеры.

Бет посмотрела на подругу с удивлением – она всегда считала Джолин бесстрашной – и спросила:

– А Фергюссен?

– Фергюссен был ложкой меда в бочке дегтя. Но его я тоже боялась, когда он только появился. Потом, конечно, оказалось, что это нормальный чувак. – Джолин улыбнулась. – Старина Фергюссен...

Бет вспомнила, как подруга раздобыла для нее зеленые таблетки, когда их перестали выдавать в приюте, поколебалась немного, но все же задала вопрос:

– Между вами что-нибудь было?

Джолин рассмеялась:

– Хотелось бы, но нет.

– Сколько тебе было лет, когда ты попала в приют?

– Шесть.

– А ты что-нибудь знаешь о своих родственниках?

– Только о бабушке, но она умерла. Где-то под Луисвиллом. Да я и не хочу ничего о них знать. Мне плевать, внебрачная я дочь или законная. Плевать, почему меня отправили к бабке и почему та спланировала меня в «Метуэн». Я рада, что уже взрослая и свободна от всего этого дерьма. В августе у меня выпускные экзамены в магистратуре – сдам их и свалю из этого штата навсегда.

– А я помню свою мать, – сказала Бет. – Отца тоже, но не так отчетливо.

– Лучше забудь их. Если сможешь. – Джолин свернула на левую полосу, обгоняя грузовик с углем и два кемпера. Впереди на зеленом указателе белело количество оставшихся километров до Маунт-Стерлинга. Была весна, прошел ровно год с последнего долгого путешествия Бет на машине – тогда она с Бенни ехала в Нью-Йорк, и теперь вспомнила грязную Пенсильванскую магистраль. А это

бетонное шоссе было новеньким и аккуратным, по обеим сторонам тянулись белые бордюры, а дальше раскинулись поля Кентукки с фермерскими домиками.

Спустя некоторое время Джолин закурила сигарету.

– Куда ты поедешь, когда получишь диплом? – спросила Бет.

Она уже думала, что Джолин не расслышала, но та все-таки заговорила после долгого молчания:

– Мне предложили работу в адвокатской конторе в Атланте. Там одни белые, но перспектива выглядит многообещающе. – Она еще немного помолчала. – Им нужен образцово-показательный ниггер, чтобы идти в ногу со временем.

Бет с сомнением посмотрела на подругу:

– Будь я черной, не поехала бы так далеко на юг.

– Ты, может, и нет. Но в Атланте мне будут платить в два раза больше, чем я смогу получать в Нью-Йорке. Заниматься предлагают связями с общественностью, а это, насколько я понимаю, работа не пыльная. К тому же мне дадут отдельный кабинет с двумя окнами и белую девицу, чтобы печатала мои письма на машинке.

– Но ты же не юрист...

Джолин рассмеялась:

– Думаю, их это вполне устраивает. Файну, Слокаму и Ливингстону не нужна квалифицированная черная баба, которая будет что-то понимать в их махинациях, а нужна им презентабельная черная красотка с клевой задницей и хорошим словарным запасом. На собеседовании я так и сыпала словечками вроде «пенитенциарный» и «дихотомия». Они оценили.

– Джолин, – сказала Бет, – ты слишком умная для такой ерунды. Ты можешь преподавать в университете. И ты отличная спортсменка...

– Я знаю, что делаю, – отрезала Джолин. – Я виртуозно играю в теннис и в гольф, и у меня есть амбиции. – Она глубоко затянулась сигаретным дымом. – Ты даже не представляешь, насколько я амбициозна. Спортом занимаюсь без дураков, и тренеры говорят,

что я смогу стать профессиональной теннисисткой, если продолжу в том же духе.

– Так ведь это же хорошо.

Джолин медленно выдохнула дым.

– Бет, – сказала она, – я хочу всего того, что есть у тебя. Я не собираюсь два года отрабатывать удар слева, чтобы считаться профи по теннису в низшей лиге. Ты делаешь свое дело на высочайшем уровне так давно, что никому из нас, из всех остальных приютских, этого и не снилось.

– Я бы хотела быть такой же красивой, как ты. Хоть чуть-чуть походить на тебя.

– Хватит уже триндеть о моей внешности, – буркнула Джолин. – Нельзя же провести всю жизнь, любясь своим отражением в зеркале. К тому же повторяю: ты давно не уродина. Но самое важное – это твой талант. Я бы все отдала, чтобы играть в теннис так же, как ты играешь в шахматы.

В ее голосе звучала поразительная, безграничная уверенность. Бет посмотрела на ее профиль, на буйную шевелюру, достававшую до крыши машины, на крепкие гладкие коричневые руки, сжимающие рулевое колесо, на омраченное гневом лицо – и промолчала.

Через минуту Джолин сообщила:

– Ну вот и приехали.

В миле впереди по правой стороне улицы стояли три темных кирпичных здания с черными крышами и черными ставнями. «Метуэн-Хоум», приют для детей-сирот.

* * *

Выкрашенная желтой краской лестница в конце забетонированной дорожки вела к дверям. Когда-то ступеньки казались Бет высокими и величественными, а потускневшая медная вывеска поблескивала строгим предупреждением на будущее.

Теперь это был просто вход в обветшалое провинциальное учреждение. Краска на ступеньках набухла пузырями и потрескалась. Кусты по сторонам торчали неопрятными пучками веток, листья покрывал слой дорожной грязи. Джолин сразу пошла на спортплощадку и теперь задумчиво смотрела на ржавые качели и старую горку, куда детей пускали редко и только под присмотром Фергюссена. А Бет стояла на дорожке под ярким солнцем, разглядывая деревянные двери приюта. За ними был холл с большим кабинетом миссис Дирдорфф и прочими кабинетами; целое крыло занимали библиотека и часовня. В другом крыле находились две классные комнаты, а дальше, в самом конце коридора – дверь на лестницу, ведущую в подвал.

Она привыкла считать игру в шахматы по воскресеньям своей привилегией. Так и было до того самого дня. У нее до сих пор перехватывало горло при воспоминании о немой сцене, последовавшей за громким окриком миссис Дирдорфф: «Элизабет!» – и лавиной таблеток, обрушившейся на пол, и звоном осколков стекла. После этого не было никаких шахмат. Вместо этого по утрам в воскресенье Бет стала проводить по полтора часа в часовне, а перед началом духовных бесед помогала миссис Лонсдейл расставлять стулья. После бесед она сдвигала стулья обратно и еще час тратила на изложение. Целый год Бет писала эти изложения для миссис Дирдорфф по воскресеньям, а та возвращала их каждый понедельник с красными почеркушками и суровыми пометками вроде «Переписать. Неряшливая композиция». Для первого изложения Бет пришлось взять в библиотеке словарь и прочитать статью о коммунизме. В глубине души она чувствовала, что отношения христианства с коммунизмом гораздо сложнее, чем ей рассказывали.

Подошла Джолин и встала рядом, жмурясь на солнце.

– Ты ведь научилась играть в шахматы здесь, в приюте?

– В подвале.

– Блин, – сказала Джолин. – Им надо было создать для тебя все условия. Отправлять почаще на турниры. Они же, как и все, сами обрадовались бы рекламе.

– Рекламе? – рассеянно повторила Бет, выходя из оцепенения.

– Ну да. Реклама приносит деньги.

Бет никогда не задумывалась о том, что руководство приюта действительно могло помочь ей с шахматами – это стало до нее доходить только сейчас, на залитой солнцем дорожке у входа в здание. Она могла бы участвовать в турнирах уже в свои девяносто лет, как Бенни. Могла бы играть с гроссмейстерами и научиться у них тому, чего мистер Шейбел и мистер Ганц никогда не сумели бы ей дать. Она была сообразительной, способной, жадной до знаний и влюбленной в шахматы. Тот мальчик, Георгий Гирев, планировал стать чемпионом мира в шестнадцать лет; будь у нее хоть половина его возможностей, она играла бы на том же уровне в десять. На секунду весь бюрократический уклад советских шахмат наложился в ее сознании на бюрократический уклад приюта, и стало ясно: в шахматах нет ничего антихристианского и ничего антимарксистского. Шахматы вне любых идеологий. Дирдорфф ничего не стоило позволить ей играть – *создать условия* для изучения шахмат. «Метуэн» мог бы ею гордиться. Бет мысленно представила себе лицо Дирдорфф – узкое, с лихорадочным румянцем на щеках, с неодобрительной улыбочкой, с садистским блеском в глазах. Дирдорфф *наслаждалась*, лишая ее, Бет, любимой игры. Она получала от этого *удовольствие*.

– Хочешь, зайдём? – спросила Джолин.

– Нет. Давай искать мотель.

На территории мотеля оказался бассейн, расположенный всего в нескольких ярдах от дороги и окруженный старыми усталыми кленами. Вечер выдался достаточно теплым для краткого заплыва после ужина. Выяснилось, что Джолин еще и прекрасная пловчиха – пока Бет бултыхалась у бортика, она одолела расстояние туда и обратно, едва подняв легкую зыбь.

– Все-таки мы с тобой трусихи. Надо было сходить в кабинет директрисы. Выложить ей все, что мы о ней думаем, – сказала Джолин.

Похороны состоялись утром на Лютеранском кладбище. Вокруг закрытого гроба собрались десятков человек. Гроб был стандартного размера, и Бет мимолетно удивилась, как в нем мог уместиться мистер Шейбел с его габаритами. Церковь здесь была меньше, чем в Лексингтоне, но в целом все мало отличалось от похорон миссис Уитли. Через пять минут Бет охватили скука и тревожность, а Джолин начала зевать. После церемонии прощания скромная процессия двинулась за гробом к могиле.

– Помню, он однажды напугал меня до усрачки, – сказала Джолин. – Мистер Шелл послал меня за какой-то книжкой в библиотеку, я вошла, а Шейбел как заорет: «Вон отсюда!» Оказалось, он только что вымыл там пол. Сукин сын ненавидел детей.

– Миссис Дирдорфф не было в церкви.

– Никого из них не было.

Дальше все пошло еще унылее. Гроб опустили в могилу, священник прочитал молитву. Никто не плакал. Все выглядели, как люди, скучающие в очереди к банковской кассе. Молодыми здесь были только Бет и Джолин, остальные с ними не заговаривали, и как только гроб засыпали землей, девушки зашагали прочь по узкой тропинке старого кладбища, мимо обшарпанных могильных камней и пучков одуванчиков. Бет не скорбела о покойнике, не печалилась оттого, что мистера Шейбела больше нет. Она не испытывала ничего, кроме чувства вины, потому что так и не отдала ему десять долларов, обещанные за те пять, что он прислал когда-то по ее просьбе. Нужно было отправить ему по почте чек много лет назад.

На обратном пути в Лексингтон они должны были проехать мимо «Метуэна». Перед самым поворотом Бет сказала: «Давай все же зайдем. Мне нужно кое на что взглянуть», – и Джолин вырулила на подъездную дорогу к приюту. Она осталась сидеть в машине, а Бет направилась одна к боковому входу в административное здание.

Внутри было темно и прохладно. Миновав закрытую дверь с табличкой «ХЕЛЕН ДИРДОРФФ – ДИРЕКТОР», Бет свернула в учебное крыло, прошла по пустому коридору к двери в самом конце и толкнула ее. Внизу горел свет. Она медленно спустилась по ступенькам.

Шахматной доски там не было, зато столик, за которым раньше играл уборщик, по-прежнему стоял возле угольной печи, и железная табуретка находилась на своем месте. Над столиком горела голая лампочка. Бет постояла, глядя на столик, потом задумчиво села на табуретку мистера Шейбела, обвела взглядом помещение и увидела то, чего раньше там не было.

Позади того места, где в детстве сидела она сама, высилась перегородка из необструганных досок, прибитых гвоздями к деревянной раме. Раньше там висел старый календарь с видами Баварии. Теперь его сняли, и вся перегородка была покрыта фотографиями, вырезками из газет и журналов, обложками выпусков «Шахматного обозрения». Каждая бумажка была аккуратно завернута в прозрачную пленку, чтобы не пылилась и не пачкалась, и приклеена клейкой лентой по уголкам. На фотографиях была Бет. А на других вырезках – ее партии, опубликованные в «Шахматном обозрении», заметки из лексингтонской газеты «Геральд-лидер», из «Нью-Йоркского времени» и нескольких немецких журналов. Старая статья из «Жизни» тоже была там, и рядом – обложка «Шахматного обозрения», на которой Бет держала в руках награду с чемпионата США по шахматам. Остальные фотографии, поменьше, теснились на небольшом пространстве, некоторые в двух экземплярах. Всего снимков было штук двадцать.

* * *

– Ты нашла, что искала? – спросила Джолин, когда Бет вернулась в машину.

– Я нашла нечто большее, – ответила Бет. Она хотела сказать что-то еще, но промолчала.

Джолин развернула машину и вырулила с парковочного участка на дорогу, ведущую к высокоскоростному шоссе. Преодолев холм и очутившись на федеральной автостраде, «Фольксваген» резко прибавил скорость и пулей помчался вперед. Никто из девушек не оглянулся на Маунт-Стерлинг. Бет к тому времени перестала плакать и теперь вытирала лицо платком.

– Что, «нечто большее» оказалось слишком большим? – покосилась на нее Джолин.

– Нет. – Бет высморкалась. – Я в порядке.

* * *

Одна из двух женщин, та, что повыше, была похожа на Хелен Дирдорфф. Не внешне похожа – скорее, в ней чувствовалось духовное родство с директрисой. Она была в бежевом костюме, туфлях-лодочках и постоянно улыбалась деревянной улыбкой, лишенной эмоций. Звали ее миссис Блокер. Вторая была пухленькая и слегка застенчивая, в чем-то цветастом темных тонов и в строгой деловой обуви. Эта представилась как мисс Додж. Они ехали из техасского Хьюстона в Цинциннати и по пути заглянули побеседовать. Сейчас женщины сидели рядышком на диване в гостиной Бет и говорили о хьюстонском балете и о том, как повысился в городе культурный уровень, – видимо, хотели показать, что «Всехристианский крестовый поход» вовсе не является оголтелой фундаменталистской организацией. И разумеется, они явились для того, чтобы на нее посмотреть, предупредив о своем визите заранее, письмом.

Бет вежливо слушала, пока они рассказывали о Хьюстоне и агентстве, которое «Всехристианский крестовый поход» помог основать в Цинциннати, – это агентство будет заниматься охраной,

как они выразились, «христианской окружающей среды». Мало-помалу разговор начал сходиться на нет, и тогда мисс Додж сказала:

– На самом деле мы бы хотели, чтобы вы сделали заявление, Элизабет.

– Заявление? – переспросила Бет, сидевшая в кресле миссис Уитли напротив дивана.

– «Всехристианский крестовый поход» желает, чтобы вы огласили свою позицию публично, – перехватила у коллеги инициативу миссис Блокер. – В нашем мире, где столько людей предпочитают держать рот на замке...

– Какую позицию? – спросила Бет.

– Насколько нам известно, – сказала мисс Додж, – распространение коммунизма означает распространение атеизма.

– Вероятно, да, – пожала плечами Бет.

– Не вероятно, а доподлинно, – быстро вмешалась миссис Блокер. – Безусловный факт. Марксизм-ленинизм четко дает это понять. Священное Писание для Кремля – как красная тряпка для быка, и одна из первейших целей «Всехристианского крестового похода» – победа над Кремлем и засевшими там атеистами.

– У меня нет желания лезть в драку, – сказала Бет.

– Хорошо. Все, что нам нужно от вас, – это публичное заявление. – В голосе миссис Блокер Бет узнала нотки, которые уже слышала много лет назад от миссис Дирдорфф. Это был тон профессионального диктатора. И что-то подобное она чувствовала, когда соперник слишком рано выводил против нее ферзя.

– То есть вы хотите, чтобы я выступила перед журналистами?

– Вот именно! – обрадовалась миссис Блокер. – Если «Всехристианский крестовый поход» обязуется помочь вам... – Она замолчала и взяла в руки лежавший у нее на коленях большой конверт из плотной желто-коричневой бумаги, словно взвешивала его. – Мы тут кое-что подготовили.

Бет смотрела на нее с ненавистью и молчала.

Миссис Блокер, открыв конверт, достала оттуда лист бумаги с текстом и протянула его Бет.

Почтовая бумага оказалась та же, на какой было напечатано первое письмо от «Всехристианского крестового похода», и с тем же списком фамилий сбоку. Бет скользнула по списку взглядом, прочитала «Телса Р. Блокер, исполнительный секретарь» над полудюжиной мужских имен, которым предшествовало сокращение «преп.», потом бегло прочитала заявление для прессы. Некоторые словосочетания в нем были подчеркнуты, например «тесная связь коммунизма с атеизмом» и «воинственность Общества Христианских Устремлений». Она посмотрела поверх листа на миссис Блокер – та сидела, плотно сжав колени, и разглядывала гостиную с явным неодобрением.

– Я шахматистка, – тихо сказала Бет.

– Ну разумеется, дорогая, – кивнула миссис Блокер. – И христианка.

– Вот в этом я не уверена.

Миссис Блокер в изумлении уставилась на нее.

– В общем, я не буду это зачитывать публично, – добавила Бет.

Миссис Блокер подалась вперед и отобрала у нее заявление.

– «Всехристианский крестовый поход» уже вложил немалую сумму...

Этот блеск в глазах Бет тоже уже видела много лет назад.

– Я верну вам все деньги. – Она встала с кресла, подошла к письменному столу и достала чековую книжку, на мгновение почувствовав себя принципиальной дурой. Это были деньги на авиабилеты для нее, для Бенни и для женщины из Шахматной федерации США, которая должна была их сопровождать. А также деньги на проживание в московской гостинице и на непредвиденные расходы во время путешествия. Но в низу чека, присланного ей по почте месяц назад, в графе «Цель расхода», где обычно пишут «оплата за свет» или «за аренду», кто-то – возможно, сама миссис Блокер, – написал: «На христианское служение». Так что

Бет вырвала чистый бланк из чековой книжки, указала сумму 4000 долларов для «Всехристианского крестового похода», а внизу написала: «Полное возмещение убытков».

– Надеюсь, вы знаете, что делаете, дорогая, – сказала молчаливая мисс Додж с неожиданным сочувствием и даже участием.

– Я тоже на это надеюсь, – отозвалась Бет.

До отлета в Москву оставалось пять недель.

* * *

Бенни она дозвонилась с первой попытки.

– Ты спятила, – сказал он, выслушав ее.

– Так или иначе, я отказалась, и поздно идти на попятную.

– Билеты уже оплачены?

– Нет. Ничего не оплачено.

– «Интурист»^[78] бронирует номера в гостиницах по предоплате.

– Я знаю. – Бет не нравился тон Бенни. – У меня на счете две тысячи долларов. Было больше, но я много потратила на дом в Лексингтоне. Для поездки нужно еще три тысячи. Как минимум.

– У меня нет таких денег.

– Как это нет? Ты же умеешь зарабатывать.

– У меня их нет.

Последовало долгое молчание.

– Позвони в Шахматную федерацию, – продолжил Бенни, – или в Госдепартамент.

– В Федерации меня не любят, – сказала Бет. – Они считают, я мало делаю для популяризации шахмат.

– Ну так сходи на «Вечернее шоу» и к Филу Донахью^[79].

– Черт возьми, Бенни, не говори ерунду.

– Ты чокнутая. Какая тебе разница, во что верят эти кретины?

Кому и что ты собираешься доказать?

– Бенни, я не хочу ехать в СССР одна.

– Идиотка! – заорал он вдруг в трубку. – Долбаная идиотка, мать твою!

– Бенни...

– Сначала отказалась возвращаться в Нью-Йорк, теперь запорола все дело! Вали в свой СССР без меня, твою мать!

– Ладно, наверно, я зря отказалась от этих денег. – Бет внезапно охватил озноб. – Наверно, не следовало возвращать им чек.

– «Наверно» – любимое слово неудачников, – ледяным тоном процедил он.

– Бенни, мне очень жаль.

– Хватит. Ты с самого начала была занозой в заднице, такой и осталась. Не хочу больше с тобой говорить.

В трубке щелкнуло, и зазвучали гудки. Бет положила ее на рычажки телефона. Она все испортила. Потеряла Бенни.

Через некоторое время она позвонила в Шахматную федерацию и прождала на линии минут десять, прежде чем директор соизволил ответить. Он был любезен, полон сочувствия к ее проблемам, пожелал успехов в Москве, но сказал, что у Федерации нет лишних денег.

– Большую часть дохода мы получаем от продажи периодических изданий. Четыреста долларов, которые вы от нас уже получили, – это все, что мы можем для вас выделить.

Из Вашингтона с ней связались по запросу только на следующее утро. Некий О’Мэлли из Бюро по делам культуры, выслушав Бет, разразился речью о том, как счастливы все были в Госдепартаменте узнать, что она едет на московский турнир, чтобы «уделать русских в их коронной игре», и спросил, чем он может помочь.

– Мне нужны три тысячи долларов на эту поездку. В ближайшие дни.

– Посмотрим, что тут можно сделать, – сказал О’Мэлли. – Я перезвоню вам через час.

Он перезвонил через четыре часа. Бет все это время бродила то по кухне, то по саду и даже решилась позвонить Анне Реардон,

которую «Всехристианский крестовый поход» должен был приставить к ней в качестве сопровождающей. Анна Реардон имела рейтинг 1900 или около того в Женской шахматной лиге, а значит, более или менее разбиралась в шахматах. Бет однажды разгромила ее на турнире где-то в западных штатах – практически смела весь ее лагерь с доски. Но на другом конце линии никто не ответил. Тогда она приготовила себе кофе и принялась листать выпуски Deutsche Schachzeitung в ожидании звонка от О’Мэлли. Теперь ее почти физически тошнило от собственной глупости. Вот так просто взять и выкинуть деньги от «Всехристианского крестового похода»! Четыре тысячи долларов – ради красивого жеста.

Наконец зазвонил телефон.

С ней опять связался О’Мэлли. Не вышло. Он страшно извиняется, но государственные фонды не могут выделить ей финансирование так быстро – нужно время на рассмотрение заявки и утверждение в разных инстанциях.

– Однако мы обязательно пошлем с вами нашего представителя, – пообещал он.

– А нельзя получить три тысячи долларов наличными или чеком? Без дополнительных бумажек? Это не такая уж большая сумма. Мне не нужно государственное финансирование на подкуп советского правительства, я всего лишь хочу взять с собой в Москву двух помощников.

– Извините, – сказал О’Мэлли. – Мне правда очень жаль.

Повесив трубку, Бет вышла в сад. Завтра утром она отправит чек в вашингтонский офис «Интуриста» и поедет в СССР одна или с сопровождающим, которого найдет для нее Госдеп. Она все-таки учила русский и не будет чувствовать себя совсем беспомощной. В любом случае, все советские шахматисты знают английский. А к турниру она станет готовиться самостоятельно, без Бенни. Она уже много месяцев тренируется сама. Бет допила кофе. Она тренируется сама почти всю жизнь.

Глава 14

Они просидели семь часов в зале ожидания аэропорта Орли, и когда наконец подошло время посадки на борт «Аэрофлота», пассажиры выстроились в очередь к молодой женщине в униформе цвета хаки – она ставила штампы на билеты и внимательно изучала паспорта. Бет и мистера Буту, оказавшимся в самом хвосте, пришлось прождать еще час, но как только они все-таки добрались до стойки регистраторши, терпение Бет было вознаграждено, потому что женщина в униформе воскликнула: «Чемпионка по шахматам!» – и улыбнулась так светло и широко, что эта улыбка удивительным образом преобразила черты ее лица. А когда Бет улыбнулась в ответ, женщина сказала: «Удачи вам!» – и это прозвучало так искренне, словно она действительно желала ей удачи. Женщина была, конечно же, русская – никто из американских чиновников не узнал бы Бет ни в лицо, ни по фамилии.

Ее посадили в хвосте самолета, у иллюминатора. Кресла здесь были обиты толстой коричневой синтетикой, на подлокотниках белели салфетки. Рядом сидел мистер Бут. Она смотрела в иллюминатор на серое парижское небо и на залитую дождевой водой взлетную полосу. Самолеты тускло поблескивали боками в сыром вечернем воздухе. Бет казалось, что она уже в Москве. Через несколько минут стюард начал разносить стаканчики с водой. Мистер Бут отпил из своего почти половину и полез в карман пиджака. Порывшись там, он извлек маленькую серебряную фляжку и зубами выдернул пробку. Затем налил виски в стаканчик с водой, заткнул пробку на место и спрятал фляжку обратно в карман. Сначала он небрежно качнул стаканчиком в сторону Бет – мол, не желаете? – но она помотала головой. Отказаться в тот момент ей было нелегко, потому что выпивка пришлось бы очень кстати – ей не нравились ни этот странный самолет, ни человек, сидевший рядом.

Мистер Бут вызывал у Бет неприязнь с тех самых пор, как встретил ее в аэропорту Кеннеди и представился помощником заместителя министра из Бюро по делам культуры. Он сразу пообещал показать ей в Москве «все закоулки». Бет на закоулки смотреть не желала, особенно под руководством басовитого пожилого чиновника в темном костюме и с густыми изогнутыми бровями. Ко всему прочему он то и дело раздражался гулким театральным хохотом. Когда чиновник сообщил, что играл в шахматы во время учебы в Йеле в сороковые годы, она ничего не сказала; мистер Бут говорил об этом так, будто шахматы были каким-то объединявшим их постыдным извращением. Бет хотела лететь в Москву с Бенни Уоттсом. Но с Бенни не удалось даже связаться по телефону накануне вечером – в первые два раза она набирала номер, и линия была занята, а потом никто не отвечал. Директор американской Шахматной федерации прислал ей открытку с пожеланием успехов, тем проводы и ограничились.

Бет откинулась на спинку сиденья, закрыла глаза и попыталась расслабиться, отрешившись от голосов вокруг – в салоне звучала русская, немецкая и французская речь. В кармане сумочки у нее лежал пузырек с тридцатью зелеными таблетками. Она не принимала транквилизаторы уже полгода, но подумала, что можно будет проглотить одну в самолете, если потребуется. Уж лучше таблетка, чем алкоголь. А отдохнуть надо было обязательно – долгое ожидание в аэропорту истрепало ей нервы. Она дважды пыталась дозвониться до Джолин, но та, как и Бенни, не ответила.

Бенни Уоттс сейчас был ей просто необходим. И он сидел бы здесь, не поведи она себя как распоследняя дура. Надо было взять деньги у «Всехристианского крестового похода» и прочитать по бумажке их ерунду, на которую ей в общем-то наплевать. Хотя нет. Дать жесткий отказ людям, которые на нее давили, не повестись на их провокацию – это вовсе не дурацкий поступок. Но так или иначе, Бенни с ней сейчас не было, а она отчаянно нуждалась в его присутствии. Бет представила на мгновение, что путешествует с

Таунсом и они вместе проводят время в Москве. Получилось не очень. Ей нужен был Бенни, а не Таунс. Она скучала по Бенни, по его проворному и трезвому уму, по строгим суждениям и упрямству, по огромному багажу знаний о шахматах и по тонкому пониманию ее самой. Он мог бы сидеть сейчас на месте Бута, и они говорили бы о шахматах, а в Москве после каждой партии на турнире устраивали бы подробный разбор и разрабатывали стратегию игры со следующим противником. Вместе обедали бы в ресторане отеля, как когда-то Бет обедала с миссис Уитли; посмотрели бы Москву и занимались любовью в номере когда заблагорассудится. Но Бенни был в Нью-Йорке, а она – в унылом салоне лайнера, летевшего в сторону Восточной Европы.

Когда они уже приземлялись, вынырнув из тяжелых облаков, и Бет впервые взглянула с высоты на Россию, эта земля показалась ей похожей на Кентукки. Она все-таки проглотила три зеленые таблетки и в полете проспала беспокойным сном несколько часов, так что теперь ее одолело странное ватное оцепенение и в глазах мутилось, как когда-то после долгого путешествия на междугороднем автобусе компании «Грейхаунд». Тогда она наелась таблетками посреди ночи – пробралась по узкому проходу мимо спавших людей в конец салона и налила воду, чтобы запить пилюлю, из большой бутылки в смешной пластиковый стаканчик.

В аэропорту Москвы мистер Бут оказался на удивление полезным: он знал местные правила, хорошо говорил по-русски и сразу отвел Бет к нужной таможенной стойке. Дальше все тоже было неожиданно легко: симпатичный пожилой человек в униформе бегло осмотрел ее ручную кладь, открыл оба чемодана, поднял и положил обратно пару вещей – на этом таможенный осмотр и закончился.

У дверей аэропорта их ждал посольский лимузин. Они поехали по дороге, бежавшей вдоль полей, где в бледном утреннем свете уже работали мужчины и женщины. По полю, тянувшемуся до самого горизонта, ползли три огромных трактора – куда больше тех, что Бет видела в Америке. Автомобилей на дороге было мало. Потом

лимузин ехал по улицам, на которых стояли шести- и восьмиэтажные дома с маленькими окнами; несмотря на серое небо, было теплое июньское утро, и люди сидели у подъездов. Дорога начала расширяться, на пути попался маленький парк с буйной зеленью, за ним еще один – побольше, а дальше стояли огромные новые дома, такие солидные и величественные, будто построенные на века. Дорожное движение стало интенсивнее, на обочинах появились велосипедисты, а на тротуарах – толпы прохожих.

Мистер Бут в помятом костюме откинулся затылком на спинку сиденья и дремал. Бет, напряженно застыв в уголке длинного салона, смотрела в окно со своей стороны. В облике Москвы не было ничего враждебного или угрожающего, она была похожа на любой большой город. Но расслабиться Бет не удавалось. На следующее утро должен был начаться турнир. Она чувствовала себя одинокой и напуганной.

* * *

Ее преподаватель на языковых курсах при университете говорил, что русские пьют чай из больших стаканов и процеживают его через кусочек сахара, зажатый в зубах, но в просторной, затемненной шторами гостиной отеля чай подали в изящным фарфоровых чашечках с золотистым меандровым орнаментом. Бет сидела в викторианском кресле с высокой спинкой, плотно сжав колени, с чашкой чая в одной руке и блюдцем с тяжелым маленьким кусочком рулета в другой и пыталась внимательно слушать директора турнира. Он произнес несколько предложений на английском, затем повторил их на французском и снова заговорил по-английски: организаторы рады приветствовать гостей в Советском Союзе, туры будут начинаться ежедневно ровно в десять утра, у каждой доски будет неотлучно находиться арбитр, и к нему можно обращаться в случае любых затруднений; курить и есть во время партий запрещается, но

при необходимости игроки имеют право отлучиться в комнату отдыха в сопровождении кого-то из обслуживающего персонала, для этого нужно всего лишь поднять руку, чтобы привлечь внимание дежурного.

Кресла были расставлены в круг; директор турнира находился справа от Бет, напротив нее сидели Дмитрий Лученко, Виктор Лаев и Леонид Шапкин – все в идеально скроенных костюмах, белых рубашках и темных галстуках. Мистер Бут говорил, что советские мужчины выглядят так, будто заказывают одежду по каталогу «Монтгомери Уорд»^[80] тридцатых годов, но костюмы шахматистов были из элегантного дорогого серого габардина и других шерстяных тканей. Эти трое – Лученко, Лаев и Шапкин – являли собой пантеон, перед которым благоговел весь американский шахматный истеблишмент. А по ее левую руку сидел Василий Боргов. Бет никак не могла заставить себя взглянуть на него, но находилась так близко, что чувствовала запах его одеколona. Между Борговым и остальными русскими шахматистами расположился еще один пантеон, не менее прославленный: Жоржи Фленту из Бразилии, Бернт Хельстрём из Финляндии и Жан-Поль Дюамель из Бельгии, все одетые так же консервативно. Бет пила чай и старалась не подавать виду, что нервничает. Было девять тридцать утра, за окном светило восхитительное летнее солнце, но тяжелые коричневые шторы на высоких окнах были плотно задернуты. Кресла щеголяли коричневой бархатной обивкой с золотистым узором; роскошный восточный ковер на полу выглядел так, будто попал сюда из какого-нибудь музея, стены были обшиты палисандровыми панелями.

В эту гостиную Бет явилась в сопровождении эскорта из двух советских женщин, обменялась рукопожатием со всеми шахматистами, и они сидели в такой компании уже полчаса. Накануне ночью, лежа на кровати в огромном и странном номере отеля, она слушала, как где-то капает вода, и не могла заснуть, поэтому встала и полностью оделась в половине восьмого, так что уже успела вспотеть в своем дорогом, темно-синем, сшитом на заказ

платье, а нейлоновые чулки противно липли к ногам. Бет чувствовала себя здесь ужасно неуютно – всякий раз, когда она пересекалась взглядом с кем-то из мужчин, они ей улыбались, и она сама себе казалась ребенком, который вынужден играть социальную роль взрослого. И еще у нее болела голова. Надо было сразу попросить у директора турнира аспирин.

Наконец директор закончил выступление, и мужчины встали. Бет тоже вскочила, так что чашка звякнула о блюдец – сразу подошел обслуживавший гостей официант в белой косоворотке, чтобы чашку с блюдцем забрать. Боргов, взглянувший на Бет один-единственный раз в самом начале, когда небрежно пожимал ей руку, прошел мимо, не обратив на нее никакого внимания. Он направлялся к двери, которую открыл директор, и остальные шахматисты последовали за ним. Перед Бет шел Шапкин, позади – Хельстрём. В застеленном коврами коридоре ее догнал Лученко.

– Я очень рад, что вы здесь, – сказал он. – Жду не дождусь нашей с вами партии.

У него были длинные седые волосы, как у какого-нибудь дирижера оркестра, и серебристо-серый галстук, безупречно завязанный на накрахмаленном белом воротничке. Русский шахматист смотрел на Бет с искренней симпатией.

– Спасибо, – сказала она.

Ей попадались статьи о Лученко еще в средней школе. «Шахматное обозрение» писало о нем с благоговением, которое Бет и сама испытывала сейчас. Тогда он был чемпионом мира по шахматам, но несколько лет назад уступил это звание Боргову в длительном матче.

Они долго шли по коридору, прежде чем директор турнира остановился перед дверью и открыл ее. Боргов вошел первым, остальные потянулись за ним.

Они оказались в помещении, похожем на вестибюль, с еще одной дверью в дальнем конце. Из-за второй двери доносился приглушенный гул, а когда директор распахнул ее, шум стал громче.

В проеме был виден только край темного занавеса, но когда Бет ступила за порог и огляделась, у нее захватило дух. Они оказались в огромном зрительном зале, заполненном людьми. Вид открывался, как со сцены Радио-Сити-Мьюзик-холла: ряды кресел тянулись вдаль на сотни ярдов, и даже откидные сиденья в проходах были заняты зрителями, которые оживленно беседовали. Как только шахматисты вышли по красной ковровой дорожке на сцену, разговоры в зале тотчас смолкли, все взгляды устремились на них. Над партером находился широкий балкон, задрапированный алой тканью, и оттуда на участников турнира тоже смотрели десятки людей.

На сцене стояли четыре широких стола, все новые, блестящие лаком; на них лежали большие шахматные доски с уже расставленными фигурами. Справа от лагеря черных рядом с каждой доской стояли крупные шахматные часы в деревянном корпусе; справа от белых – пузатый графин с водой и два стакана. Вертящиеся кресла с высокими спинками разместили таким образом, чтобы зрители из зала видели шахматистов в профиль. Позади столов несли вахту арбитры в белых рубашках с черными галстуками-бабочками, а у них за спиной стояли большие стенды с изображением шахматных досок и с плоскими фигурами в начальной позиции. Освещение было яркое, но не слепящее – свет на столы падал от люстр под потолком.

Директор турнира, улыбнувшись Бет, взял ее за руку и вывел на середину сцены. Притихшая аудитория замерла в ожидании. Он подошел к микрофону и заговорил по-русски – Бет разобрала слова «шахматы», «Советский Союз» и собственное имя: Элизабет Хармон. Внезапно грянули аплодисменты – искренние, радостные, оглушительные; Бет физически ощутила тепло и симпатию, исходившие от зрителей. Директор проводил ее к крайнему столу и усадил за черные фигуры. Дальше он одного за другим кратко представил остальных иностранных участников, и те тоже получили свою порцию жарких аплодисментов. Настала очередь советских шахматистов, вперед выступил Лаев. Ему рукоплескали еще громче,

а когда зрителям кланялся последний, Василий Боргов, в зале поднялась настоящая овация.

Первым соперником Бет был Лаев. Он сел напротив нее, когда аудитория начинала приветствовать Боргова, и Бет украдкой его разглядывала, пока не стихли аплодисменты. Лаеву было лет двадцать пять, на худощавом молодом лице застыла напряженная улыбка, брови досадливо сошлись на переносице, тонкие пальцы в течение всей овации неслышно барабанили по столу.

Как только аплодисменты наконец стихли, директор турнира, покрасневший от волнения, приблизился к столу, за которым Боргов играл белыми, и сам запустил его часы. Затем он перешел ко второму столу и сделал то же самое. У крайнего стола директор многозначительно улыбнулся обоим соперникам и решительно нажал на кнопку над циферблатом Бет, начав отсчет игрового времени Лаева.

Виктор Лаев чуть слышно вздохнул и переставил королевскую пешку на четвертую горизонталь. Бет без колебаний выдвинула вперед пешку ферзевого слона, испытывая огромное облегчение от того, что теперь можно просто играть в шахматы. Фигуры на доске были крупные и увесистые, они приносили утешение одним своим видом – каждая стоит точно по центру поля, строгая, с четкими линиями, идеально выточенная и отполированная. Доски были покрыты матовым лаком и украшены медной окантовкой по периметру. Кресло казалось солидным и устойчивым, но при этом мягким и комфортным. Бет с удовольствием устроилась на нем поудобнее и увидела, как Лаев делает следующий ход: королевский конь на третье поле слона. Она подняла ферзевого коня, наслаждаясь приятной тяжестью фигуры в руке, и опустила его на третье поле ферзевого слона. Лаев сыграл пешкой на четвертое поле ферзя – Бет сбила ее своей пешкой и поставила на стол справа от часов. Арбитр, поворачиваясь к ним спиной, воспроизводил каждый ход на демонстрационном стенде. Бет еще ощущала напряжение в шее и плечах, но потихоньку начинала расслабляться.

Да, она в Советском Союзе, и многое здесь кажется странным, но шахматы остаются шахматами.

Стиль игры Лаева она изучила по партиям в турнирных бюллетенях и не сомневалась, что если на шестом ходу ее пешка займет четвертое поле короля, соперник применит вариант Болеславского, развив коня на третье поле слона, и затем проведет рокировку на королевском фланге. Именно так он сыграл дважды – против Петросяна и против Таля в 1965 году. На важных соревнованиях шахматисты порой применяли новые, неожиданные комбинации, специально готовили их заранее, обдумывая неделями, но Бет подозревала, что русские не станут так уж стараться ради победы над ней. Русские полагали, что она играет примерно на том же уровне, что и Бенни Уоттс, а шахматисты масштаба Лаева не стали бы тратить много времени на подготовку к партии с Бенни. Бет не была сильным соперником по их стандартам; необычным в ней было только одно – пол. Необычным, но не уникальным для шахматного мира в СССР – здесь уже прославилась Нона Гаприндашвили^[81], и хотя пока она еще не достигла уровня, необходимого для участия в таком турнире, раньше ей неоднократно доводилось играть со всеми этими русскими гроссмейстерами. В общем, Лаев рассчитывал на легкую победу. Он развил коня и рокировался, как Бет и предполагала. Она порадовалась, что не зря потратила последние полгода на изучение чужих партий – приятно, когда знаешь, чего ждать от соперника, – и тоже сделала рокировку.

Темп игры постепенно стал падать, после того как они ход за ходом, без единой ошибки ни с одной, ни с другой стороны, завершили дебют и вступили в сбалансированный миттельшпиль. Каждый из соперников к этом этапу лишился по одному коню и по одному слону, а оба короля были надежно защищены, и слабых мест в позициях черных и белых не наблюдалось. К восемнадцатому ходу на доске установилось опасное равновесие. Атакующие шахматы, создавшие Бет репутацию в Америке, здесь были невозможны –

неспешно развивалась замысловатая партия, утонченная и изысканная, как игра камерного оркестра.

Лаев играл белыми, и до сих пор это было его единственным преимуществом. Он делал ходы, которые несли ложные угрозы, но Бет уклонялась от них, не теряя темпа и не ослабляя своей позиции. На двадцать четвертом ходу она нашла возможность устроить ловушку: вскрыть вертикаль для своей ферзевой ладьи, заставив соперника отвести слона. Лаев долго изучал положение на доске, а потом взглянул на Бет по-новому, так, будто увидел ее впервые, и она ощутила дрожь ликования. Лаев еще раз изучил позицию и все-таки отвел слона. Бет пошла ладьей. Теперь силы окончательно сравнялись.

Еще через пять ходов Бет получила шанс перейти в наступление. Она вывела пешку на пятую горизонталь, предлагая ее в жертву. Этот красивый ход заставлял Лаева занять оборонительную позицию. Он не взял пешку, но ему пришлось переставить коня, которому эта пешка угрожала, назад, на поле перед своим ферзем. Бет перенесла ладью на третью горизонталь, и он опять вынужден был защищаться. Она пока не устраивала жесткой атаки – теснила его осторожно, без напора, – однако постепенно Лаев сдавал позиции. Он старался сохранять невозмутимость, хотя наверняка был сильно удивлен: советские гроссмейстеры не могли ожидать ничего подобного от американской девчонки. Так или иначе, Бет продолжала потихоньку его теснить и наконец добилась такой расстановки фигур, при которой можно было безопасно занять уцелевшим конем пятое поле ферзя, откуда белые не сумеют его выбить. Она переместила коня, а еще через два хода вывела ладью на королевскую вертикаль, прямо перед белым королем. Лаев долго изучал доску под громкое тиканье часов, а потом сделал то, на что Бет надеялась всей душой, – выдвинул пешку королевского слона в атаку на ее ладью. Нажимая на кнопку над своим циферблатом, он не смотрел на соперницу.

Бет без колебаний подхватила слона и сбила им белую пешку, предлагая свою фигуру в жертву. Когда арбитр повторил этот ход на

демонстрационном стенде, она услышала приглушенный гул в зале – зрители зашептались, обсуждая увиденное. Лаеву необходимо было что-то предпринять, он не мог проигнорировать ее слона. Задумавшись, русский шахматист одной рукой взъерошил волосы, другой принялся барабанить по столу кончиками пальцев. Бет откинулась на спинку кресла и напряженно ждала. Она загнала соперника в угол.

Лаев обдумывал ситуацию двадцать минут. А потом вдруг встал из-за стола и протянул Бет руку. Она вскочила и пожала его ладонь. В зале царил тишина. Директор турнира подошел к их столу и тоже обменялся с Бет рукопожатием. Они вместе направились за кулисы, и тут грянули оглушительные аплодисменты.

* * *

У Бет был назначен ланч с мистером Бутом и дипломатами из американского посольства, но когда она пришла в просторный вестибюль отеля, похожий на застеленный коврами спортивный зал с расставленными вдоль стен викторианскими креслами, его там не было. Женщина за конторкой администратора передала ей оставленное мистером Бутом послание на листке бумаги: «Мне страшно жаль, но возникли кое-какие рабочие вопросы, так что мы не сможем сходить в ресторан. Буду на связи». Послание было отпечатано на машинке, и фамилия мистера Бута внизу тоже отпечатана. Бет зашла в одно из обеденных помещений отеля – оно тоже было похоже на застеленный коврами спортзал, и ей хватило знания русского языка, чтобы заказать «блинчики» и чай с ежевичным вареньем. Официант – юноша с очень серьезным лицом, выглядевший лет на четырнадцать, – принес ей тарелку с чем-то похожим на американские гречишные оладьи, приправленные подтаявшим маслом, а еще вазочки с икрой и сметаной, к которым прилагалась серебряная ложечка. За исключением группы военных

в армейской офицерской форме и двух чиновничьего вида мужчин в костюмах-тройках здесь никого не было. Через минуту к Бет подошел другой официант с серебряным подносом, на котором поблескивали графин с прозрачной жидкостью и стеклянная рюмка. Официант вежливо улыбнулся:

– *Водка?*

Бет резко качнула головой:

– *Нет,* – и налила себе воды из графина, стоявшего в центре столика.

Вторая половина дня у нее была свободной, и Бет могла бы прогуляться по *площади Свердлова* и *Белому городу*, зайти в музей в храме Василия Блаженного, но, несмотря на чудесную летнюю погоду, у нее не возникло желания выходить из отеля. Может, завтра или послезавтра. Она чувствовала усталость, надо было вздремнуть. Утром она выиграла свою первую партию у русского гроссмейстера, и для нее это было важнее всего того, что можно увидеть в огромном незнакомом городе. Она проведет здесь еще восемь дней – у нее будет время посмотреть Москву. Из-за столика в ресторане отеля она встала в два часа и направилась к лифту, окончательно решив подняться в номер и поспать.

Однако нервы были так взвинчены игрой с Лаевым, что заснуть не удалось. Бет целый час пролежала на огромной мягкой кровати, глядя в потолок и прокручивая утреннюю партию в уме снова и снова, выискивая слабости в собственных позициях и порой испытывая восторг от тех или иных собственных ходов. Добираясь до того момента, когда приносила в жертву своего слона, она восклицала «Оп!» или «Бац!» – и это было здорово. Она не сделала за всю игру ни единой ошибки – или, по крайней мере, не нашла ни одной, анализируя партию. В ее позициях не было слабостей. Лаев нервно барабанил пальцами по столу и хмурился, но когда он сдавался, вид у него был отсутствующий и усталый.

Наконец, отдохнув немного, Бет встала с кровати, надела джинсы с белой футболкой и отдернула тяжелую штору на окне. С восьмого

этажа открывался вид на площадь, где пересекалось несколько бульваров; время от времени мелькали машины, внося оживление на пустой проезжей части, а за бульварами зеленел парк, густо засаженный деревьями. Бет все-таки решила прогуляться.

Но надевая носки и туфли, она задумалась о Дюамеле, против которого ей предстояло играть белыми на следующее утро. Она знала всего лишь две его партии, и обе были опубликованы много лет назад. В журналах, которые она привезла с собой, должны быть поновее – надо их разобрать. Кроме того, особый интерес представляла партия, которую Дюамель утром доигрывал с Лученко, когда Бет уже уходила из зрительного зала. Все сегодняшние партии напечатают и раздадут участникам турнира вечером, на официальном ужине в ресторане отеля. Лучше ограничиться разминкой в номере – приседания заменят прогулку, а в парк она сходит в другой раз.

* * *

Ужин не просто нагонял скуку – бесил до невозможности. Бет сидела на одном конце стола с Дюамелем, Фленту и Хельстрёмом; советские шахматисты с женами – на другом. Рядом с Борговым, занимавшим место во главе стола, была женщина, которую Бет уже видела с ним в зоопарке Мехико. Русские гроссмейстеры смеялись, пили много чая и бурно жестикулировали; супруги взирали на них с обожанием и помалкивали. Даже Лаев, который утром за игрой казался замкнутым и вялым, сейчас искрился энергией. Все они подчеркнуто не обращали внимания на иностранных гостей. Бет попыталась было завести беседу с Фленту, но он плохо говорил по-английски, а от его натянутой улыбки, не сходившей с лица, ей делалось не по себе. Оставив попытки наладить общение, она сосредоточилась на еде и постаралась отрешиться от гомона, не стихавшего на другом конце стола.

После ужина директор турнира раздал распечатанные записи партий, сыгранных за день. Бет принялась их изучать, поднимаясь на лифте в номер, и начала с партии Боргова. Две другие окончились вничью, но Боргов свою выиграл – решительно и бесповоротно.

* * *

На следующее утро водитель отвез ее к зрительному залу, где проходил турнир, другой дорогой, и теперь Бет увидела большую толпу на улице перед зданием; некоторые люди укрывались темными зонтиками от утренней мороси. Водитель высадил ее у бокового входа, как и в прошлый раз. Там тоже собрались поклонники – наверное, два десятка человек, – и, пока она шла к подъезду, горячо ей рукоплескали. Кто-то выкрикнул: «*Елизавета Хармон!*» – в тот момент, когда охранник закрывал за ней дверь.

На девятом ходу Дюамель принял неверное решение, и Бет немедленно этим воспользовалась, обездвигив его короля на поле перед ладьей. На время это лишило соперника свободы маневров, а она тем временем развила второго слона. Бет изучила его партии и знала, что Дюамель осторожен и силен в обороне. Накануне ночью она пришла к выводу, что надо терпеливо дожидаться подходящей возможности и стремительно разгромить его позиции. К четырнадцатому ходу оба ее слона нацелились на его короля; к девятнадцатому она вскрыла для этих фигур диагонали. Дюамель защищался, умело используя своих коней, чтобы держать ее на расстоянии, но Бет вывела ферзя, и с этим он уже не справился. Его двадцатый ход был безнадежной попыткой отразить атаку. На двадцать втором Дюамель сдался. Партия заняла меньше часа.

Они играли на дальнем от выхода за кулисы краю сцены, Боргов и Фленту – на ближнем. Когда Бет проходила мимо их стола под приглушенные аплодисменты зрителей, которые старались не мешать шахматистам, еще не закончившим партии, Боргов на нее

взглянул. Впервые с той встречи на турнире в Мехико он целую секунду смотрел прямо ей в лицо, и этот взгляд напугал Бет до дрожи.

В каком-то странном порыве она, уже скрывшись за занавесом, остановилась на мгновение, а потом осторожно вернулась на пару шагов и выглянула на сцену. Кресло Боргова оказалось пустым. Он стоял на другом краю и смотрел на демонстрационный стенд с финальной позицией партии Бет и Дюамеля. Одной рукой задумчиво тер подбородок, другую засунул в карман пиджака и хмурился, изучая положение на доске. Бет торопливо развернулась и выскочила в коридор за сценой.

После обеда она прогулялась по бульвару и по узкой улочке вышла к парку. Бульвар назывался *улица Сокольники*, и дорожное движение там было интенсивное – много машин и пешеходов. Некоторые люди внимательно на нее смотрели, кто-то ей улыбался, но ни один прохожий не пытался заговорить. Дождик закончился, распогодилось, и огромные угрюмые здания по сторонам улицы были уже не так похожи под ярким солнцем на тюремные корпуса.

В парке были обширные лесные зоны, настоящие чащобы; вдоль тропинок стояли чугунные скамеечки, на которых сидели в основном старики. Бет шла мимо них, стараясь не обращать внимания на любопытные взгляды, пересекла несколько густых темных рощ, куда не проникали солнечные лучи, и внезапно оказалась на обширной поляне с разбросанными по ней треугольными клумбами. В центре поляны стояла постройка, напоминавшая длинный крытый павильон, а под его крышей за рядами столов сидели люди и играли в шахматы. Заняты были как минимум четыре десятка досок. Раньше Бет видела в Нью-Йорке – в Центральном парке и в парке на Вашингтон-Сквер – пожилых шахматистов, но никогда в таком огромном количестве. Здесь же целая толпа игроков заполнила павильон, по размерам подобный ангару, а те, кому не хватило места внутри, сидели с досками на лестнице.

Бет помедлила на стертых мраморных ступенях, ведущих в павильон. Рядом, там же, на ступеньках, примостились два старика с обшарпанной шахматной доской. Один, постарше, лысый и беззубый, играл королевский гамбит; второй использовал против него контргамбит Фалькбеера. Бет эта схема казалась старомодной, но с тем, что игра идет утонченная и сложная, она поспорить не могла. Старики на нее не смотрели – она поднялась по лестнице мимо них и вошла под навес.

Здесь стояли четыре ряда бетонных столов с нарисованными на них краской шахматными досками, за каждым сидели по два игрока, все мужчины. Кое-где за их спинами собрались группки зрителей и непрошенных советчиков. Но разговоров было мало. Издалека долетали радостные крики детей, звучавшие по-русски точно так же, как на всех остальных языках. Бет медленно шла между двумя рядами столов, дыша табачным дымом, поднимавшимся струйками из трубок шахматистов. Некоторые вскидывали взгляд, когда она проходила мимо, и ей даже показалось, что у кого-то на лице мелькало узнавание, но никто с ней не заговорил. Эти люди были старыми, очень старыми – большинство, наверное, помнили революцию. И одевались они в темных тонах, даже хлопчатобумажные летние рубашки были темно-серыми. Они походили на всех стариков в мире – десятки инкарнаций мистера Шейбела, играющие партии, которые никто и никогда не удостоит вниманием. На многих столах лежали выпуски «Шахмат в СССР».

Около одного стола Бет задержалась – позиция на доске показалась ей любопытной. Это была атака Рихтера-Раузера в сицилианской защите. Бет в свои шестнадцать лет написала о ней скромную заметку для «Шахматного обозрения». Соперники играли правильно, а в расположении черных пешек были легкие отклонения, которых она нигде раньше не видела. Однако в таком варианте определенно просматривался смысл. Это были шахматы высокого уровня. Первоклассная партия, разыгранная двумя стариками в дешевой рабочей одежде. Тот, который играл белыми,

сделал ход королевским слоном, поднял глаза на Бет и нахмурился. Ей вдруг стало ужасно неловко: девушка с модной в Америке прической, в дорогом кашемировом свитере, в нейлоновых колготках и светло-голубой юбке стоит среди всех этих русских стариков. Одни только туфли-лодочки на ней стоили не меньше их ежемесячной пенсии.

А потом морщинистое лицо смотревшего на нее старика вдруг просияло и расплылось в широкой беззубой улыбке. «Хармон? Елизавета Хармон?» – спросил он, и Бет в изумлении сказала по-русски: «Да». И прежде чем она успела понять, что происходит, этот русский вскочил, бросился к ней и обнял, радостно повторяя: «Хармон! Хармон!» Вокруг них мгновенно образовалась толпа стариков в серой одежде, и все они улыбались, протягивали к Бет ладони, желая пожать руку, и десяток человек обращались к ней одновременно по-русски.

* * *

Партии против Хельстрёма и Шапкина были тяжелыми, беспощадными и утомительными, но ни разу ей не угрожала опасность мата. Работа, которую она проделала за последние полгода, изучая шахматы, принесла плоды – Бет так основательно выстраивала дебюты, что преимущество сохранялось за ней и в миттельшпильях, и она шла вперед, пока соперник наконец не сдавался. Хельстрём плохо принял поражение и ушел, не сказав ей ни слова. Зато Шапкин оказался вежливым и очень достойным человеком – признал победу Бет со всем уважением, хотя она разнесла его вдребезги, решительно и безжалостно.

На турнире каждый игрок должен был сыграть семь партий. Участникам раздали списки пар после ознакомительной речи директора в первый же день, и Бет положила свою копию в тумбочку у кровати, рядом с пузырьком зеленых таблеток. В

последний день ей предстояло играть белыми против Боргова. Сегодня ей выпали черные фигуры и Лученко в качестве соперника.

Лученко был здесь самым старшим. Он стал чемпионом мира по шахматам, когда Бет еще не родилась, он мальчишкой обыграл великого Алёхина на показательном турнире, он заключил ничью с Ботвинником и разгромил Бронштейна в Гаване. Сейчас это, конечно, был уже не тот свирепый хищник, что прежде, но Бет знала, что Лученко по-прежнему очень опасный атакующий игрок. Она изучила десятки его партий в советском «Шахматном бюллетене», некоторые подробно разбирала с Бенни в тот месяц в Нью-Йорке, и мощь атак Лученко казалась ошеломительной даже ей, при ее-то любви к стремительным нападениям. Лученко был потрясающим шахматистом и неординарной личностью. С ним нужно было вести себя крайне осторожно.

Они играли за первым столом, который накануне занимал Боргов со своим соперником. Лученко слегка поклонился и стоял около кресла, пока Бет усаживалась. Сегодня на русском шахматисте был светло-серый костюм с шелковым отливом, а когда он шел к столу, Бет обратила внимание на его обувь – черные, начищенные до блеска туфли из мягкой на вид кожи, наверное итальянские. Сама Бет была в темно-зеленом хлопчатобумажном платье с белой каймой на воротничке и рукавах. Ночью она хорошо выспалась и чувствовала себя готовой к игре.

Однако на двенадцатом ходу Лученко пошел в наступление, сначала почти незаметно – пешкой на третье поле ферзевой ладьи. Через полчаса он устроил пешечный штурм на ферзевом фланге, и Бет пришлось отказаться от собственных планов, чтобы с этим разобраться. Она долго изучала позицию, прежде чем вывела на защиту коня. Ей самой этот ход не нравился, но вариантов не было. Она взглянула поверх доски на Лученко. Он слегка качнул головой – слегка, но как-то демонстративно, театрально, – и на его губах появилась едва различимая улыбка. А затем он продолжил продвигать вперед свою коневую пешку, будто и не заметил, где

теперь стоит конь соперницы. «*Что он делает?*» – мелькнуло в голове у Бет. Она еще раз изучила положение на доске – и похолодела. Если ничего не предпринять прямо сейчас, ей придется взять конем его ладейную пешку, и тогда через четыре хода он сможет вывести своего слона, который пока что стоит на дальней горизонтали и выглядит вполне безобидно, на пятое поле коня, на ее разоренный ферзевый фланг, и обменять его на ферзевую ладью. Эта схема маячила на горизонте еще семь ходов назад, и Бет ее тогда не разглядела.

Она поставила локти на стол, подперла кулаками щеки и глубоко задумалась. Нужно было искать выход. Она забыла о Лученко, о переполненном зрительном зале, о тиканье часов, отмерявших ее игровое время, выбросила из головы все лишние мысли и принялась тщательно перебирать варианты продолжения партии, десятки вариантов. Но ни один не годился. Лучшее, что она могла сделать, – это пойти на размен и взять в утешение ладейную пешку соперника. А он тем временем продолжит атаку на ферзевом фланге. Бет такая перспектива не нравилась, однако выбора не оставалось. *Надо было это предвидеть.* Она сделала вынужденный ход пешкой ферзевой ладьи, а дальше просто наблюдала, как события развиваются сами собой. Через семь ходов Лученко обменял слона на ладью – в животе Бет скручивался тугой узел, пока она смотрела, как он берет ее фигуру и ставит рядом с доской. Через два хода она взяла его ладейную пешку, но от этого не было никакой пользы. Позиция ее лагеря стала слабее, и теперь напряжение сковало все тело.

Остановить пешечное наступление на ферзевом фланге – уже одно это было неподъемной задачей. Чтобы ее решить, Бет пришлось уступить заработанное преимущество в одну пешку, отдав свою, а как только она это сделала, Лученко сдвоил ладьи на вертикали короля. Он не собирался ослаблять натиск. Бет создала угрозу его королю в качестве дымовой завесы и попыталась разменять одну из двух его ладей на свою единственную. Устраивать размен, когда у тебя меньше фигур, чем у соперника, нельзя, потому

что это увеличивает его материальное преимущество, но у нее не было выхода. Лученко легко сдал свою фигуру, и Бет с ненавистью смотрела на белоснежные пряди, упавшие на лоб шахматиста, когда он брал ее фигуру взамен, и ненавидела его за это. Ненавидела за театральные волосы, за театральное покачивание головой, за то, что в результате размена усилилась его позиция. Если размен продолжится, она останется ни с чем. Необходимо найти какой-то способ его сдержать.

Миттельшпиль был полон интриг и коварства. У обоих соперников ход каждой фигуры поддерживала еще одна, а то и две. Бет старательно избегала разменов и пыталась выстроить клин, который вернет игру к равенству позиций. Лученко заранее предвосхищал все ее действия и разрушал планы, переставляя фигуры уверенной рукой с безупречно обработанными ногтями. Интервалы между ходами были велики. Бет то и дело видела проблески возможностей, которые обещали открыться для нее на той или иной горизонтали через несколько ходов, но ни одной она не сумела воспользоваться. Лученко вывел ладью на третью горизонталь, поставив ее перед своим рокированным королем, – теперь свобода маневра фигуры ограничивалась тремя полями. Если бы только удалось добраться до нее, прежде чем Лученко уберет своего коня... Бет так отчаянно сосредоточилась на этой позиции, что на секунду ей почудилось, будто ладья сейчас вспыхнет и сгорит дотла под ее взглядом, как под лазерным лучом. В своем воображении она атаковала эту ладью конями, пешками, ферзем, даже королем; она пыталась мысленно внушить сопернику, чтобы тот вывел пешку, которая перекроет два поля отступления для ладьи, но в реальности ничего не могла сделать.

От всех этих умственных усилий у Бет закружилась голова. Она убрала со стола локти, сложила руки на коленях и взглянула на шахматные часы: у нее осталось пятнадцать минут игрового времени. Бет в панике посмотрела на листок с записью партии – нужно сделать еще три хода до того, как упадет флажок, или ей

засчитают просрочку. У Лученко в запасе было сорок минут. Ей ничего не оставалось, как совершить все три хода как можно быстрее. Она обдумала прыжок коня на пятое поле коня и пришла к выводу, что ход надежный, пусть и бесполезный, поэтому сделала его немедленно. Лученко ответил так, как она и ожидала: он решил заставить ее отвести коня обратно, на четвертое поле короля, и это вполне устраивало Бет. У нее осталось семь минут. Она внимательно изучила положение на доске и перенесла слона на диагональ, где стояла ее ладья. Лученко пошел ладьей, и Бет заранее знала, что он поступит именно так. Она махнула рукой арбитру, записала свой следующий ход на листе бумаги, прикрывая его ладонью от соперника, сложила лист пополам и, сказав: «Откладываем», – протянула подошедшему арбитру, чтобы тот положил его в конверт и запечатал. Бет чувствовала полное опустошение. Когда она устало брела прочь со сцены, в зале никто не аплодировал.

* * *

Ночь была жаркая, и Бет оставила окно открытым. Она сидела за роскошным письменным столом с инкрустацией, разложив на нем шахматную доску, и пристально изучала отложенную партию, выискивая возможности создать неприятности белой ладье или использовать уязвимость этой фигуры, чтобы отвлечь Лученко и провести атаку в другом месте. Через два часа жара в комнате стала казаться невыносимой. Бет решила спуститься в вестибюль и прогуляться по кварталу, если портье заверит ее, что это безопасно и законно. Голова кружилась от напряженных размышлений, и еще от того, что за день Бет почти ничего не ела. «Неплохо бы заправиться чизбургером». Она криво усмехнулась этой мысли: чизбургерами в путешествиях питалась американская публика того сорта, к которому Бет никогда не желала себя причислять. «Господи, до чего же я устала!» – мелькнула другая мысль. Но немного прогуляться все-таки

не помешает, а потом она ляжет спать. Отложенная партия продолжится только завтра вечером – будет много времени, чтобы еще подумать над ней после утренней игры с Фленту.

Лифт находился в дальнем конце коридора. Из-за жары во многих номерах были распахнуты двери и, проходя мимо одной из них, Бет услышала голоса – похоже, спорили несколько мужчин. Поравнявшись с дверным проемом, она бросила туда взгляд – номер, вероятно, был многокомнатный, потому что из коридора была видна большая гостиная. С потолка, отделанного лепниной, свисала хрустальная люстра, под ней стояли два пухлых дивана с зеленой обивкой, на дальней стене висели картины в темных тонах, написанные маслом. Шагнув вперед, Бет заметила в глубине открытую дверь, ведущую в спальню. Вокруг стола, расположенного между креслами и диванами, стояли трое мужчин в рубашках, без пиджаков; на краю стола поблескивали хрустальный графин и три рюмки, а в центре была разложена шахматная доска. Один из мужчин быстро переставлял фигуры, двое других внимательно наблюдали и комментировали. Бет узнала всех троих: наблюдателями оказались Тигран Петросян и Михаил Таль, а фигуры переставлял Василий Боргов. Это были три лучших шахматиста в мире, и, по всей вероятности, они вместе анализировали позицию Боргова в его отложенной партии с Дюамелем.

Однажды в детстве Бет шла по коридору в административном крыле приюта и на секунду остановилась у распахнутой двери кабинета миссис Дирдорфф – раньше эта дверь всегда стояла закрытой. Опасливо заглянув внутрь, девочка увидела директрису и пожилую пару – все трое были увлечены беседой и стояли так близко друг к другу, что их головы почти соприкасались. Бет и не думала, что миссис Дирдорфф способна на такую интимность в отношениях с кем бы то ни было. Мир взрослых открылся ей так внезапно, и это было так странно, что она испытала потрясение. Миссис Дирдорфф тыкала пальцем в лацкан пиджака мужчины, что-то ему выговаривая лицом к лицу, глаза в глаза. Больше эту пожилую

пару Бет никогда не видела, не знала, кто они и о чем беседовали с директрисой, но сама сцена навсегда сохранилась в ее памяти. И теперь при виде Боргова, который в своем номере продумывал следующий ход в отложенной партии с помощью Таля и Петросяна, ее охватило точно такое же чувство. Она ощутила себя лишней, неуместной, незначительной – ребенком, случайно заглянувшим в мир взрослых. Сколько можно притворяться? Ей срочно нужна помощь. Бет неуклюже поспешила дальше к лифту, чувствуя себя чудовищно одинокой.

* * *

Толпа у бокового входа в здание, где проходил турнир, заметно подросла. Когда Бет утром выходила из лимузина, люди хором скандировали: «Хармон! Хармон!» – махали ей руками и улыбались. Некоторые пытались к ней прикоснуться, и она нервно отстранялась, заставляя себя улыбаться в ответ. Ночью она спала урывками, часто вскакивала с постели и подбегала к доске, чтобы еще раз обдумать свою позицию в отложенной партии с Лученко, или кружила босиком по комнате, вспоминая Боргова и двух его помощников без пиджаков, с растянутыми узлами галстуков. Эта троица стояла над шахматной доской, как Рузвельт, Черчилль и Сталин над картой заключительного этапа Второй мировой войны. Она, Бет, могла сколько угодно твердить себе, что равна по уровню каждому из русских шахматистов, тем не менее ей казалось, что эти взрослые мужчины в костюмах и тяжелых черных ботинках владеют неким знанием, которого ей не постичь никогда, – и делалось страшно. Она пыталась думать о собственной карьере, о своем стремительном восхождении на главную вершину американского шахматного мира, о том, как она победила Бенни Уоттса, о том, как вынудила сдаться Лаева, ни на секунду не усомнившись в своих действиях во время игры с ним, о том, как, будучи ребенком, нашла ошибку в партии

великого Морфи. Но все это выглядело несущественным и тривиальным, после того как она случайно заглянула в мир советского шахматного истеблишмента, в номер, где трое мужчин совещались между собой тихими голосами, изучая позицию на доске с такой уверенностью в собственных силах, какая Бет и не снилась.

Единственным плюсом сегодня утром было то, что ей предстояло играть с Фленту – самым слабым шахматистом на этом турнире. Он уже выбыл из борьбы за первое место, поскольку одну партию проиграл, а в двух согласился на ничью. Только у Бет, Боргова и Лученко на счету не было ни одного поражения и ни одной ничьей. Перед началом партии она выпила чашку чая, и это ее немного успокоило. Более того, оказавшись среди шахматистов, в одном помещении с ними, Бет вдруг почувствовала, как ночные страхи рассеиваются и всё, из-за чего она не могла заснуть, отступает на дальний план. Боргов тоже пил чай, когда она вошла, и, как обычно, не удостоил ее взглядом. Но с чашкой в руке он выглядел не таким уж и страшным, как в ее разыгравшемся ночью воображении, – скорее, глуповатым и скучным. Явился директор турнира, чтобы проводить их на сцену, и, покидая комнату отдыха, Боргов вдруг посмотрел на Бет и приподнял бровь – мол, ну вот, снова-здорово, – и она поймала себя на том, что слегка улыбнулась ему в ответ. Поставив чашку на столик, она тоже встала и последовала за другими участниками турнира.

Бет была в курсе эксцентричной карьеры Жоржи Фленту и помнила наизусть дюжину его партий. Еще до отъезда из Лексингтона она решила, что если ей выпадет играть против него белыми, надо будет применить английское начало. Так она и сделала сейчас, сидя на сцене, – пошла пешкой ферзевого слона на червертую горизонталь. Этот дебют был похож на сицилианскую защиту, только наоборот, и Бет чувствовала себя вполне комфортно.

Она выиграла партию, хотя на это у нее ушло четыре с половиной часа и сама игра оказалась утомительнее и противнее, чем можно

было ожидать. Фленту развернул борьбу на двух главных диагоналях и поначалу развивал систему четырех коней, на голову превосходя соперницу в изощренности. Но едва они вступили в миттельшпиль, Бет увидела возможность изменить расстановку сил серией разменов – и немедленно за нее ухватилась. Она постепенно воспряла духом, занявшись не слишком привычным делом – повела пешку по доске, неспешно, методично, и продолжала продвижение вперед, пока не добралась до седьмой горизонтали. Чтобы сбить эту пешку, Фленту пришлось бы расстаться с последней уцелевшей фигурой. В итоге он сдался. На этот раз аплодисменты были громче обычного.

Часы показывали половину третьего. Бет пропустила завтрак и устала до невозможности. Надо было пообедать и немного поспать – она нуждалась в хорошем отдыхе перед продолжением отложенной партии с Лученко.

Пообедала она на скорую руку в ресторане отеля – заказала пирог со шпинатом и местный вариант картошки фри, а когда вернулась в номер в половине четвертого и легла на кровать, оказалось, что о сне придется забыть: откуда-то сверху доносился стук молотка, как будто в комнате над ней рабочие тщательно приколачивали к полу новый ковер. Бет слышала тяжелые шаги, а время от времени раздавался грохот, словно там швыряли на пол с высоты человеческого роста мяч для боулинга. Она пролежала в кровати минут двадцать, но отдохнуть так и не удалось.

К тому часу, как она поужинала и приехала в здание, где находился зрительный зал, Бет чувствовала себя изнуренной, как никогда в жизни. Голова болела, мышцы, не успевшие расслабиться, ныли от долгого сидения за шахматной доской. Уж лучше бы ее днем шарахнули дубиной так, чтобы она вырубилась на несколько часов перед этой встречей с Лученко. Надо было все-таки рискнуть и принять Либриум – туман в голове она пережила бы легче, чем это кошмарное состояние усталости.

Лученко, вошедший в помещение, где доигрывались отложенные партии, выглядел спокойным и отдохнувшим. Костюм – на этот раз из темной шерстяной ткани – был безупречно выглажен и сидел на нем как влитой. У Бет мелькнула мысль, что всю одежду он, должно быть, покупает за границей. Лученко адресовал ей вежливую, сдержанную улыбку. Бет заставила себя кивнуть и выговорить: «Добрый вечер».

Для отложенных партий здесь поставили два стола. На одном шахматная доска с классическим ладейно-пешечным окончанием дождалась Боргова и Дюамеля. На другой доске фигуры были расставлены в той позиции, в которой прервали игру Бет и Лученко. Когда она садилась за стол, Боргов с Дюамелем вошли одновременно и проследовали в дальний конец комнаты, к своему столу, в угрюмом молчании. К каждой паре шахматистов был приставлен арбитр, и часы уже стояли рядом с досками. У Бет было девяносто минут добавленного времени, у Лученко – те же девяносто минут плюс оставшиеся от вчерашней партии тридцать пять. Об этом его преимуществе Бет совсем забыла, теперь же оказалось, что всего у соперника их три: белые фигуры, атакующая позиция и это самое дополнительное время.

Арбитр принес конверт, вскрыл его, показал обоим шахматистам лист бумаги с записанным Бет ходом и сделал его сам на доске, затем нажал на кнопку, запустив часы Лученко. Тот без колебаний выдвинул вперед пешку – на это Бет и рассчитывала. Она с некоторым облегчением смотрела, как соперник делает ход. Раздумывая над продолжением партии, она рассматривала разные варианты ответа Лученко – теперь все лишнее можно было исключить, чтобы не мешали. В другом конце помещения Боргов громко закашлялся и высморкался. Бет постаралась выкинуть из головы мысли о нем – с Борговым она играет завтра, сейчас надо сосредоточиться на партии с Лученко и осуществить все, что запланировано. Боргов, без сомнений, победит Дюамеля, и к завтрашнему утру на его счету по-прежнему не будет ни одного

поражения. Если она, Бет, хочет выиграть этот турнир, нужно спасти игру, которая продолжается сейчас на доске перед ней. Позиция Лученко после всех разменов сильнее, и это плохо, но у него есть слабая ладья, и за несколько часов размышлений Бет нашла три способа использовать эту фигуру против ее же владельца. Если она сумеет подобраться к ладье, можно будет разменять на нее слона и уравновесить силы.

Забыв об усталости, Бет взялась за дело. Задача была сложная и запутанная, а у Лученко имелся дополнительный запас времени. Решив развивать план действий, придуманный поздно ночью, она начала потихоньку отводить коня на ферзевом фланге поближе к пятому полю короля. Разумеется, Лученко был к этому готов – он тоже со вчерашнего утра анализировал продолжения и предвидел такой вариант развития событий. Возможно, не без помощи своих соотечественников. Но ведь Лученко мог что-нибудь упустить, и есть вероятность, что сейчас он тоже разглядит не все возможности. Бет вывела слона с диагонали, где стояла белая ладья, в надежде, что соперник не разгадает ее планы. Пока все выглядело так, что она атакует его пешечную формацию, вынуждая его к спонтанному наступлению. На самом же деле расположение белых пешек Бет не волновало – она хотела убрать с доски его ладью, хотела так страстно и отчаянно, что убила бы за это.

Лученко всего лишь переместил пешку в ответ. Он мог бы обдумать ход более тщательно – *должен был* обдумать, – но не сделал этого. Лученко пошел пешкой, а Бет почувствовала приятную дрожь волнения. Она сняла коня с диагонали и поставила его не на пятое поле короля, а на пятое поле ферзевого слона, предлагая фигуру в жертву белому ферзю. Если ферзь собьет ее коня, она возьмет белую ладью слонем. Само по себе это будет для ее позиции нехорошо: две фигуры, конь и слон, за одну ладью – слишком большая плата, – но Лученко может упустить из виду кое-что важное. Взамен Бет рассчитывала забрать его коня благодаря

перемещению ферзя. Это было красиво. Очень красиво. Она украдкой взглянула на соперника.

До этого Бет не смотрела на Лученко почти целый час, и теперь ее удивили произошедшие с ним изменения: он нервно ослабил узел галстука так, что с одной стороны задрался воротничок рубашки; белоснежные волосы были взъерошены, Лученко грыз ноготь на большом пальце, а его лицо как будто свело судорогой.

Он обдумывал положение на доске полчаса и не нашел хороших ходов, поэтому в конце концов сбил ее коня. Бет в ответ сбила его ладью – ей хотелось завопить от радости, когда белая ладья исчезла с доски, а Лученко взял ее слона. Она поставила шах, Лученко закрылся, и тогда Бет нацелилась пешкой на его коня, снова взглянув на соперника. Теперь в игре установилось равновесие сил. Лученко растерял всю свою элегантность – превратился в помятого стареющего мужчину в дорогом костюме, и до Бет внезапно дошло, что не она одна испытывает усталость от сыгранных за последние шесть дней партий. Лученко пятьдесят семь лет. Ей девятнадцать. И она пять месяцев тренировалась с Джолин в лексингтонском спортзале.

С этого момента Лученко перестал сопротивляться. Явных позиционных причин торопить его, чтобы признал поражение после потери коня, Бет не видела – теоретически игра продолжалась на равных. Пешки на его ферзевом фланге занимали сильные поля. Но она начала потихоньку теснить их, создавая едва различимые угрозы и параллельно проводя атаку на уцелевшего слона и заставляя вывести ферзя на защиту ключевой пешки. Когда он это сделал – вывел ферзя, чтобы не развалилась пешечная структура, – Бет уже знала, что соперник у нее в руках. Она сосредоточилась на его короле, разворачивая нападение.

У Лученко в запасе был почти час игрового времени. На циферблате Бет оставалось двадцать пять минут, но она потратила двадцать на продумывание атаки, а потом нанесла молниеносный удар, выдвинув пешку королевской ладьи на четвертую горизонталь.

Это было открытое заявление о намерениях, и Лученко долго размышлял, прежде чем сделал ответный ход. Бет использовала это время, чтобы просчитать все потенциальные последствия каждого хода, который он сейчас мог совершить, и нашла ответ на любой вариант. Когда он наконец вывел ферзя на защиту, Бет намеренно пренебрегла возможностью сбить одну из его атакующих пешек и переместила свою пешку королевской ладьи на одно поле вперед. Ход был блистательный – она это знала, и сердце наполнилось ликованием. Бет снова взглянула на соперника.

Лученко сидел в глубокой задумчивости, словно читал философский трактат и только что отложил книгу, чтобы осмыслить сложный тезис. Его лицо казалось серым, на сухой коже отчетливее проступили тонкие морщины. Он снова грыз ноготь на большом пальце, и Бет с ужасом увидела, что его вчерашний идеальный маникюр испорчен – все ногти обкусаны. Он вскинул на нее взгляд – мимолетный, усталый, в котором был весь огромный опыт и вся долгая карьера талантливого шахматиста, – затем еще раз, последний, посмотрел на черную ладейную пешку, стоявшую теперь на пятой горизонтали. И встал из-за стола.

– Превосходно! – сказал Лученко по-английски. – Прекрасная победа!

Это прозвучало так по-дружески, что Бет от изумления не нашла что ответить.

– Превосходно, – повторил он. Затем взял своего короля, задумчиво подержал его в руке, положил на доску и утомленно улыбнулся: – Сдаюсь с облегчением.

В его поведении не было ни капли злобы. Он говорил так искренне и естественно, что Бет внезапно устыдилась. Она протянула Лученко руку, и тот ее тепло пожал.

– Я играю ваши партии в уме с тех пор, как была совсем маленькой, – сказала она. – Я всегда вами восхищалась.

Лученко задумчиво смотрел на нее несколько секунд.

– Вам ведь девятнадцать?

– Да.

– Я читал записи ваших партий на этом турнире. – Он помолчал. – Вы чудо, моя дорогая. Пожалуй, сегодня мне довелось сыграть с лучшим шахматистом из тех, кого я встречал за всю жизнь.

Бет потеряла дар речи и просто смотрела на него, не в силах поверить в услышанное.

А Лученко снова ей улыбнулся:

– Вы еще привыкнете к комплиментам.

Боргов с Дюамелем закончили свою партию чуть раньше, и оба уже покинули комнату. Когда ушел Лученко, Бет приблизилась ко второй шахматной доске и взглянула на фигуры, стоявшие в финальной позиции. Черные сбились в кучку в тщетной попытке защитить своего короля, белая артиллерия нацелилась на них из всех углов, а черный король лежал на боку. Боргов играл белыми.

В вестибюле отеля навстречу Бет вскочил с кресла у стены какой-то мужчина и с широкой улыбкой устремился к ней:

– Мои поздравления!

Она узнала мистера Бута и спросила:

– Что у вас случилось?

Он с виноватым видом развел руками:

– Как всегда, Вашингтон придумал пару дел.

Бет собралась было высказать ему накипевшее, но промолчала. В конце концов, она была рада уже тому, что этот человек ей ничем не докучал.

У мистера Бута под мышкой была сложенная газета «Правда», и он протянул ее Бет. Та не сумела разобрать жирный кириллический шрифт заголовков, но, развернув газету, увидела в низу первой полосы свою фотографию за игрой с Фленту. Статья занимала три колонки. Бет прочитала заголовок и даже ухитрилась его приблизительно перевести: «Невероятная сила из Соединенных Штатов».

– Очень мило, да? – улыбнулся мистер Бут.

– Подождите до завтра, – сказала Бет.

* * *

Лученко пятьдесят семь лет, но Боргову всего тридцать восемь, он играет в любительской футбольной команде, а в студенческие годы получил спортивный разряд по метанию копья. Ходят слухи, что он занимается с гантелями и штангой во время турнира и местные власти специально для него открывают тренажерный зал поздно вечером. Боргов не пьет и не курит. Звание мастера получил в возрасте одиннадцати лет. А больше всего тревожит то, что среди его партий, опубликованных в журналах «Шахматный вестник» и «Шахматы в СССР», очень мало проигранных.

Зато она, Бет, играет белыми. Нужно будет изо всех сил уцепиться за это преимущество. Она применит ферзевый гамбит. Несколько месяцев назад Бенни обсуждал с ней это часами, и в конце концов они оба пришли к выводу, что, если ей выпадет играть против Боргова белыми, наиболее подходящего дебюта не найти. Бет не хотела начинать партию с сицилианской защиты, хоть и знала ее вдоль и поперек. А ферзевый гамбит был лучшим способом от нее уклониться. Она, Бет, сумеет помешать Боргову развить этот вариант. Проблема заключается в том, что Боргов никогда не делает ошибок.

Когда Бет вышла на сцену в зрительном зале, набитом битком – сегодня здесь было больше людей, чем раньше, и даже больше, чем представлялось возможным; они заняли все места, стояли в проходах и позади последнего ряда кресел, – в огромной аудитории сразу смолкли все голоса. Бет взглянула на Боргова – он уже сидел за столом, поджидая ее, и она вдруг поняла, что ей предстоит столкнуться не только с его беспощадным стилем игры в шахматы, но и со своим собственным страхом перед этим человеком. Она боялась Боргова с той самой минуты, как впервые увидела его в зоопарке Мехико, у клетки с гориллами. Сейчас он спокойно смотрел на свой черный лагерь в начальной позиции, но от одного взгляда на него у Бет перехватило дыхание и сердце дало сбой. В

этой массивной неподвижной фигуре, замершей у шахматной доски, не было и намека на слабость. Боргов словно отгородился незримой стеной от Бет и от тысячи людей, смотревших на него в этот момент. Он был похож на грозную икону. Он был как наскальный рисунок в пещере.

Бет, медленно приблизившись, села на стороне белых фигур. Раздались приглушенные, осторожные аплодисменты.

Арбитр запустил ее игровое время, и Бет вздрогнула, услышав тиканье часов. Она пошла пешкой на четвертое поле ферзя, не сводя глаз с доски – взглянуть сопернику в лицо у нее не хватало духу. На сцене начали партии еще три пары шахматистов. Бет слышала стук фигур, становящихся на поля, и щелканье кнопок над чужими циферблатами. Потом все стихло. Глядя на доску, она видела только руку Боргова – тыльную сторону кисти и короткие толстые пальцы с жесткими черными волосками на фалангах. Пальцы сомкнулись на пешке и перенесли ее на четвертое поле ферзя. Бет пошла пешкой на четвертое поле ферзевого слона, предлагая сопернику гамбитную жертву. Рука отклонила предложение, переставив королевскую пешку на четвертое поле. Боргов тем самым ответил ей на старинный лад – контргамбитом Альбина. Но Бет знала этот вариант отказанного ферзевого гамбита. Она взяла пешку, вскинула глаза на Боргова и тотчас отвела взгляд. Он сыграл пешкой на пятое поле ферзя. Лицо его было бесстрастным и совсем не таким пугающим, как она ожидала. Бет сделала ход королевским конем, Боргов – ферзевым. Балет на шахматной доске продолжился. Бет чувствовала себя крошечной и невесомой, совсем незначительной, казалась самой себе маленькой девочкой. Но сознание ее было ясным, и она знала, что делать дальше.

Седьмой ход Боргова был неожиданным, и сразу стало ясно, что он заготовлен заранее, специально для того, чтобы выбить соперницу из колеи. Бет потратила двадцать минут, пытаясь проникнуть в его замыслы, и в ответном ходе резко ушла от контргамбита Альбина, даже порадовавшись возможности начать

открытую игру. Теперь все зависело исключительно от тактик обоих шахматистов – партия превращалась в противостояние двух интеллектов.

Интеллект Боргова оказался блистательным – к четырнадцатому ходу русский добился равенства и даже некоторого преимущества. Бет старалась на него не смотреть и ожесточенно разыгрывала лучшую партию в своей жизни, развивая фигуры, повсюду выставляя защиту, выискивая любую возможность вскрыть вертикаль, расчистить диагональ, сдвоить пешки, высматривая потенциальные ловушки, «вилки», «шпаги»^[82], связки. На этот раз шахматная доска отчетливо нарисовалась и удерживалась в ее воображении, малейшее изменение баланса сил на ней фиксировалось мысленным взором, и смещение фигуры или пешки уравнивалось ответным ходом, но в любую секунду заключенная в них энергия могла высвободиться и взорвать всю структуру. Если позволить Боргову вывести ладью, это разнесет ее позицию в клочья. Если он подпустит ферзя Бет к вертикали слона, защита его короля будет опрокинута. Она не может допустить, чтобы он объявил шах слонем, а он не даст ей продвинуть вперед ладейную пешку. Несколько часов Бет не смотрела ни на соперника, ни на аудиторию, ни на арбитра. Все ее сознание заполнили осязаемые воплощения угрозы – слон, конь, ладья, пешка, король и ферзь; они оттянули на себя все внимание.

А потом прозвучало слово «откладываем» – его произнес Боргов по-английски. Бет непонимающе уставилась на свой циферблат: оказалось, ни один из флажков не упал, и у Боргова он даже ближе к критической отметке. У него осталось семь минут, у нее – пятнадцать. Бет взглянула на запись партии – последний ход был сороковым. Значит, Боргов хочет отложить партию... Она огляделась – сцена была пуста, другие партии уже закончились, шахматисты ушли.

Тогда она посмотрела на Боргова. Он не ослабил узел галстука, не снял пиджак, не взъерошил волосы нервным жестом и совсем не

выглядел усталым. Бет отвернулась. В тот момент, когда она увидела это бледное, враждебное лицо, ее охватил страх.

* * *

Мистер Бут сидел в вестибюле отеля, но на этот раз с ним были полдюжины репортеров – мужчина из «Нью-йоркского времени», женщина из «Ежедневного обозревателя», люди из информационных агентств «Рейтер» и Ю-Пи-Ай. Когда они подошли к Бет, та заметила и двух незнакомцев.

– Я зверски устала, – сказала она Буту.

– Еще бы. Но смею заверить, эти господа много времени у вас не отнимут.

Он представил Бет новых журналистов – один был из «Пари Матч», другой из «Времени». У второго она спросила:

– Я буду на обложке?

– А вы уверены, что победите? – отозвался он, и Бет не знала, что ответить.

Она умирала от страха, хотя силы обоих лагерей на доске были равны, а у нее появилась небольшая фора во времени. Пока что она не сделала ни единой ошибки. Но Боргов тоже не сделал.

Среди репортеров были два фотографа, Бет согласилась попозировать, а когда один из них спросил, нельзя ли сфотографировать ее за шахматами, она пригласила их в номер, где на столе лежала доска с отложенной позицией из партии с Лученко. Сейчас ей казалось, что эта партия сыграна давным-давно. Она сидела за столом, пока репортеры отщелкивали пленки, снимая ее и номер во всех ракурсах – ей это совсем не мешало, наоборот, Бет была рада присутствию людей. Как будто началась спонтанная вечеринка. Подкручивая линзы объективов и выстраивая кадр, репортеры задавали ей вопросы. Бет знала, что нужно выставить на доске позицию из отложенной партии с Борговым, сосредоточиться

на ней и разработать стратегию на завтра, но эта суета вокруг приятно отвлекала.

Боргов сейчас, наверное, у себя в номере, в гостиной, стоит у стола. Должно быть, с ним Петросян и Таль, а может, пришли еще Лученко, Лаев и остальные тяжеловесы советского шахматного истеблишмента. Они сняли дорогие пиджаки, закатали рукава рубашек и дружно высматривают слабые пункты, которые уже есть в ее позиции или появятся через десяток ходов; зондируют, прощупывают, обследуют лагерь белых, словно это ее собственное тело, а они – хирурги, готовые взмахнуть скальпелями. В этой картине, нарисовавшейся у Бет в голове, было что-то непристойное. Гроссмейстеры засидятся в гостиной Боргова за полночь, поужинают там же, за огромным столом, и все это время будут готовить коллегу к утреннему продолжению партии. Но Бет устраивало то, как она сама проводит вечер. Ей не хотелось думать об игре – она легко просчитает все варианты развития партии за пару часов после ужина. Проблема заключалась не в самой игре, и Бет это отлично понимала. Проблемой было ее отношение к Боргову. Поэтому она решила, что лучше о нем ненадолго забыть.

Репортеры спросили о «Метуэне», и Бет, как всегда, постаралась уклониться от этой темы, но один из них начал настаивать, и она вдруг, неожиданно для себя, проговорила:

– В приюте мне запретили играть в шахматы. В качестве наказания.

Журналист немедленно ухватился за эти слова – сказал, звучит по-диккенсовски.

– Почему они вас так наказали?

– Думаю, они просто были жестокими. По крайней мере, директор «Метуэн-Хоум», миссис Хелен Дирдорфф. Вы это напечатаете? – Бет посмотрела на репортера из журнала «Время».

Он пожал плечами:

– Если юристы из правового отдела дадут «добро». А они дадут, если вы завтра выиграте турнир.

– В приюте не все были жестокими, – сказала Бет. – Один молодой человек, по фамилии Фергюссен, хорошо к нам относился. Думаю, он нам сочувствовал.

– Кто же тогда научил вас играть в шахматы, если руководство приюта лишило вас этой возможности? – поинтересовался журналист из Ю-Пи-Ай, который раньше расспрашивал ее о первом дне пребывания в Москве.

– Его звали Шейбел, – сказала Бет, сразу вспомнив о фотографиях и вырезках из газет на перегородке в подвале. – Уильям Шейбел. Он работал в приюте уборщиком.

– Расскажите об этом поподробнее, – попросила женщина из «Обозревателя».

– Он научил меня играть в шахматы, и мы с ним играли в подвале.

Репортерам эта история понравилась. Мужчина из «Пари-Матч» с улыбкой покачал головой:

– *Уборщик* научил вас играть в шахматы?

– Именно так. – У Бет дрогнул голос, и она не смогла скрыть волнение. – Мистер Уильям Шейбел был прекрасным шахматистом. Много времени проводил за этой игрой и правда был очень хорош.

Когда репортеры ушли, Бет вытянулась во весь рост в огромной чугунной ванне, наполненной теплой водой. Потом надела джинсы, футболку и расставила фигуры на шахматной доске. Она принялась обдумывать варианты развития отложенной партии, но не прошло и минуты, как напряжение вернулось. В Париже на этом этапе ее позиция против Боргова выглядела даже сильнее – и она проиграла. Бет отвернулась от доски, подошла к окну и, раздернув шторы, посмотрела на Москву. Солнце было еще высоко, город казался ярким и жизнерадостным – совсем не таким, каким, по слухам, полагалось быть столице СССР. Вдали весело зеленел парк, где старики играли в шахматы. Однако страх никуда не исчез – Бет не верила, что у нее хватит сил одержать победу над Василием Борговым. Она не желала думать о шахматах. Будь в номере телевизор, она бы его включила, чтобы отвлечься. Будь здесь

бутылка спиртного – обязательно выпила бы. Мелькнула мысль позвонить в рум-сервис, но Бет вовремя ее отогнала.

Она вздохнула и вернулась к шахматной доске. Надо было хорошенько все проанализировать. К десяти утра у нее должен быть готов план.

* * *

Бет проснулась перед рассветом и некоторое время лежала в постели, прежде чем взглянуть на будильник. Было пять тридцать утра. Она проспала всего два с половиной часа. Решительно закрыв глаза, попыталась снова заснуть, но не вышло. Отложенная позиция сама собой нарисовалась перед глазами. Там были ее пешки, ее ферзь, и еще там был Боргов. Бет не могла выкинуть этот объемный образ из головы. Но в расположении фигур она не видела никакого смысла. Рассматривала их часами, весь вечер и всю ночь, пытаясь наметить план на последний этап партии, передвигала фигуры в своем воображении и на реальной шахматной доске, однако ничего не получалось. Она могла пойти пешкой ферзевого слона, или перенести коня на королевский фланг, или выдвинуть ферзя на второе поле слона. Да хоть на второе поле короля. Это если запечатанный ход Боргова – конь на пятое поле слона. А если он собирается пойти ферзем, варианты ее ответного хода будут другими. Если же Боргов хочет, чтобы она зря потратила время на прогноз развития событий, он записал на листе ход королевским слоном. Пять тридцать утра. Еще четыре с половиной часа до начала партии. У Боргова все ходы уже просчитаны и готов план продолжения игры, составленный с помощью других гроссмейстеров. Он сейчас, должно быть, спит как младенец. С улицы вдруг донесся шум – как будто где-то вдали взвыла сирена, – и Бет подскочила на кровати. Наверное, это советская пожарная

машина промчалась по соседней улице или что-то вроде того, но руки у Бет несколько секунд тряслись мелкой дрожью.

Она позавтракала *кашей* и яйцами, а потом опять уселась за шахматную доску. Было без пятнадцати восемь. Даже три чашки крепкого чая не помогли – мозг отказывался работать. Бет упрямо старалась сосредоточиться и дать волю механизмам мышления, предоставить воображению самостоятельно создавать комбинации, как она часто делала за шахматной доской, – но не вышло. Она не видела ничего, кроме возможных ответов на возможные угрозы Боргова. И эти ответы были пассивными. Он обыграл ее в Мехико и сделает это опять. Бет подошла к окну раздёрнуть шторы, а когда собиралась вернуться к доске, зазвонил телефон.

Она уставилась на аппарат. За неделю, прожитую ею в этом номере, телефон не звонил ни разу. Даже мистер Бут не пытался с ней связаться таким образом. А теперь аппарат заливался короткими трелями и не думал умолкнуть. Она сняла трубку. Какая-то женщина заговорила по-русски – Бет не поняла ни слова.

– Это Бет Хармон, – на всякий случай представилась она.

Женщина еще что-то сказала по-русски, потом в трубке защелкало, и зазвучал мужской голос, громкий и отчетливый, как будто звонили из соседней комнаты:

– Если он пойдет конем, бей его пешкой королевской ладьи. Если пойдет королевским слоном, делай то же самое. Потом вскрой вертикаль своего ферзя. Я на этом и погорел.

– *Бенни!* – воскликнула Бет. – Бенни, откуда ты...

– Вашу с Борговым отложенную партию напечатали в газете. У нас тут день в самом разгаре, и мы уже три часа ее обсуждаем. Со мной Левертов и Векслер.

– Бенни, – сказала Бет, – как приятно слышать твой голос.

– *Тебе нужно открыть вертикаль ферзя, ясно?* Есть четыре способа в зависимости от того, как поступит Боргов. У тебя причиндалы под рукой?

Бет покосилась на шахматную доску, разложенную на столе:

– Да.

– Тогда начнем с его хода конем на пятое поле слона. Ты идешь пешкой королевской ладьи. Расставила?

– Да.

– Отлично. Теперь у него три варианта действий. Первый: слон на четвертое поле слона. Если он сделает этот ход, твой ферзь запрыгнет прямо на четвертое поле короля. Боргов будет этого ожидать, но может упустить вот что: пешка на пятое поле ферзя.

– Не понимаю...

– Посмотри на его ферзевую ладью.

Бет закрыла глаза, представила шахматную доску с отложенной позицией – и увидела. Между ее слоном и черной ладьей стояла всего одна белая пешка, и если Боргов попытается эту пешку заблокировать, откроется путь для ее коня. Но Боргов со своей командой этого не упустит.

– Ему помогают Таль и Петросян.

Бенни присвистнул.

– В общем-то неудивительно, – сказал он. – Но давай дальше. Если он решит переместить ладью до того, как выйдет твой ферзь, куда он ее поставит?

– На вертикаль слона.

– А ты пойдешь пешкой на пятое поле ферзевого слона – и твоя вертикаль будет почти открыта.

Бенни был прав. Теперь такая перспектива казалась вполне возможной.

– А если он не сыграет слоном на четвертое поле слона?

– Стой, передаю трубку Левертову.

– Он может сыграть конем на пятое поле слона, – услышала Бет голос Левертова. – Я проработал дальнейшие ходы до твоего выигрыша темпа^[83].

Бет видела Левертова всего один раз, у Бенни в Нью-Йорке, и тогда не обратила на него особого внимания, но сейчас она готова была заключить его в объятия.

– Продиктуешь мне ходы?

Он принялся диктовать. План действий был сложный и запутанный, но Бет без труда разобралась, что он сработает как надо.

– Это очень красиво, – сказала она Левертову.

– Возвращаю тебе Бенни, – усмехнулся тот.

Они еще целый час вместе перебирали варианты и возможности, поле за полем, вертикаль за вертикалью. Бенни был великолепен, он продумал всё, и Бет начала видеть способы окружить Боргова, обойти его ловушки, ввести его в заблуждение, сломать защиту и заставить отступить.

Наконец она посмотрела на часы и сказала в трубку:

– Бенни, московское время – четверть десятого.

– Ладно, – отозвался Бенни. – Тогда иди и разгроми Боргова.

* * *

У здания собралась огромная толпа. Над центральным входом вывесили демонстрационную шахматную доску для тех, кто не попал в зрительный зал. Бет мгновенно узнала отложенную позицию, увидев ее из окна машины, когда водитель подруливал к боковому подъезду. Там, в лучах солнца, были пешка, которой она собиралась сделать ход, и вертикаль, которую нужно было открыть.

Толпа у бокового входа оказалась в два раза больше, чем вчера. Люди начали скандировать: «Хармон! Хармон!» – еще до того, как она открыла дверцу лимузина; большинство были пожилыми, они улыбались и протягивали к ней руки, словно хотели коснуться, когда она спешила мимо них к подъезду.

На сцене остался всего один стол, в самом центре. За ним уже сидел Боргов. Арбитр подошел к столу одновременно с Бет, а как только она села, вскрыл конверт и наклонился к доске. Он взял коня из лагеря Боргова и переставил его на пятое поле слона. Именно на

этот ход Бет и надеялась. Она выдвинула свою ладейную пешку на одно поле вперед.

Следующие пять ходов соответствовали схеме, которую они с Бенни подробно обсуждали по телефону, и Бет открыла вертикаль. Но на шестом ходу Боргов вывел уцелевшую ладью в центр доски, и когда Бет увидела ее там, на пятом поле черного ферзя, которое они с Бенни не предусмотрели ни в одном из вариантов, у нее упало сердце, и стало ясно, что своим звонком Бенни помог ей всего лишь приглушить страх на время, что она радостно ухватилась за возможность занять голову множеством потенциальных продолжений партии. Но Боргов выбрал свое, и готового ответа на его ход у Бет не было. Она опять осталась в одиночестве.

Усилим воли заставив себя поднять голову, Бет обвела взглядом зрителей. Она играла здесь уже несколько дней, но размеры зала по-прежнему поражали воображение. Бет снова с неуверенностью посмотрела на доску, на черную ладью в центре. Нужно было что-то сделать с этой ладьей. Она закрыла глаза. И доска мгновенно обрела четкие очертания в уме, представилась с такой же ясностью, как в детстве, в уютной девчачьей спальне. Бет, не открывая глаз, пристально изучила позицию. Положение на доске было сложным – сложнее всего, что ей попадалось в шахматных журналах и книгах, да еще здесь не было подсказки в виде напечатанной на бумаге нотации со следующими ходами, комментариями и фамилией победителя. В этой позиции она не видела ни отсталых пешек, ни других слабостей, ни ясной схемы атаки для обоих лагерей. Материального превосходства тоже ни у кого не было, но эта ладья Боргова доминировала на доске, как танк на поле битвы, где сражаются кавалеристы. Она стояла на черном квадрате, а чернопольный слон Бет выбыл из игры. Ее пешки тоже не могли устроить атаку на ладью. Понадобится три хода, чтобы подвести к ней коня достаточно близко, а белая ладья застряла в своем углу на начальном поле. Ладье Боргова можно противопоставить только ферзя, но где тут для него безопасное место?

Бет подперла щеки кулаками, по-прежнему не открывая глаз. Ее ферзь с безобидным видом стоял в последнем ряду, на поле ферзевого слона, так и не сдвинувшись оттуда после девятого хода. Он мог выйти только по диагонали, где для него было три свободных поля, но каждое выглядело слабым. Бет изучила все три по отдельности, решила проигнорировать их слабость и выбрала пятое поле королевского коня. Увидев там ее ферзя, Боргов переместит ладью и займет вертикаль за один ход. Для нее положение станет катастрофическим, если она не найдет контрход – шах или угрозу черному ферзю. Но шах можно поставить только слоном, а это будет чистая жертва – Боргов просто собьет его своим ферзем. Зато после этого она сможет атаковать его ферзя конем. И куда Боргов отведет ферзя? На одно из двух черных полей. В сознании Бет забрезжил план. Можно нанести двойной удар конем по его королю и ферзю, подставив собственного ферзя. Тогда Боргов возьмет ее ферзя, а она и так уже лишилась слона. Зато ее конь займет выгодную позицию для второй «вилки». Она возьмет слона Боргова, и никакой жертвы с ее стороны тут не будет – равенство восстановится, белый конь получит возможность атаковать черную ладью.

Она открыла глаза, сощурилась от яркого света и сделала ход ферзем. Боргов пошел ладьей. Бет без колебаний поставила шах слоном и замерла в ожидании, что Боргов собьет ее слона ферзем. Он смотрел на доску дольше обычного, и Бет на секунду затаила дыхание – *неужели она что-то упустила?* – затем снова зажмурилась, холодея от страха, и мысленно еще раз оценила позицию. Боргов может сделать ход королем, вместо того чтобы брать ее слона. Он может вывести...

И вдруг с другой стороны стола до нее донесся голос соперника, который произнес невероятное слово: «Ничья». Оно прозвучало как утверждение, а не как вопрос. *Боргов предложил ей ничью.* Бет открыла глаза и посмотрела ему в лицо. Он никогда и никому не предлагал ничью, а сейчас готов завершить таким образом партию с ней. Она может принять предложение, и турнир закончится – они

оба встанут из-за стола под гром аплодисментов, и она, Бет, покинет сцену бок о бок с чемпионом мира. Ее вдруг охватила слабость, а внутренний голос отчетливо шепнул: «Соглашайся!»

Бет снова посмотрела на доску – на настоящую, лежавшую перед ней, – и увидела назревающий эндшпиль, который начнется, едва осядет пыль сражения в миттельшпиле. Боргов в эндшпилях действует смертоносно, он этим и знаменит. А Бет всегда их ненавидела – у нее вызывала отвращение даже книга Ройбена Файна, посвященная шахматным окончаниям. Надо соглашаться на ничью. Все назовут это солидным достижением с ее стороны.

Однако ничья – это ведь не победа. А победы были единственной страстью в ее жизни. Она опять взглянула Боргову в лицо, увидела, к своему удивлению, что он устал, и покачала головой: *нет*.

Он пожал плечами и сделал ход – взял ее слона. На секунду Бет почувствовала себя идиоткой, но немедленно отогнала лишние мысли и атаковала его ферзя конем, оставив собственного ферзя en prise^[84]. Боргов перенес своего ферзя ровно туда, куда и предполагалось, и Бет поставила вторую «вилку» конем. Боргов отвел короля, и она смела его ферзя с доски. Он взял взамен ее ферзя. Бет атаковала его ладью, и он отвел фигуру на одно поле назад. В этом и был весь смысл последовательности ходов, начавшейся со слона – ограничить оперативный простор ладьи, заставив ее отступить на менее сильное поле. Однако Бет не совсем себе представляла, что делать дальше. Нужно быть осторожной – они вступают в ладейно-пешечное окончание, любая неточность в действиях может дорого обойтись. На миг Бет показалась, что она в тупике: воображение перестало работать, цель следующего хода не видна, а в душе только страх совершить ошибку. Она в очередной раз зажмурилась. У нее осталось полтора часа игрового времени, а это значит, что можно все тщательно обдумать и найти верное решение.

Она не открывала глаза для того, чтобы взглянуть на циферблат, на Боргова или на огромную толпу зрителей, пришедших сюда

наблюдать за ее игрой. Она выбросила из головы все лишнее и теперь перед ней была только воображаемая шахматная доска с запутанной тупиковой позицией. Теперь ей было уже не важно, кто играет черными и где находится реальная доска – в Москве, в Нью-Йорке или в подвале приюта. Пространство воображения, в котором развивался эндшпиль, принадлежало только ей.

Она даже не слышала, как тикали часы – в пространство воображения не долетали звуки. В молчании ее мысль скользила над поверхностью шахматной доски, складывая и разрушая комбинации фигур так, чтобы черные не смогли остановить продвижение белой пешки, которую еще предстояло выбрать. Потом она увидела, что это должна быть пешка королевского коня, стоящая на четвертой горизонтали, мысленно передвинула ее на пятую и обдумала действия черного короля, который попытается преградить ей дорогу. Короля остановит белый конь, создав угрозу ключевой черной пешке. Если белая пешка нацелится на шестую горизонталь, ее ход нужно подготовить заранее. Поиски пути заняли много времени, но Бет упорно обдумывала этот план. Ее ладья будет ключевой фигурой «шпаги» – за четыре хода она создаст угрозу двойного сквозного нападения, – но пешка может продвигаться вперед, пусть медленно и постепенно. И теперь предстояло сделать ход пешкой – другого выхода не было.

На секунду разум дал сбой от усталости, и воображаемая доска перед глазами потеряла резкость. Бет услышала свой собственный вздох, когда пыталась вернуть ясность внутреннему зрению. Прежде всего пешку королевского коня надо поддержать ладейной пешкой, а передвинуть сейчас ладейную пешку означает принести в жертву еще одну пешку на другой стороне доски. Это даст черным возможность вывести свою пешку в ферзи за три хода, и будет стоять белым ладья, которой придется эту пешку ликвидировать. Тогда белая пешка королевского коня, оказавшись на время в безопасности, проскользнет на седьмую горизонталь, а когда на нее начнет надвигаться черный король, белая ладейная пешка будет тут

как тут, чтобы удержать его на месте. Финальным ходом станет скачок на восьмую вертикаль и превращение в ферзя.

Бет выстроила этот план на двенадцать ходов вперед от той позиции, которая была сейчас перед глазами у Боргова, с помощью догадок и предположений об ответных действиях соперника, обретавших зримую форму на воображаемой доске. В реальности этот план невыполним. Она не видела возможности занять пешкой это последнее, триумфальное, поле – черный король сметет ее с доски до превращения в ферзя, как не успевший распуститься цветок. В отличие от него для самой Бет белая пешка теперь казалась неподъемной – она провела эту пешку так далеко, но дальше пути нет. Безнадежно. Она устроила мощнейший мозговой штурм – и все напрасно. Пешка не станет ферзем.

Бет утомленно откинулась на спинку стула, по-прежнему не открывая глаз, и позволила яркой картинке в воображении на время померкнуть. Затем она снова ясно представила доску – настроила резкость, чтобы взглянуть на позицию в последний раз. И вдруг с одного взгляда увидела решение. Боргов использовал слона для расправы над ее ладьей и сейчас его слон не может остановить белого коня. *Конь удержит черного короля в стороне.* Белая пешка превратится в ферзя, а затем последует мат в четыре хода. Мат на девятнадцатом ходу от позиции на реальной доске.

Она открыла глаза и, ослепленная ярким светом на сцене, несколько раз моргнула, прежде чем смогла взглянуть на свой циферблат. У нее осталось двенадцать минут. Она просидела с закрытыми глазами больше часа. Если в ее мысленных построениях обнаружится ошибка, на новую стратегию времени не будет. Бет подалась вперед и перенесла пешку королевского коня на пятую горизонталь. От этого движения плечи резануло болью – за прошедший час мышцы затекли.

Боргов выдвинул короля против ее пешки. Бет пошла конем, вынуждая соперника защищаться. Все развивалось именно так, как было на воображаемой доске. Скованное напряжением тело

постепенно расслаблялось, и с каждым ходом все сильнее становилось приятное чувство спокойствия. Бет стремительно переставляла фигуры, уверенно нажимала на кнопку над своим циферблатом, и постепенно ответные ходы Боргова стали замедляться – теперь ему требовалось гораздо больше времени на размышления. Бет видела, что его рука неуверенно замирает на миг, прежде чем взять и переместить фигуру. Когда двойной сквозной удар был подготовлен и белая пешка поползла к шестой горизонтали, Бет взглянула сопернику в лицо. Его выражение не изменилось, но Боргов вдруг порывисто провел рукой по волосам. Бет охватила дрожь волнения.

Она выдвинула пешку на седьмую горизонталь – и услышала шумный выдох, будто соперник получил от нее удар в живот. Он очень долго думал, прежде чем заблокировать пешку королем.

Бет промедлила всего секунду и занесла руку над доской, а когда ее пальцы коснулись фигуры коня, исходившая от него энергия была почти физически ощутимой. На Боргова Бет не смотрела.

Она опускала коня на новое поле в полной тишине. Через мгновение с другой стороны стола долетел вздох, и Бет вскинула глаза. Волосы Боргова были взъерошены, на губах застыла кривая усмешка.

– Ваша победа, – сказал он по-английски. Затем встал из-за стола, взял своего короля и, вместо того чтобы уложить его набок, протянул фигуру Бет над доской: – Берите.

Из зала донеслись набиравшие силу аплодисменты. Бет, сжав черного короля в кулаке, обернулась к огромной аудитории – и на нее обрушилась овация. Люди вставали между рядами, хлопая все громче и громче. Бет принимала эту волну восторга всем телом, чувствуя, как у нее краснеют и начинают пылать щеки, ощущая жар, от которого ее бросило в пот, а громовая овация заглушила в голове все мысли.

Потом она обнаружила, что Боргов стоит совсем рядом, и вдруг, к ее величайшему удивлению, он протянул руки, обнял ее и тепло

прижал к себе.

* * *

На приеме в посольстве к ней подошел официант с подносом, на котором стояли бокалы шампанского – Бет покачала головой, хотя вокруг все пили и обращались к ней с тостами. Сам посол не отходил от нее минут пять, тоже предложил шампанское, но она раздобыла себе стакан с газировкой. Еще попробовала черный хлеб с икрой и все время отвечала на вопросы – в зале приемов присутствовали около дюжины американских репортеров и несколько русских. Пришел Лученко – он снова выглядел великолепно, – однако Бет все же расстроилась из-за того, что не явился Боргов.

Была середина дня, а она еще не обедала и теперь ничего не ощущала, кроме слабости, усталости и опустошения. Бет всегда терпеть не могла вечеринки и, несмотря на то что ее принимали здесь, как королеву, чувствовала себя на этом торжестве неуместной. Некоторые посольские работники смотрели на нее странно, будто она казалась им каким-то диковинным существом, говорили ей, что сами ничего не смыслят в шахматах или что играли в них только в детстве. Бет больше не могла об этом слышать. Ей хотелось чем-нибудь заняться – чем угодно, лишь бы очутиться подальше от этих людей.

Она пробралась сквозь толпу гостей, поблагодарила женщину из Техаса, которая отвечала за организацию приема, и сказала мистеру Буту, что ей нужно вернуться в отель.

– Я вызову водителя, – отозвался он.

Перед тем как уйти, Бет отыскала Лученко. Он стоял в компании других русских, безупречно одетых и явно получавших удовольствие от вечера. Бет протянула ему руку:

– Играть с вами было для меня честью.

Лученко пожал ее ладонь и слегка поклонился – на секунду Бет почудилось, что он собирается поцеловать ей руку, но шахматист не стал этого делать. Он взял ее руку в обе ладони, обвел взглядом зал и сказал:

- Все это совсем не похоже на шахматы.
- Вы правы, – улыбнулась Бет.

* * *

Посольство находилось на улице Чайковского^[85], и обратный путь, пролежавший по дорогам с оживленным движением, занял полчаса. Бет мало что видела в Москве, а завтра утром ей уже надо было улетать, но даже смотреть по сторонам в окна машины не хотелось. Ей вручили памятный приз и денежное вознаграждение после партии с Борговым. Она дала несколько интервью, приняла поздравления, чувствовала себя свободной, но не знала, куда пойти и чем заняться. Наверное, стоит немного вздремнуть, потом поужинать и лечь спать пораньше. *Она его победила.* Победила советский шахматный истеблишмент, разгромила Лученко, Шапкина, Лаева и вынудила сдаться Боргова. Вероятно, через два года ей предстоит побороться с Борговым за звание чемпиона мира по шахматам. Сначала нужно будет выиграть в матче претендентов^[86], но она с этим справится, а потом встретится с Борговым на нейтральной территории, лицом к лицу, и сыграет с ним матч из двадцати четырех партий. Ей тогда будет двадцать один год. Но сейчас думать об этом не хотелось. Бет закрыла глаза и задремала на заднем сиденье лимузина.

Когда она очнулась и сонно огляделась, машина стояла на светофоре. Справа впереди зеленел лесопарк, который было видно из окна ее номера в отеле. Бет, встрепенувшись, наклонилась к водителю:

- Высадите меня у парка.

Солнечный свет просачивался сквозь кроны деревьев у нее над головой. Все скамейки, как и в прошлый раз, были заняты, как ей казалось, теми же самыми людьми. Знают ли они, что за девушка шагает мимо по тропинкам, – не имело значения. Бет направлялась к большой поляне. Никто на нее не смотрел. Она подошла к павильону и поднялась по истертым ступеням.

В середине первого ряда бетонных столов сидел мужчина лет шестидесяти пяти, один напротив шахматной доски с расставленными фигурами и пешками. На нем были обычная серая кепка и серая хлопчатобумажная рубашка с закатанными рукавами. Когда Бет остановилась около стола, старик вопросительно взглянул на нее, но в его глазах не было узнавания. Она села напротив, со стороны черного лагеря, и спросила, тщательно выговаривая русские слова:

– Сыграем в шахматы?

УОЛТЕР ТЕВИС

ХОД КОРОЛЕВЫ

СМОТРИ СЕРИАЛ — ЧИТАЙ КНИГУ

NETFLIX

A NETFLIX
ORIGINAL SERIES

Сноски

1

Нью-Сёркл-роуд – национальная трасса в американском штате Кентукки. – *Здесь и далее примеч. пер.*

[Вернуться](#)

2

Пятница – рыбный день у католиков.

[Вернуться](#)

3

Американский протестантский госпел на слова поэта и композитора Ноулза Шоу (1834–1878).

[Вернуться](#)

4

Персонажи романа используют описательную шахматную нотацию, которая была широко распространена в англо- и испаноязычных странах, а также в Португалии, и использовалась на официальных соревнованиях до 1980-х годов, когда от нее отказалась ФИДЕ. В описательной нотации, в отличие от общепринятой алгебраической, вертикали шахматной доски обозначаются первыми буквами названий фигур в начальной позиции с указанием фланга для парных. Слева направо: QR, QN, QB, Q, K, KB, KN, KR; соответственно это вертикали ферзевой ладьи, ферзевого коня, ферзевого слона, ферзя, короля, королевского

слона, королевского коня и королевской ладьи. Нумерация горизонталей, обозначенных арабскими цифрами от 1 до 8, ведется со стороны каждого из игроков, то есть первый ряд черных является восьмым для белых, и наоборот. Упомянутый в реплике ход «белые идут пешкой на четвертое поле ферзя» в описательной нотации выглядит так: P-Q4 (P – pawn, «пешка»).

[Вернуться](#)

5

Крекер – презрительное обозначение белых, такое же неpolitкорректное, как «ниггер» по отношению к афроамериканцам.

[Вернуться](#)

6

Здесь и далее цитируются строки из поэмы У. К. Брайанта «Танатопсис» в переводе А. Плещеева.

[Вернуться](#)

7

«*Отсталая пешка*» не может встать на одну горизонталь с соседними пешками своего цвета, теряет защиту и мешает действиям фигур собственного лагеря.

[Вернуться](#)

8

«*Вилка*» – одновременное нападение на несколько шахматных фигур соперника.

[Вернуться](#)

9

«Уитманс» – один из старейших американских брендов шоколада.

[Вернуться](#)

10

«Багряница» – американский художественный фильм 1953 г. о временах Римской империи с библейскими мотивами. Виктор Мэтьюр (1913–1999), американский киноактер, играет в нем греческого раба Деметрия, чей хозяин, римский военный трибун, выиграл в кости одежду распятого Христа.

[Вернуться](#)

11

Пешка на четвертое поле ферзевого слона. В алгебраической шахматной нотации это ход с7-с5.

[Вернуться](#)

12

Второе название защиты (дебюта) Руи Лопеса – «испанская партия».

[Вернуться](#)

13

«Я люблю Люси» – очень популярный американский комедийный сериал, вышедший в 1951–1957 гг. «Дымок из ствола» – не менее популярный сериал о Диком Западе, транслировавшийся с 1955 по 1975 год.

[Вернуться](#)

14

Анацин – таблетки от головной боли, аналог анальгина.

[Вернуться](#)

15

Роза Бонёр (1822–1899) – французская художница-анималистка.

[Вернуться](#)

16

Пол Морфи (1837–1884) – американский шахматист, считавшийся в середине XIX века сильнейшим в мире; Михаил Ботвинник называл его гениальным.

[Вернуться](#)

17

Дайм – монета в 10 центов.

[Вернуться](#)

18

«*Репортаж Хантли и Бринкли*» – вечерняя новостная программа, выходившая в США с 1956 по 1970 г. на канале NBC.

[Вернуться](#)

19

Без рейтинга.

[Вернуться](#)

20

«*Бэт Мастерсон*» – многосерийный вестерн, выходивший в США на канале NBC с 1958 по 1961 г.

[Вернуться](#)

21

Фианкетто – фланговое развитие слона в шахматных дебютах.

[Вернуться](#)

22

«*Неправильное начало*» – общее обозначение для редко используемых дебютов.

[Вернуться](#)

23

Рок Хадсон (1925–1985) – американский актер.

[Вернуться](#)

24

«Грейхаунд лайнс» – американская автобусная компания, существующая под этим названием с 1929 г.

[Вернуться](#)

25

Уильям Говард Тафт (1857–1930) – 27-й президент США (1909–1913), уроженец города Цинциннати.

[Вернуться](#)

26

«Древенщина в Беверли-Хиллз» – американский комедийный сериал, выходивший на канале CBS с 1962 по 1971 г.

[Вернуться](#)

27

Спумони – итальянский десерт из нескольких слоев разноцветного мороженого.

[Вернуться](#)

28

Юго-Запад – разговорное название обширного региона в США, куда входят штаты Аризона, Нью-Мексико, Оклахома, Техас, часть Юты и Колорадо.

[Вернуться](#)

29

В те времена Таймс-сквер имела дурную славу криминального района, где процветали игорный бизнес и проституция.

[Вернуться](#)

30

«*Рокетс*» – женский танцевальный коллектив, выступающий на Манхэттене с 1932 г. и по сей день.

[Вернуться](#)

31

«*Жизнь*» (Life) – популярный журнал, посвященный в основном фоторепортажам; еженедельно выходил в США с 1936 по 1972 г.

[Вернуться](#)

32

Ллойд Нолан (1902–1985) – американский киноактер.

[Вернуться](#)

33

Мел Бланк (1908–1989) – американский комик, озвучивавший мультфильмы студии «Уорнер Бразерс».

[Вернуться](#)

34

«*Риппл*» – дешевое крепленое вино низкого качества, не слишком крепкое, попросту бормотуха. Было популярно в США, особенно среди студентов колледжей и университетов.

[Вернуться](#)

35

Американский галлон равен 3,79 литра.

[Вернуться](#)

36

«Булова» – товарный знак одноименной нью-йоркской компании, производящей часы и другие изделия точной механики.

[Вернуться](#)

37

Пиво «Корона» (*исп.*).

[Вернуться](#)

38

А почему бы нет? (*исп.*)

[Вернуться](#)

39

Алан Уоттс (1915–1973) – британский философ, некоторое время служивший епископальным священником; популяризатор религиозных и эзотерических идей Востока на Западе.

[Вернуться](#)

40

Фольклорико – общее название для традиционных мексиканских танцев, сочетающих в себе народные традиции и элементы балета.

[Вернуться](#)

41

Пиво «Корона», пожалуйста (*исп.*).

[Вернуться](#)

42

Большое спасибо (*исп.*).

[Вернуться](#)

43

Ребосо – прямоугольная шаль, традиционный женский аксессуар в испаноязычных странах Латинской Америки.

[Вернуться](#)

44

«*Кабрито*» – дорогая марка мексиканской текилы.

[Вернуться](#)

45

Отказанный ферзевый гамбит – разновидность ферзевого гамбита, в которой черные отказываются принимать жертву белой пешки.

[Вернуться](#)

46

С большим удовольствием (*исп.*).

[Вернуться](#)

47

Кофе с молоком (*исп.*).

[Вернуться](#)

48

Аптека (*исп.*).

[Вернуться](#)

49

«*Стаунтон*» – дизайн шахматных фигур, разработанный в середине XIX века в Англии и ставший классическим. Назван в честь Говарда Стаунтона (1810–1974), признанного сильнейшим шахматистом мира того времени.

[Вернуться](#)

50

Франсуа-Андре Даникан Филидор (1726–1795) – французский композитор, автор комических опер и мотетов, а также основоположник стратегии шахмат, автор книги «Анализ шахматной игры» и один из сильнейших шахматистов XVIII века.

[Вернуться](#)

51

Вариант шахмат, в котором игрок не смотрит на доску, ход соперника объявляется для него вслух, а фигуры передвигает посредник.

[Вернуться](#)

52

Йорген Бент Ларсен (1935–2010) – датский гроссмейстер, один из сильнейших шахматистов мира в 60–70-е гг. XX в.

[Вернуться](#)

53

Джордж Колтановский (1903–2000) – бельгийский и американский шахматист, четырехкратный чемпион Бельгии, мировой рекордсмен по количеству партий, сыгранных вслепую.

[Вернуться](#)

54

«*Черная сила*» (Black Power) – общее название и слоган различных идеологических движений за гражданские права афроамериканцев во второй половине 1960-х – начале 1970-х гг.

[Вернуться](#)

55

«*Полным-полно орехов*» (Chock Full O’Nuts) – бренд сети нью-йоркских кофеен, владельцы которой начинали с магазина орехов.

[Вернуться](#)

56

Фред Рейнфельд (1910–1964) – американский шахматный журналист и инструктор, входивший в 1930-е гг. в число сильнейших шахматистов США.

[Вернуться](#)

57

Парижанки (*фр.*).

[Вернуться](#)

58

...всего из двух частей (*фр.*).

[Вернуться](#)

59

Пристанище; городская квартира или дом, где не живут постоянно (*фр.*).

[Вернуться](#)

60

Извините, мадам (*фр.*).

[Вернуться](#)

61

Крепкий кофе, приготовленный в кофеварке (*фр.*).

[Вернуться](#)

62

Правовой титул – документ, подтверждающий исключительное право владения собственностью.

[Вернуться](#)

63

Спаржа с уксусной заправкой (*фр.*).

[Вернуться](#)

64

«*Вечернее шоу*» – очень популярное и старейшее в истории телевидения США ток-шоу; транслируется каналом NBC с 1954 г. под названием Tonight и с 1962 г. – под названием The Tonight Show.

[Вернуться](#)

65

«*Новости недели*» (Newsweek) – второй по тиражу еженедельник в США, издававшийся с 1933 по 2012 г.

[Вернуться](#)

66

Вера Францевна Менчик (1906–1944) – британская шахматистка, родившаяся в России, первая победительница первого в мире женского чемпионата по шахматам.

[Вернуться](#)

67

WLEX (WLEX-TV) – дочерний телеканал NBC (Национальной широкоэвещательной компании США) в городе Лексингтоне штата Кентукки.

[Вернуться](#)

68

Дайана Росс (р. 1944) и *Лина Хорн* (1917–2010) – американские певицы и киноактрисы.

[Вернуться](#)

69

«*Время*» (Time) – еженедельный новостной журнал, один из самых популярных в США.

[Вернуться](#)

70

Барбара Уолтерс (р. 1929) – американская журналистка, телеведущая и продюсер, прославившаяся «сенсационными интервью».

[Вернуться](#)

71

Сьюзен Хэйворд (1917–1975) – американская актриса, обладательница «Оскара» за роль в фильме «Я хочу жить!» (1958).

[Вернуться](#)

72

Примерно 18 кг.

[Вернуться](#)

73

«Солсберийский стейк» – котлета из говяжьего фарша с соусом.

[Вернуться](#)

74

«Да устыдится тот, кто плохо об этом подумает» (*фр.*). Девиз ордена Подвязки.

[Вернуться](#)

75

«Немецкий шахматный журнал» (*нем.*).

[Вернуться](#)

76

У автора *Shakmatni v USSR*.

[Вернуться](#)

77

«Шахматы. Европа» (*фр.*). Французский ежемесячный шахматный журнал.

[Вернуться](#)

78

«*Интурист*» – советская туристическая компания, основанная в 1929 г.

[Вернуться](#)

79

Фил Донахью (р. 1935) – знаменитый американский журналист; с 1967 г. вел телепередачу «Шоу Фила Донахью» и считается основоположником ток-шоу.

[Вернуться](#)

80

«*Монтгомери Уорд и К°*» – компания, занимавшаяся торговлей по почте с доставкой на дом; была основана в США в 1872 г. и ориентирована на сельских жителей.

[Вернуться](#)

81

Нона Терентьевна Гаприндашвили (р. 1941) – советская чемпионка мира по шахматам среди женщин (1962) и первая в истории шахмат женщина, удостоенная звания международного гроссмейстера среди мужчин (1978).

[Вернуться](#)

82

«*Шпага*» на шахматном сленге – двойное сквозное нападение.

[Вернуться](#)

83

Выигрыш темпа в шахматах означает опережение соперника на один или несколько ходов в воплощении какого-либо замысла.

[Вернуться](#)

84

Под боем (*фр.*).

[Вернуться](#)

85

В 1994 г. улице Чайковского было возвращено прежнее название Новинский бульвар.

[Вернуться](#)

86

Матчи претендентов – этап соревнований на первенство мира по шахматам.

[Вернуться](#)